

Московский государственный институт  
Международных отношений МИД РФ  
(МГИМО-Университет)  
Американский Университет в Москве

Г.К. Ашин. Э.А. Лозанский. С.А. Кравченко

# СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ  
И АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

Учебное пособие  
для высших учебных заведений

ЭКЗАМЕН



УДК 316.3/4  
ББК 60.56  
А98

**Г.К. Ашин, С.А. Кравченко, Э.Д. Лозанский**

**А98 Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий. — М.: Экзамен, 2001. — 608 с.**

**ISBN 5-8212-0233-7**

Учебное пособие отличается новым подходом изложения социологии политики, учитывая основные школы и направления классической и современной социологии политики. Содержание тесно увязано с кросскультурным анализом российских и американских политических реалий. Рассматриваются российские и американские политические элиты, их генезис, сравнительный анализ. Раскрываются процессы образования и рекрутирования российской и американской политической элиты. Специальный раздел посвящен выявлению особенностей ментальности россиян и американцев, влиянию национальных характеров на выбор политических стратегий.

Книга рассчитана на студентов, аспирантов, преподавателей, лиц, изучающих социологию, политологию, международные отношения.

**УДК 316.3/4  
ББК 60.56**

**ISBN 5-8212-0233-7**

© Г.К. Ашин, С.А. Кравченко, Э.Д. Лозанский, 2001  
© Издательство «ЭКЗАМЕН», 2001

# СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	8
---------------	---

## *Раздел I.*

### *Классические и современные теории политики*

<b>Тема 1. ПОЗИТИВИСТСКИЕ ТЕОРИИ: ПОИСК ОБЪЕКТИВНЫХ ЗАКОНОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ .....</b>	<b>16</b>
--	-----------

1. О. Конт и Г. Спенсер: законы социального прогресса,  
факторы, формирующие свободного человека ..... 17
2. Э. Дюркгейм: влияние разделения труда на  
общественную солидарность, аномию, права и свободы.....29

<b>Тема 2. М. ВЕБЕР: ОТ РАЦИОНАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ ИНДИВИДА К РАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ.....</b>	<b>48</b>
--	-----------

1. Социальные действия:  
как они влияют на характер политических реалий.....49

2. Исследование политики через интерпретацию действий и их идеально-типическое моделирование .....	59
3. Политическое господство: возможности и границы рационального .....	65
4. Перспективы рационализации политической власти в России: актуальность веберовских идей .....	72
5. Иррациональная политическая рациональность .....	77

### **Тема 3. СОВРЕМЕННЫЙ СТРУКТУРНЫЙ ФУНКЦИОНАЛИЗМ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИННОВАЦИЯ И АДАПТАЦИЯ К НЕЙ .....**

**83**

1. Т. Парсонс: общественный порядок и факторы его обеспечивающие .....	85
2. Р. Мертон: типологизация способов адаптации индивидов к политическим реалиям .....	94
3. Общественное равновесие в условиях многопартийности .....	105

### **Тема 4. СОЦИАЛЬНЫЙ И ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ: РОЛЬ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО И ДЕСТРУКТИВНОГО ФАКТОРОВ В ПОЛИТИКЕ .....**

**115**

1. З. Фрейд: иррационально-бессознательное в политических действиях .....	116
2. Масса и политика: коллективное бессознательное и сознательное .....	123
3. Роль культуры в минимизации деструктивного фактора в политике .....	129



4. Э. Фромм: новаторские подходы к человеческой деструктивности.....	136
5. Влияние социального характера на политику .....	146

## **Тема 5. ИНТЕГРАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИКЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДЛЯ АНАЛИЗА ВЛАСТИ И ГОСПОДСТВА..... 159**

1. П. Сорокин об интегральной сущности человека и роли Добра в политике .....	160
2. Социокультурные суперсистемы и теорема политической флуктуации.....	166
3. Политика в период революции: законы «социального иллюзионизма» и «позитивной и негативной поляризации» .....	178
4. Политика реформирования общества в условиях его кризиса .....	185

## **Тема 6. ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЕ ПАРАДИГМЫ: ДЕЯТЕЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ АГЕНТЫ В САМООРГАНИЗУЮЩИХСЯ СТРУКТУРАХ..... 192**

1. Политические реалии через призму концепции современности А. Гидденса .....	193
2. Теория структуризации: исследование агентно-структурной политической реальности.....	201
3. Концепция габитуса П. Бурдьё: предрасположенность агентов к определенным политическим действиям.....	213
4. П. Бурдьё о социальном и политическом полях.....	216
5. Совместное оперирование агентов и политического поля .....	220

*Раздел II.*  
*Политические лидеры и элиты*

<b>Тема 7. ЭЛИТА: ПОНЯТИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ .....</b>	<b>227</b>
1. Спор о термине .....	232
2. Этимология термина и его применение .....	235
3. Понятие «элита» в социологических исследованиях (операциональный уровень термина).....	257
4. Элита и правящий класс .....	264
<b>Тема 8. СТРУКТУРЫ ВЛАСТИ И ЭЛИТА В США ...</b>	<b>284</b>
1. Теории политического плюрализма и их критики .....	289
2. Неоэлитизм. Модели политической структуры США .....	302
3. К дискуссии о структуре власти в США .....	311
4. Канун XXI века. Продолжение дискуссии.....	319
5. Типология концепций политической власти (конец XX века).....	324
<b>Тема 9. ОТ МОНИЗМА К ПЛЮРАЛИЗМУ (ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКИХ ЭЛИТ) .....</b>	<b>332</b>
1. Закономерности смены элит .....	333
2. Дореволюционные российские элиты .....	343
3. Советская элита .....	357
4. Постсоветская элита.....	402
<b>Тема 10. РЕКРУТИРОВАНИЕ ЭЛИТ В РОССИИ И США .....</b>	<b>457</b>
1. Типологии рекрутирования элит .....	458
2. Особенности рекрутирования американских политико-административных элит.....	466

3. Рекрутирование элит в России .....	478
4. Сравнение российских и американских моделей рекрутирования элит .....	496

## **Тема 11. ЭЛИТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И США ..... 507**

1. Понятие элитного образования .....	509
2. Из истории элитного образования .....	512
3. Опыт элитного образования в России .....	521
4. Элитное образование и социальная справедливость .....	527
5. Социология элитного образования .....	534
6. Государство и элитное образование .....	540
7. Элитное образование в США .....	544
8. Некоторые выводы .....	551

### ***Раздел III.***

#### ***Проблемы политического сознания***

## **Тема 12. СОЗНАНИЕ И МЕНТАЛЬНОСТЬ, ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИКУ И ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ ..... 555**

1. Какая ментальность у россиян и американцев: проблема толерантности сознания .....	556
2. Социальный характер и национальный характеры: факторы, влияющие на вектор политического выбора ....	570

## **Тема 13. РОССИЯ И США НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРЕЖНИХ СТЕРЕОТИПОВ ..... 583**

## ВВЕДЕНИЕ

Авторы надеются, что Вас заинтересует наша книга. Сейчас, когда издан не один десяток учебников и учебных пособий, в которых так или иначе освещаются проблемы политики через призму социологических теорий<sup>1</sup>, у читателя есть возможность выбора, какой из работ отдать предпочтение. В этой связи отметим главные особенности данного учебного пособия.

Как известно, социология политики — одна из отраслей социологии, которая исследует социальные действия и социальные отношения в политической сфере в тесной связи с изучением особенностей политических институтов и политической культуры в различных странах, а также характера субъективного фактора — прежде всего культуры, ментальности политических аген-

---

<sup>1</sup> См., например: Алексеева Т. А. Современные политические теории. — М.: РОССПЭН, 2000; Амелин В. Н. Социология политики. — М.; 1992; Дегтярев А. Е. А. Основы политической теории. — М.: Высшая школа, 1998; Липсет С. Политическая социология. Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. — М.: Прогресс, 1972; Осипов Г. Социология и политика. — М.: 1995; Sheldon G. W. The History of Political Theory. Antient Greece to Modern America. — N. Y., 1993 и др.

тов, что сказывается на выборах конкретных политических стратегий.

У истоков социологии политики стояли О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, М. Вебер, рассматривавшие политику через призму ее взаимодействия с социальной сферой, через особенности функций гражданского общества и государства, их взаимодействие с личностью. Э. Дюркгейм исследовал, как характер разделения труда сказывается на политическом порядке. В. Парето и Г. Моска — обосновали концепции элит; М. Острогорский, Р. Михельс — исследовали политические партии.

Среди крупнейших представителей социологии политики следует назвать П. Сорокина, обосновавшего теорему политических флуктуаций, Т. Парсонса и Р. Мертона, которые изучали проблемы политической социализации, функциональность и дисфункциональность политических институтов для отдельных групп общества; Э. Фромма, изучавшего роль бессознательного, деструктивного фактора в политике; Э. Гидденса, П. Бурдьё, П. Штомку, которые интерпретировали политические реалии через борьбу и компромиссы различных сил в политическом поле, учитывая при этом совокупность факторов — принципиально новый характер политических структур современности, переплетение глобального и локального капитала, рационального и иррационального моментов в принятии решений политическими агентами.

Как видно, интерпретировать политические реалии можно с различных теоретических и методологических позиций. Каким из них отдать предпочтение? Может быть, какие-то теории сегодня уже устарели, как было принято говорить, «не выдержали испытание временем», и от них следует отказаться? По каким критериям оценивать эффективность социологических полити-

ческих теорий, выдвинутых в различные времена и в разных социальных и культурных контекстах?

Мы предлагаем свой подход в подаче и интерпретации политических реалий, который исходит из трех принципиальных позиций.

Во-первых, изложение учебного материала осуществляется через призму *политеоретической интерпретации*, что апеллирует к активной позиции студента, предполагает развитие творчески-критического отношения к политическим теориям, их методологическому инструментарию. Практический смысл подобного изложения материала нацеливает читателей на комплексное и одновременно избирательное использование различных теорий, их методологических средств, учит на этой основе принятию более гибких жизненных, политических и управленческих решений. У студента появится возможность выбора, какой теории, каким технологиям анализа политических реалий отдать предпочтение.

Во-вторых, авторы стремились преодолеть односторонние представления о социологической науке как о *единой* научной теории, способной в конкуренции с «лже» или «псевдотеориями» обосновать «всеобщие закономерности» общественного развития, которые годятся для всех времен и народов. В этой связи представляется ошибочным путь, когда та или иная теория объявляется «догматической» или «идеологизированной», когда, скажем, позитивистские теории, марксизм или теорема политической флуктуации П. Сороскина, вообще теории циклизма нигилистически отрицаются как «устаревшие». Однако от того, что одни теории будут заменены на другие или даже одну, «единственно верную», нельзя получить более полное и правильное представление об обществе.

Авторы категорически против теоретического и методологического монизма, что вредит возрождению

российского обществоведения сегодня. Разве мы не сталкивались с попытками заменить многообразие социологических теорий новой, единой системой знания или даже своей собственной «правильной теорией»? Или, наоборот, по форме, но то же по существу: от догматического «кризисного марксизма» вернуться к «истинному, монистическому марксизму»? Или свести все социологическое знание к одной парадигме с единым общим предметом, единой «основной категорией», набором подновленных «объективных закономерностей», единых для всех социокультурных систем? Суть этих попыток — *сохранить научную и культурную автаркию российского обществоведения.*

Современная социологическая наука состоит из *многих признанных социологической наукой теорий*, каждая из которых, используя свой инструментарий, анализирует лишь *отдельные стороны общества, отдельные тенденции общественного развития*, характерные для конкретного времени, внося тем самым свой *ограниченный вклад в общее представление об обществе.* Признание правомерности политеоретической интерпретации означает, что каждая теория, будучи ограниченной и в этом смысле несовершенной, тем не менее способна на свое измерение социальных и политических реалий в их конкретных гранях и плоскостях.

Авторы, будучи ограничены объемом учебного пособия, отдали приоритет изложению наиболее распространенных теорий политической социологии, которые послужили методологической основой многих общепризнанных исследований и которые обсуждались на последних всемирных конгрессах: XIV социологическом (Монреаль, 1998) и XVIII политологическом (Квебек, 2000). В настоящем учебном пособии учтены выступления его авторов на этих форумах, а также материалы их личных бесед с ведущими теоретиками

социологии мира — Р. Мертоном, Т. Лукманом, Э. Тери-кьяном, Дж. Ритцером и др.

В-третьих, авторы исходят из того, что социология — это наука не о конкретном обществе и не об обществе в целом, а об *обществах, проживающих в них социальных типах людей, характере их культуры, традициях, ментальности и социальных действий*. В этой связи теоретический материал излагается прежде всего в контексте кросскультурного анализа политических реалий современного российского и американского обществ. Но не только. В особо оговоренных случаях используются сравнения политических реалий нашей страны и с другими обществами и культурами. И все же приоритет для сравнений отдан американскому обществу. Почему?

Давайте вспомним исторические факты. Мы были то друзьями, то врагами, то стратегическими партнерами, то вообще не понятно кем. Но при всем том Америка никогда не воевала с Россией. Так, кто же мы на самом деле? Являются ли различия в политических структурах, культуре, ментальности, национальных характерах факторами конфронтации? Может ли Америка оказать нам не только экономическую, финансовую, но и демократическую помощь в плане движения России к демократическому свободному обществу? Или Россия, как традиционно было принято считать, пойдет к демократии и свободе своим путем, на основе только своих культурных ценностей?

От ответов на эти и другие вопросы можно лучше понять не только внутривнутриполитический облик России и США, векторы их собственного развития, но и место и роль этих держав в процессе глобализации мира, в формировании нового мирового сообщества. С какими бы проблемами не столкнулась сегодня Россия, она остается великой страной и на новой политической карте мира. Поэтому, видимо, народы России и США обре-



чены на взаимодействие по преодолению рисков, нестабильности и опасностей современного мира. Специальный раздел учебного пособия посвящен проблемам политического лидерства и элиты. Интерес к этой проблеме вполне естественен, ведь, по существу, речь идет о характере, качестве правящих элит России и США. Здесь затрагиваются такие темы, как эффективность и функционирование политических элит России и США, от чего во многом зависит авторитет страны в мировом сообществе, качество жизни народа. Особо рассматриваются вопросы структуры власти и политики, рекрутирования элит, механизмы элитообразования и воспроизводства элитных слоев. Важное место отведено анализу характера элитного образования в российской и американской культурах.

Наконец, в заключительном разделе авторы обращают особое внимание на особенности реального и политического сознания россиян и американцев.

Представляется, чем более демократическим является общество, тем больше в нем степеней свободы и тем большую роль играют индивидуальное и коллективное сознание. К сожалению, российская политическая элита до сих пор не уделяет должное внимание фактору сознания, готовности россиян к сознательным свободным выборам политических стратегий и жизненных альтернатив.

В самом деле, 15 лет назад, когда реформы только начинались, всем представлялось, какой демократической и процветающей будет страна, когда в ней утвердятся политический плюрализм и свободный рынок. При этом даже не ставился вопрос, не прогнозировались радикальные перемены в сознании народа. Кое-кто из ученых вполне резонно предупреждал политиков-реформаторов о грозящих социальных и экономических невзгодах, типичных для раннего капитализма. Но

трудно припомнить сколько-нибудь серьезную работу, в которой бы прогнозировался бы кризис российской ментальности в целом. Само собой подразумевалось, что на смену единой коммунистической морали с рецидивами диссидентства придет столь же единая демократическая мораль.

Увы, страна столкнулась с проблемой расколотости общественного сознания. В этой связи представляется весьма актуальным обращение к темам сознания и ментальности, их влияние на политику и общественную жизнь, восприятия русскими американцев и американцами русских, к проблемам стереотипов в этой сфере и преодоления стереотипов и предрассудков времен «реального социализма» и «хододной войны».

Учебное пособие рассчитано на курс в объеме 70—72 часов (15—16 лекций, 8—10 семинарских занятий и 5—6 круглых столов, на которых студенты в свободных дискуссиях могли бы обсудить изученные темы).

У авторов есть конкретные планы и отдельные заделы по написанию *систематизированного учебника* по социологии политики, который бы состоял из примерно 25 актуальных тем, данных в политеоретической интерпретации и иллюстрированных эмпирическим материалом. В частности, предполагается провести сравнительное изучение политической культуры и политического поведения студенческих групп высших учебных заведений России (прежде всего МГИМО), готовящих политическую элиту, и их сверстников из университетов США аналогичного профиля. Поэтому авторы будут признательны за критические замечания по данному учебному пособию и высказанные соображения и пожелания о будущей работе. С благодарностью будут рассмотрены предложения, связанные с изданием и финансированием указанной перспективной работы.

Заказать настоящее учебное пособие и будущий учебник (что представляется важным для определения его тиража), а также высказать замечания и предложения можно по адресу: Москва, пр-т Вернадского, дом 76, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО — Университет), кафедра социологии. Тел.: 434-94-26; E-mail: [sociol@mgimo.ru](mailto:sociol@mgimo.ru)

## КЛАССИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ ПОЛИТИКИ

### **Тема 1. Позитивистские теории: поиск объективных законов политических изменений**

У представителей каждой социологической теории есть свои суждения о политике и политических изменениях, о демократичности общества и свободах индивида, которые основываются на использовании *принципиально разных* методологических подходов к анализу социокультурных и политических реалий. В настоящей теме мы рассмотрим теории позитивистского толка. При этом акцент сделаем не на том, кто из социологов более прав и какая теория предпочтительней (очевидно, каждая отражает те или иные стороны реальности), а на том, как социологи понимают и объясняют общество, его законы и характер, положение в нем с правами и свободами индивида. Для нас важно, как ученые используют базовые теоретические построения для практического осмысления политических реалий. И, конечно, мы остановимся на том, как эти подходы можно применять для анализа процессов, происходящих ныне в российском обществе в сфере властных отношений, сравнивая полученные результаты с политическими реалиями общества американского.

**1. О. Конт, Г. Спенсер:**  
**ЗАКОНЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА, ФАКТОРЫ,**  
**ФОРМИРУЮЩИЕ СВОБОДНОГО ЧЕЛОВЕКА**

Как известно, основоположником социологии как самостоятельной науки считается французский обществовед О. Конт (1798—1857 гг.). Ученый жил во время, характер которого определялся тремя обстоятельствами, оказавшими влияние на мировое развитие. Первое — Великая Французская революция 1789 г., которая, провозгласив идеалы всеобщей свободы, равенства и солидарности для всех членов общества, на деле же стала утверждать невиданные ранее морально-этические нормы: на смену ценностям Царства Божия приходили ценности материального достатка, жажды власти и славы, комфорта и удовольствий. В этих условиях поведение людей как богатых, так и бедных стало направляться страстями и вожделениями. В беспрецедентном масштабе вспыхивают социальные катаклизмы, распространяются деструктивные действия. Второе событие — промышленная революция, которая основывалась на достижениях естественных наук, внедряла новые машины и технологии. Но не только это. Вместе с техникой приходил и новый социально-экономический порядок, характерными особенностями, которого стали фабричная система хозяйствования, урбанизация, невиданный ранее рост населения. Третье событие — демократическая революция, центральной идеей которой было гражданство, требование индивидуальных прав и свобод. Но главное — усилилась мотивация на достижение материального достатка, построение достойного земного общества, а не только на спасение души по окончании жизни. Так, благодаря этим революциям в обществе утверждались новые формы сознания и действий людей, в том числе новые образцы по-

литического поведения, как представителей власти, так и простого народа.

Естественно, лучшие мыслители того времени задались вопросами: почему приход идеалов всеобщей свободы и равенства был столь драматичен? Почему прогресс науки и техники, зарождение просвещенного общества в противовес дикости и варварству сопровождался столь грубыми межличностными раздорами? Вопросы озадачили ученых и тем, что на фоне выдающихся успехов в естествознании выявилась очевидная неспособность познания собственно человеческого общества, у которого обнаружили невиданные ранее несовершенства. Никто не мог дать вразумительных, аргументированных объяснений тому, что принесет фабричная система, начавшаяся борьба за передел власти. Кроме того, обрело институционализацию право на религиозное и политическое несогласие. Отсюда возникла объективная потребность в обосновании принципиально новых подходов к изучению общества.

Практически все мыслители того времени критиковали нарождавшийся строй, предпринимали попытки как-то объяснить катаклизмы и на этой основе предвосхитить характер фундаментальных принципов новой политике, которая бы утверждала свободу и солидарность для *всех людей* в обществе. Но они принципиально разошлись в предлагаемых методах достижения свободы и средствах движения к справедливому и гуманному общественному устройству. Одни — Сен-Симон, Фурье, Оуэн — стали предлагать умозрительные проекты преобразования общества, основанные на социальном идеале, полагая, что для их реализации достаточно убедить правителей прекратить межчеловеческие раздоры и принять их «самый справедливый» способ обустройства жизни. О. Конт же сделал ставку на *эмпирические* исследования конкретных общественных реалий с

целью выявления факторов их развития, нахождения как причины зарождения идеалов свободы и справедливости, так и причины возникновения деструктивных сил, раздоров и несправедливости. С этой целью ученый стремился к тому, чтобы создать *доказательную, общепризнанную, «позитивную»* (научную) социальную теорию «водворения мира», «укрепления общественного порядка», «улучшения положения низших классов», «гармонизации отношений между индивидом и обществом» на основе культа человечества как *единого* «Великого существа». При этом Конт исходил из того, что общество сводится к сумме составляющих его индивидов. Каковы люди — таково и общество. Такая позиция получила название *социального номинализма*. Как будут показано ниже, она обрела широкое распространение как в России, так и в Америке, хотя, разумеется, в различных формах.

По Конту, теория должна опираться на научные методы, которые бы позволили результаты одного исследователя перепроверить и подтвердить или опровергнуть другим исследователем, как это имеет место в естественнонаучных теориях.

Какими могли быть в то время методы анализа общества? Только теми, которые использовались естественными науками. Других просто не было. Поэтому не удивительно, что Конт при создании науки об обществе принял на вооружение именно методы естествознания. Его теория, по существу, представляет *синтез естествознания и обществоведения*. Не удивительно, что на структуру его теории сильное влияние оказала физика. По аналогии с разделами физики Конт подразделил социологию на *«социальную статику»* и *«социальную динамику»*. Первая была сфокусирована на изучении того, как части общества взаимодействуют друг с другом, обеспечивая социальную стабильность и по-

рядок. Вторая — на осмыслении проблем социального развития и политики изменений. Точно так же, как физика занималась открытием законов движения материи, социология была призвана открывать *законы социальных перемен*. В открытии *объективных*, «истинных законов общества» первые (но не только!) социологи видели свое призвание. Так, по Конту, осознанное стремление человека ко все большему развитию своей природы *неизбежно предопределяет* эволюционный прогресс в направлении утверждения позитивного общества как цели, которая желанна для *всех политиков*, овладевших законами социальных изменений. Соответственно, действуют *причинно-следственные закономерности*, которые и обуславливают движение индивидов и общества в целом ко все большей свободе и гуманизму.

Как считал ученый, развитие природы человека способствует росту технической культуре, та, в свою очередь, обеспечивает прогресс науки, который требует с необходимостью *лучшей организации политической власти, более совершенной демократии*.

Обращаясь к последующим поколениям социологов, Конт поставил перед ними долговременную задачу: важно искать и обосновывать законы и закономерности! И социологи пытались найти причинно-следственные закономерности развития общества, экономических и политических реалий. В России существование объективных законов общества утверждали Н. К. Михайловский, М. М. Ковалевский, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, советские обществоведы; в Америке — Г. Мид, Т. Парсонс и некоторые их ученики.

Идеология теорий, основанных на объективных законах, состоит в том, что, опираясь на прошлое и настоящее, можно верно, «научно» предвосхищать будущее. Коль скоро законы объективны, они с «железной



неизбежностью» обеспечивают практическое воплощение «научного предвидения» в жизнь. Вожди, элиты, массы, будучи «вторичным, производным фактором», своими конкретными политическими действиями могут лишь ускорить или замедлить ход общественного развития.

Однако *очевидные факты* семидесятилетней жизни России «по объективным законам исторического прогресса» свидетельствуют, что социализм сам по себе не гарантирует с неизбежностью расширение прав личности, не обеспечивает ее гармоничное, всестороннее развитие и даже не предоставляет всем минимально необходимые свободы как условие движения в этом направлении. Аналогично, усилия российских реформаторов 90-х годов XX столетия, которые почти доподлинно заимствовали и пытались утвердить в России американскую форму политической организации, не привели, тем не менее, страну к желаемым реалиям демократии по-американски.

В чем тут дело? Очевидно, необходимо сегодня признать, что социологические теории, основанные на причинно-следственных закономерностях, *имеют ограничения во времени и в пространстве*. Многие из них не оказались столь универсальными, как это полагали их создатели и последователи. Другие были опровергнуты социальными фактами, взятыми из другого социокультурного контекста. Проблему отличия общественных наук и теорий от естественных, соответственно, законов общества и природы мы еще рассмотрим подробнее. Сейчас же снова вернемся к первым социологам. Их теоретическое наследие, во многом не востребованное политиками до сих пор, позволяет не только осознать современную значимость их научной и просветительской деятельности, но и глубже понять наши нынешние политические реалии.

На позициях социального номинализма стоял и английский социолог Г. Спенсер (1820—1903 гг.). Физико-нравственная конституция индивида, постоянно воспроизводящая в его сознании потребность наибольшего счастья, является, по его мнению, основным двигателем социальной и демократической эволюции. В традициях позитивистской социологии Конта, опираясь на исследования Ч. Дарвина, социолог предложил весьма оригинальную эволюционную теорию, которая объясняла социальные и политические изменения, характер систем общества *усредненным уровнем развития членов общества*, прежде всего — их интеллектуальным и демократическим потенциалом.

В противоположность Конту Спенсер сделал акцент не на том, *что изменяется* в обществе на разных периодах человеческой истории, а на том, *почему* происходят конкретные социальные, политические перемены и *почему* в обществе возникают социальные язвы и болезни, политические конфликты и катаклизмы. И самое главное — ученый провел, пожалуй, первое социологическое исследование *правопорядка* в контексте социально-политических реалий того времени. В работе *«Синтетическая философия»*, в который есть специальный раздел «Основания социологии», социолог наряду с попыткой обоснования универсальных закономерностей выявил роль «законов несомненно человеческого происхождения» для тех стадий развития обществ, «когда природа индивидов еще мало приспособлена к гармоническому общественному сотрудничеству», показал процесс дифференциации от закона божественного закона человеческого, отметив, что «этот закон поддерживает условия, необходимые для полной жизни в общественном состоянии»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Спенсер Г. Синтетическая философия. — Киев: «Ника-Центр», 1997 — С. 352—353.

По мнению Спенсера, *эволюционируют в единстве* все элементы Вселенной — неорганические, органические и надорганические (социальные). Социология же призвана изучать прежде всего *надорганическую эволюцию*, которая проявляется в количестве и характере разного рода общественных структур, их функциях, в том, на что собственно нацелена деятельность политических, церковных, профессиональных, обрядовых учреждений и как они обеспечивают переход социальной материи от «состояния неопределенности, несвязанной однородности к состоянию определенной и связанной разнородности». В этой связи Спенсер обосновывает постулат, согласно которому *основополагающие структурно-функциональные изменения* происходят в обществе лишь по мере того, как до них дорастает *средний уровень* его членов в культурном, научном, интеллектуальном, демократическом отношениях. И особенно — в плане смягчения нравов и приобщения людей к неукоснительному следованию законам. Отсюда следует, что *характер власти*, исходящее от нее добро или зло, зависит в конечном счете от «среднего уровня человеческого развития в данное время» и потому «несправедливость правительства может существовать при помощи народа, соответственно несправедливого в своих чувствах и действиях»<sup>1</sup>.

Философская основа этих суждений — социальная преемственность, вера в *постепенное* изменение природы человека, преодоление ее агрессивности через адаптацию людей к процессу образования и развития обществ. «Свирепые свойства индивидов, вызванные самим процессом образования обществ, перестают быть необходимыми и исчезают,— писал он. В то время как приобретенные выгоды сохраняются как неизменное

---

<sup>1</sup> Спенсер Г. Социология как предмет изучения. — Т. 2. — Спб., 1896. — С. 268, 401.

достояние, соединенное с ними зло убывает и постепенно исчезает»<sup>1</sup>. В этой связи социолог выступал *против политического ускорения* общественного прогресса, заявляя, что любые попытки искусственно подтолкнуть социальную эволюцию с помощью, например, политики регулирования спроса и предложения, или радикальных политических реформ без учета свойств членов, составляющих общество, должны обернуться катаклизмами и непредсказуемыми последствиями. Вмешательство в естественный порядок природы, отмечал Спенсер, нередко оборачивается тем, что никто не может предсказать конечных результатов. «И если это замечание справедливо в царстве природы, то оно еще более справедливо по отношению к социальному организму, состоящему из человеческих существ, соединенных в единое целое»<sup>2</sup>. На этом основании социолог не принял идею *революционного* перехода ни к социализму, ни к либерализму, хотя сами идеалы свободы индивида от государства были для него высшей ценностью. «Социальному развитию,— писал он,— значительно больше способствовала индивидуальная активность людей и их добровольная кооперация, чем работа под контролем правительства»<sup>3</sup>.

Если попытаться применить теорию Спенсера к анализу современных российских реалий, то получается картина с удручающими перспективами. Во-первых, для перехода страны к плюралистической демократии, основанной на правопорядке («определенной и связной разнородности»), необходимо, по существу, ждать, пока заработает и даст конкретные результаты объективный, причинно-следственный закон эволюции. Од-

<sup>1</sup> Спенсер Г. Синтетическая философия.— Киев: «Ника-Центр», 1997.— С. 331.

<sup>2</sup> Спенсер Г. Грехи законодателей // Социс.— 1992, № 2.— С. 135.

<sup>3</sup> Там же.

нако не является ли это своеобразной идеологической абсолютизацией *фатальной формы* протекания исторического процесса? Так ли уж «объективен» закон эволюции?

Во-вторых, надо опять ждать изменений доставшейся нам по наследству самой природы «советского человека», выражающейся, в частности, неприятием и неисполнением каких бы то ни было законов. Если в Америке свобода и закон едины и *для всех*, то в России свобода мыслится вне закона, который исполняется лишь *иногда и выборочно* людьми социально и экономически незащищенными, с низким социальным статусом.

Однако вспомним первых европейских переселенцев в Америку. Все ли они были в ладах с законом? Где те силы или факторы, которые изменили авантюристическую природу этих людей? Что заставило их признать нужду в защите закона? Могут ли россияне сегодня найти в себе (или добыть извне) силы, которые обеспечат добровольное и участливое соблюдение закона и причем *всеми*? Сегодня можно лишь констатировать, что законам не подчиняются ни преступники, ни чиновники, ни собственно органы, «обеспечивающие» правопорядок.

В-третьих, чтобы перейти к более демократическим структурам и более эффективным функциям, нужно добиться не просто законопослушания, а утверждения *законов, адекватных индивидуальной свободе человека*. Плохие и неудачные законы лишь порождают деструктивность и зло. «Некомпетентный законодатель,— замечает Спенсер,— постоянно увеличивает человеческие страдания, пытаясь их уменьшить»<sup>1</sup>. Более того, плохие законы могут повлечь изменения личности человека в

---

<sup>1</sup> Спенсер Г. Грехи законодателей // Социс.— 1992, № 2.— С. 131.

нежелательном направлении, что может проявиться не сразу, а как отдаленный результат. «Каждый закон,— пишет Спенсер,— направленный на изменение человеческого поведения, принуждая, сдерживая или способствуя ему, постепенно воздействует таким образом, что происходит изменение самой природы человека. Кроме любого немедленного эффекта, законы дают и отдаленный результат, большинством игнорируемый,— изменение самой личности человека, желательное или нет»<sup>1</sup>.

Самый беглый взгляд на российскую историю свидетельствует, насколько невежественны были наши законодатели, не учитывавшие мировой социологический и правовой опыт. То, видите ли, «караул устал» и потому законодательный орган вообще был упразднен, его заменила революционная целесообразность; то во имя «высшей социальной справедливости» и достижения «единства народа» устанавливались фиксированные цены на продукты, в результате чего полки магазинов пустели; то провели «ваучеризацию» страны во имя формирования института частной собственности — «как в США» — с известными результатами.

По каким критериям оценивать сегодняшних российских законодателей? Кто (или что) может гарантировать, что нынешние законы лучше предыдущих, что они не принесут вреда природе человека и, напротив, встанут на защиту личности? А может быть, ныне принимаются (или подготавливаются) именно те законы, которые будут работать на утверждение лучших, честных, доброжелательных образцов поведения, способствующих преодолению аномии и девиантного поведения?

Наконец, в-четвертых, следование духу спенсеровс-

---

<sup>1</sup> Спенсер Г. Грехи законодателей // Социс, 1992. № 2.— С. 134

кой теории означает, что политическая борьба и даже избирательные кампании *принципиального* смысла не имеют. Будет ли президентом страны В. Путин или А. Зюганов, Г. Явлинский или В. Жириновский, или большинство в парламенте составят коммунисты или партии либеральной ориентации — все едино: прогресс в экономических и политических институтах, их функциях по большому счету станет возможен лишь тогда, когда качественно вырастет *средний уровень* человеческого потенциала российского общества. Но разве российская или американская история не знает фактов, когда благодаря политическому или интеллектуальному лидеру осуществлялись скачки, буквально прорывы в эволюционном развитии? Достаточно вспомнить «Новый курс» Ф. Рузвельта или «Оттепель» Н. Хрущева, или крах монополии КПСС на власть, предопределенный деятельностью А. Сахарова и его сторонников.

Лишь некоторые поставленные вопросы и контраргументы свидетельствуют, что теория Спенсера небезупречна, и к мрачным выводам о *долговременном эволюционном* приобщении России к цивилизованным, свободным обществам следует отнестись критически. Действительно, рассматриваемая теория не универсальна. Не отвечает современному уровню социологических знаний постулат о возможности радикального изменения природы человека, так чтобы его разум стал всесильным (не учитывается бессознательный фактор в поведении людей, обоснованный З. Фрейдом). Однако, бесспорно, в социодинамике России возможности революционного компонента ограничены, если не исчерпаны. Вспомним, каким крахом обернулись попытки «догнать и перегнать Америку», построив коммунизм в пику «загнивающему Западу», или за десять лет обеспечить всех россиян индивидуальным жильем. Аналогично, политика скачка в предоставлении свободы и суве-

ренитета по принципу «берите, сколько можете» обернулась ростом национализма, войной в Чечне, нефункциональностью и дисфункциональностью многих политических и экономических структур, включая центр, что немедленно вызвало увеличение зон социального бедствия. Так, может быть, Спенсер и народная мудрость правы по большому счету: «тише едешь» к демократическому, свободному обществу, «дальше будешь»?

И последнее. Спенсер считал, что в движении к демократическому обществу без политической организации обойтись никак нельзя. Но при этом важно, чтобы мера политического контроля не подавляла функциональность индивидов. «Политическая организация, постоянно распространяясь на все большие массы, прямо способствует благосостоянию, удаляя те препятствия для сотрудничества, которые возникают из антагонизма индивидов... — отмечал он. — Но политическая организация также имеет свои невыгоды, и вполне возможны случаи, когда эти невыгоды перевешивают выгоды... Организация предполагает известные ограничения индивидов, и эти ограничения могут достигнуть таких крайних пределов, что сделаются хуже анархии со всеми ее бедствиями»<sup>1</sup>. В этой связи Спенсер особо рассматривает взаимоотношения личности и государства в работах «Грехи законодателей», «Личность и государство» и др., и делает это с позиций классического либерализма. Их основной лейтмотив — государство должно быть сторонником демократических свобод и свободного предпринимательства. При этом Спенсер неоднократно проводит мысль о том, что цивилизованный характер взаимоотношений личности и государства может сложиться лишь в результате их эволюционного «созревания», что, пожалуй, крайне актуально

---

<sup>1</sup> Спенсер Г. Синтетическая философия... — Киев.: «Ника-Центр», 1997. — С. 331—332.



для современной России. Если следовать его теории, то темпы изменения властных структур должны быть оптимальны (не слишком быстрыми, позволяющими адаптироваться к социально-экономическим переменам), в противном случае — власть может оторваться от социума и утратить контроль над обществом в целом. Мудрая и добрая власть может быть утверждена лишь народом, у которого в основе политической культуры лежат доброта, ум, рациональность, уважение к закону.

## **2. Э. Дюркгейм:**

### **ВЛИЯНИЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА НА ОБЩЕСТВЕННУЮ СОЛИДАРНОСТЬ, АНОМИЮ, ПРАВА И СВОБОДЫ**

Социальный реализм — это методологическая позиция, характерная для ряда социологических теорий, согласно которой общество и социальные группы рассматриваются как *качественно особая реальность*, не сводимая к сумме их составляющих индивидов, которая автономна и имеет *примат* по отношению к индивидуальной реальности. Такую позицию ярко выражал французский обществовед, классик мировой социологической мысли Эмиль Дюркгейм (1858 — 1917 гг.).

В концентрированной форме свое социологическое кредо ученый изложил в знаменитой формуле: «Социальные факты нужно рассматривать как вещи». По Дюркгейму, социальные факты могут быть двоякого рода: 1) морфологическими, т. е. материального характера — территория, собственность, объем и плотность населения, структура социальных групп и т. д.; 2) духовными — верования, моральные нормы и правовые законы, коллективные представления. Задача социолога, по мнению Дюркгейма, сводится к тому, чтобы исследовать и находить причинно-следственные связи

между социальными фактами в контексте взаимоотношений общества и личности, что позволяет обосновывать законы общества и на этой основе формировать общие представления («норму») о социальных и политических реалиях, а также, анализируя отклонения от нормы, выявлять социальную патологию, как в развитии общества, политических институтах, так и отдельных индивидов.

Особенности своего методологического инструментария Дюркгейм изложил в докторской диссертации, которая затем была опубликована в виде книги под названием *«О разделении общественного труда»* (1893 г.). По его мнению, разделение труда «составляет необходимое условие материального и интеллектуального развития обществ, источник цивилизации»; это — закон, который управляет обществами «почти без их ведома»<sup>1</sup>. Изучив разделение общественного труда, социолог обретает возможность познать суть общества, его явные и латентные (скрытые) функции, сделать заключение, является ли конкретное общество в историческом смысле нормальным или патологическим. Разделение труда — это тот основополагающий фактор, который в конечном счете определяет характер причинно-следственных связей и закономерностей, существующих между социальными фактами общества и прежде всего — создает связи людей, которые обеспечивают *социальную солидарность*.

По Дюркгейму, в истории человеческих обществ можно выделить два типа разделения труда и, соответственно, два вида солидарности — механическую и органическую.

Для *механической солидарности* характерно следующее: одинаковость отношений индивидов к обществу,

---

<sup>1</sup> Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. — М.: Канон, 1996. — С. 56, 46.

их *сходство*, особенно по индивидуальному сознанию, которое полностью подчиняется сознанию коллективному, что создает ситуацию, когда люди связаны между собой подобно «социальным молекулам», не имеющим возможности для «собственных движений», поэтому-то социолог предложил назвать этот вид солидарности механическим. «Солидарность, вытекающая из сходств,— отмечает Дюркгейм,— достигает своего максимума тогда, когда коллективное сознание точно покрывает все наше сознание и совпадает с ним во всех точках; но в этот момент наша индивидуальность равна нулю»<sup>1</sup>.

*Органическая солидарность* предполагает, что люди *отличаются* друг от друга, имеют свою собственную сферу деятельности, своеобразное индивидуальное сознание и, следовательно, являются личностями. Влияние общества на индивида не утрачивается, но коллективное сознание оставляет открытым часть индивидуального сознания, которую оно не может регламентировать. «И чем обширнее эта область, тем сильнее связь, вытекающая из этой солидарности. Действительно, с одной стороны, каждый тем теснее зависит от общества, чем более разделен труд, а с другой — деятельность каждого тем личностнее, чем она более специализирована... Здесь, стало быть, индивидуальность целого возрастает вместе с индивидуальностью частей; общество становится способнее двигаться согласованно, в то время как каждый из его элементов производит больше собственных движений»<sup>2</sup>.

В обществах с механической солидарностью доминирует *репрессивное право* со всеми вытекающими последствиями для свобод индивида. В обществах с органической солидарностью — *реститутивное право*,

---

<sup>1</sup> Дюркгейм Э. Указ. соч.— С. 138.

<sup>2</sup> Там же.— С. 139.

суть которого сводится к восстановлению порядка вещей.

Если следовать теории Дюркгейма, то Россия — общество с механической солидарностью, Америке же свойственно общественное разделение труда, характерное для органической солидарности. Это весьма рельефно проявляется в характере права, в положении с законностью, правами и свободами человека. Рассмотрим это более конкретно, выделив некоторые типичные особенности.

Во-первых, в обществах с механической солидарностью количество деяний, относящихся к правонарушениям, *на порядок меньше*, что касается *предписаний, защищающих личность*, и *на порядок больше*, что связано с различного рода *табу*, которые *сами по себе не вредны для общества*. Некоторые табу корнями уходят вообще в низшие общества, в которых господствовало религиозное право. Прежде всего, это относится к «нечистым» обрядам и предметам иной культуры, различным формам святотатства, неточным воспроизведениям идеологических и религиозных догм, игнорированием праздников, ритуалов, церемониалов<sup>1</sup>. В самом деле, какую социальную опасность мог представлять художник, исповедующий принципы абстракционизма, или обществовед, давший свою интерпретацию высказываниям Маркса, Ленина или Сталина, или крестьянин, решивший, что 1 Мая как раз пришла пора пахать землю? Но ко всем этим и им подобным людям, идеологическим отступникам от общих коллективных представлений, государство вплоть до недавнего времени, как к преступникам, применяло самые суровые меры с целью *уничтожения индивидуальности сознания, человеческой личности* и поддержания безусловного авторитета сложившихся коллективных представлений.

---

<sup>1</sup> См.: Дюркгейм Э. Указ. соч. — С. 79.

Сегодня положение мало в чем изменилось, хотя все же постепенно становится иным. Сложился партийный плюрализм, но есть массово распространенные давления на граждан во время избирательных кампаний, вплоть до увольнений с работы. Уходят в прошлое ограничения прав по религиозно-идеологическим соображениям, но свободное выражение идей ограничено кланово-экономической зависимостью средств массовой информации. Безусловно, положено начало развитию рыночных отношений, но реальные производители товаров и услуг не могут по большому счету проявить свою индивидуальность, будучи под прессом и государства, и криминальной «крыши». Отечество мы любим в традиционном, механистическом духе: борьба с экологическими загрязнениями среды, которые могут быть действительно губительными для общества, подчас обращивается для ее активных участников тюрьмой и обвинениями в «измене, разглашении государственных тайн». Но, к счастью, судебные разбирательства все чаще решаются не в пользу тех, кому «честь мундира» дороже здоровья грядущих поколений и судьбы России. Вместе с тем сохраняется парадокс: действия (или бездействия) чиновников по отношению к новым опасностям, которые могут быть действительно губительными для Отечества, не вызывают, как правило, судебных преследований.

В Америке также немало правовых проблем, связанных с взаимоотношением общества и индивидов. По деструктивным действиям (самоубийства и убийства) страна входит в десятку наиболее неблагополучных стран мира в этом отношении. И все же там иная ситуация, принципиально иное правовое поле, в котором господствует *реститутивное право*. Его функциональность направлена на обеспечение социального контроля в условиях, когда отсутствуют обязательные для всех

общие коллективные представления. Общество с таким правом, по словам Дюркгейма, «будет походить на громадное созвездие, в котором каждая звезда движется по своей орбите, не нарушая движения соседних звезд»<sup>1</sup>. И действительно, американцы имеют реальное право быть личностями, заниматься своим бизнесом, разумеется, в тех формах и пределах, которые не нарушают права друг друга.

Во-вторых, для репрессивного права, базирующегося на силе, а не на уважении к нему людей, характерна *карательная направленность*, что выражается в пренебрежении к личности человека, жестокости наказания. Дюркгейм замечает, что оно «указывает только на санкции, но ничего не говорит об обязанностях, к которым они относятся. Оно не повелевает уважать жизнь другого... Оно не говорит в самом начале, как это делает гражданское право: «Такова обязанность», но сразу же: «Таково наказание»»<sup>2</sup>. К сожалению, практика исполнения законов в России имеет иррациональное основание — страх жестокости законов. Сознательное следование им кажется россиянам совершенно диким, и потому исторически сложился определенный алгоритм поведения: не подчиняться законам, убежать от них.

Реститутивное право, в отличие от репрессивного, основывается на защите интересов человека и прежде всего прав собственности. Не удивительно, что большинство американцев рассматривают законы как фактор, который защищает их, позволяет нормально взаимодействовать друг с другом.

В-третьих, характерной особенностью репрессивного права является его *диффузность*<sup>3</sup>. Это проявляется в

---

<sup>1</sup> Дюркгейм Э. Указ. соч.— С. 125.

<sup>2</sup> Там же.— С. 82—83.

<sup>3</sup> Там же.— С. 84.

том, что закон дифференцированно применяется в отношении людей с разными социальными статусами. В советское время партийная верхушка вообще жила, не ведая законов. Более того, существовало «телефонное право», позволявшее человеку от «самого Ивана Ивановича» на личностном уровне, вне правового поля решать свои проблемы. Диффузность права выражалась и в том, что закон по-разному подходил к одним и тем же преступлениям, к одному и тому же нанесенному ущербу — значительно более сурово наказывались деяния против государственной собственности, чем собственности граждан. Аналогично, правонарушения против общества карались строже, чем против личности.

Сегодня в России приняты законы, практически уравнивающие значимость всех форм собственности. Многие новые законы непосредственно касаются защиты прав и свобод граждан. Утратил силу ряд законов, сдерживающих экономическую инициативу граждан. И все это свидетельства того, что сделаны первые шаги отхода от репрессивного права. Однако говорить о качественных изменениях не приходится. Более того, возникли новые проявления диффузности: законы дифференцированно действуют в разных регионах страны, а кое-где не работают вовсе; беда не в том, что законы субъектов федерации разные, а в том, что они подчас противоречат Конституции; законы применяются лишь к социально слабым и почти не применяются к сильным (с той лишь разницей, что сила теперь измеряется не партийным, а экономическим фактором); у руководителей регионов, чиновников на местах практически нет законного лимита власти — каждый берет себе столько полномочий, сколько хочет и может и т. д.

В Америке иная ситуация, хотя ее не следует идеализировать. Здесь действует принцип равной защиты за-

коном прав и свобод личности, и это касается всех. Хотя, несомненно, у миллионера больше возможностей отстоять свои интересы, чем у рядового гражданина. Но сделать это можно по закону, через обращение к закону, к помощи адвокатов, а не к конкретной персоне «самого Джона» и не в обход закона. Закон же определяет полномочия чиновников, конгрессменов, сенаторов, президента, преступить которые не дано никому.

По Дюркгейму, диффузность карательного права проявляется и в том, что «все общество в той или иной мере принимает в нем участие»<sup>1</sup>. В нашей стране практически вплоть до 80-х годов собрания трудящихся являлись полноправным субъектом судопроизводства. На них с позиций «пролетарской справедливости» разбирались уголовные дела «кулаков-кровопийцев», «врагов народа, агентов мирового империализма». «По требованию трудящихся» к высшей мере наказания приговаривались спекулянты-валютчики, сурово наказывались и те, кто просто проявлял любопытство к иностранной литературе и культуре. На собраниях принимались решения, кого из жуликов и хулиганов направить в тюрьму, а кого «взять на поруки», на «перевоспитание», кого из диссидентов направить в ссылку, а кого депортировать на «загнивающий Запад». Даже вопросы брака и развода не были индивидуальным делом. Достаточно вспомнить благословения молодоженов коллективом — «комсомольско-молодежные» или «безалкогольные» свадьбы. Ну, а если жизнь не заладилась, без партийно-профсоюзного «промывания мозгов», без общественного порицания развестись было невозможно. Так, законы государства, по существу, дополнялись, а иногда и подменялись законами массы (к этому вопросу мы вернемся в ряде следующих тсм).

---

<sup>1</sup> Дюркгейм Э. Указ. соч. — С. 84.



Ныне одиозные формы этой практики уходят в прошлое. Однако сохранилось влияние общества, но теперь уже в форме давлений властных элит, мнений средств массовой информации на ход и исход судебных разбирательств. Так, «дела» Скуратова, Березовского, Гусинского и др. буквально колеблются вместе с колебаниями всех этих давлений и мнений. Законы же государства в этой ситуации выступают скорее, как виртуальный, чем реальный фактор. Это касается не только данных конкретных случаев, но и ситуации в стране в целом. Получает развитие тенденция утраты населением веры в государственную правоохранительную систему. Стало происходить худшее: прежнее участие народа в судопроизводстве заменяется не усилением роли специализированных государственных юридических институтов, авторитета чиновников-юристов (по Дюркгейму, данная особенность является атрибутом реститутивного права<sup>1</sup>), как это имеет место в США и других современных цивилизованных странах, а возрастанием значимости отдельных экономических группировок, частных охранных агентств, криминальных организаций, всякого рода «крыш», которые на основе «своей справедливости», по существу, осуществляют криминальные разборки. Тем самым утрачивается монополия государства на легитимное насилие, и государственный закон дополняется законом криминальным.

В-четвертых, репрессивное право основывается на *страсти и мщении*. Дюркгейм отмечает, что народы, руководствующиеся этим правом, «наказывают ради наказания, заставляют виновного страдать исключительно с целью страдания..., заботятся не о справедливом или полезном наказании, а о наказании как таковом». При этом «оно часто распространяется далеко не

---

<sup>1</sup> См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда.— М.: Канон. 1996.— С. 121.

только на виновного и поражает невинных: его жену, детей, соседей и т. д.»<sup>1</sup>. В этом то же проявляется диффузная кара. Кроме того, собственно наказание дополняется «общественной мстью», ритуалами позора, гневом коллективного характера и требует искупления. Вот как социолог описывает типичное поведение людей, живущих в обществе с механической солидарностью, после поступка, который зачастую — суть преступление против чего-то трансцендентного: «Останавливаются на улицах, посещают друг друга, сходятся в условленных местах, чтобы говорить о происшествии и сообща негодовать. Из всех этих обмениваемых, подобных друг другу впечатлений, из всех этих выражений гнева выделяется один гнев, болсе или менсе определенный, смотря по обстоятельствам. Он является гневом всякого, не будучи ничьим в частности. Это — общественный гнев»<sup>2</sup>. Функция общественного гнева — «выразить единодушное отвращение, вызываемое преступлением, при помощи подлинного действия, которое может состоять только в страдании, причиняемом виновному».

Не правда ли, знакомая картина для нашего совсем недавнего прошлого? А ведь там, где общественный гнев, там и ритуалы по его высвобождению, там и искупления и жертвоприношения. По существу, *одно наказание дополняется еще одним*. Кто сегодня скажет, сколько жертвоприношений принесли россияне с целью искупления «вины», выразившейся в стремлении к человеческой индивидуальности или в преодолении безоговорочной правоты коллектива? Как это все сказало и еще скажется на судьбах страны? В жертву-то приносились лучшие — кулаки, кто брал персональную ответственность за свое хозяйствование, ученые, от-

---

<sup>1</sup> Дюркгейм Э. Указ. соч. — М.: Канон, 1996. — С. 94.

<sup>2</sup> Там же. — С. 111.

стаивавшие свою позицию в науке, инакомыслящие, ратовавшие за права и свободы индивида. Словом, все те, кто, став личностью, всячески противились уничтожению собственной индивидуальности.

Для реститутивного права не характерны мщение, общественный позор и искупление. В Америке человек, совершивший преступление, подвергается наказанию, но одному, а не двум одновременно. Восстановление существующего порядка вещей не требует и наказания ради наказания с причинением страданий преступнику. Нет надобности говорить о том, что невиновные родственники правонарушителя не несут ответственность за несовершенно совершенные преступления.

Наконец, в-пятых, отметим, что своеобразие систем наказания благодаря специфике причинно-следственных связей приводит к установлению также *своеобразного порядка* в обществе.

В обществе с механической солидарностью социальный порядок основывается на страхе наказания. Вот как Дюркгейм определяет истинные и второстепенные функции наказания в обществе с механической солидарностью: «Оно не служит — или служит только второстепенным образом — исправлению виновного или устрашению его возможных подражателей... польза его по справедливости сомнительна и, во всяком случае, незначительна. Его истинная функция — сохранить целостность общественной связи, поддерживая всю ее жизненность в общем сознании»<sup>1</sup>.

Дюркгейм особо подчеркивает, что в обществах такого типа преступники наказываются с особой жестокостью. Как это не парадоксально, но в функциональном плане страдания виновного «не есть бесцельная жестокость», они, по существу, служат единению индивидуальных сознаний, укреплению и поддержанию

---

<sup>1</sup> Дюркгейм Э. Указ. соч. — С. 116.

сложившихся социальных связей. «Единственное средство» утвердить порядок, основанный на единомыслии, на общем сознании — «это выразить единодушное отвращение, вызываемое преступлением, при помощи подлинного действия, которое может состоять только в страдании, причиняемом виновному. Таким образом, это страдание, будучи необходимым продуктом порождающих его причин, не есть бесцельная жестокость. Это знак, свидетельствующий, что коллективные чувства все еще коллективны, что единение умов в одной и той же вере сохраняется»<sup>1</sup>.

В СССР социальный порядок сталинского типа *извне* поддерживался тем, что основывался на страхе наказания, на общем коллективном сознании, которое поддерживалось страданиями «виновных» и «единодушным гневом» общественности, массовыми ритуалами коллективного единения — марширующими колоннами, в которые сливались миллионы людей. Для многих такой социальный порядок был удобен и даже комфортен. *Изнутри* он поддерживался тем, что люди отчуждали свои индивидуальные права и свободы, получая в замен патернализм коллектива и общего коллективного сознания. Действительно, многим нравился такой образ жизни, когда за них думают и решают — надо только беспрекословно и с самопожертвованием выполнять принятые решения.

Однако не все люди, включая вождей, могли понять, что обратной стороной «железного» порядка был *неизбежный беспорядок*. И никакого противоречия здесь нет: порядок, основанный на страхе, месте, икуплении, жертвенности, не мог не порождать аффективное мышление, эмоциональные порывы, иррациональные и деструктивные действия. Беспорядок и хаос, беззаконие и ритуалы жертвенности — неизбежные

---

<sup>1</sup> Дюркгейм Э. Указ. соч. — С. 117.

спутники нашей действительности. Не зря в России говорят: «Лес рубят — щепки летят». И летели щепки-головы и во времена коллективизации, и индустриализации, и строительства «развитого социализма». Не миновала чаша сия ни высшее руководство, ни военных и ученых, ни рядовых граждан.

Все советские, а теперь и российские руководители всегда выступали и выступают за порядок. Однако важно, какого порядка мы хотим. Порядка, основанного на страхе репрессий, показательных судебных процессов с общественным гневом? Порядка, при котором нет места индивидуальной инициативе, а права и свободы личности отчуждены в пользу какой-то организации и ее вождя? Порядка с доминированием общего сознания и единением умов? Ясно, что возврат в какой бы то ни было форме к подобного рода порядку будет означать консервирование взаимодействия людей на уровне механической солидарности, исторически и функционально более низком типе общественных отношений со всеми вытекающими отсюда последствиями для судеб страны.

Принципиально иной тип порядка существует в обществе с органической солидарностью. Здесь порядок *извне* поддерживается законом, а *изнутри* тем, что индивидуальное сознание имеет самостоятельную значимость в функционировании индивида, деятельность которого становится все более специализированной и личностнее<sup>1</sup>. Более того, подчеркивает Дюркгейм, необходимо разделяемое всеми правосознание, которое позволяет на практике соизмерять свои права с правами других людей: «Для того, чтобы человек признал права другого не только в логике, но и в практике жизни, нужно было, чтобы он согласился ограничить свои права, и, следовательно, это взаимное согласие могло

---

<sup>1</sup> См.: Дюркгейм Э. Указ. соч. — С. 139.

быть сделано только в духе взаимопонимания и согласия»<sup>1</sup>.

В Америке большинство людей не рассчитывает на чей-либо патернализм. Они стремятся сами сделать свою карьеру, сами устроить свою жизнь. Отсюда и социальный порядок, который основывается и поддерживается сознательными выборами альтернатив, рациональными действиями, правовым самосознанием. Стало быть, может существовать порядок без страха репрессий, без ритуальных кар и общественного гнева. К осознанию самой возможности таких реалий россиянам еще предстоит привыкать.

Однако, как считает Дюркгейм, любое общество в зависимости от состояния функционирования своих структур может находиться в нормальном или патологическом состоянии. Основная причина патологии — аномальное разделение труда, которая, в свою очередь, ведет к *аномии* — рассогласованности ценностного мира, расшатыванию базовых, нравственных идеалов, смешению законного и незаконного. Аномия проявляет себя в функциональной рассогласованности элементов социальной структуры, в конфликтах между поколениями и социальными группами, в девиантном поведении, утрате воли к жизни, стремлении убежать от реальности. В политике аномия проявляет себя в смуте, политиканстве, диффузии власти, появлении множества «спасителей» Отечества. Дюркгейм прямо указывает на прямую связь аномии и анархии. В этих условиях можно сколько угодно декларировать права и свободы, но в реальной жизни они реализоваться не могут.

Сейчас Россия находится в состоянии аномии. Растет смертность и снижается рождаемость, стремительно увеличивается алкоголизм и наркомания. Социальные и

---

<sup>1</sup> Дюркгейм Э. Там же. — С. 128.

экономические коллизии не получают правового разрешения.

Какие политические шаги можно предпринять в сложившихся условиях? Просто ждать, пока произойдет саморегуляция ценностно-нормативного социокультурного пространства, как это, по существу, делала команда Б. Ельцина? А может быть, попытаться восстановить роль христианства, как регулятора базовых, нравственных ценностей, или сформировать новую патриотическую идеологию национального толка, которая могла бы призвать под свои знамена миллионы россиян и вновь объединить их *общим* сознанием? Но тогда это неизбежно приведет к реставрации механической солидарности со всеми ее «плюсами» «железного порядка» и минусами в виде отчуждения прав и свобод личности. А почему бы новому руководству страны впервые в российской истории не положиться на мировой социологический, да и демократический опыт?

Говоря о социологии, Дюркгейм отмечал, что «наука может помочь нам отыскать направление, в котором мы должны ориентировать наше поведение, определить идеал»<sup>1</sup>. Тогда, может быть, новый всплеск созидательной пассионарности россиян будет обращен к обществу с органической солидарностью, в котором человек живет *для себя*, имеет возможность, опираясь на закон, пользоваться реальными правами и свободами.

\*\*\*

Позитивистская социология, по существу, явилась первой социологической парадигмой. Она получила широкое распространение во всем мире, включая Россию и США.

---

<sup>1</sup> Дюркгейм Э. Указ. соч. — С. 41.

Так, социология О. Конта<sup>1</sup> и Г. Спенсера<sup>2</sup> в начале века оказала значительное влияние на развитие российской социологической мысли. М. Бакунин, М. Ковалевский, А. Стронин и др. свои рассуждения о сути политики, о природе государства так или иначе связывают с общими законами развития общества. Например, работы А. Стронина «Политика как наука», «Политическая диагностика и прогностика», изданные в конце XIX века прямо опираются на постулаты «органицизма». Однако в целом идеи эволюционизма не смогли пробить себе путь в политическую жизнь России.

Э. Дюркгейм, бесспорно, считается классиком социологии. Его произведения стали всемирно известными. Они издавались и в России, и в Америке, но влияние их оказалось разным. В нашей стране многие из его работ<sup>3</sup> были изданы до революций 1917 года. Теоретические конструкции целого ряда российских социологов того времени — Л. Мечникова, Л. Петражицкого, Н. Михайловского, М. Ковалевского и др. — строились на основных положениях позитивистской социологии Э. Дюркгейма. Однако его идеи либерализма, эволюционного развития, решающей роли общественного разделения труда в прогрессе общества не были востребованы. Политические теории, согласно которым можно

---

<sup>1</sup> Ключевые идеи О. Конта стали доступны российским социологам благодаря переводу и публикации его сочинения «Дух позитивной философии». Спб., 1910

<sup>2</sup> На рубеже XIX—XX веков в России был опубликован целый ряд работ Г. Спенсера: «Автобиография». Спб. 1914; «Социология как предмет изучения» Спб. 1896; «Основания социологии». Спб. 1898; «Личность и государство». Спб. 1908 и др.

<sup>3</sup> См.: Метод социологии. Кисв.—Харьков, 1989; О разделении общественного труда. Одесса, 1900; Самоубийство. Спб., 1912; Социология и социальные науки.— Метод в науках, Спб.— 1911; Социология и теория познания.— Новые идеи в социологии.— Спб., 1914, № 2; Кто хотел войны? Пб., 1915; Германия выше всего.— М., 1917.



скачком обрести счастье и свободы взяли верх, и на долгое время труды Дюркгейма были забыты и находились в спецхранах. Лишь в 90-е годы они в новых редакциях и переводах<sup>1</sup> стали доступны массовому читателю.

В Америке, напротив, наряду с методологией позитивизма были востребованы и идеи либерализма. По существу на плечах Дюркгейма стоит современный структурный функционализм Т. Парсонса и Р. Мертона. Практически все исследования американских ученых социального согласия, порядка основываются на дюркгеймовских традициях.

## ЛИТЕРАТУРА:

*Амелин В. Н.* Социология политики.— М., 1992.

*Будон Р.* Критика теорий социального изменения.— М., Аспект пресс, 1998.

*Гершунский Б. С., Лозанский Э. Д.* Основы свободного общества.— М., 1999.

*Горшков М. К.* Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ).— М.: РОССПЭН, 2000.

*Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда.— М.: Канон, 1996.

*Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение.— М.: Канон, 1995. В данное издание включен и ряд работ разных лет: Курс социальной науки, Материалистическое понимание истории, Представления индиви-

---

<sup>1</sup> См., например: Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. В данное издание включен и ряд работ разных лет: Курс социальной науки, Материалистическое понимание истории, Представления индивидуальные и представления коллективные, Ценностные и «реальные» суждения и др.

дуальные и представления коллективные, Ценностные и «реальные» суждения и др.

*Здравомыслов А. Г.* Социология конфликта.— М.: Аспект пресс, 1995. Гл.2, раздел 2: Конфликт и девиантное поведение: Эмиль Дюркгейм.

*Ильин И. А.* Сочинения: В 2 т.— М.: «Медиум», 1994, раздел: О сущности правосознания.

*Клямкин И. М.* Политическая социология переходного общества. // Политические исследования.— 1993, № 4.

*Конт О.* «Дух позитивной философии».— Спб., 1910.

*Крижанич Ю.* Политика.— М.: Наука, 1997.

*Левада Ю.* «Человек политический»: сцена и роли переходного периода.— М.: 1996.

*Липсет С.* Политическая социология. Американская социология. Перспективы, проблемы, методы.— М.: Прогресс, 1972.

*Медушевский А. Н.* История русской социологии.— М.: Высшая школа, 1993.

*Осипов Г.* Социология и политика.— М.: 1995.

*Пайнс Р.* Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований, 2000.

*Современные международные отношения.* / Общая редакция А. В. Торкунова.— М.: РОССПЭН, 2000, раздел I, глава 1: Природа и закономерности международных отношений.

*Спенсер Г.* Грехи законодателей. // Социс, 1992.— № 2.

*Спенсер Г.* Синтетическая философия.— Киев: Издательство «Ника-Центр», 1997.

*Тощенко Ж. Т.* Социология.— М.: Прометей, Юрайт.— 1998, раздел IV: Политическая социология.

*Штомпка П.* Социология социальных изменений.— М.: Аспект пресс, 1996.

*Ritzer G.* Classical sociological theory. McGraw Higher Education. 2000.

*Sheldon G. W.* The History of Political Theory. Antient Greece to Modern America. N. Y., 1993.

## **Тема 2. М. Вебер.**

### **От рационального действия индивида к рациональной политике**

М. Вебер (1864—1920) — немецкий социолог, как известно, стал одним из основоположников «понимающей» социологии. Главное для него и его последователей — *изучение и интерпретация образцов типичного поведения людей, в процессе которого создается социальная реальность*, в том числе и реальность политическая. Социологи этого направления исходят из того, что характер общества, демократичность или авторитарность его институтов, содержание политической жизни есть *производное от особенностей социальных действий индивидов*.

Корнями «понимающая» социология уходит в герменевтику (от греч. *hermeneutikos* — истолковывающий) — искусство и теория толкования древних текстов и памятников. Представители этой социологической парадигмы используют методы интерпретации чужой индивидуальности, поведения людей, выявляют их мотивы и значения, учитывая при этом социально-культурный контекст, в котором реализуется их деятельность. Поняв таким образом характер типичного поведения людей, можно сделать *неидеологизированное* представление об обществе, о характере политической жизни. Если люди, как руководители, так и ру-

ководимые, в своем большинстве совершают действия целенаправленные, осмысленные, понятные и предсказуемые, то общественные и политические структуры будут отличаться высокой степенью своей организации и рациональности. И наоборот: если в поведении людей преобладают эмоционально окрашенные действия, основанные на ценностно-религиозных мотивах, традициях или базирующиеся на партикуляристских отношениях — симпатиях и антипатиях, чувствах личной преданности к вождям, старейшинам, политическим лидерам, лояльности к «своим» при негативном отношении к «чужакам-иноверцам», то такое общество, как его не обозвать, просто не может иметь рационально функционирующие политические институты.

## **1. СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ: КАК ОНИ ВЛИЯЮТ НА ХАРАКТЕР ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ**

М. Вебер предложил оригинальную теорию, позволяющую проникать сквозь историю общественных реалий, заглядывать за поверхностные, видимые их проявления, в центре которой — изучение *социальных действий, как движущих факторов всего человеческого существования в его универсальности*. Отправной постулат социолога состоял в том, что структура социальной реальности конструируется в конечном счете социальными действиями индивидов, и для социологии объект познания — *«истолковать, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие»*. Через призму изучения социальных действий людей, живших в различных пространственных и временных координатах и принадлежавших, соответственно, к различным культурам, социолог обосновал идею *возможности существования различных парадигм рациональной организации общества* и на этой

основе создал свои теории политики, бюрократии, права.

Среди основных работ Вебера, в которых под разным углом зрения рассматриваются проблемы политики, отметим: «Протестантская этика и дух капитализма», «О некоторых категориях понимающей социологии», «Политика как призвание и профессия», «Хозяйственная этика мировых религий». Любопытно, что социолог изучил русский язык, когда в России началась первая революция, чтобы по газетам и литературе следить за фактическим развитием политических событий, написал работу «О буржуазной демократии в России», которая стала доступной массовому читателю в нашей стране лишь в 90-е годы.

Методологические принципы веберовской «пони-мающей» социологии тесно связаны с другими социологическими системами, характерными для прошлого века. В то время ведущие позиции занимал структурный функционализм позитивистского толка, представлен- ный прежде всего Э. Дюркгеймом, который, напo- ним, отстаивал необходимость распространения рациo- нализма на познание социальных явлений, на исследо- вание их самих с помощью методов, характерных для естественных наук. Вебер видел слабость этой позиции в том, что структуры общества всецело детерминирова- ли поведение индивидов, из чего следовало, что исто- рические события рассматривались независимо от на- мерений людей, а сами индивиды — как соучастники заранее predeterminedных событий. Не принял Вебер и использование естественно-научных подходов для ана- лиза общества, подчеркивая, что, в отличие от неиз- бежных связей между явлениями неживой природы, в обществе действуют качественно иные причинные свя- зи и для их познания нужен совершенно другой мето- дологический инструментарий. Так, если естественные науки устанавливают универсальные законы развития

мира, то задача социальных наук, по мнению Вебера, — дать *причинное объяснение и понимание социальных действий* людей в их конкретных исторических контекстах, учитывая, что ценности, выражающие общие поведенческие ориентиры, всегда историчны и относительны.

Итак, по Веберу, социология обретает характер «понимающей», поскольку ориентирована на интерпретацию социальных действий людей в контексте их «отнесения к ценностям», которые *надсубъективны, общезначимы в рамках определенной исторической эпохи*. Однако не каждый поведенческий акт индивида можно считать социальным действием. Действие человека обретает характер социального действия, если в нем присутствуют два принципиальных момента:

- субъективная мотивация индивида, который вкладывает в свой акт определенный смысл;
- ориентация на поведение других людей.

Действие, о котором человек не задумывается или в котором человек просто не видит реальной цели, не является социальным действием. Так, к социальному действию нельзя отнести непреднамеренное или неосознанное участие человека в той или иной сходке, кампании, политической акции, ибо в этом случае отсутствует мыслительный процесс и осознанно целенаправленная активность.

Между тем еще истари русские люди имели обыкновение собираться общиной без рельефно определенной цели — чтобы показать удаль молодецкую в кулачном бою, свершить чудо — взлететь в небо на крыльях, отыскать «молочную реку с кисельными берегами» или сотворить «скатерть-самобранку». Затем принималось решение ничего не делать или отложить «до завтра».

Советская власть лишь заидеологизировала подобного рода практики: стало весьма характерным массовое участие людей в «трудовых подвигах», «коммунистичес-

ких субботниках», «покорениях» природы, от морских глубин до космоса, — дабы раз приложив сверхчеловеческие усилия и проявив самоистязание и жертвенность, потом иметь «чудеса изобилия» и «богатства полным потоком». Мероприятия обязательно сопровождались политическими акциями, «высшей целью» которых было — «теснее сплотиться вокруг КПСС».

Эмоциональные излияния, произвольные выкрики, проявления радости от встреч с героями и вождями или выплески гнева в адрес «врагов» также нельзя отнести к социальным действиям, ибо в них просто нет активного разумного начала как способности человека отражать и постигать мир, не искажая его реальное содержание восторгами или страхами.

Действие не является социальным и в том случае, если оно никак не затрагивает интересы других людей, остается для них незамеченным. Пример тому — маниловщина, мечтательно-бездеятельное отношение к окружающему, которое, как показал Гоголь в «Мертвых душах», весьма характерно для многих россиян, вероятно, и для ряда нынешних политиков, которые даже не отдают себе в этом отчета.

Вебер не считал действия социальными, если они являлись чисто подражательными, когда индивиды действуют как атомы толпы.

Между тем в нашей стране подобные действия были весьма характерны для жизненных укладов славянских племен, членов рода, общины, братства, а затем и коммуны, «социалистического коллектива». Все эти типы социума утверждали стадный конформизм, чувство тождественности и подавляли индивидуальность. Главная их латентная, как правило, неосознаваемая функция состояла в том, чтобы каждый человек принял как должное *патерналистскую политику* вождей, осуществляемую от имени социума: уничтожил свое индивидуальное мышление и, соответственно, свободу



поведения и принял санкционированные «коллективные представления» и непререкаемые, бездумные алгоритмы жизни. При распаде советского строя эта тождественность и «коллективизм» были поколеблены, заставляя людей отказываться от неосмыленно-подражательных действий, от «первичных уз», от жизни по принципам «как все», «не хуже, чем другие». Однако некоторые россияне до сих пор испытывают ностальгию по «коллективу», по патерналистской политике, которая по-своему удобна: не надо напрягать мышление, на коллектив можно переложить ответственность за свое несвободное поведение (участие в акциях «одобрения» или «осуждения»).

Для Америки такие действия, в которые индивиды не вкладывают конкретного смысла, скорее являются исключительными событиями, ибо эту страну, по существу, формировали люди (в том числе и россияне), выделившиеся из рода, порвавшие с феодальными пережитками — прежде всего необходимостью безусловной принадлежности к социально замкнутой общине. Они привыкли полагаться на себя, не рассчитывали на чью-либо поддержку, для них чужда была протекционистская политика. Отнюдь не случайно развитие культуры этой страны шло по пути формирования индивидуальности.

Разумеется, и американцам свойственны вышеобозначенные несоциальные действия. Но степень их распространения сравнительно невелика. И характерны они не для общества в целом, а лишь для отдельных его сфер и проявляются они, как правило, локально и в течение ограниченного времени. В Америке, например, могут образовываться толпы манифестантов, участвующие в стихийном протесте, или болельщиков-фанатов, не отдающих отчет своим действиям. В этих и подобных акциях действия отдельно

взятых людей становятся бессмысленно подражательными, единообразными и в большинстве случаев деструктивными.

Еще одно важное замечание, которое делает Вебер: употребляя понятия государство, партия, корпорация и т. д., следует иметь в виду, что эти и другие социальные структуры сами по себе не являются субъектами социального действия. Поэтому, с точки зрения социолога, нельзя, например, понять действие парламента или президентской администрации, но можно и нужно стремиться к тому, чтобы интерпретировать действия составляющих их индивидов. Как это сделать практически? Какой методологический инструментарий применить?

Вебером были сконструированы и введены в социологические исследования четыре идеально-типические модели действий индивидов, которые различались по степени рациональности, присутствующей в них. Так, например, в современном обществе, особенно в сфере политики совершаются социальные действия, в которых смысл действия и смысл действующего лица совпадают. В таких действиях присутствует рельефно выраженная цель. Само собой разумеется, что в реальной жизни человек далеко не всегда знает, чего он хочет. Порой, как было отмечено выше, в поведении людей доминируют какие-либо религиозно-этические принципы, эмоции или просто традиции. Ориентируясь на возможное реальное поведение людей, живущих в различных обществах и различных культурах, Вебер выделяет следующие типы действия:

- *целерациональное;*
- *ценностно-рациональное;*
- *аффективное;*
- *традиционное.*

Эти типы действия есть практически в каждом обществе, каждой культуре. Но для одного общества ха-

рактарны одни типы действия, которые в конечном счете сказываются на характере политических реалий, а для другого — другие.

Примером *целерациональных* действий может быть поведение людей, сознательно делающих политическую карьеру, принимающих собственные решения. В таком поведении есть смысл действий, который понятен для окружающих, побуждая последних к принятию адекватных самостоятельных актов, также имеющих смысл и цель. В конечном счете, повторяющиеся типичные целерациональные действия способствуют формированию таких институтов общества, которые побуждают индивидов к свободному принятию собственных решений на основе рациональной организации жизни общества.

Особенно целерациональные действия распространены в политической сфере. В самом деле, чтобы политика была эффективной, предсказуемой, контролируемой, сводила к минимуму конфликты между людьми и способствовала их сотворчеству, требуются акции, смысл которых понятен как для руководителей, так и для руководимых. Необходимо также чтобы эти акции побуждали у субъектов политики личную осознанную инициативу, чтобы они при этом не угрожали индивидуальной свободе, не мешали ее развитию (что является условием осознанного принятия собственных решений).

Разумеется, не во всяком обществе даже в политической сфере целерациональные действия распространены, типичны. Есть общества, где даже в политической сфере господствуют *ценностно-рациональные* действия, которые могут быть поняты лишь с учетом представлений о ценностях определенных религиозных догм или мировоззренческих систем. Так, например, если для людей ценность собственной жизни ничто в

сравнении с верой в безусловную правоту вождя, курса партии, ради выполнения «безошибочных предначертаний» которых они готовы к лишениям и даже самопожертвованиям, то они совершают как раз ценностно-рациональные действия.

В некоторых странах и культурах ценностно-рациональные действия могут быть доминирующими, соответственно, распространяясь и на политическую сферу. Примеры тому — политика ненасилия или неприсоединения. Или, напротив, политика «пролетарского интернационализма», направленная на то, чтобы сделать революционные ценности отдельной социально-политической группы ценностями и нормами государств, этносов и других культур.

Представляется, Россия является именно такой страной, в которой ценностно-рациональные действия преобладают в политической сфере. Политика «доброго царя» или «отца нации с твердой рукой», «героя-спасителя» или политбюро компартии предопределяет доминирование ценностно-рациональных действий, причем и руководителей, и руководимых. Не формально-рациональные правила, а воля политического лидера, представителей окружающей его элиты, основанные на мировоззренческих установках о «святости» власти, «заботе» о народе, «превосходстве» идеалов коллективизма и патернализма над личной инициативой формирует и проводит в повседневную жизнь конкретные политические решения, которые, как правило, не являют собой прагматизм, их трудно предвидеть, рационально просчитать. Такие политические акции, нравятся нам сегодня или нет, коррелируют с российской ментальностью, уходят корнями в историю, в повседневные микросоциальные практики наших предков с характерной ценностной окраской. Отнюдь не случайно в политике российской империи фигурировал известный, го-

вора современным языком, слоган — «православие, самодержавие, народ». Соответственно, по характеру политика России была мессианской, имперской вовне и авторитарно-патерналистской по отношению к собственному народу.

Микросоциальные практики ценностно-рациональных действий, однажды сложившись, не могли исчезнуть с революциями 1917 года. Напротив, стержень революций — ценностно-рациональные и аффективные действия. Вполне закономерно и логично, что в процессе формирования советских политических реалий были востребованы ценностно-рациональные действия, которые базировались на духе революционной целесообразности и принципах «мы впереди планеты всей», а «кто не с нами, тот против нас». Просто бессмысленно было ждать от Сталина или Брежнева, или их окружения «взяться за ум», начать мыслить рациональными категориями, следовать формальному праву, хотя и были приняты «самые демократичные» конституции. В советских политических реалиях просто не могло и быть речи о сколь-либо заметном распространении неидеологизированного, «нетелефонного» права и законов, которые бы позволяли индивидам принимать осознанные решения, становиться личностями, осуществлять преимущественно целерациональные действия. Люди жили в той системе ценностных координат, когда счастье виделось не в самореализации, не в обретении прав и свобод, а в выполнении предначертаний вождя или решений партийных съездов.

Еще меньшая степень рациональности присутствует в *аффективных и традиционных* действиях, которые, строго говоря, Вебер вообще не относил к социальным действиям, ибо они не имеют дело с субъективно подразумеваемым смыслом.

В политике аффективные действия проявляются в фаворитизме, даровании статусных и властных при-

вилегий, в неправовом и немотивированном снятии чиновника с должности подчас под влиянием зависти или страхов, в неадекватном выполнении служебных обязанностей из-за нахлынувших страстей и эмоций.

Что ж, любой политик, чиновник — прежде всего человек, он имеет те или иные слабости, и человеческие страсти ему не чужды. Поэтому аффективные действия всегда влияли и неизбежно будут влиять на политику, характер принимаемых решений. Другое дело, что в разных культурах отношение к подобного рода действиям различное. В американском обществе — категорическое их неприятие. Достаточно вспомнить, чем обернулись для Б. Клинтона романтические увлечения. Так ли уж они повлияли на исполнение служебных обязанностей, на государственную политику? Возможна ли «маленькая ложь» ради сокрытия слабостей первого лица в государстве? Для россиян эти вопросы вообще кажутся несущественными и вызывают разве что улыбку. Ведь мы вообще свыклись со *значительным* присутствием аффективных действий в политике. Они являются *неформальной нормой*, и никого не удивляет чиновничье — «по моему хотению...»

К *традиционным* действиям относятся повседневные поведенческие акты, совершаемые просто по привычке или в силу традиций, например, традиции царского правления. В российской истории люди практически не задумывались, почему необходимо служить «царю-батюшке», по какому такому праву осуществляется передача государственной власти по наследству, почему у них нет личных прав и свобод. Они поступали традиционным образом, потому что их предки всегда так это делали, будучи приверженными нравам и обычаям. Отзвуки традиционного мышления и традиционных действий есть и сегодня. Некоторые россияне ратуют за восстановление монархии. В нашем культурном контек-

сте — по существу, за право собственности на государство. Тем самым исподволь утверждается, что русский народ анархичен и не способен к проведению рациональной политики.

## **2. ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИКИ ЧЕРЕЗ ИНТЕРПРЕТАЦИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ И ИХ ИДЕАЛЬНО-ТИПИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ**

Для раскрытия своеобразного генетического кода политики конкретного общества необходимо не просто дать типизацию действий, но интерпретировать, *понять их суть*. Вебер выделяет несколько типов понимания. К первому типу он относит *понимание через прямое наблюдение*. Примером тому может служить наблюдение на телеэкране безмерной радости, благополучия того или иного современного российского политика, его соответствующее, как правило, раскованное поведение и эмоциональная мимика, что резко контрастирует с имиджем советского политика — всегда серьезного, озабоченного, сумрачного. Зритель может воспринять возвышенное эмоциональное состояние практически любого человека от политики. Сам образ олицетворяет собой оптимизм, правоту, бескорыстность, устремленность в будущее. Но так ли это на самом деле? По Веберу, прямое наблюдение еще недостаточно, чтобы понять суть социального действия.

Второй тип интерпретации социального действия — *объяснительное понимание*. Оно предполагает выяснение *мотивов* конкретного социального действия. В нашем примере требуется понять, что побудило счастливого, жизнеутверждающего политического деятеля оказаться героем телепередачи — пришел ли он праздновать победу на выборах, добиться поддержки принятия желанных решений или же, как говорится, делает хорошую

мину при плохой игре. Чтобы осуществился этот тип понимания, необходимо, как считает Вебер, поставить себя на место индивида, чье поведение мы пытаемся объяснить, и тем самым выяснить мотивы, стоящие за его действиями.

Третий тип — *причинное объяснение*. Оно предполагает выяснение того, что инициировало сами мотивы, которые привели к соответствующим социальным действиям. Здесь социолог настаивает на необходимости обнаружить связи между *целой серией действий или событий*. Это, разумеется, предполагает проведение серьезных социологических исследований. Подобного рода исследования осуществил сам Вебер, стремясь, в частности, выявить связи между религиозными этическими принципами и поведением индивидов, особенно их экономической и политической деятельностью. Связи эти, как правило, *латентны, скрыты, не лежат на поверхности явлений*. От социолога требуются интеллектуальные усилия, чтобы «заглянуть за» конкретные социальные действия индивидов. Так, в работе «Протестантская этика и дух капитализма» Вебер показывает взаимосвязь протестантских религиозных ценностей и развития «духа капитализма», утверждая, что в странах, где эти ценности доминировали, быстрее и легче складывались капиталистические отношения. Вебер, в частности, отмечал, что ошеломляющие успехи индустриализации в Америке в XIX веке были достигнуты благодаря протестантизму, что, в свою очередь, придало ему новую популярность и востребованность. Но выявление корреляции между ценностными установками и характером социальных действий — лишь одна часть исследования. Другая часть исследования состояла в том, чтобы установить, *как и почему* протестантские ценности, которые сами по себе, *явно* не были нацелены на определенные экономические и политические результаты, *скрыто, независимо от намерений* людей,



исповедовавших эти этические принципы, способствовали развитию капитализма. По мнению социолога, основной причиной подобного рода *непреднамеренных, непредвиденных последствий* стало убеждение в том, что только через постоянный, аккуратный и честный труд, неутомимую деятельность во имя приумножения славы Божьей на Земле, ведя при этом аскетический образ жизни, можно попасть в рай. Определенная религиозная доктрина в Америке и ряде регионов Европы исподволь формировала такое поведение, которое предопределяло *высоко рациональные* образцы повседневных действий.

Однако даже взятые вместе, все типы понимания не могут гарантировать полную картину того или иного социального действия, ибо понимание всегда приблизительно. Оно относительно даже в ситуации непосредственной интеракции людей друг с другом лицом к лицу. Социологу же нередко приходится анализировать социальные действия, интерпретировать социальную жизнь ее участников, когда они отдалены, причем не только в пространстве, но и во времени. В распоряжении ученого могут быть документы, эмпирические сведения, другие материалы, изучая которые он старается понять субъективные значения, существовавшие в сознании людей, их отношение к тем или иным ценностям, чтобы дать комплексное представление о характере политического поведения людей, живших в конкретном обществе и в конкретное время. Но насколько возможно подобное комплексное представление? Каким образом социология способна определить степень возможности тех или иных конкретных социальных действий людей? Типичны ли они для определенного культурного контекста? Каков компонент рациональности в этих действиях и в политике в целом?

Эти, казалось бы, общие вопросы могут быть наполнены конкретным содержанием, представляющим

социологический интерес. Так, сегодня для большинства россиян очевидно, что все политики советской эпохи лгали о «коренных преимуществах социалистической демократии». Но отнюдь не все так очевидно для социолога: почему люди, причем большинство, хотели обманываться, не искали «свою» правду, поддерживали веления вождей? И только ли причина сему в репрессиях и страхе? Или, возможно, многие люди, осознанно или нет, но *искренне* хотели подобного порядка вещей, верили в *естественность* существующих реалий, в *справедливость* «советского демократизма»? Могли ли не только руководимые, но и субъективно честные и порядочные руководители, наделенные самой высшей и реальной властью, «начать жить не по лжи», «по-демократически», просто сообразно здравому смыслу, т. е. рационально?

Рассматривая подобные проблемы (причем в контексте различных культур), Вебер для их разрешения прибегает к конструированию *идеально-типической модели* социального действия индивида. По его мнению, социолог должен соотнести имеющийся в его распоряжении материал с религиозными, мировоззренческими, эстетическими, моральными ориентирами, исходя из того, что служило *реальными ценностями* для людей, являющихся объектом исследования. Поэтому идеальный тип социолог называл «интересом эпохи».

В этой связи напомним теорему известного американского социолога У. Томаса: «*Если люди определяют некоторые ситуации как реальные, эти ситуации реальны в своих последствиях*». Ее надо понимать так, что в результате социальных действий индивидов, определяющих «некоторые ситуации как реальные» (забота вождей о народном благе, идеалы демократизма социалистического общества и т. д.), конструируется сама социальная реальность определенного характера. Если для стороннего наблюдателя социалистическая демок-

ратия являлась обманом, то для значительного числа россиян она был элементом их социальной реальности, что предопределяло их поведение, характер их социального взаимодействия, вообще причинные связи, доминировавшие в советском обществе.

По Веберу, чтобы уяснить действительные причинные связи, имеющие место в конкретной социальной реальности, и дать возможно более полное и комплексное толкование типичным социальным действиям людей, необходимо прежде всего сконструировать *недействительное* — извлекаемые из эмпирической реальности заостренные элементы, которые должны выражать то, что наиболее характерно, значимо для общественных явлений или социальных действий своего времени. Так, например, можно сконструировать идеально-типическую модель партийного лидера, чиновника или самого обыкновенного обывателя. Понятно, что в жизни, строго говоря, не может быть идеальных вышеназванных персонажей. Различные причины приводят к тому, что реальный партийный босс или чиновник всегда будет иметь отклонение от идеального типа. Здесь-то и открываются возможности для *сравнения* реального социума с его идеальным типом. По отклонению от идеального типа исследователь может установить особенности конкретных людей, прежде всего в плане характерных для них действий.

Далее, сравнивая распространенность целерациональных действий с другими типами действий и выявляя, какой тип действия является доминирующим, можно судить о *конкретном типе рационального поведения людей и, соответственно, конкретной парадигме рациональности общества*. Так, исследуя историю обществ, социолог отмечает, что на ранних стадиях у людей преобладают традиционные и аффективные действия. Затем по нарастающей идут ценностно-рациональные и целерациональные действия. Сущностный признак тра-

диционных обществ — *практическое отсутствие прагматизма, формально-рационального начала*. В советском обществе мы имели именно такое положение вещей. Хотя большинству представлялось, что наличие самого разума у человека предполагает совершение осмысленных и рациональных действий, особенно в политике.

Демократам первой волны казалось, что «начать жить не по лжи», «по-демократически» не так уж и сложно: необходимо заменить прежнюю однопартийную политическую систему на новую — многопартийную, с разделением властей. Следовало также сломать авторитарное централизованное государство, заменив его государством правовым и покончить с всевластием чиновников-коммунистов. По большому счету, все так и было сделано. Кроме одного — никто враз не смог сделать россиян *прагматиками-рационалистами*. Новые чиновники, чтобы они не говорили о своей приверженности правовому государству, просто не могли немедленно начать совершать целерациональные действия правового толка. На фоне олигархизации политического процесса властные отношения вновь стали регулироваться принципами ценностной целесообразности — проводить или нет выборы, предоставлять или нет телеэфир лидеру конкретного движения и т. д. Требовалось время, чтобы к новым реалиям начала адаптироваться ментальность россиян. Сообразно этим переменам весьма постепенно стала намечаться тенденция к целерациональным действиям. Социологи зафиксировали процесс становления россиян прагматиками лишь к середине 90-х годов<sup>1</sup>.

Если использовать веберовскую методологию при анализе современного российского общества, то его цивилизационный уровень следует определять не по институциональным структурам как таковым (наличие

---

<sup>1</sup> См.: Горшков М. К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М.: РОССПЭН, 2000.

парламента, многопартийности) и даже не по стремлениям людей к политическому успеху, а по *тенденциям формально-рационального регламентирования жизни*, по тому, насколько целерациональные действия стали типичными в поведении и управляющих, и управляемых.

В Америке сложилась принципиально иная ситуация, чем в России. Там наибольшее распространение получают целерациональные действия с тенденцией их доминирования по отношению к остальным типам действий. В обществе утверждается *рациональность сама по себе, а формальная рациональность становится господствующей тенденцией*. Рационализируются мировоззренческие установки, концентрированное выражение которых воплощено в протестантской этике. Рационализируется образ жизни в целом: труд, отдых, образование, семейно-брачные отношения и, конечно, политические институты. Так, в общем и целом рациональные действия людей конструируют и рациональную социальную и политическую реальность.

### **3. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ГОСПОДСТВО: ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ РАЦИОНАЛЬНОГО**

Свой теоретико-методологический инструментарий Вебер использовал и для исследований *политического господства*. Социолог рассматривал господство прежде всего как способность и возможность одного субъекта отдавать приказания, ориентируемые на других людей, которые, весьма вероятно, будут *добровольно* повиноваться (в отличие от *власти*, которая предполагает повиновение, определенное поведение, несмотря на сопротивление оппозиции). Вебер обратил внимание на то, что властвующие, отдавая приказы и директивы, всегда ориентируются на «обобщенного другого», т. е. на возможную реакцию окружающих, подчинен-

ных, стремясь к тому, чтобы последние доверительно относились к власти. Иными словами, властвующие стараются добиться осуществления власти через *легитимное господство*, под которым понимается добровольное принятие власти, одобрение, вера людей в ее благо. Подчиняющиеся, однако, отнюдь не пассивно следуют директивам властвующих. Подчинение может быть основано на самых разных мотивах: страхе за жизнь и свое имущество, личной зависимости, вере в авторитет правителя. Иными словами, мотивы и действия людей, включенных в процесс господства, в разных странах и культурах различаются по *степени рациональности*.

По этому критерию социолог выделял три *идеальных типа господства*:

1. *Рационально-легальное* господство, которое опирается на осознанные убеждения в целесообразности, разумности существующей политической власти, правомочность органов, призванных властвовать, на общие для всех обязательные правовые нормы, регулирующие отношения господства и подчинения, таким образом что деятельность властителей и всех граждан легитимизируется законами.

Так, например, американцы верят в целесообразность президентской системы правления, предусматривающую разделение властей, легитимность всеобщих выборов. В этих условиях авторитет президента США, сенаторов, конгрессменов, судей основывается на исторически сложившейся системе легальных правил и законов, а также обосновывается рациональной целесообразностью.

Техническим механизмом, позволяющим осуществлять рационально-легальное господство, основанное на целерациональных действиях, Вебер считал *бюрократию рационального типа*, которая адекватна современному капиталистическому обществу, также рациональ-

ного в своей сущности. Создавая идеальную модель такой бюрократии, социолог представлял ее в виде совокупности индивидов, выполняющих рациональные действия, нацеленные на достижения успешных результатов, имеющих общественную значимость и полезность. Социолог был убежден, что в рационально-организованном обществе «ходить во власть» и управлять должны люди профессионально подготовленные, имеющие *специальное образование*, поскольку от них требуется *компетентность*. Только в этом случае от них можно ожидать целерациональных действий и, соответственно, эффективного, предсказуемого и контролируемого управления. Вот как сам Вебер представлял себе идеальный тип рационального бюрократического управления: «Совокупность штаба управления... состоит из отдельных чиновников, которые 1) лично свободны и подчиняются только деловому служебному долгу; 2) имеют устойчивую служебную иерархию; 3) имеют твердо определенную служебную компетенцию; 4) работают в силу контракта, следовательно, принципиально на основе свободного выбора в соответствии со специальной квалификацией; 5) вознаграждаются постоянными денежными окладами; 6) рассматривают свою службу как единственную или главную профессию; 7) предвидят свою карьеру — «повышение» — или в соответствии со старшинством по службе, или в соответствии со способностями независимо от суждения начальника; 8) работают... без присвоения служебных мест; 9) подчиняются строгой единой служебной дисциплине и контролю».

Разумеется, Вебер описывает идеальный тип рационального управления, а не существующую реальность. В его основе лежит идеализация реального положения дел, что представляет лишь вектор движения, исходя из того, что все управляющие будут совершать только целерациональные действия. Аффективные личные

пристрастия, личная преданность и т. д. — полностью исключены. Сам Вебер прекрасно осознавал, что в поведении чиновников есть много непоследовательного и бездумного, что они далеко не всегда отчетливо формулируют и проводят в жизнь свои принципы с твердой последовательностью. Тем не менее, предложенный им идеальный тип управления можно в принципе использовать для исследования состояния управления на конкретной фирме, в организации или в стране в целом.

В Америке в процессе организационно-рациональной эволюции сложились структуры, которые требуют рационального управленческого труда: дифференциация функций, исключение личных симпатий и антипатий из исполнения служебных обязанностей, строгая исполнительская дисциплина. Но главное — там правит закон, и люди подчиняются ему, а не праву сильного, не революционной или «демократической» целесообразности и не «телефонному» праву. И бюрократы — это тот слой профессиональных управляющих, которые практически гарантируют безукоризненное исполнение законов. Малейшая процедурная ошибка ведет к отмене наказания человека, совершившего реальное правонарушение. Поэтому в Америке бюрократы в почете и в цене в прямом смысле слова. Им люди вверяют свои судьбы, полагаясь на их компетенцию. За их рациональный труд американские налогоплательщики платят достойное жалованье.

2. *Харизматическое господство* характеризуется эмоционально ориентированной преданностью политическому лидеру, которая поддерживается верой в историческое предназначение правителя. Подчинение в условиях харизматического господства основывается на приписывании и культивировании необыкновенных, сверхъестественных способностей властвующих личностей. При харизматическом господстве действует репрес-



сивное право. Власть закона сведена к минимуму, который дифференцированно применяется к лицам с различными социальными статусами.

Харизматическому господству свойственна совершенно иная *бюрократия, ценностно и политически ориентированная*. Ее черты следующие: нравственный конформизм, верность существующему политическому порядку, личная преданность вышестоящим руководителям, продвижение по службе обусловлено не столько профессиональными качествами, сколько покровительством и протекционизмом. Статус бюрократа дает ему дополнительные, формально не санкционированные привилегии, особенно привилегии материального толка, связанные с распределением того или иного дефицита «по своему хотению и велению».

С позиций веберовских представлений о формально рациональной бюрократии совершенно ненормальной представляется ситуация в нашей стране и в прошлом, и сегодня, когда миллионы людей, вместо того чтобы *компетентно* заниматься своим *профессиональным делом*, создавая материальные и духовные блага, устремляются в управленческие структуры. Остается в стороне даже сам вопрос о способности к специфически-рациональному управлению людьми. Вождение чиновничьих постов у нас приобрело рельефно выраженный иррациональный характер. Не удивительно, что у ряда новых управляющих самых разных рангов, пришедших к власти на «демократической волне», нет элементарной управленческой культуры, отсутствует служебная компетенция, что в конечном счете сказывается и на характере их социальных действий, и на содержании принимаемых управленческих и политических решений.

3. При *традиционном господстве* административный аппарат, по существу, полностью зависит от властителя и, стало быть, верность ему, а не компетентность, не следование законам служит основанием для занятия

той или иной должности. Управленческие структуры традиционных обществ в своей эффективности уступают любой бюрократии.

По Веберу, историческое развитие политического управления идет по пути увеличения рациональных социальных действий и у тех, кто управляет, и у тех, кем управляют. В конечном счете может утвердиться господство, при котором повиновение обусловлено соображениями интереса, преимуществами или невыгодами, т. е. в его основе лежат целерациональные действия. Так формируются в принципе условия для рационализации межличностных отношений во всех сферах общественной жизни.

В России до сих пор доминировали лишь последние два типа господства в разных сочетаниях. Им соответствует и определенный, более низкий тип социального управления (по степени значимости права как совокупности принципов, регулирующих все сферы общественной жизни, по рациональности взаимоотношений управляющих и управляемых и т. д.), детерминированный в значительной степени личностными качествами руководителя. Что бы нам мог дать переход к рациональному типу легитимного господства? А то, что рационализм и демократизм властной системы перестали бы напрямую связываться с личностью политического лидера. Тогда права и свободы всех граждан, равно как и политических институтов, перестанут зависеть от воли политических лидеров, а станут на деле гарантироваться законами.

Опираясь на веберовскую методологию, можно отметить, что пока в нашей стране не получили достаточного развития целерациональные действия индивидов. Соответственно не сформировались институты гражданского общества, которые предполагают развитие индивидуализма, личной ответственности. Стало быть, пока лишь в стадии образования находятся куль-

турные политические реалии, которые бы оказывали достаточно серьезное противодействие иррациональным влечениям властителей, их революционно-большевистским импульсам, воспроизводящим ценностно-рациональные и аффективные действия. Поэтому во все времена российская политическая власть обрела характер авторитарности и деструктивности в большей или меньшей степени. Как следствие, все режимы советских и нынешних российских политиков неадекватно и запоздало реагировали на вызовы современности, предлагая скоропалительные реформы, которые враз должны были «осчастливить» народ. Популизм и мессианиззм — конкретные проявления властями аффективных страстей.

Характером и особенностью социальных действий россиян на микроуровне объясняется относительно легкое установление структур, основанных на авторитарном руководстве и партикулярной функциональности, гарантировавших, с одной стороны, коллективную безопасность перед лицом внешних и внутренних врагов, а с другой, — патернализм на уровне всесильного государства-партии, обещавшего материальные и духовные богатства и непременно «полным потоком», и, конечно же, — враз, и, само собой разумеется, «для нынешнего поколения». Нравится нам сегодня это или нет, но исторические факты свидетельствуют, что все революционные и реформистские замыслы недемократического, авторитарного толка были в России осуществлены довольно быстро и успешно — они коррелировали с характером традиционных, аффективных и ценностно-рациональных действий миллионов. Те же немногие попытки реформировать страну по пути развития самостоятельного принятия политических решений, институализации прав человека и индивидуальных свобод наталкивались на контрастирующие социокультурные ценности и образцы поведения. До-

минировавший коллективизм механического толка, групповой эгоизм изначально противостояли рационально-легальному политическому господству.

#### **4. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ ВЕБЕРОВСКИХ ИДЕЙ**

Нынешний процесс демократизации политической власти в России — еще одна попытка интегрироваться в мировое сообщество стран, исповедующих прагматические, рациональные социокультурные и политические ценности.

Эта сложнейшая проблема в принципе решаема, если к ней подойти с учетом идей веберовского рационализма и общемировых тенденций рационализации политической жизни, включая опыт американского общества.

Приверженность к разным типам социальных действий (с разной степенью в них рационального компонента) объективно ведет к естественности политического неравенства. Не в смысле прав и свобод людей, а в смысле их компетентности и способности быть активным социальным агентом, свободно принимающим решения и отвечающим за их последствия. У Вебера реализация идеи политической рациональности связана с разной степенью их участия в политической жизни вообще и политической власти в особенности. Социолог говорит о том, что можно быть:

- политиками «по случаю», когда опускаем свой избирательный бюллетень или совершаем сходное волеизъявление»;
- политиками «по совместительству» — быть доверенным лицом, членом правления партийно-политического союза, государственных советов и т. д.

В этом случае политика «не становится для них *первоочередным* «делом жизни» ни в материальном, ни в идеальном отношении»;

- «профессиональными политиками».

Из тенденции рационализации политической жизни логически вытекает идея превращения политики в своего рода «предприятие», которому требуются профессионально подготовленные люди с разными знаниями и умениями — чиновники-специалисты и «политические» чиновники.

Если эти принципы провести в нашу жизнь, то постепенно пойдет процесс ее рационализации. Утвердился порядок, согласно которому «ходить во власть» должны люди профессионально подготовленные, компетентные в управлении, которые прошли подготовительную учебу и службу, выдержали специальные экзамены, доказывающие их способности и возможности работать на политическом «предприятии», что нельзя путать просто с интеллектуальными способностями. Остальные же должны почувствовать рациональность состояния быть свободным от профессиональной политики и заниматься иным делом профессионально, что, заметим, не исключает для этих людей право оказывать влияние на власть, на характер принимаемых политических решений.

Ценными для россиян могут быть рекомендации Вебера относительно минимизации коррупции в структурах государственной власти. «За счет» политики как профессии живет тот, кто стремится сделать из нее постоянный *источник дохода*; «для» политики — тот, у кого иная цель. Чтобы некто в экономическом смысле мог жить «для» политики, при господстве частнособственнического порядка должны наличествовать некоторые, если угодно, весьма тривиальные предпосылки: в нормальных условиях он должен быть независим от доходов, которые может принести ему политика.

По существу, из этого следует, что при нашем волеизъявлении, вопреки прежним стереотипным установкам выбирать из «низов своих парней» (они-де лучше знают нужды народа и будут заботиться о нем), отдать предпочтение при прочих равных условиях рекомендуется соискателю должности, уже обладающему интеллектуальной или материальной собственностью, имеющему постоянный доход (речь не идет о размерах его богатства), что, как правило, свидетельствует о его предрасположенности к целерациональным действиям и его потенциальной готовности для правовой, этической, рациональной политики.

Примечательно, что проблему коррупции Вебер не сводит к ее экономическому аспекту. Страна, в которой политическая элита дифференцирована, сталкивается с объективными сложностями, вызванными «коррупцией «партийно-политического» характера», когда «партийными вождями за верную службу раздаются всякого рода должности в партиях, газетах, товариществах, больничных кассах, общинах и государствах. *Все* партийные битвы суть не только битвы ради предметных целей, но прежде всего также за патронаж над должностями».

Как видно, проблема коррупции не является специфически российской, и, стало быть, можно использовать веберовские соображения о политическом рационализме для ее нейтрализации. Прежде всего, надо признать, что рациональная бюрократия, как функциональный элемент управления, есть атрибут рационально-легального господства. Если мы хотим российское политическое поле развивать именно в этом направлении, то лидеры партий и политических движений должны осознать, что в общих интересах минимизировать политическую коррупцию. Для этого после каждой очередной партийной баталии, завершившейся приобретением одних и потерями у других, не следует по

ценностным ориентациям конкретных партий и политических движений «перетряхивать» бюрократический аппарат управления. Тем более вредны кампании, иррациональные по сути, направленные на формальное сокращение определенного процента чиновников. Говоря о рационализации политического господства, Вебер отмечал необходимость формирования и поддержания нового социального слоя — современного чиновничества как «высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и низкого мешанства, а это бы ставило под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата, значение которого для хозяйства, особенно с возрастанием социализации постоянно усиливается и будет усиливаться впредь».

Ориентация на этот тип рационального политического господства избавило бы российское общество от массовых иррациональных перемен в государственных институтах после очередных выборов, от чего в конечном счете население несет материальные и духовные потери. Хорошим симптомом в этом смысле явили собой последствия выборов Президента В. В. Путина Общественное мнение, ряд СМИ предвкушали радикальные кадровые перестановки, готовились их смаковать. Но они свелись к минимуму. Впервые в российской истории новой политической элите, пришедшей к самой вершине власти, хватило мудрости и прагматизма в целом сохранить бюрократический аппарат.

Политическую коррупцию можно минимизировать еще и тем, что разделить функционально государственную бюрократию и лидеров партий и политических движений. «Подлинной профессией настоящего чиновника... — замечает Вебер, — не должна быть политика.

Он должен «управлять» прежде всего *беспристрастно* — данное требование применимо даже к так называемым «политическим» управленческим чиновникам... Политический чиновник не должен делать именно того, что всегда и необходимым образом должен делать политик — как вождь, так и его свита, — *бороться*».

И еще один принципиальный момент. Рациональное политическое господство отнюдь не тождественно безвластию, слабостью, тем более ее бессилию. В этой связи Вебер замечает, что государство должно быть институтом, обладающим «монополией легитимного физического насилия»: «единственным источником «права» на насилие считается государство», «насилие отнюдь не является нормальным или единственным средством государства — об этом нет и речи, — но оно, пожалуй, специфическое для него средство».

Трудно не согласиться с этим утверждением. Без решительных действий по укреплению Российского государства в этом плане у нас не исчезнут сами по себе возникшие на «демократической волне» очевидные диспропорции в полномочиях центра и регионов, кстати, закреплённые в республиканских Конституциях. Еще большая проблема для современной России — нелегитимные образования, в том числе и вооруженные, лидеры которых, как правило, прикрываясь патриотическими, национальными, религиозными лозунгами, во имя своих политиканских амбиций и коррупционных целей приносят в жертву права, свободы, а то и жизни других людей. Сколько же еще нужно фактов, подтверждающих, что там, где возникает несколько источников «права» на насилие, там нет и не может быть ни политической рациональности, ни демократии, ни элементарной справедливости? Однако, кажется, режим В. Путина начал осознавать эти опасности для судеб России и принимает военные и политические меры для рационализации властной вертикали.



## 5. ИРРАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Вебер, отмечая несомненные преимущества рационального политического господства, тем не менее признавал и ее латентные, скрытые опасности. Дело в том, что любая рациональная система имеет следующие тенденции:

- заменять человека нечеловеческой по сути технологией (правила, машины, юридические лица вместо живых конкретных людей и т. д.);
- сводить к минимуму фактор человеческого разума, что угрожает возникновению потенциальной возможности ее *дегуманизации* вообще;
- воспроизводить в той или иной степени *иррациональные последствия*;
- современные нечеловеческие технологии способны вызвать озлобление у самих чиновников, которые становятся функционально ненужными.

Опасения Вебера о возможности рациональной политической иррациональности вскоре подтвердились на практике. Нацистский холокост может служить тому примером. У холокоста были все основные характеристики рациональной организации: невиданная прежде *эффективная* машина по массовому уничтожению людей, которая функционировала с четкой *калькуляцией*, сколько могло быть уничтожено людей за определенный период времени. следовательно, результат был *предсказуем*, и, наконец, — все жертвы строго *контролировались* с помощью нечеловеческой технологии, включавшей функционирование бюрократии, лагерей, газовых камер, крематориев, транспорта и т. д.

Сегодня социологи отмечают возникновение новой парадигмы рациональности — *макдональдизации*, под которой американский социолог Дж. Ритцер понимает процесс распространения принципов ресторана быст-

рого обслуживания на самые разные сферы американского общества, включая образование, здравоохранение, отдых, а также политику. Политика, например, превращается в предсказуемого качества «Большой пирог», начинка которого просчитывается, контролируется и варьируется в зависимости от результатов опросов общественного мнения, рейтингов кандидатов на должности, характера потребителей и т. д. Общение политика с избирателями утрачивает личный контакт и все чаще осуществляется через телерекламу.

Макдональдизация, будучи новой парадигмой рациональности, несомненно, способствует развитию целерациональных действий, дисциплины, формирует эффективные, предсказуемые и контролируемые поведенческие акты. Вместе с тем практически все формы макдональдизации в большей или меньшей степени имеют тенденцию создавать специфические социальные связи, в которых люди по существу низводятся до абстрактных технических ресурсов, что так или иначе способствует воспроизводству дегуманизации человеческих отношений и как следствие — воспроизводству социальной напряженности и конфликтов.

Сказанное приводит к весьма актуальным для социологии вопросам: реально ли существование макдональдизированной политики, которая, тем не менее, позволяла бы подавляющему большинству людей быть самими собой, не подавлять свою природу и любить жизнь? А не сталкиваемся ли мы с невиданной ранее тенденцией, когда люди начинают предпочитать зарационализированность человеческих отношений с высокой социальной защищенностью, но с подавлением индивидуальности, с добровольным отказом от политических прав и свобод? Сумеет ли американское общество справиться с иррациональными вызовами макдональдизации? Как на макдональдизации скажется

процесс «бразилизации» американского общества? И есть ли почва для политической макдональдизации в России?

Коллективные представления, смысловые системы и ранее возникшие парадигмы рациональности американского общества — протестантская этика, формальная бюрократия, конвейерное производство, научное управление обществом, корпоративная культура — содержат в себе значительные потенции воспроизводства и поддержания устойчивого рационального сознания, целерациональных действий. Американское общество оказывается способным, во всяком случае пока, поддерживать софункционирование не только различных культур, но и *различных парадигм рациональности* — не за счет уничтожения «неправильных, чуждых, недостаточно эффективных», а добившись их сосуществования. Такое стало возможным, представляется, за счет того, что в обществе, действительно исповедующего идеалы открытого рынка, коллективные представления, смысловые системы и различные парадигмы рациональности не могли не развиваться в направлении согласия относительно норм и функций, ориентированных на инструментально рациональные цели, что ныне позволяет американским людям сосуществовать с различными культурными и политическими ориентациями.

В России иная ситуация. Отсутствие традиций рациональности и целерациональных действий на микроуровне объективно препятствует процессу макдональдизации. И все же макдональдизация, приходящая извне, оказывает возрастающее влияние на наши институты, включая институты политические. Хотя бы отметим то, что в России утверждается определенная технология, рациональная по сути, позволяющая достаточно эффективно и предсказуемо «выпекать» законы.

Макдональдизация и в Америке, и в России, несомненно, способствует снижению рисков и опасностей, обеспечивая эффективность и предсказуемость решения многих политически важных и повседневных проблем. Однако осознанно или нет люди утрачивают собственную активную причастность к событиям, сворачивается человеческое взаимодействие, а значит из политики с неизбежностью выхолащивается Доброта и Любовь — те качества, без которых останавливается человеческий прогресс. В политическую практику все чаще входят приемы макдональдизации и, как правило, они обеспечивают высокий стандарт политических решений, принимаемых законов, снижают риски некомпетентного законотворчества. Но эта практика с неизбежностью уменьшает общение законодателя, представителей партий, политических движений и рядовых граждан, а значит, уменьшает творчески-критический потенциал восприятия информации и как следствие — уменьшается созидательность политической жизни.

Далее, как снежный ком, нарастают пока латентные, непреднамеренные иррациональные последствия. Если уменьшается процесс созидательности, человек перестает творить свою жизнь, соглашаясь подчас с благополучной, но пассивной ролью своего существования. Ограничение или умаление созидательного начала приводит, как считает Э. Фромм, к жажде разрушительности, зависти, деструктивности — тем потенциальным возможностям, которые, по его мнению, коренятся в самом существовании человека<sup>1</sup>.

Макдональдизация, нравится это кому-то или нет, противоположна процессу индивидуализации. До сих пор западная и американская культура шла по пути со-

---

<sup>1</sup> См.: Фромм Э. Здоровое общество. В книге: Психоанализ и культура. — М.: Юрист. 1995; Анатомия человеческой деструктивности. — М.: ООО, Издательство «АСТ—ЛТД», 1998.

здания и развития индивидуальности, что было источником сильных, творческих стремлений. Однако ныне американские молодые люди стремятся делать карьеру не столько за счет личной инициативы, сколько за счет технологий, строгого соблюдения правил игры. Макдональдизация по-российски создает еще худшую ситуацию: восхождение по социальной лестнице, особенно появление «выскачек» (по терминологии П. Сорокина) зависит от следования весьма примитивным политическим технологиям и от близости к конкретным представителям элиты.

И еще. Ряд социологов проводят, как известно, принципиальные различия между разумом и рассудком. Под разумом понимается собственно человеческая способность мыслительно постигать и преобразовывать мир. Под рассудком — манипулирование социальными реалиями и прежде всего вещами ради эффективного и быстрого удовлетворения потребностей. И опять-таки, нравится нам это или нет, но макдональдизация в принципе не нуждается в разумном человеке. Для нее вполне достаточно, чтобы социальный агент обладал рассудком, в котором интеллектуальный компонент сведен к минимуму.

Сказанное отнюдь не означает, что макдональдизация — зло для будущего Америки и России. Ее негативные иррациональные последствия могут быть минимизированы, если в нашем обществе, как и в американском, появятся и другие парадигмы рациональности, в которых будет востребован действующий человек, ориентированный на развитие своей индивидуальности, на возможности пользования своими политическими правами и свободами.

## ЛИТЕРАТУРА

*Алексеева Т. А.* Современные политические теории.— М.: РОССПЭН, 2000, лекция 2.

*Вебер М.* Избранное. Образ общества.— М., 1994.

*Вебер М.* Избранные произведения.— М., 1990.

*Вебер М.* О буржуазной демократии в России. // Социс.— 1992, №3.

*Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н.* История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс.— М., 1991.

*Горшков М. К.* Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ).— М.: РОСПЭН, 2000.

*Громов И., Мацкевич А., Семенов В.* Западная социология.— С.— Петербург, 1997, глава 5.

*История социологии в Западной Европе и США.* Учебник для вузов.— М., 1999, глава 8.

*Патрушев А. И.* Расколдованный мир М. Вебера.— М., 1992.

*Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности.— М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998.

*Фромм Э.* Здоровое общество. В кн.: Психоанализ и культура. Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма.— М., 1995.

*Haralambos M., Holborn M.* Sociology. L., 1995.

*Ritzer G.* The McDonaldization of Society. Pine Forge Press, 1996.

### **Тема 3. Современный структурный функционализм: социальный порядок, политическая инновация и адаптация к ней**

О реальном демократизме и свободе общества можно судить по характеру общественного порядка, по тому, какие общественные силы его обеспечивают, как граждане включаются в политическую жизнь.

Естественно, что в разных обществах в зависимости от культуры и ментальности его членов отношения к участию в политической жизни различно, иногда весьма существенно. Так, в советское время россияне жили по принципу: «Политика — дело каждого». Коллективное участие миллионов людей (формально добровольное) в политических акциях, демонстрациях, разного рода организациях, включая органы власти, безусловная поддержка политического курса КПСС были свидетельства «коренных преимуществ» нашей демократии по сравнению с демократией американской.

В Америке же подавляющее большинство людей не «ходит во власть» и не принимает непосредственного участия в управлении ходом политических процессов. Американцы больше предпочитают индивидуальную жизнь и хотят просто свободы, права быть самими собой, не будучи принудительно вовлеченными в членство каких-либо политических структур. Те же, кто

проявляет интерес к политике, имеют возможность выбирать *разные линии политического поведения* вплоть до принятия или вообще отвержения официальных политических целей и идеалов.

Начиная с 90-х годов, в Россию на смену вождизму и «коллективистской» политики пришли принципиально новые идеалы либерально-демократического толка — представления об индивидуальных правах и свободах, о гражданском обществе и правовом государстве. Их влияние было столь огромно, что сказалось на векторе развития страны. Ее политическое поле стало кардинально меняться, вплоть до переосмысления ценностной парадигмы с коммуно-патерналистской на демократическую. Это, соответственно, повлекло за собой изменение *представлений о социальном порядке, роли в нем человека, об основных политических целях и средствах их достижения*. Кроме того, отныне россияне могли индивидуально осознанно играть активную политическую роль, переходя от одной альтернативы к другой: участвовать или нет в политических партиях и движениях, спектр которых стал весьма внушительным, голосовать ли и как на выборах в Государственную думу и особенно на выборах президентских. При этом возникли невиданные ранее отклонения политического поведения отдельных индивидов и социальных групп от того, что принято определять «нормальным» состоянием.

В этой связи одна из актуальных проблем современной социологии стало исследование того, как в обществе складывается порядок, какие факторы являются решающими в его поддержании, как возникают социальные и политические новации и, соответственно, как люди адаптируются к новым реалиям, особенно реалиям политическим.



## **1. Т. Парсонс: ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК И ФАКТОРЫ ЕГО ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ**

Т. Парсонс (1902—1979) — выдающийся американский социолог, избирался Президентом американской социологической ассоциации, создатель своей собственной теории, в которой предпринял интегративные усилия по объединению микро и макросоциологической теории, автор известных во всем мире книг: «Структура социального действия», «Социальная система», «Система современных обществ».

Социолог начал свою карьеру, когда американское общество переживало депрессию. Ни одна социальная теория того времени не давала достаточно всеохватывающего объяснения тем процессам, которые разворачивались тогда в Америке. Эти теории упрощали и примитивизировали представления о социальной системе, ее функциях, ее способностях к самосохранению и совершенствованию. Т. Парсонс, в частности, подверг критике теории, абсолютизировавшие индивидуальную и общественную рациональность (М. Вебер). Не принял он и теории, в которых главным фактором общественного развития рассматривалась политическая борьба, а поддержания порядка — власть или навязанные ею санкции (К. Маркс).

Что же предложил Парсонс вместо этого? Его теория социального действия предполагает учет как рационального, так и иррационального компонентов в действиях людей. Соответственно, во взглядах на общество социолога прежде всего интересовали вопросы, как социальной системе удастся справляться с человеческой иррациональностью, избегать «войн всех против всех» и не доводить социальные конфликты до катаклизмов.

По мнению Парсонса, власть не является главной силой, способной предотвратить социальное противо-

борство и ее негативные последствия. Применение силы может быть эффективным средством, но лишь в течение исторически непродолжительного периода. В долгосрочной же перспективе ставка на силу может лишь усугубить проблемы общественного порядка. Насилие способно вызвать негативные реакции людей, что способствует общественной дезинтеграции. Оно не эффективно и по трудовым и временным затратам, которые неизбежно требуются для поддержания порядка.

В качестве альтернативного власти средства для поддержания порядка в обществе Парсонс предлагает иные факторы. По его мнению, более эффективным средством является утверждение такой ценностной парадигмы, которая способна обеспечить взаимное сотрудничество людей на основе учета и согласованности их общих ценностных ориентаций и базовых потребностей. Но все же решающим фактором наведения порядка в обществе являются самоограничения людей, добровольное принятие ими общей культурно-ценностной системы. В таком *идеальном случае* нет надобности во внешнем источнике власти, чтобы обеспечивать порядок в обществе. А если же власти часто прибегают к насилию, то это значит, что произошло рассогласование в функционировании структур, что в обществе возникла патология и ему угрожает дезинтеграция.

По мнению Парсонса, предложенная им структурно-функционалистская парадигма способна дать достаточно аргументированное теоретическое обоснование проблемы порядка. Кратко воспроизведем ее суть. Социальная система устойчива благодаря способностям к самоадаптации и самоинтеграции, которые, в свою очередь, детерминированы развитием и совершенствованием социальных функций. При этом каждая часть системы находится во взаимной зависимости с системой в целом и всеми ее частями.

Будучи примененной к российским реалиям, данная парадигма позволяет пролить свет на некоторые стороны как нынешней дезинтеграции страны, так и дезинтеграции в разные периоды ее развития.

Произвольные манипуляции советских, а затем и российских властей с институциональными структурами и их функциями, согласно данной парадигме, неминуемо должны были привести в движение все дезинтеграционные силы, что в действительности неоднократно случалось. Достаточно вспомнить, какие институциональные перемены и последовавшие социальные взрывы вызвала политика В. Ленина по «коммунизации» экономики, или попытки Н. Хрущева ради доказательства идеи «отмирания» государства в условиях коммунистического строительства, передать собственно государственные функции профсоюзам и трудовым коллективам (им, в частности, в принудительном порядке предписывалось брать «на поруки» лиц, совершивших правонарушения). В итоге вместо ожидаемого сокращения и ликвидации правонарушений, общество столкнулось с невиданной волной социальной деструктивности, так что пришлось укреплять органы судов, милиции и прокураторы.

По мнению Парсонса, чтобы социальная система была жизненной и стабильной, способной противостоять социальной дезорганизации и патологии, она должна отвечать четырем функциональным требованиям — *адаптации, целедостижению, интеграции и воспроизводству своего культурного образца*. В приведенных выше примерах нарушались сразу все четыре функциональные императивы. У важнейших институциональных структур изменились основные функциональные предпосылки их существования. Так, были резко ослаблены адаптационные возможности экономической системы за счет навязывания ей «воспитательных» функций; пе-

реосмысливались прежние цели государства и профсоюзов и ставились новые, подчас искусственные, навеянные идеологическими догмами; нарушалась интеграция внутренних компонентов государственных и общественных структур; наконец, переосмысливалась мотивация индивидов, что нарушало воспроизводство устоявшихся образцов поведения людей на работе и в быту. Все это в конечном счете привело к дезинтеграции, резкому ухудшению социального и экономического благосостояния людей.

Особая масштабность нынешней дезинтеграции не в последнюю очередь вызвана поспешно-непродуманным разрушением в начале 90-х годов прежних структур, их функциональности, особенно управленческой вертикали. В то же время новые, только утверждавшиеся экономические и политические структуры не могли предложить общую для всех ценностную парадигму, а потому не обеспечивали социетальную лояльность значительного числа членов общества. В итоге в российском обществе пока не сложились структурно-функциональные предпосылки, которые могут гарантировать стабильный общественный порядок, адекватный *демократическому свободному обществу*.

Замена одних структур на другие не может автоматически повлечь за собой адекватную трансформацию ценностей, статусов, ролей, что конкретно вылилось в серьезные потери функциональности вновь создаваемых и политических, и экономических структур. Для многих людей они просто нефункциональны и даже дисфункциональны, ибо в массовом сознании доминирует престиж структур патерналистского толка, с которыми связываются ожидания стабильности и порядка.

Отнюдь не случайно некоторые политические силы, прежде всего прокоммунистической ориентации, ратуют за стабильность и порядок. Однако осознанно или

нет в стороне остается принципиальный вопрос о *характере социального порядка*. Какой порядок мы собственно хотим? Прежний, основанный «на сильной руке» вождя с тотальным контролем и закабалением, или новый, демократический, предполагающий индивидуальную инициативу и регулирование человеческих отношений на основе закона?

В утверждении социального порядка Парсонс особую роль отводит культурной системе. Именно культура определяет *суть, качество* интеракций между социальными агентами и включает индивидов в социальную систему. Кроме того, культура обладает особой способностью проникать во все другие системы, будучи их органической частью. Наконец, культура может иметь самостоятельную форму существования, выступая в виде знания, идей, ценностей и норм. Поэтому культура обладает, по словам Парсонса, «сверхординарной интеграционной техникой системы действия». Однако культура традиционного общества закрепляет старинные неравенства *предписанного* толка, предполагает использование силы для поддержания порядка, даже если общество является формально эгалитарным в основе своей, каким, например, было советское общество.

Американская культура, связанная с либерально-демократическими ценностями, напротив, по мнению Парсонса, создала «новый тип социетального сообщества», обеспечивая стабильное взаимодействие, социальный порядок и общественное равновесие не силой принуждения, а прежде всего авторитетом самих «ценностных приверженностей». «Новое социетальное сообщество, понимаемое как интегративный институт,— заключает Парсонс,— должно функционировать на уровне, отличном от тех, что привычны нашей интеллектуальной традиции; оно должно выйти за те пределы, где правят политическая власть, богатство и фак-

торы, их порождающие, и подняться на уровень ценностных приверженностей и механизмов влияния»<sup>1</sup>.

Из этого суждения применительно к российскому обществу следует, что оно практически уже с конца 60-х — начала 70-х годов оказалось на перепутье между *властно-силовой и культурной легитимизацией нормативного порядка*. Наша страна продолжала жить по принципам первого типа, который исторически характерен для традиционного общества. Америка, напротив, перешла к культурной легитимизации, которая действует через институциональную систему ценностей. Именно система ценностей, а не сила главным образом стала управлять лояльностями, регулировать права и обязанности коллективов и индивидов.

Т. Парсонс в книге **«Социальная система»** отмечает, что противодействия людей друг другу вообще избежать нельзя, но от этого общество не входит фатально в кризис и социальную вакханалию. Главное — чтобы работал механизм социального контроля, обеспечивающий непереносимое преимущество силам взаимодействия людей, что не исключает использование материальных, духовных, репрессивных и воспитательных средств. Стабильное развитие в конечном счете обеспечивается общей системой ценностей, которая формирует единую мотивацию поведения, гармонизирует социальные роли через общепризнанные культурные стандарты и моральные ориентации.

Применительно к современному российскому обществу можно утверждать, что преодолеть нынешнюю дезинтеграцию невозможно, если подавляющее большинство россиян не примет общую систему культурных ценностей. Причем, это может быть только *система ценностей, адекватная модели демократического свобод-*

---

<sup>1</sup> Парсонс Т. Система современных обществ.— М.: Аспект пресс, 1997.— С.162.

ного общества в ее российской форме. Бесперспективность ценностей патерналистского толка очевидна — их добровольно не примут социально активные слои и группы, в своей совокупности они диссонируют с тенденциями общемирового развития.

Переход от властно-силового порядка к порядку, основанному на культурной легитимизации, не может осуществиться быстро, ибо для этого требуются и новые структуры (демократического свободного общества) и новые их функции. Но не только. В обществе должно произойти высвобождение индивидуальных статусов из рода коллективных уз и развитие ролевого плюрализма.

То, что этот переход лежит в русле общемирового развития, — это несомненно. Но насколько наша страна, ее политическая элита, ее население осознавали эту необходимость и были готовы к ней?

Как правило, наши революционеры и реформаторы при осуществлении политики полагались на чрезвычайные меры для достижения идеалов без учета того, готовы ли структуры конкретного общества функционировать сообразно желаемым идеалам и есть ли люди с адекватными социальными статусами и соответствующим ролевым набором.

Очевидно и то, что исторические предпосылки (отсутствие личных свобод) были крайне неблагоприятны для этого перехода, что обрекало страну на застой, а затем кризисное развитие, на политические катаклизмы, которые рельефно проявились в конце 80-х — начале 90-х годов.

Действительно, самодержавные структуры, воплощенные в крепостничестве, резко противостояли развитию индивидуальных свобод. Аналогично, усилиями советских структур были сформированы устойчивые «коллективистские знания» и патерналистские ценнос-

ти, ориентированные на авторитарную (тоталитарную) модель государства, которое «все может» — предоставить жилье, работу, прописку и т. д. Эти ценности и нормы были практически всеми разделяемы — и руководителями и руководимыми, — что делало социальный порядок понятным и предсказуемым. Но то были ценности патерналистского толка, которые воспроизводили в основном *предписанные* социальные статусы, характерные для традиционного общественного устройства. Отсюда — суть советской стабильности, социального порядка, основанного на личной зависимости людей от коллективов, к которым они принадлежали — особенно от производственных и партийных структур.

Перестройщики и их сменившие реформаторы сделали многое для иллиминации прежних культурных ценностей, но практически ничего, чтобы обозначить ценности новые, оказать им через институциональные структуры соответствующую поддержку. В результате мы имеем ситуацию, когда нечто, что признается в качестве жизненной цели одними социальными слоями, категорически отрицается другими, ориентирующимися на иные ценности. Кроме того, народам России в годы тоталитарного режима внушался комплекс превосходства «пролетарской культуры», плоды чего мы пожинаем ныне — массы, воспитанные на конфликтных стереотипах, не готовы к диалогу культур, к жизни в обществе, в котором доминируют *достижимые* статусы.

По Парсонсу, для преодоления и выхода из исторически исчерпавшей себя модели общественного порядка должны были быть носители иных статусов, детерминированных качественно иными ценностями — возможностью распоряжаться своим «я» в условиях правового регулирования социальных отношений, де-



мократические традиции принятия экономических решений, партнерские отношения, основанные на признании самоценности интересов других людей. При реальном отсутствии институтов гражданского общества эти ценности не могли быть интернализированы людьми, вселиться в их души и, соответственно, изменить их социальные действия, статусы и роли. В этих условиях главенствующим и по существу единственным «законодателем» *потенциально возможных* новых ценностей, новых поведенческих актов, предполагающих индивидуальную инициативу, могло бы выступить государство. Но оно в лице партийно-государственной элиты не было заинтересовано в каком-либо умалении своего тотального властвования, что с неизбежностью работало на сохранение и поддержание социального порядка, основанного на традиционных ценностях, предписанных статусах.

Данные обстоятельства существенно затрудняли переход к социальному порядку демократического, свободного общества, который, еще раз подчеркнем, предполагает самоограничения людей, добровольное принятие ими новой культурно-ценностной системы, стержень которой — индивидуальные свободы, не нарушающие права других людей.

Таким образом, опираясь на положения структурно-функциональной парадигмы, можно сделать следующее заключение: *для перехода от социального порядка, основанного на властном насилии, на авторитаризме, деспотизме или тоталитаризме, на предписанных статусах к социальному порядку с культурной легитимизацией, предполагающего свободных индивидов, правовое регулирование отношений между ними, нужен не только значительный уровень индустриализации, информатизации и образовательного потенциала народа, но и в качестве необходимых и достаточных условий — культурные основания в виде*

*либерально-демократических ценностей, достижимых социальных статусов, значительного расширения ролевого плюрализма, а также им адекватных институциональных структур и функций.*

Этим объясняется, почему восточноевропейские страны даже с меньшим индустриальным и образовательным потенциалом смогли быстрее справиться с кризисом авторитарного порядка, с аномией и начать движение к социальному порядку демократического, свободного общества. Там не были разрушены до основания частная собственность, рыночные отношения, которые воспроизводили соответствующие ценности и образцы индивидуально-инициативного поведения. Там отчасти сохранялись институты гражданского общества, а главное — не успели вытравить потребность человека самому распоряжаться своей судьбой в контексте партнерских отношений с институциональными структурами при значительно больших возможностях для горизонтальной и вертикальной социальной мобильности.

## **2. Р. Мертон: ТИПОЛОГИЗАЦИЯ СПОСОБОВ АДАПТАЦИИ ИНДИВИДОВ К ПОЛИТИЧЕСКИМ РЕАЛИЯМ**

Можно ли с позиций «value free» — свободы от ценностных суждений — дать типизацию политического поведения людей, особенно в переходный период от одних ценностей к другим?

Один из первых, кто предпринял научный анализ поведения людей в период разложения общественных ценностей, перехода от одной ценностной парадигмы к другой был Р. Мертон (1910), выдающийся американский социолог, который избирался президентом Амери-

канской социологической ассоциации, чьи труды прочно вошли в сокровищницу мировой социологической мысли.

Р. Мертон предложил анализ социальной структуры вообще и политической в особенности через призму двух взаимосвязанных переменных: 1) какие цели отстаивает структура и 2) каковы законные, институциональные *средства* достижения этих целей. Противоречия между целями и средствами, их характер и острота влияют на то, принимают ли люди общественные цели и используют ли они нормативные или незаконные средства для их достижения.

Так, в принципе может быть ситуация, когда большинство людей достигает желаемого участия в политике, в органах власти, используя институциональные средства. В таком случае структура находится в устойчивом равновесии, обладает достаточной стабильностью. Однако в реальной жизни, как правило, имеет место большая или меньшая разбалансированность отношений между целями и средствами, что способствует возникновению различных способов адаптации индивидов к социальным реалиям, в том числе политическим. Как, например, люди, не имеющие ни убеждений относительно политических целей, ни собственной воли, ни желания быть индивидуальностью, могут выражать «свое» волеизъявление? Или, как на «воле народа» называется использование отдельными политиками ненормативных средств борьбы за власть?

Учитывая различное отношение индивидов к общественным целям и средствам, Р. Мертон выделил пять типов наиболее характерного поведения — *конформизм*, *инновация*, *ритуализм*, *ретретизм*, *мятеж*.

*Конформизм* — признание как официальных политических целей, так и институциональных средств их достижения. Этот тип распространен, когда степень ста-

бильности общества высока, когда имеет место соответствие и культурным целям, и институциональным средствам.

В Америке, например, главная политическая цель — безусловное обеспечение прав и свобод личности, что связано с организацией и мобилизацией ресурсов для достижения коллективами (государством, деловыми компаниями, церквями и т. д.) их целей. При этом власть политических лидеров коллективов весьма зависима от поддержки широких слоев населения. Для американцев характерна всеобщая ориентация поведения на использование институциональных политических средств: избрание законодательной власти от всех штатов, участие в конкуренции за властные полномочия в федеральных и местных органах власти через политические партии, обращение с петициями к правительству, уважение законов и со стороны государства, и со стороны рядовых граждан и т. д.

В России сегодня дело обстоит иначе. Если считать официальной целью участие в политике ради оказания благотворного влияния на решение общественных проблем, а не ради собственно властвования над людьми и не ради решения своих материальных проблем, то можно утверждать, что лишь сравнительно небольшая часть россиян способна искренне принять соответствующую мотивацию. И дело здесь вовсе не в персоналиях и не в особенностях российского этноса, имеющего особую «жажду власти», а в том, что веками и так вплоть до 90-х годов XX века люди жили в иных ценностных координатах — одни, осуществляя авторитарно-деспотическое властвование, привыкли лгать о «добрых намерениях», прекрасно сознавая, что делают; другие, периодически то бунтуя, то успокаиваясь, все же свыклись с бременем чуждой власти и тем, что их обманывают; третьи сами хотели обманываться и никогда

не спорили о своих правах. Приоритет государственной власти над человеком, подкрепленный идеями единства православия и державности, а также обманом и самообманом об «участии» к народным нуждам был основой политического поведения, считавшегося нормативным, ибо все политические деяния так или иначе оправдывались «высшей целесообразностью», исходящей от государственного или партийного чиновника.

Современный этап политической жизни, несмотря на выдвижение новой ценностной парадигмы либерально-демократического толка, объективно несет в себе значительное наследие прошлого. Даже при искреннем желании адаптироваться к новым реалиям люди от политики, во всяком случае, значительное большинство из них, просто не смогут отказаться от стереотипов державности, «политики для государства», характерной для традиционного, закрытого общества и индустриальной цивилизации. До сих пор у нас есть и руководители, и руководимые, которым близка политика «твердой руки», опирающаяся на жесткие государственные структуры, которые, по существу, насильственно закрепляют за людьми заданные сверху функции и роли. Эти люди с трудом приемлют характерную для демократического свободного общества «политику для человека». Груз прежних ценностных ориентаций не позволяет им отстаивать и жить по принципу признания естественности и неотъемлемости прав человека на свободу. По тем же причинам у нас пока слишком мало политиков, готовых признать и принять новые средства борьбы за политический капитал, за руководящие должности — цивилизованные правила игры, предполагающие соревнования умов, талантов, способностей, политической активности, профессиональной компетентности.

*Инновация* как тип политического поведения предполагает значительное акцентирование цели — обретение как можно большего политического капитала, необходимого для руководящей должности, что сопряжено с использованием, хотя и эффективных, но институционально запрещенных средств достижения власти.

В Америке примером инновационного поведения могут служить ловкие политики, которые достигли высоких государственных и общественных постов различного рода «нестандартными» способами: манипуляцией общественным мнением, использованием приемов, влияющих на подсознание избирателей, умышленная дискредитация конкурентов. И все же в Америке утвердилось законопослушное общество, которое нетерпимо относится к инновационным девиациям, особенно в высших эшелонах политической власти.

Инновационный тип поведения весьма характерен для современной России. Причем в отличие от американского общества, социологические исследования выявляют снисходительность нашего общественного мнения к неинституциональным средствам достижения богатства и власти. Российские средства массовой информации полны сообщениями о прямых или косвенных воздействиях на избирателей при сборе подписей в пользу того или иного политика, о злоупотреблении служебным положением по этим же мотивам и даже о прямых фальсификациях результатов выборов. Проблема здесь не в том, знал или не знал сам политик об этих нарушениях и как он лично реагировал на них. И даже не в том, что правоохранительные органы далеко не все подобные факты выявили и стремились изобличить. Куда большая проблема в том, что россияне в принципе снисходительны к ненормативным средствам достижения власти. А ведь каждый факт произво-

ла по организации «невинного автографа» в подписном листе это — удар по законности, по правам россиян в целом. Не из этих ли «мелких» фактов произвола при «хождении во власть» формируется в итоге девиантное, противозаконное поведение ряда действующих политиков? Как после этого требовать от простых граждан исполнения буквы и духа законов? Очевидно, потенциал институционально запрещенных средств достижения власти сможет быть исчерпан лишь тогда, когда в обществе пустят глубокие корни правовой менталитет, когда утвердится уважение закона.

*Ритуализм* предполагает понижение для себя такой цели, как обретение политического капитала. Надо отметить, что многие американцы, будучи гражданственно активны, проявляя готовность отстаивать свои права и свободы, отнюдь не считают для себя нужным непосредственно участвовать во властных структурах. Возможно, во многом такой тип поведения объясняется и тем, что там экономические отношения непосредственно отделены от политики. Поэтому власть политических лидеров сама по себе не гарантирует получение высоких материальных благ.

В современной России ритуалистский тип политического поведения означает разрыв с традиционным советским стереотипом «политика — дело каждого». Сообразно прошлым ценностным ориентациям более или менее высокий социальный статус предполагал от индивида «активную» политическую позицию. Нормативное поведение ученого, военного, руководителя любого ранга предполагало членство в КПСС. Ныне нормы меняются в сторону нейтрального отношения к тому, какова политическая активность личности. В России есть немало людей, для которых власть, обретение политического капитала не является стимулом для особой активности. Причины и мотивы тому могут быть разные.

Сказываются последствия того, что в течение десятилетий партийно-государственная пропаганда осуждала «карьеризм». Люди со стойкими коммунистическими ориентациями просто не приемлют для себя институты парламентаризма и многопартийность. Другие и прежде, и ныне стремятся «не высовываться». Третьи убедились на практике, что можно делать бизнес, совершать восходящее движение по социальной и профессиональной лестнице, не принимая активного участия в политике. Четвертые просто реально оценивают свои способности заниматься профессиональной политикой, полагая, что в конкурентной борьбе с оппонентами им не хватит ни политических знаний, ни рациональной самоорганизации.

Вместе с тем ритуалисты принимают эпизодическое участие в политике — голосуют на выборах, участвуют в отдельных политических акциях. Для общества понижение политической активности людей не оборачивается социальной проблемой, ибо в своих действиях они не выходят за рамки ныне одобряемых политических целей и средств.

Как свидетельствуют результаты социологических исследований, безынициативный тип поведения при следовании институциональным нормам стал распространяться среди широких слоев рабочих, инженеров и государственных служащих. Угроза безработицы и увольнения, войдя в нашу жизнь, вопреки ожиданиям радикалов, сковала политическую активность части населения. Ритуализм характерен и для определенной части работников культуры и науки. Будучи законопослушными и приверженными только институциональным нормам, они ныне вынуждены интенсифицировать свою профессиональную деятельность и жить, не делая ставку на политическую карьеру.

Наконец, надо учитывать и реальные *возможности* россиян *сознательного и активного участия в поли-*



тической жизни по меркам демократического свободного общества. Для этого необходимо обладать рядом социокультурных характеристик, таких, как способность к политической борьбе, рациональной самоорганизации, а также полагаться на себя, свой труд и интеллект и т. п.

При *ретритизме* как типе поведения люди не принимают как официальные политические цели, так и средства их достижения. Обычно речь идет о лицах, которые отвержены обществом — бродяги, наркоманы, алкоголики. Такие люди есть и в российском и американском обществе.

В стабильном обществе, каким сегодня является Америка, люди с этим типом приспособления встречаются реже всего. Однако в кризисном обществе у определенной части социально здоровых людей также может возникнуть негативное отношение к какому-либо участию в политической и общественной жизни. Так, часть россиян, полностью разуверившись в «старых» коммунистических ценностях, не выбрала для себя иные идеалы. Другие считают, что их участие все равно ничего не изменит в текущем ходе политических событий. Еще одни приняли точку зрения о том, что политика — «дело грязное» и всячески отстраняются от нее. А некоторые уже успели разочароваться в «демократии по-русски» и предпочитают эскейпизм. В итоге совершается бегство индивида из общества. В самых крайних случаях это может принять форму самоубийства. Часть людей уходит в закрытые религиозные секты, к колдунам и шаманам, к новым «Иисусам» и «Девам Мариям».

Весьма любопытен факт, который не получил достаточно аргументированного объяснения, — понижение интереса молодежи к политике, который отмечается как у нас в стране, так и в Америке.

**Мятеж** как тип поведения предполагает отказ от господствующих политических целей и средств борьбы за них, но при этом люди ратуют за принципиально иные, официально неодобряемые политические цели и средства их достижения. И не только ратуют, но и активно действуют в этом направлении.

В любом обществе, в том числе в российском и американском, можно встретить людей с ненормативным политическим поведением, которые полагают, что только неординарными политическими средствами — антикапиталистической революцией, террором против коррупции, патриотическими актами, самосожжением, голодовками, захватом заложников и т. д. — можно достичь желаемых результатов. Как правило, эти цели мотивированы борьбой за «высшую» справедливость.

Однако для современной Америки такой тип поведения является скорее исключением. В обществе с общей системой ценностей, единой мотивацией поведения не могут сколь-либо значимо внедряться мятежные формы поведения.

В отдельные исторические периоды нашей страны такой тип политического поведения был весьма распространен, и сегодня проблема неординарного и экстремистского поведения вызывает серьезное общественное беспокойство.

Чем же обусловлены подобные вспышки политической аномии?

Ретроспективный взгляд на историческое прошлое России свидетельствует, что акты ненормативного политического поведения возрастают тогда, когда на ценностную дезинтеграцию накладывались еще другие факторы, как-то:

- резкое ухудшение экономического и социального положения населения;

- обострение социальных или этнических противоборств, которые, по существу, узаконивают насилие как «естественную» норму разрешения каких-то бы ни было конфликтов;
- властные структуры оказываются нефункциональными или дисфункциональными для значительного количества социальных групп.

Наконец, отметим, что по разным мотивам некоторые российские граждане выражают недоверие всем ветвям власти, не признают легитимность существующих политических структур и потому не верят, что последние способны обеспечить функциональность их гражданских, социальных и политических прав.

Очевидно, нельзя вообще ликвидировать мятежный тип политического поведения. До сих пор ни одной стране мира это не удавалось сделать полностью. Но свести проблемы к минимуму — задача хотя и нелегкая, но реальная. Общий ориентир движения выработала мировая социологическая мысль — система ценностей, адекватная природе человека, позволяющая ему быть свободным, жить для себя, может обеспечить доминирование нормативного поведения вообще и политического, в особенности.

Разумеется, все вышеперечисленные пять типов политического поведения обретают свою специфику, своеобразие у представителей различных социальных слоев — у «новых бедных», называемого среднего класса, и, соответственно, у тех, кого считают «новыми русскими». У этих и других групп имеется разный объем экономического, политического, культурного, символического капитала. По общему объему капитала, который вычисляется эмпирическим путем, можно прогнозировать политическое поведение агентов, принадлежащих к разным группам населения (см. табл. 1).

**Типизация политического поведения с акцентом  
на общий объем капитала**

Типы поведения	Агенты, практически не имеющие капитала	Агенты со средним объемом капитала	Агенты с достаточно большим капиталом
Конформизм	Лояльность к власти, регулярное участие в выборах, посещение санкционированных демонстраций	Деятельность в партии или общественной организации, лоббирование в рамках закона	Участие во властных структурах, лидерство в партии, профессиональное занятие политикой
Инновация	Политический агитатор, считающий нормой двуличие	Функционер, стремящийся стать партийным боссом, полагающий, что все средства хороши для этого	Крупный госчиновник или партбосс, готовый ради еще большей власти пойти на политическое преступление
Ритуализм	Пассианность к политике, эпизодическое участие в выборах	Личное неучастие в политике, делегирование своего капитала другим агентам	Наслаждение неполитическими благами жизни, но спонсорство партии или движению
Ретритизм	Полная аполитичность с отсутствием электорального поведения	Политическая индифферентность, делегирование капитала другим агентам исключено	Отчуждение от власти и политики, богеменный образ жизни
Мятеж	Политическая голодовка, участие в несанкционированных акциях, как крайний случай террорист	Сторонник радикальных взглядов, делегирование капитала ультрареволюционным движениям	Вождь, идеолог национально-патриотической или фашистской партии

### **3. ОБЩЕСТВЕННОЕ РАВНОВЕСИЕ В УСЛОВИЯХ МНОГОПАРТИЙНОСТИ**

Стабильное функционирование общества обеспечивается, главным образом, его институтами, которые устанавливают взаимосвязи между социальными группами, решают насущные проблемы человеческого существования, а также производят и распространяют ценностные ориентации. К числу важнейших политических институтов относятся партии.

В Америке существует многопартийная система при явном доминировании двух партий — демократической и республиканской. Партии через идеи, нормы и ценности организуют и направляют коллективные действия людей, ведут борьбу друг с другом за властные полномочия в федеральных и местных органах власти. Обе партии имеют сторонников в самых широких слоях американского общества и неоднократно подтверждали свою значимость при решении сложнейших проблем развития страны. Именно партии направляют своих членов на выбор альтернатив, начиная от стратегий развития самого общества, выдвижения жизненных идеалов, определения друзей, партнеров и врагов и кончая самыми житейскими вопросами — в какой последовательности и как решать экологические проблемы или поддерживать ли конкретный законопроект. Через конкуренцию альтернатив, которая в демократическом свободном обществе приобретает форму открытого рынка, как правило, определяются общественные приоритеты, находятся наиболее оптимальные пути решения как сложных, так и самых обыденных проблем и тем самым осуществляется общественное управление, рационализируется коллективная жизнь. Так, через партийный плюрализм и демократические процедуры партии побуждают людей действовать в соответствии с основными нормами жизни общества, обеспечивая его

нормальное функционирование, стабильность и общественное равновесие.

Почему же в России партийный плюрализм не привел к рационализации коллективной жизни? Почему у нас деятельность партий не обеспечивает поддержание общественного равновесия, а подчас просто провоцирует социальные коллизии? Может быть, мы переборщили с альтернативами, перешли ту грань, за которой возможность выбора, особенно сама возможность плюрализма стратегий общественного развития оказывается не благом, а злом? И вот уже в обществе витают идеи, а не ограничить ли нам количество партий до нескольких или даже до двух ведущих, как это имеет место в Соединенных Штатах. В самом деле, может быть двухпартийная система и есть та панацея, которая позволит России обрести общественное равновесие и создать порядок, основанный на культурной легитимизации?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, прежде всего обратимся к нашему недалекому прошлому и вспомним восьмидесятые годы. Тогда казалось, что для преодоления застоя достаточно покончить с политическим единовластием коммунистической партии, предоставив тем самым возможности для деятельности самых различных политических сил. Верилось, что это прямой путь к демократическому и свободному обществу, к активизации творческих потенций миллионов россиян, а значит и к современной цивилизованности. В конечном счете мы добились много из того, к чему так стремились — по формально-количественным параметрам российские политические институты в целом и политические партии, в особенности, мало чем отличаются от соответствующих американских аналогов. А вот по качественному характеру своей деятельности наши партии, в отличие от американских — демократической и республиканской партий, практически не регулируют коллективную жизнь людей. Они как бы существуют ради

самих себя, вспоминая об интересах народа, когда приходит пора выборов. Подавляющее большинство россиян не контактирует непосредственно с партийными структурами, не идентифицирует себя с ними. Общение с партиями идет практически через посредника — средства массовой информации и в одностороннем режиме. Через них россияне узнают не столько о самих партиях, их видении актуальных проблем, связанной с ними реальной деятельности, сколько о позициях их лидеров и скандалах вокруг них. Подчас со сменой лидера уходит в небытие и сама партия или политическое движение, не имеющие сколько-нибудь глубинных корней в широких слоях российского общества.

Изменится ли положение дел, если, предположим гипотетически, страна каким-то образом перейдет к двухпартийной системе? Очевидно, что трансформация российской политической системы формально-количественного толка ничего не прибавит в пользу демократизации отношений между партиями и народом, как ничего в плане совершенствования управления страной не изменил в свое время сам факт возникновения множества партий. Напротив, ситуация с общественным равновесием резко ухудшилась в условиях многопартийности.

Представляется, демократы первой волны так и не сумели понять, почему же их гигантские реформаторские замыслы, несмотря на самые искренние намерения демократизировать страну, приобщив к мировым ценностям политического плюрализма, так и не воплотились жизнь сообразно задуманному. Казалось бы, они сделали все возможное, чтобы структуры и функции новых политических институтов и партий походили на мировые аналоги и, в особенности, на американские. И тем не менее реальные результаты не оправдали ни ожидания политической элиты, ни чаяния масс.

Дело в том, что, отметим это еще раз, вплоть до

80-х годов Россия оставалась традиционной страной. Ее партийно-государственные структуры, с одной стороны, строго регулировали социальные статусы и ограничивали развитие ролевого плюрализма. С другой стороны, компартия практически монопольно производила и распространяла знания, жизненно важные ценностные ориентиры, моральные установки. Подчеркнем, они в значительной степени коррелировали с российской ментальностью, в частности, с глубинными чаяниями людей к совместному (не индивидуально!) спасению, с решением насущных проблем всем миром и непременно враз за счет самопожертвования и энтузиазма, за счет героев-муромцев от народа, которые могут все — и врагов победить, и природу «покорить». Отсюда — верование в нашу исключительность при нетерпимости к иным жизненным мирам, обожествление и почитание героев и вождей, разного рода спасителей и предводителей, и, конечно, представителей власти, рассчитывая, соответственно, на их патернализм. В массах всегда особым авторитетом пользовались люди харизматического типа, которых наделяли сверхсилой и которых боялись и любили. Неудивительно, что лозунги партийных вождей о благах «полным потоком» и непременно для «нынешнего поколения» способствовали утверждению «единства советского народа», стабильности общества, управляемости коллективной жизнью.

При нынешнем переходе от традиционного к современному демократическому и свободному обществу ситуация кардинально меняется во взаимоотношениях между политическими институтами, социальными группами и индивидами. Принципиально иными становятся условия как производства, так и распределения знания, ценностных ориентаций, коллективных представлений. Они практически соответствуют открытому рынку, на котором партии реализуют свой товар — идеи, программы, подходы к решению тех или иных



жизненно важных проблем. Коллективные представления, общая мораль не предписываются в качестве обязательных для каждого индивида. Более того, россияне, никогда прежде не выбиравшие жизненные ориентиры, ныне поставлены в условия, когда практически невозможно не выбирать. Появился и буквально навязывается выбор из целой совокупности возможностей: какой деятельностью следует заняться? На какой тип поведения (индивидуальный или коллективистский) лучше ориентироваться? Какое политическое движение мне поддержать? Даже общественные идеалы можно выбрать из набора предложений, которые выдвигаются партиями и движениями.

Эти объективные новации оказались шоком для большинства людей. Во-первых, произошло не просто переосмысление ценностей, а раскол в сознании россиян вплоть до утраты самоидентификации. Многие люди просто потеряли себя в плюралистических политических реалиях. На какую партию положиться? По ком сверять свои жизненные планы? Во-вторых, возник не просто плюрализм новых политических ориентаций и, соответственно, новых жизненных миров, а плюрализм с сохранением прежней истерпимости, которая ныне проявляется даже по отношению к жизненным мирам рядом живущих людей: если кто-то хотя бы чуть-чуть выделяется из общего «Мы», то сразу переходит во враждебное «Они». В-третьих, в России, в принципиальном отличие от Америки, нет и не могли сформироваться за такой исторически короткий срок универсальные нормы, не отягощенные идеологическими пристрастиями, позволяющие сосуществовать и софункционировать людям с различными жизненными мирами и политическими ориентациями. В-четвертых, в условиях аномии стало весьма легко конструировать виртуальные жизненные миры, начиная от финансовых пирамид и кончая пирамидами политическими, кото-

рые, по существу, предполагают делание лишь *одного выбора*, чтобы тем самым обеспечить себе патернализм навсегда, чтобы враз, одним принятым шагом избавить себя от необходимости делать каждодневные рискованные выборы.

Так, какую же политическую реальность россияне способны поддерживать и воспроизводить, учитывая эти перемены? Ведь нельзя успешно решать проблемы порядка, общественного равновесия, не добившись совместимости политических институтов, особенно политических партий, с новыми статусами, ролями и сознанием россиян.

Опираясь на постулаты структурного функционализма, можно полагать, что три основных фактора будут влиять на общественное равновесие в стране в обозримом будущем. Во-первых, в отличие от традиционного, плюралистическое общество с неизбежностью предполагает качественную дифференциацию жизненных миров, основанную на ценностном плюрализме. Это ее непеременимый атрибут, в силу чего бессмысленно и утопично добиваться доминирования одной культурной реальности за счет остальных. В самом деле, все поиски единой общенациональной идеи, предпринятые за последние годы, оказались мало плодотворными. Общая для всех ценностная ориентация, общая мораль возможны лишь в традиционном обществе. Возврат к нему означает вытеснение страны из мирового цивилизационного пространства, в котором доминируют принципы демократического свободного общества. Поэтому, для того, чтобы партия стала общенациональной и имела достаточно большое число сторонников в самых широких слоях общества, бесперспективно закладывать в партийную программу единую доминирующую ценностную ориентацию. Партии, ориентирующиеся на это, хотя и сохранятся, серьезного влияния на коллективную жизнь общества оказать не смогут.

Во-вторых, российская ментальность, хотя и будет меняться, но не быстро. Поведенческие практики на микроуровне будут всячески поддерживать ее, сохраняя особенности нашего национального характера. Люди на подсознательном уровне испытывают ностальгию по стабильности харизматического типа, определенности социокультурных координат, связывая эту определенность либо с вождем, либо на худой конец — с его суррогатом — политической партией, которая всячески будет поддерживать патерналистские чаяния в противоположность индивидуальной инициативе и предприимчивости. Нравится нам это или нет, но многие россияне, подчас не осознавая того, готовы переложить с себя ответственность за свою судьбу на силу, которая, по их мнению, сможет выполнить функции вождя, осуществить патернализм. Поэтому лишь та партия станет истинно массовой, сможет управлять коллективными действиями миллионов, которая возьмет на себя в течение определенного времени выполнение патерналистской функции.

В-третьих, в Россию будут все более мощным потоком идти ценности, основу которых составляют личные права гражданина, индивидуальные свободы. Они потребуют от индивидов переориентации самоидентификации таким образом, чтобы объективно-реальное извне было адекватно тому, что есть реально внутри в качестве жизненного мира. Кое-кто из россиян чувствует себя в этих преобразованиях пресвосходно, будучи, по выражению известного социолога П. Бергера, «виртуозами плюрализма», хотя для большинства эта задача оказалась очень сложным делом. Но тенденция появления все большего числа «виртуозов плюрализма» будет набирать обороты по мере вхождения страны в мировое цивилизационное пространство. Поэтому партия, способная поддержать ценности либерально-демократи-

ческого толка, социально активных индивидов вполне может стать общенациональной.

Итак, что же мы имеем в итоге. Дело не в словах — кто стоит в центре, кто левее или правее. А вот точно определиться партии в отношении базовых характеристик российской ментальности можно вполне, что реально фиксируется с помощью измерительного методологического инструментария.

В этой связи, при сохранении множества политических партий эти две базовые характеристики российской ментальности будут выкристаллизовывать соответственно две партии, которые готовы подпитываться ценностями патернализма и ценностями, предполагающими индивидуальную инициативу. Они в обозримом будущем смогут стать общенациональными партиями, разумеется, при определенной воле их лидеров. Причем, это не обязательно могут быть полярные партии. Скорее всего, они обе вберут в себя отмеченные характеристики российской ментальности, и борьба между ними будет вестись относительно приоритетов, меры поддержки социальных групп с характерным сознанием. Результатом чего может стать социальная стабильность нового качества, основанная на плюрализме жизненных миров, достижимых статусах, ролевом плюрализме, с эффективно функционирующими политическими партиями общенационального типа, которые действительно смогут осуществить свое предназначение по регулированию общественного равновесия в условиях динамичной политической жизни.

Таким образом, главная ценность структурно-функциональной парадигмы состоит в том, что она позволяет прогнозировать вектор перемен российского общества как на макро, так и на микроуровнях. В этой связи можно предположить, что через 15—20 лет политические структуры должны в принципе освободиться от традиционного авторитарного прошлого и в социокуль-

турном, и в функциональном плане, что будет способствовать доминированию конформизма в поведении людей.

При всех достоинствах структурный функционализм имеет ряд существенных недостатков, которые отмечаются критиками этой парадигмы. Он рассматривает социальный прогресс в виде непреложного движения от традиционных структур с «низким» типом партикуляристской функциональности и, соответственно, адаптации и интегрированности к структурам с «более высоким» типом универсальной функциональности, что весьма аргументированно оспаривается. Трудно согласиться и с их этноцентризмом — исключительной ориентированностью на американскую модель развития.

## ЛИТЕРАТУРА:

*Амелин В. Н.* Социология политики.— М.: МГУ, 1992.

*Арон Р.* Демократия и тоталитаризм.— М., 1993.

*Бурдьё П.* Начала.— М., 1994. Лекции и беседы: «Ориентиры», «Социальное пространство и символическая власть», «Делегирование и политический фетишизм».

*Бурдьё П.* Социология политики.— М., 1993.

*Вебер М.* Избранные произведения.— М.: 1990. Рекомендуются две статьи: «Политика как призвание и профессия» и «Основные социологические понятия».

*Здравомыслов А. Г.* Социология конфликта.— М., 1995.

*Качанов Ю.* Опыты о поле политики.— М., 1994. Рекомендуется как дополнительная литература.

*Назаров Н. М.* Политический протест: опыт эмпирического анализа. // Социс.— 1995.— № 1.

*Руковишников В. О.* Социальный и политический конфликт в России. // Социс.— 1993.— № 9.

*Руковишников В. О.* Социологические аспекты модернизации России и других посткоммунистических обществ. // Социс.— 1995.— № 1.

*Смелзер Н.* Социология.— М., 1994, гл. 17.

*Современная социальная теория:* Бурдьё, Гидденс, Харбермас.— Новосибирск, изд-во Новосибирского университета, 1995.

*Сорокин П.* Главные тенденции нашего времени.— М., 1993.

*Сорокин П.* Человек, цивилизация, общество.— М., 1992. Рекомендуется раздел «Политическая стратификация».

*Тощенко Ж. Т.* Социология.— М., 1994.

*Giddens A.* Sociology. Polity Press, 1993.

## **Тема 4. Социальный и гуманистический психоанализ: роль бессознательного и деструктивного факторов в политике**

Ключевым для социального психоанализа является представление о том, что не только *внешние* социальные факты правят поведением людей, влияют на выбор той или иной политики, но и *внутренние* силы. Причем, эти внутренние силы могут олицетворять собой как *сознательное*, так и *иррационально-бессознательное*. Сколько раз мы были свидетелями того, что политика руководителей просто не поддается рациональной интерпретации, а руководимые, ранее бесприкословно повиновавшиеся, ежедневно клявшиеся в преданности и любви, вдруг взрываются и в массовом порыве свергают вождей, а то и политический режим в целом.

Так, причина краха коммунистической политики обычно видится в тех или иных внешних факторах. Их воздействие бесспорно. Но как объяснить *спонтанность* большинства антикоммунистических революций? Что вызвало столь *массовые* порывы? Откуда взялись буквально *вулканические всплески ненависти*? Чем обусловлены желания доселе покорных людей *крушить все и вся* в такие периоды?

Проще всего причину *социального взрыва* видеть в старческой или интеллектуальной немощности вождя.

в его непродуманных политических действиях, цепи его ошибок или даже преступлениях. Если плох один вождь, то можно надеяться, что другой будет лучше и добрее. Если «бандитами» оказалось окружение политического лидера, то тоже можно верить, что другая команда будет непременно нравственнее и профессиональнее. Однако все это видимые, явные заключения, которые не охватывают всю картину политической жизни. А есть ли латентные причины «неожиданных» социальных взрывов? Ведь для людей, живущих в демократическом свободном обществе, такое поведение не характерно. Так, может быть, причины бунтарства, революционности, массовой деструктивности обусловлены *ущербной ментальностью* людей?

Несомненно, авторитарная, тем более тоталитарная политика не проходит бесследно, как для властителей, так и для подвластных им людей. Развиваются страхи, покорность, полдозрительность, зависть, ненависть. До определенного времени они могут быть «вытесненными» в сферу подсознательного и явно не проявляются. Однако люди, лишенные душевного покоя, утрачивают способность к эффективности принятия и исполнения решений. Они совершают необъяснимые поступки, подчас предательства даже близких людей, что *не всегда ими осознается*. Так, иррационально-бессознательный и деструктивный факторы входят в политику. Одним из первых иррациональность в поведении людей стал изучать З. Фрейд.

### **1. 3. Фрейд: ИРРАЦИОНАЛЬНО-БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЯХ**

Зигмунд Фрейд (1856 — 1939) — австрийский врач, психолог, социолог явился создателем психоанализа — принципиально нового направления науки о поведении человека, позволяющей интерпретировать его действия с учетом как сознательного, так и бессознатель-



ного. До него поведение людей в научных исследованиях объяснялось либо физиологическими основами, реакциями на среду, либо детерминировалось сознанием.

Свою профессиональную карьеру З. Фрейд начал как практикующий врач в психиатрической клинике. Лечение нервных болезней натолкнуло его на исследование латентных проявлений душевной жизни людей. Начиная с 1910 года, Фрейд все более переключается на социологическую проблематику и пишет работы: «Леонардо да Винчи» (1910), «Психология масс и анализ человеческого Я» (1921), «Я и Оно» (1923). Основная работа ученого — «Лекции по введению в психоанализ» (две части написаны в 1915—1917 гг., третья — в 1933 г.), — в которой в концентрированной форме изложена его теория.

Фрейд был первым, кто эмпирически изучил бессознательные влечения и обосновал бессознательную мотивацию поступков. Принципиальное новаторство ученого связано с упразднением отождествления душевной жизни человека только с разумом, с сознательным.

Социальные действия индивидов могут быть детерминированны как *сознательными*, так и *бессознательными* психическими процессами, отношения между которыми весьма динамичны. Говоря о роли сознательного, Фрейд отмечал, что большинство сознательных процессов сознательны лишь короткое время. Что же касается бессознательного, то фрейдовская концепция не просто констатирует само существование бессознательных процессов, а указывает на их реальное влияние на характер социальных действий. Люди, принимая даже весьма важные решения политического толка, *могут не знать об их истинных мотивах*. Так, серьезные политические акции и даже войны могут на уровне сознания иметь одни причины, а на деле их реальными мотивами подчас являются всплески ранее подавлявшихся

эмоций политических агентов. Или, например, такая дилемма: вести ли России переговоры с чеченскими полевыми командирами и конкретно с кем. Федеральная власть подчас в течение одной недели дает взаимоисключающие ответы. Какие же из них сознательно, действительно рационально просчитаны? Насколько эти заявления детерминированы эмоциями, освобожденными от контроля и самоконтроля? Разумеется, иррационально-бессознательный фактор присутствует и у американских политиков. Достаточно вспомнить предвыборные кампании: симпатии или антипатии, «благородные жесты» или деструктивные заявления и даже силовые акции во имя «жизненных интересов США» могут определяться силами, которые полностью *не осознаются*.

По Фрейду, все инстинкты сводятся к двум группам: сексуальные инстинкты, поддерживающиеся специфической энергией жизни — *либидо* и деструктивные инстинкты смерти, питающиеся агрессивной энергией, которые проявляют себя в бессознательном стремлении к разрушению, насилию, агрессии, потребности наказания, как себя, так и других. Свое обоснование человеческой деструктивности ученый строит, опираясь на факты распространения очевидной жестокости в войнах и революциях, а также в тоталитарной политике. Кроме того, Фрейд указывает на *латентное проявление враждебности*, которое имеет место в имперской политике, эксплуатации, угнетении слабых сильными. Отсюда следует его положение об *относительном постоянстве количества деструктивности в действиях людей*. Ученый тем самым выступает как против религиозных, так и социальных теорий, согласно которым человек является по своей природе добрым, заявляя, что «вера в «доброту» человеческой природы является одной из самых худших иллюзий».

Заметим, что неофрейдисты, как правило, не оспа-

ривая утверждение о потенциальной деструктивности человека, уточняют ее характер и природу, отмечают разную степень ее распространенности в мире. Кроме того, что в одной культуре считается деструктивным, в другой может относиться к конструктивному (политика борьбы за национальный суверенитет может трактоваться противоположной стороной как экстремистская, террористическая).

Социальный психоанализ позволяет рациональными методами исследовать иррационально-бессознательное и на этой основе свести его к минимуму через принятие оптимальных политических решений, которые должны учитывать, с одной стороны, биологическую природу человека, его инстинкты, а с другой — особенности ментальности конкретных народов, которая имеет, по Фрейд, глубинные корни и не поддается быстрым изменениям.

Можно привести множество данных о том, что политика реформ в России никогда не учитывала ни иррационально-бессознательное, ни человеческую деструктивность. Как следствие, все власти запоздало реагировали на экономические и социальные проблемы, предлагая скоропалительные реформы, которые враз должны были «осчастливить» народ. Популизм и мессианизм — конкретные проявления властями иррациональных страстей: реформы никак не сочетались с всесторонне просчитанным замыслом, их законодательным подкреплением. Нет надобности говорить о том, что власть никогда не задумывалась о соответствии реформаторских преобразований нашей национальной ментальности. «Осчастливление» народа всегда шло через деструктивную «ломку» народа, через авторитарное подавление и игнорирование сложившихся бессознательных микросоциальных практик большинства россиян.

Не лучше обстояло дело с политикой реформ

в 80—90-е годы. С внедрением принципиально новых для страны экономических и политических структур нельзя одновременно поменять российский тип ментальности, сформировавшийся под влиянием тысяче-летней авторитарной политики. Жизненный уклад демократического свободного общества также нельзя постигнуть только *сознательно*. Необходимо еще, чтобы и *бессознательное*, являющееся компонентом нашей ментальности, пришло в соответствие с новыми реалиями. Трудно отречься от практики авторитарно-коммунистической политики. Еще труднее декларативно покаяться, признать собственную вину за ее проведение, что связано с ломкой личности, раздвоением сознания. Но неизмеримо труднее на бессознательном уровне воспринять принципы демократического свободного общества, научиться их соблюдать, *не задумываясь* об этом.

Несомненно, для части россиян, особенно молодых, эта проблема оказалась решаемой сравнительно легко. Для значительного же большинства возникла необходимость *силой сознания* воспринять новые экономические и политические институты или создать *видимость* их восприятия. Возникла ситуация постоянного давления (как правило, не осознанного!) внешней среды на душевную жизнь индивидов. Это приводит к тому, что психика вынуждена оберегать себя с помощью ряда защитных механизмов, которые даже у вполне здоровых людей *примитивизируют уровень социальных действий*.

К этим механизмам Фрейд, в частности, относил *вытеснение* — удаление из сознания мотивов к действиям, которые потенциально вызывают аффект, большую напряженность (это, например, могут быть мысли об экономических и политических *рисках выбора*, которые ныне стали повседневными и ответственность за которые теперь всецело ложится на самих индивидов). Одна-

ко, даже будучи вытесненные в бессознательное, эти «комплексы» постоянно ищут своего выхода и тем самым продолжают влиять на поведение индивидов, от которых требуется расходование все большей энергии, что удерживать их в бессознательном. Зачастую люди как бы «притворяются», что у них нет аффектов, но они на деле существуют в реактивных образованиях: вытесненные риски могут быть скрыты за безразличием, личные неудачи — за беззаботностью.

Индивид может защитить себя и с помощью *отрицания* — не приятие реальной политики, замена ее вымыслами. Россияне в своих воспоминаниях «гонят прочь» неприятно пережитые события, в которых они оказались «в дураках» (коррупция политиков, которых они поддерживали, результаты приватизации) или которые противоречат их жизненным установкам (искренне почитали идеалы справедливости, социализма, что выражалось и в конкретных социальных действиях — боролись с его «врагами», верой и правдой служили благополучию КПСС).

Пожалуй, более всего в России получил распространение такой механизм защиты как *регрессия* — переход к более низким, упрощенно-примитивным социальным действиям. Регрессия может проявляться в самых различных формах — увеличение потребления алкоголя, табачных изделий, наркотиков. Люди испытывают тягу к мистике, полагая, что маги и экстрасенсы враз вылечат их от всех болезней, а молодые, энергичные политики-реформаторы устранят источники возможных опасностей и бед, решат социальные и личные проблемы. Регрессия проявляется и в том, что индивиды совершают действия с неоправданными для себя и окружающих рисками — вождение автотранспорта на недозволенной скорости, выбор криминальных авторитетов в органы власти, пренебрежение законами.

Большинству россиян не удастся избежать накопле-

ния неудовольствий в индивидуальных сознаниях. Это выражается в субъективном восприятии политики, в принципе ориентированной на утверждение демократического общества как антинародного процесса, что находит воплощение в соответствующих социальных действиях. Тяжело переносят «ломку» ментальности практически все слои населения. «Новые бедные» принимают несвойственные ранее социальные действия: участвуют в митингах протеста, вступают в ультрапатриотические партии и движения, а то просто пополняют криминальные структуры. И «новые русские» не только релаксируют в саунах и казино, но порой тоже плачут, совершают массу «глупых» политических акций во вред себе и окружающим. Кроме того, все живут в состоянии страхов: страха перед новыми экономическими и политическими институтами, их рисками, страха совести перед радикальным переосмыслением и изменением личностных установок, невротического страха, что также прямо сказывается на характере социальных действий.

Используя фрейдовскую методологию, можно утверждать, что в российской ментальности содержится большой компонент долготерпения невзгод от всякого рода иррационализма в политике — революций и контрреволюций, реформ и контрреформ, которых хватало во все времена. Однако это долготерпение никогда не являлось и ныне не может явиться панацеей от постоянных эмоциональных стрессов, следствием чего становятся неврозы и реактивные состояния. Не удивительно, что депрессия и фрустрация стали массовыми в России.

Формально в Америке положение дел обстоит не лучшим образом. Соединенные Штаты являются богатейшей страной мира, со стабильной демократией и развитым правовым государством. И тем не менее в стране массово проявляются симптомы психических

отклонений. Америка входит в десятку наиболее неблагополучных стран по количеству совершаемых деструктивных действий — убийств, самоубийств, по числу лиц, страдающих алкоголизмом, употребляющих наркотики. Там, правда, открыто говорят об этих проблемах и ежегодно тратят на них миллиарды долларов. Но, как правило, лечатся симптомы, а не причины человеческой деструктивности. Так, может быть, и там в политических ценностях и принципах чего-то не хватает для полноценной и здоровой жизни людей?

Итак, по Фрейду, политика должна учитывать возможности сознательного и бессознательного душевной жизни человека, так чтобы происходило избавление сознания индивида от постоянного эмоционального давления извне, преодоление негативных воздействий на ментальность и шло целенаправленное вытеснение комплексов ушербности, неполноценности, страха, одиночества. Однако никакие политические структуры в принципе не могут избавить людей от страстей и вожделений, от напряжений между человеком и обществом, ибо любая культура ограничивает внутренние потребности и желания. Тем не менее, по характеру накладываемых на человека ограничений политические системы существенно разнятся: одни явно репрессивны по отношению к природе человека, вызывают тем самым неврозы и патологии, другие, напротив, позволяют людям приспособлять достаточно оптимально свои инстинкты к институтам общества.

## **2. МАССА И ПОЛИТИКА: КОЛЛЕКТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ И СОЗНАТЕЛЬНОЕ**

От изучения личности индивида Фрейд переходит к исследованию массы, особенностей ее политического поведения. На эту тему им написана книга «Психология

масс и анализ человеческого Я». В этом направлении работы он опирается на достижения французского социолога Ле Бона (1841—1931), который одним из первых показал, что при включении в массу отдельно взятый индивид «приобретает коллективную душу», в силу которой он чувствует, думает и поступает совершенно иначе, чем каждый в отдельности чувствовал, думал и поступал бы. Ле Бон также пришел к убеждению, что в массе происходит исчезновение сознательной личности, преобладают бессознательные индивиды, ориентирующиеся на безотлагательное осуществление внушенных идей. Масса не сомневается в истинности или ложности политического курса, уважает силовую политику, требует от своего лидера скорых насильственных действий. Член массы твердо верит в то, что *разумно* отстаивает свои интересы, честь и достоинство массы, что противники — «злые враги», *лишенные здравого смысла*. Масса хочет, чтобы ею владели, чтобы ее подавляли и при этом боится своего вождя.

Однако Фрейд не удовлетворило то, что данное и другие исследования подобного рода не дают аргументированные ответы на многие возникающие вопросы: какая же сила объединяет людей, почему аффективность отдельных индивидов чрезвычайно повышается, а их интеллектуальные потенции заметно понижаются? И самое главное — почему, казалось бы, разумная политика, прекрасные идеалы, будучи приложенными к массе, резко изменяют свой характер, приобретая агрессивность?

По Фрейду, массы могут быть разные: *примитивные* и *высокоорганизованные*, возглавляемые вождями, с четкими подразделениями. В основе последних лежат либидинозные структуры, культивируются иллюзии о том, что верховный властитель (в католической церкви — Христос; в войске — полководец-отец: «каждый капитан в то же время и полководец и отец своей



роты») любят каждого отдельного члена массы равной любовью. Если либидинозные связи нарушаются, например, во время паники, то массы (даже армия) распадаются тотчас же — прекращается всякий учет чужих интересов. Типичным поводом для распада массы является разрыв связи с политическим лидером или вождем, что, «как правило, порывает и взаимные связи между массовыми индивидами».

А что же происходит с энергией массовых индивидов? Энергия никуда не исчезает и находит свой выход в жестоких и враждебных импульсах, в насильственной политике по отношению к людям, которые не относятся к конкретной массе. Даже религия, замечает Фрейд, хотя она и называет себя религией любви, является жестокой и черствой к тем, кто к ней не принадлежит: «В сущности, ведь каждая религия является такой религией любви по отношению ко всем, к ней принадлежащим, и каждая религия склонна быть жестокой и нетерпимой к тем, кто к ней не принадлежит»<sup>1</sup>. Если религиозная связь замещается какой-либо иной, объединяющей массу (ученый приводит пример социализма), то ее политика по сути не изменяется: «в результате возникает та же нетерпимость к внесостоящим, как и во времена религиозных войн».

Социолог считает, что либидинозные связи, составляющие суть *коллективного бессознательного*, характерны для любой массы. Возникающие неизбежно при этом враждебные чувства к внесостоящим в массе *могут не доходить до сознания, но лишь вследствие вытеснения*. Нетерпимость, вражда — часть человеческой природы, но они являются либо вытесненными, сохраняясь при этом в коллективном бессознательном, либо в условиях явной борьбы и резких различий переходят в коллек-

---

<sup>1</sup> З. Фрейд. Психоаналитические этюды. — Минск, 1977. — С. 445.

тивное сознательное: «Родственные, близкие между собой народные ветви отталкиваются друг от друга — южный немец не выносит северянина, англичанин клеветает на шотландца, испанец презирает португальца. То, что при больших различиях возникает труднопреодолимая антипатия — галла к германцу, арийца к семиту, белого к цветному, — нас перестало удивлять», — замечает Фрейд.

В массах, как считает Фрейд, действует самая ранняя и самая первоначальная форма эмоциональных связей, названная им *идентификация*, под которой понимается сознательное или неосознанное отождествление индивида с другим лицом. Изначально идентификация амбивалентна: «она может стать выражением нежности так же легко, как и желанием устранения».

Идентификация, как ранняя и самая первоначальная форма эмоциональных связей, лежащая в основе массы, объясняет то, что у индивида массы социальные действия однородны с другими. Они регрессированы, в них отсутствует самостоятельность и инициатива, критическое восприятие политики вождя. Масса, как и стадо, отвергает все новое, непривычное. Исчезновение сознательной личности, преобладание аффективных действий, коллективного бессознательного в душевной сфере — все это соответствует состоянию регресса.

Говоря о корпоративном духе массы, Фрейд видит его корни в первоначальной аффективной зависти: «Никто не должен посягать на выдвижение, каждый должен быть равен другому и равно обладать имуществом. Социальная справедливость означает, что самому себе во многом отказываешь, чтобы и другим надо было себе в этом отказывать». Думается, в России не случайно терпели крах политические инициативы, связанные с качественным приращением имущественных или политических прав человека. Достаточно вспом-

нить, как россияне негативно реагировали на большие возможности и свободы в плане политической карьеры, на политические самовыдвижения, возникшие с началом демократических реформ.

Амбивалентность идентификации легко приводит к изменению чувств и действий с эмоционально-положительной направленности на враждебные. В случае заражения массового индивида опасной болезнью, отмечает Фрейд, у него возникает «бессознательное желание распространить свое заражение на других». То же происходит, когда беды и лишения сваливаются на несчастных — их пытаются «по справедливости» переложить и на остальных членов массы. Но, подчеркивает социолог, «требование равенства массы относится только к участникам массы, но не к вождю. Всем участникам массы нужно быть равными между собой, но все они хотят власти над собой одного. Множество равных, которые могут друг с другом идентифицироваться, и один-единственный, их всех превосходящий,— вот ситуация, осуществленная в жизнеспособной массе».

По Фрейду, вождь в малой степени связан либидинозно, он не любит никого, кроме себя, а других любит лишь постольку, поскольку они служат его видению «справедливой» политики. Идеал, воплощенный в вожде, становится идеалом людей из массы, у которых, как отмечалось выше, преобладают аффективные действия и коллективное бессознательное в душевной жизни. «Это обстоятельство облегчает выбор вождя. Нередко ему всего лишь нужно обладать типичными качествами этих индивидов в особенно остром и чистом чекане и производить впечатление большей силы и либидинозной свободы, и сразу на это откликается потребность в сильном властелине и наделяет его сверхсилой, на которую он и не стал бы претендовать».

Таким образом, Фрейд показал, что коллективное бессознательное всегда искало вождя, героя, «отца на-

ции», «спасителя Отечества», которые всегда предлагают примитивно-агрессивную, но быструю и относительно легкую политику решения сложных проблем. Если ретроспективно взглянуть на историю России, то не трудно заметить, что в массах всегда особым авторитетом пользовались цари и вожди харизматического типа, которых наделяли сверхсилой, боялись и любили, а не *просветители-преобразователи*, обладавшие для своего времени передовыми знаниями и ясными убеждениями по переустройству страны. Их призывы к кропотливой, сознательной, эволюционной политике не были услышаны, а сами они не были востребованы.

Фрейдовская методология позволяет объяснить то, почему в России с господством в нашей ментальности обостренной социальной справедливости, были весьма распространены гражданские войны за «справедливого» царя, стихийные бунты, скоропалительные революции, реформы «революционного типа», политические кампании, призывавшие «догнать и перегнать» остальной мир (не столь важно, в какой сфере: в спорте, космосе, экономике или демократизме). Господствующая в массах амбивалентность идентификации логично приводила к тому, что «неземная» любовь к «спасителю Отечества», жертвенная преданность «верному» политическому курсу, по мере накопления в бессознательном вытесняемого социального негатива и увеличивавшегося экономического бедствия, давления политического беспредела на индивида, легко переходила подчас без серьезной сознательной мотивации в такую же ненависть, в разоблачение «антинародной» политики, в бичевание низвергнутых вождей и требование нового, «настоящего» героя, готового в очередной раз «осчастливить народ».

Разумеется, характеристики массы *по-разному проявляются в конкретном социокультурном контексте*. Американское общество в принципе основывается на ин-

дивидуалистической культуре. Это не означает, что там нет масс и проблем, связанных с ними. Однако общество с демократическими традициями способно существенно повлиять на качественные характеристики массы. Это, в частности, проявляется в том, что *закрытые* массы традиционного общества постепенно сменяются *открытыми* массами — газетной, телевизионной, потребительской и т. п. массой. Кроме того, индивидуалистическая культура апеллирует прежде всего к интересам конкретных людей, побуждая их к самовыражению, что противоречит основным принципам массы. Именно поэтому индивидуализм, индивидуальное сознание, свободные личности *изнутри* подтачивают массы и способствуют их распаду. Так, ныне политика американских профсоюзов, как правило, не направлена на организацию массовой стачки, которая быстро разваливается, как только удовлетворяются индивидуальные интересы.

### **3. РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В МИНИМИЗАЦИИ ДЕСТРУКТИВНОГО ФАКТОРА В ПОЛИТИКЕ**

Движение от коллективного бессознательного к доминированию коллективного и индивидуального сознательного, по мнению Фрейда, осуществляется через развитие культуры, которая помимо создания земных благ знаменует собой исторический прогресс в упорядочении человеческих отношений вообще и политических, в особенности, ибо «каждая культура создается принуждением и подавлением первичных позывов».

Как считает ученый, человечество сделало немало в деле «господства над природой, и в этой области можно ожидать еще больших успехов». Однако «нельзя с уверенностью констатировать подобный прогресс в деле упорядочения человеческих отношений».

Люди не способны существовать изолированно. Тем не менее они остро воспринимают жертвы по обузданию страстей, которые требуются от них в процессе социализации. Отдельно взятые индивиды могут становиться врагами культуры. Конечно, культура способна интегрировать значительное число членов общества. Однако следствием ошибочной политики, как было показано выше, является то, что некоторые люди становятся ожесточенными, мстительными, а их поведение — деструктивным. Фрейд не верит в то, что ликвидация тоталитарных социальных институтов, замена их институтами демократического свободного общества способна вообще нейтрализовать силу инстинктов: «известный процент человечества всегда останется асоциальным».

И все же социолог констатирует определенный исторический прогресс в человеческих отношениях, что связывает с процессом *интериоризации* — переводом внешних запретов во внутренний мир человека и освоением им сложившихся в обществе моральных ценностей и норм. «Все лица, в которых совершился этот процесс, из противников культуры становятся ее носителями. Чем больше их число в культурном кругу, тем прочнее эта культура, тем скорее она может отказаться от внешних средств принуждения».

Это момент принципиальной важности. Российская культура предполагает политику, основанную прежде всего на *внешнем* принуждении, на *осознанном* страхе наказания, прежде всего руководимых за неисполнение решений руководителей. Отнюдь не случайно, что наше право до сих пор не преодолело репрессивный характер, а ряд законов имеет карательную направленность. В Американской культуре, напротив, политика строится на том, что ее агенты главным образом *изнутри* контролируют свои действия через усвоенные ценности и нормы. Причем контроль становится тем эффективнее,

чем меньше в нем *сознательного* решения следовать законам и нормам, а есть *неосознанное внутреннее желание* соответствовать требованиям социального порядка. Контроль изнутри, разумеется, не умаляет формальную роль закона как внешнего фактора принуждения, который определяет круг обязанностей людей и перечень их прав. С учетом особенностей российского коллективного бессознательно можно прогнозировать, что нам предстоит еще длительный процесс демократизации, прежде чем у большинства россиян произойдет *правовая интериоризация* и появится *неосознанная внутренняя* потребность уважать законы, нами же принятые. Только на этом пути может произойти *реальная* минимизация деструктивного фактора в политике, имея в виду как *характер решений* руководителей, так и их исполнения со стороны руководимых.

Важным компонентом любой политики является *дифференциация запретов по социальному признаку*: привилегированные классы испытывают меньше лишений, пользуются разнообразными средствами для удовлетворения желаний. Угнетенные же классы «испытывают зависть к преимуществам привилегированных», стремятся употребить все, чтобы освободиться от большинства лишений. «Там, где это невозможно, утвердится длительное недовольство, которое может привести к опасным восстаниям», — предупреждает Фрейд.

При этом социолог выдвигает и обосновывает свое видение природы социальных конфликтов и деструктивности вообще, которая, по его мнению, лежит в невозможности в рамках конкретной культуры проводить такую политику, которая могла бы учитывать и смягчать дифференциацию запретов по социальному признаку, доставлять блага одной части общества за счет подавления другой. «Вполне понятно, — замечает он, — что у этих угнетенных развивается интенсивная враждебность против культуры, которую они укрепля-

ют своей работой, но от плодов которой имеют лишь ничтожную долю. В таком случае нельзя ожидать от угнетенных внутреннего освоения налагаемых культурой запретов. Они, напротив, не склонны признавать эти запреты, стремятся разрушить самую культуру... Не приходится говорить, что культура, оставляющая неудовлетворенными столь большое количество участников и ведущая их к восстанию, не имеет перспектив на длительное существование, да сго и не заслуживает».

Глубокая дифференциация запретов по социальному признаку сделала явной необходимостью политику реформирования советского общества. Советская партийно-государственная элита практически не знала запретов и потребляла блага по меркам чуть ли не развитых стран Запада, в то время как простые граждане имели в прямом фрейдовском смысле «ничтожную долю», что не могло не развивать «интенсивную враждебность» против культуры «социалистического выбора». Избавление от этой культуры могло бы восприниматься как благо в историческом смысле, если бы не та огромная цена, которую россиянам пришлось за это заплатить. Возникла аномия на фоне еще более глубокой дифференциации запретов, вызванных *скачкообразной политикой* либерально-демократических реформ (шоковая терапия, не просчитанная либерализация цен, «молненосная» ваучерная приватизация, оборонная конверсия, военная и коммунальные реформы и т. д.). В результате российская культура оказалась в «переходном состоянии», когда известно от чего переходить, что исторически изжило себя, но не выражен рельефно вектор, куда собственно двигаться, к каким духовным ценностям, нравственным принципам и нормам. Ясно лишь одно: — *идет процесс перехода от одной цивилизационной системы ценностей к другой*. Все это не могло не принести дополнительный деструктивный потенциал в российскую политику.



Другой принципиальный фактор, влияющий на деструктивность политики — попытки патриотических сил возродить традиционные российские *культурные идеалы*, особенно представления о величии российской (советской) империи. Как считает Фрейд, идеалы любой культуры имеют *нарциссическую* природу, т. е. культивируют самовлюбленность, гордость, превосходство своих достижений по отношению к тому, что исповедуют, чего добились представители иной культуры. «Культурные идеалы, пишет он, — становятся поводом для расколов и враждебности между различными культурными кругами, и это особенно отчетливо проявляется в отношениях между собой отдельных наций».

Нарциссические тенденции (весьма характерные для американской культуры) стали реанимироваться и распространяться в современном российском обществе, что проявляется в эгоцентризме, культивировании жажды престижа и восхищения, в тщеславии, завышенных самооценках, в озабоченности своей безопасностью. В результате мы имеем такие социальные действия, которые не способствуют сотрудничеству людей, нормальному политическому взаимодействию центра и регионов.

Фрейд рассматривает и такой интересный вопрос: может ли *религиозная культура* помочь в устранении деструктивности из политики? Вопрос, прямо скажем, актуален для современной политической жизни в стране. Многие российские политики ныне напрямую обращаются к церкви за поддержкой своих акций.

Социолог исходит из того, что как человечеству в целом, так и отдельному человеку *трудно сносить жизнь* в двояком смысле. Во-первых, на индивидов оказывают давление *культурные предписания* и особенно неблагоприятные воздействия, спровоцированные *несовершенством культуры*. Во-вторых, люди сталкиваются

ся с ушербами, причиняемые им необузданной природой, которые принято называть *судьбой*.

Неблагодарно и вообще близоруко стремиться к упразднению культуры. Тогда останется только природное состояние и выносить его гораздо труднее. В этих условиях, как считает Фрейд, у человека возникает predisposition к инфантильному мышлению и поведению по аналогии с реакцией ребенка на жизненную ситуацию: у него есть авторитетный отец, внушающий не только страх, но и являющийся его защитником против опасностей. Сходным образом, полагает ученый, наши предки не только наделили силы природы человекообразными существами, с которыми можно было обращаться как с равными, но и *придавали им характер отца, превращали их в богов*. Так возникает религия, которая, как считает Фрейд, содержит отцовское ядро за каждым божественным образом и тем самым создает основу для *инфантильного мышления и поведения*.

Бог заменяет функции отношений ребенка к отцу, для которых характерна своеобразная амбивалентность — его боятся, но о нем тоскуют и им восхищаются. Сохранение этих функций некоторыми людьми современного общества, по мнению Фрейда, способствует воспроизводству инфантильного мышления и соответствующих социальных действий *регрессивного характера*. Подобного рода действия никак не способствуют вытеснению деструктивности из политики.

Что же касается влияния религиозной культуры на нравственность, то, как полагает Фрейд, нет очевидных свидетельств, что люди верующие более нравственны. «Русская психика, — пишет он, — вознеслась до заключения, что грех явно необходим, чтобы испытать все блаженство милосердия божьего, и потому в основе своей грех — дело богоугодное. Совершенно ясно, что священники могли сохранить покорность масс религии

только тем, что разрешали большие уступки человеческой природе первичных позывов. Было установлено: бог один силен и благ, человек же слаб и грешен. Во все времена безнравственность находила в религии не меньшую поддержку, чем нравственность».

Становление интеллектуализированного поведения и минимизацию деструктивности Фрейд связывает с утверждением *культуры духа науки* в обществе и человеческих отношениях. Считая религию «общечеловеческим неврозом», который отпадет в процессе роста человеческой цивилизации, ученый полагает, что рациональное обоснование запретов, заповедей и законов лучше религиозного в плане и укрепления культурного фактора в человеческих отношениях, и в совершенствовании законов. «Люди поняли бы,— замечает Фрейд,— что эти законы не столько для того, чтобы господствовать над ними, сколько для того, чтобы служить их интересам; у них создалось бы к ним более дружественное отношение, и они ставили бы себе целью не уничтожение их, а только улучшение. На пути, ведущем к примирению с давлением культуры, это было бы важным шагом вперед».

Фрейд верит в конструктивную роль *культуры науки*, в интеллектуализацию мышления и поведения людей, хотя при этом отмечает объективные трудности данного процесса: «Мы можем сколько угодно подчеркивать бессилие интеллекта по сравнению с властью человеческих первичных позывов и быть при этом правыми. Однако слабости этой присуща некая особенность: голос интеллекта тих, но он не успокаивается до тех пор, пока его не услышат». Фрейд подчеркивает, что наука весьма молода, но человеческий интеллект уже достаточно окреп, чтобы пользоваться научным инструментарием для адекватного восприятия проблем мироздания, для минимизации человеческих страстей и деструктивности.

#### **4. Э. Фромм: НОВАТОРСКИЕ ПОДХОДЫ К ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ**

Эрих Фромм (1900—1980) — немецко-американский социолог, который внес значительный вклад в постижение социально-бессознательного, иррациональных сторон общественной жизни, внутренних противоречий человека, его страстей и желаний.

Социолог с позиций *гуманистически-культурной* ориентации критически переосмыслил фрейдовский натурализм, его во многом естественнонаучные схемы природы человека и, творчески развивая общую методологию психоанализа, предложил теорию *гуманистического психоанализа*, которая исходит из необходимости приспособления общества к социальным и биологическим потребностям человека.

Социологическое образование Фромм получил в университетах Германии, где и приобщился к психоанализу. С 1929 г. работал в известном Франкфуртском институте социальных исследований, в котором занимался изучением неосознанных мотивов поведения в малых и больших группах. Участвовал в эмпирических исследованиях бессознательного, иррационального, страхов и страстей в общественной жизни. С приходом нацистов к власти эмигрировал в США, где вел преподавательскую работу и основал институт психоанализа. Последние годы Фромм жил и писал книги в Швейцарии.

Ряд работ Э. Фромма, которые являются бестселлерами и неоднократно переиздавались в США и Европе, ныне стали доступны и российскому читателю: Бегство от Свободы.— М., 1989; Душа человека.— М., 1992; Анатомия человеческой деструктивности.— М., 1998; Здоровое общество.— М., 1995; Человек для себя: Иметь или быть? — Минск, 1997 и др.

Э. Фромм категорически не согласился с фрейдистскими постулатами о детерминированности деструктивности только инстинктивными влечениями, на чем, как известно, строились утверждения будто инстинкты предопределяют определенный уровень агрессивности и разрушительности людей в обществе, а потому деструктивность неизбежно-де присутствует в политике. На основе исследования многочисленных эмпирических данных деструктивных действий индивидов (совокупности числа самоубийств и убийств на 100 тыс. человек взрослого населения) в различных странах Европы и США ученый обнаружил, что совокупный показатель таких действий — величина не постоянная, а колеблющаяся, ее крайние значения разнятся почти в 10 раз. Эти и другие данные побудили Фромма *переосмыслить существовавшие трактовки человеческой природы* об относительном постоянстве количества деструктивности. Социолог отверг как фрейдовский натурализм, видевший причину деструктивности в первичных позывах, так и социологические теории, исходившие из изначальной «доброты» человека. Главный постулат Фромма — рассматривать человека в его телесно-духовной целостности и в контексте культуры конкретного общества. По мнению социолога, «идеальная модель» цели человека — *быть самим собой*, а условие достижение этой цели — *быть человеком для себя*, развертывание человеком своих сил согласно его природе.

Пытаясь преодолеть ограниченности биологического и социального подходов к человеку, Фромм предложил видение человеческой сущности как *структуры фундаментальных противоречий*, названных им «*экзистенциальными дихотомиями*». Основная экзистенциальная дихотомия — дихотомия жизни и смерти. Человек является частью природы, он — животное и тем самым подчиняется законам природы; вместе с тем он вышел за пределы собственно природного мира благодаря воз-

никновению у него самосознания, разума, воображения. Тело человека заставляет его хотеть жить, а разум позволяет ему предвидеть собственный конец, что обрекает человека на двойственное, противоречивое существование. «Человек — единственное животное, — пишет Фромм, — для которого собственное существование составляет проблему, которую он должен разрешить и которой он не может избежать. Он не может вернуться к дочеловеческому состоянию гармонии с природой; он должен продолжать развивать свой разум, пока не станет хозяином природы и хозяином самому себе»<sup>1</sup>. Необходимость вновь и вновь разрешать противоречия своего существования, находить более высокие формы единства с природой, с другими людьми и самим собой — вот источник всех душевных сил, движущих человеком, источник его страстей, той политики, которую он иницирует.

Что же следует из постулата об экзистенциальных дихотомиях человека? Если Фрейд считал, что либидо является основной силой, движущей человеческими желаниями, то Фромм исходит из того, что наиболее мощные силы, определяющие характер поведения человека, берут начало в *социокультурных условиях его существования*, в самом обществе. В то время как тело требует удовлетворение животных потребностей, разум и совесть ориентируют человека на стандартизированную систему культурных образцов, которые есть в любом обществе. Они составляют собственно *человеческие потребности*. В разных культурах они могут быть специфическими. Но их *общей основой для всего человеческого рода является необходимость единения, приобщения к деятельности других людей, сопричастности с себе подобными, в том числе с прошлыми и будущими поколениями*.

Даже при полном удовлетворении биологических

---

<sup>1</sup> Э. Фромм. Человек для себя. — Минск, 1997. — С. 40.

потребностей, человек не удовлетворен. Более того, в противоположность животному, с этого момента у человека начинаются самые непреодолимые проблемы — он стремится к власти или к любви, созиданию или разрушению, ради религиозных или политических идеалов рискует собственной жизнью вплоть до самопожертвования.

На экзистенциональные дихотомии каждый индивид дает свой ответ, ищет и выбирает свой путь достижения сопричастности с другими людьми, с миром в целом. Человек может вообще отрицать (но не уничтожить!) эту дихотомию путем обращения к религии — христианская вера приписывает душе бессмертие, отрицая тем самым факт, что человеческая жизнь кончается смертью. Он может обратиться к идеологиям, которые также стремятся примирить или отрицать данную дихотомию. Например, в советское время господствующая идеология утверждала, что смысл жизни — в социальных обязанностях индивида перед коллективом, государством и коммунистической партией, именно их интересам подчинена политика. Культивировавшаяся преданность личной жизни «идеалам коммунизма», «вождям» народа, компартии зачастую достигала таких страстей, которые превосходили стремление к самосохранению.

Фромм отмечает несколько типичных возможных ориентаций по разрешению дисгармонии человеческого существования. Так, человек может попытаться приобщиться к миру, *подчиняясь* отдельной личности, социальной группе, организации, партии, государству, Богу (мазохистская тенденция: человек испытывает удовлетворение от причиняемых ему моральных или физических страданий).

Сопричастности человек может достичь и при помощи *власти над миром*, посредством политики *господства*

*над другими людьми* (садистская тенденция — получение удовлетворение от страданий других).

В российской культуре любая политика — от царей до коммунистов — имела оба вышеназванные начала. От руководимых она требовала уничтожение собственной индивидуальности, личных прав и свобод. Достаточно вспомнить, что воплощение партийных планов в жизнь связывалось не с саморазвитием людей, а с их *самопожертвованием*, готовностью к страданиям, испытаниям, преодолению трудностей и т. д. Руководители же смотрели друг на друга с нескрываемой завистью: у кого больше «*нитыков*» (индивидов, находящихся в подчинении), тот и выше рангом, более значим в государственной и партийной иерархии. Удовлетворить же завистника невозможно: подчиненных и власти никогда не бывает достаточно.

Человек, движимый социальным мазохизмом или садизмом, как считает социолог, *всегда* останется неудовлетворенным, тревожным и беспокойным, ибо *нет предела* для отмеченных стремлений, и в конечном итоге они приводят к крушению его индивидуальности: он попадает в зависимость от тех, кому подчиняется или над кем господствует.

Есть только одно решение проблемы: человек должен принять на себя ответственность за самого себя, за свои действия и связанные с ними риски. Только полагаясь на собственные силы, он может придать смысл своей жизни, став самим собой и *для себя*.

По Фромму, существует лишь один путь единения человека с миром, который позволяет ему сохранять и развивать свою индивидуальность, быть самим собой и для себя — любовь. «*Любовь — это объединение с кем-либо или чем-либо вне самого себя при условии сохранения обособленности и целостности своего собственного «Я»*. Это переживание причастности и общности, по-



звояющее человеку полностью развернуть свою внутреннюю активность. Переживание любви делает ненужными иллюзии. Отпадает потребность преувеличивать значение другого человека или свою собственную значимость»<sup>1</sup>.

Ответом на экзистенциальные дихотомии могут стать *созидательность* или *разрушительность* в действиях и политике людей. Человек один осознает себя существом сотворенным без его согласия и желания. Но его разум и воображение движут настоятельной потребностью выйти за пределы этого пассивного, ограниченного состояния и стать творцом собственной жизни. В акте творчества человек поднимается над пассивностью и случайностью своего существования как животного. Созидание предполагает вступление человека в царство целеустремленности и свободы, где он создает необходимые ему материальные и духовные ценности и тем самым преодолевает *ограниченность своего существования*. Но *уничтожение, разрушение* жизни также дает возможность человеку выйти за пределы своего существования. В акте разрушения человек так же ставит себя над жизнью. В стремлении преодолеть собственную ограниченность человек всегда оказывается перед дилеммой: либо созидать, либо разрушать.

В трактовке созидательности и разрушительности Фромм переосмыслил многие фрейдистские положения. Напомним, согласно Фрейду, деструктивность обусловлена инстинктивными влечениями человека и могла лишь менять свою направленность — по отношению к себе или по отношению к другим людям. Фромм же считает, что *общество, характер конкретной политики могут способствовать либо созидательности, либо разрушительности*, прямо заявляя: «деструктивность раз-

---

<sup>1</sup> Э. Фромм. Здоровое общество. — С. 299. В кн.: Психоанализ и культура. — М., 1995. — С. 292—294.

вивается в результате блокировки плодотворной энергии»<sup>1</sup>.

Политика советских руководителей от Ленина до Горбачева строилась на положении, что человек по своей природе разумен и добр. Добро должно было восторжествовать, как только будет покончено с определенными социальными реалиями Зла — частной собственностью, буржуазией, кулаками, «врагами народа», бюрократами, националистами, империалистами и т. д. Недооценка сложности человеческой природы, абсолютизация разума, героизма, жертвенности и игнорирование внутренней активности, человеческой индивидуальности, любви как таковой, приводили к тому, что планы по строительству «светлого будущего» никогда не сбывались, а экономические достижения самым причудливым образом сочетались с варварскими акциями против собственного народа, с деструктивностью и жестокостью по отношению «плохих» образцов иной культуры. Заблуждения советских руководителей относительно рационалистской сущности человека, их блокировка плодотворной энергии людей дали Фромму основание считать в принципе несовершенными и неэффективными политические механизмы советского общественного устройства и прогнозировать крах этого режима.

К сожалению, и сегодня многие иллюзии прошлого сохраняются. Демократы, недооценивая силу иррациональных и разрушительных страстей, полагали, что упразднение государственной авторитарной экономики, политического господства одной партии автоматически создаст свободных людей, разблокирует плодотворную энергию миллионов людей и они станут готовыми к сотрудничеству в условиях рыночных отношений. Однако свобода предпринимательства, приватизация, поли-

---

<sup>1</sup> Э. Фромм. Человек для себя. — С. 178—179.

тический плюрализм сами по себе вовсе не ведут к возникновению *духа единения и созидания*. Для этого еще требуется политика, обеспечивающая, по словам Фромма, «переживание причастности и общности», политика, дающая реальные права каждому и всем; а в идеале — каждому гражданину влиять на характер принимаемых решений, неся за это ответственность. «Удовлетворение потребности в созидании,— замечает социолог,— ведет к счастью, разрушительность — к страданию, и больше всех страдает сам разрушитель».

Политика демократов по реформированию российского общества изначально была ориентирована на самые различные разрушительные и прагматические цели, но только не на то, чтобы новое взаимодействие людей привело к доминированию созидания. Не были созданы условия для созидания и получили то, что следовало ожидать — невиданный ранее всплеск разрушительности в стране. Разрушительность стала тотальной, привела общество в состояние правового коллапса. И верхи, и низы, подчас не осознавая того, продолжают жить по иррационально-деструктивным принципам.

Другой экзистенциальной дихотомией, по Фромму, является *укорененность* в противовес *кровосмешению*. Социолог считал, что в человеке идет борьба, с одной стороны, между глубоким и сильным стремлением не разрывать природные узы, прежде всего не покидать сферу защиты семьи, рода, коллектива, религиозной общины, нации, государства, а с другой — поиском новых человеческих связей и отношений. Не всякий человек может освободиться от кровнородственных уз. Освобожденный от традиционных связей, напуганный свободой, плюрализмом выборов и рисков человек может прибегнуть к новому идолопоклонству. Наиболее ярко, считает социолог, это выражается в национализме и расизме, в культе государства и вождей, в признании «единственно верной» политики. Че-

ловек, как правило, не осознавая того, начинает судить о членах своего окружения и «чужаках», исходя из разных критериев. Фромм замечает: «Человек, не освободившийся от уз крови и земли, не родился еще в полной мере как человеческое существо; его способность к любви и разуму искалечена». Если общество воспроизводит таких людей, то, естественно, они скорее поддержат политику разрушительную, агрессивную, политику борьбы с «врагом» (неважно каким), чем политику созидательную.

Кроме того, Фромм различает *авторитарную и гуманистическую совесть*. В первом случае ценностные суждения становятся нормами совести, потому что они узаконены авторитетом, но при этом они могут быть противными человеческой природе (так, в советский период критерии Добра и Зла были продиктованы авторитетом «вождей»: кто верил в сказанное Сталиным, считал, что он живет по совести). Гуманистическая совесть — выражение целостности человека, требующее от него жить плодотворно собственной жизнью, развивать полное функционирование своей личности.

Фроммовская методология помогает выявить природу деструктивной политики в отношениях центра и регионов, понять иррациональность многих конфликтов, возникших после распада традиционных кровосмесительных фиксаций времен Советского Союза — заверения национальных лидеров (ныне губернаторов) в верности официальному курсу, как правило, гарантировали и гарантируют «отцовское покровительство» Кремля. Новые же взаимоотношения центра и регионов, к сожалению, строятся не на уровне критического переосмысления прошлой безопасности, ассоциировавшейся с близостью к «вождям» Кремля. Вместо движения к укорененности нового качества, в которой бы присутствовали разум, любовь, гуманистическая совесть, взаимное уважение прав на поверхность политической

жизни выплеснулись, освободившиеся от официальной цензуры и самоцензуры эмоции, которые растревожили иррациональные силы. Залегавшие в слоях подсознания вытесненные обиды, связанные с той или иной ущербностью национальной или социальной группы, вероисповедания, теперь вышли на поверхность и обрели форму противоборства «своих» с «чужаками».

Заметим, что Фромм с оптимизмом смотрит на возможности такой политики, благодаря которой человек «преуспеет в развитии своего разума и любви, больше, чем это ему удавалось до сих пор, сможет построить мир, основанный на человеческой солидарности и справедливости, ощутит, что уходит своими корнями в опыт всеобщего братства». Социолог считает, что в принципе природа человека способна к изменениям, к минимизации деструктивности, поддается гуманизации, и современный человек способен обрести новую, очеловеченную форму, тем самым став *человеком для себя*.

С позиций гуманистического психоанализа человек для себя — это тот, кто в практическом взаимодействии с людьми и природой живет по любви и разуму, способен творить, обладает чувством тождественности, основанном на ощущении себя субъектом и носителем собственных сил, стремится постичь с помощью разума внутренние и внешние реальности внутри и вне нас самих.

В развитии человеческого рода степень осознания человеком самого себя как активного субъекта своих сил зависит от того, насколько продвинулся процесс индивидуализации. Развитие американской культуры, казалось, шло по этому пути. Однако, как полагает Фромм, «для большинства людей индивидуализм оказался всего лишь фасадом, за которым скрывалась неспособность достичь индивидуального чувства самотождественности», которое служит источником наиболее

сильных стремлений и действий людей. Чувство тождественности все больше и больше смещается к конформизму, в результате чего характер действий людей становится совсем иным. Индивиды отказываются от любви, лишаются свободы, жертвуют собственными мыслями ради достижения общественного положения, ради обретения сходства с остальными.

## **5. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА НА ПОЛИТИКУ**

Стержнем гуманистического психоанализа является концепция социального характера как совокупности социокультурных установок и норм для подражания, существующих в конкретном обществе, которые, как правило, не осознаются индивидами, но весьма существенно детерминируют их поведение в социальной жизни, в выборе характера политических стратегий.

Социолога интересуют не абстрактные качества людей, не единичные добродетели или пороки, а типичные черты, которые соотносят человека с собственно человеческим и природным миром. Под понятием социальный характер Фромм подразумевает *то общее для большинства представителей одной и той же культуры, что образует относительно стабильную систему неинстинктивных стремлений, ориентаций, установок, которая функционирует так, как того требуют общественные структуры в данный исторический момент.*

Концепция Фрома опирается на фрейдовскую характерологию в следующих пунктах: черты характера конституируют силы, которые личность может не осознавать; признается, что сущность характера строится не на единичном его свойстве, а является целостной структурой, из которой вытекает некое множество единичных свойств. Вместе с тем Фромм полагал, что ис-

точником энергии характера, его основой являются процессы взаимоотношения людей друг с другом и их отношение к вещам. Характер — это продукт межличностного общения, он также детерминирован культурой общества.

Назначение социального характера состоит в организации энергии членов общества таким образом, чтобы их поведение определялось *не сознательным решением* следовать социально заданному образцу, а *желанием поступить так, как они должны, испытывая при этом удовлетворение от действий, соответствующих требованиям культуры*. Если бы каждый человек, занятый общественной деятельностью, ежедневно *сознательно принимал решения*, что он хочет исполнять все предписанные при этом требования, то подобное *сознательное* обдумывание деятельности привело бы к значительному числу исключений, чем это допустимо для функционирования конкретной структуры и общества в целом. Для большинства представителей современной культуры необходимость быть на уровне требований высокоорганизованной деятельности превращена во *внутреннее, неосознанное стремление* к такому поведению.

Социальный характер как ядро индивидуальных характеров множества индивидов формируется в процессе приобщения индивидов к материальным, духовным и политическим ценностям. На него оказывают влияние особенности экономической деятельности, религиозные и политические идеи. Через социальный характер новому поколению от предыдущего передаются разум, любовь, толерантность, равно как враждебность и беспокорство. Пока объективные условия образа жизни и жизненная практика остаются относительно неизменными, социальный характер играет главным образом стабилизирующую роль в обществе. Однако, как подчеркивает Фромм, если изменяются внешние политические или идеологические условия, если они переста-

ют соответствовать традиционному социальному характеру, то он превращается в дезинтегрирующий общество элемент.

Говоря о современном американском обществе, Фромм отмечает, что на его социальный характер особое влияние оказывает рынок как основа структуры человеческих отношений. Рынок внес такие положительные ориентации в социальный характер, как практичность, бережливость, старательность, сдержанность, осмотрительность, упорство, хладнокровие, приверженность порядку и др. Однако, с точки зрения социолога, рыночные отношения внесли и значительный негатив в социальный характер, что выражается прежде всего в закреплении установок и норм латентной несвободы индивида. В целом Фромм отмечает следующие отрицательные стороны американского социального характера, имея в виду его «идеальный тип»: отсутствие воображения, скупость, подозрительность, холодность, обеспокоенность, упрямство, одержимость, собственничество.

Вместе с тем, считает Фромм, существенные перемены в американском обществе сказываются на его социальном характере и, соответственно, на поведении индивидов. Практически исчезла экономическая эксплуатация масс. С ликвидацией материальных тягот коренным образом изменилось человеческое и политическое положение трудящихся, которые становятся социальными партнерами администраторов и представителей власти. Но, несмотря на материальное процветание, политическую свободу, многие индивиды лишились позитивных черт, относящихся к *достоинству человека*: у них нет ни собственных убеждений, почти нет индивидуальности, нет самостоятельности. В целом социальный характер американского общества обрел следующие качества: «Вместо соперничества мы находим усиливающуюся тенденцию к совместной работе;



вместо стремления к непрерывному росту прибыли — желание иметь постоянный и надежный доход; вместо эксплуатации — тенденцию поделиться богатством с другими и манипулировать ими и самим собой; вместо рациональной или иррациональной, но *явной* власти мы обнаруживаем власть *анонимную* — власть общественного мнения и рынка; вместо собственной совести — потребность приспособляться и получать одобрение со стороны; вместо чувства собственного достоинства и чувства хозяина — постоянно усиливающееся, хотя большей частью неосознаваемое, чувство бессилия»<sup>1</sup>.

Вместе с тем, главная негативная тенденция изменений в социальном характере это, по мнению Фромма, — *отчуждение*. Под отчуждением социолог понимает такой способ восприятия мира, при котором человек становится как бы отстраненным от самого себя. Он не ощущает себя двигателем своих собственных действий. Более того, он вступает в *мир несвободы*: хотя индивид питает иллюзию, будто делает то, что хочет, в действительности им движут иррациональные силы, отделенные от его сознательного «Я».

Отчужденный человек, находящийся во власти иррациональных сил, создает себе идолов в виде вождя, коллектива, политического движения, власти, денег и т. д., почитая которые он надеется вновь обрести свои силы. Но на самом деле он утрачивает самость, ибо созданные им идолы возвышаются и главенствуют над ним. Человек перестает быть творцом, превращаясь в слугу, сделанных его руками идолов. Фромм, в частности, отмечает: «Человек, движимый главным образом жадной власти, уже не воспринимает себя во всем богатстве и во всей безграничности человеческого существования; он становится рабом своего частичного,

---

<sup>1</sup> Э. Фромм. Указ. соч. — С. 355—356.

проецируемого на внешние цели стремления, которым он «одержим».

Опираясь на проделанный анализ, Фромм предлагает разграничивать социальные характеры *плодотворной* и *неплодотворной* ориентации. Разумеется, ведя речь об их «идеальных типах» — характер конкретной личности может сочетать несколько ориентаций при доминировании одной из них. Под характером плодотворной ориентации социолог имеет в виду способность человека использовать свои силы и реализовать заложенные в нем возможности, подразумевая, что человек должен быть свободен и независим от кого-то, кто контролирует его силы. Говоря о характере неплодотворной ориентации, Фромм выделяет следующие его подвиды: *рецептивная ориентация* (люди надеются на социальный и политический патернализм, на государственные или партийные структуры в решении своих проблем благосостояния и безопасности); *эксплуататорская ориентация* (стремление получить желаемое силой или хитростью); *стяжательская ориентация* (как можно больше принести в дом и как можно меньше из него отдать); *рыночная ориентация*, ныне доминирующая. «Цель рыночного характера — полнейшая адаптация, чтобы быть нужным, сохранить спрос на себя при всех условиях, складывающихся на рынке личностей». Люди с рыночным характером не умеют ни любить, ни ненавидеть, они не испытывают глубокой привязанности ни к себе, ни к другим, у них нет «самых близких», они не дорожат даже собой, поэтому они предрасположены к выбору адекватных политических стратегий, деструктивных по своей сути.

Таким образом, Фромм сделал акцент на раскрытии страстей, обусловленных конкретным типом характера, на выявлении *неосознанных деструктивных импульсов*, направленных на сопротивление или искажение реальности. Отсюда следует, что власть имущие отнюдь не

божества, не супермены, а обыкновенные люди с иррациональными влечениями, которые *по-разному проявляются в конкретном социокультурном контексте.*

Фроммовская методология концепции социального характера может быть использована и для анализа политических процессов, происходящих в современном российском обществе. Наш традиционный социальный характер, в котором, несомненно, весьма сильные позиции в прошлом имела плодотворная ориентация, ныне подвергается серьезным испытаниям и, конечно же, существенно меняется, нравится нам это или нет. Можно спорить по частностям, но общий вектор перемен очевиден — синдром отчуждения становится доминирующим, что предопределяет движение в сторону рыночной ориентации. Это выразится и в соответствующих политических практиках. Деятельность всех политических агентов обретает все более нетерпимость, на основе чего возрастает вероятность решения тех или иных проблем силовыми способами. Периодически происходят всплески политического экстремизма, которые могут привести к эскалации внутривнутриполитической обстановки в отдельных регионах и стать фактором политического терроризма. Среди представителей политической элиты ощущается явный недостаток творческих индивидуальностей, предлагающих решения проблем на основе разума, демократических принципов, особенно права, использования потенциала свободных индивидов, но зато в избытке претенденты на роль «вождей», новых политических идолов, которые, манипулируя патриотическими лозунгами, обещают быстрые и легкие решения самых сложных вопросов.

Напомним, Фромм различает разум (стремление распознать сущность действительности) и рассудок (мышление, служащее для биологического выживания, позволяющее манипулировать людьми и вещами). Политические факты свидетельствуют, что в нашем соци-

альном характере начинает умаляться роль разума и возвеличивается роль рассудка. Чеченская кампания, использование некоторыми политическими силами религиозного и национального факторов в борьбе за власть, нарушения прав русских и русскоязычного населения в регионах, дискриминация отдельных категорий населения (ученых, военнослужащих, врачей) при проведении приватизации и др. обнаружили поразительное отсутствие реализма. Телевидение и пресса подают информацию в расчете на рассудочное восприятие толпы — трудно понять смысл политических акций в отношении самих средств массовой информации, тех или иных событий в политической жизни.

Разумеется, в России есть люди выдающегося разума, но их творческий потенциал оказывается не востребованным в условиях распространяющегося влияния характера рыночной ориентации. «Если деструктивные силы и иррациональные страсти получают превосходство в нашем характере,— писал Фромм,— то это вредно отразится и на разуме, и на совести, и они не смогут должным образом выполнять свои функции».

Традиционно была сильна для россиян такая черта, как совестливость. Совесть, считает Фромм, по самой природе имеет нонконформистский, плодотворный характер. Но совесть может существовать лишь тогда, когда человек ощущает себя человеком, а не вещью. Ныне совесть в политике все более оттесняется соображениями прагматической и собственно коммерческой целесообразности. С телеэкранов не сходят фильмы, разжигающие иррациональные страсти, только потому, что они являются весьма доходным товаром. Не удивительно, что элита свои политические акции все менее подкрепляет нравственными идеалами. Вместо совести, сохранения общественной морали утверждается конформизм, пассивность, духовная пустота, безразличие. С умалением совести у иррационализма, вседозволен-

ности почти не остается преград. Человек без совести не ценит собственную жизнь дороже вещей, не корит себя за то, что сам не стал творцом, нет у него и сожаления о загубленных жизнях других людей. Не в этом ли кроется латентная причина деструктивности в наших политических акциях? Не в этом ли состоят главные трудности нашего движения к демократическому свободному обществу?

Опираясь на методологию гуманистического психоанализа, можно отметить, что в нашей стране не получили достаточного развития институты гражданского общества и правового государства, соответственно не сформировались культурные и политические реалии, которые бы оказывали достаточно серьезное противодействие иррациональным влечениям руководителей, их неосознанным импульсам. Нынешняя российская власть, существующая как бы сама по себе, в отстранении от социума, вне связи с гражданским обществом неизбежно обретает компоненты деструктивности. Особенности такой власти является нарциссизм, стяжательская ориентация, эксплуататорское отношение, как к самим государственным чиновникам, так и к рядовым гражданам.

## **6. ПОЛИТИКА В ПАТОЛОГИЧЕСКОМ И ЗДОРОВОМ ОБЩЕСТВЕ**

Фромм считает, что главным критерием здорового общества является *приспособленность его политики к человеческой природе*, что позволяет удовлетворительно решать проблемы человеческого существования. Человек может адаптироваться почти к любой социокультурной системе, но если политики этой системы противоречат его природе, у него развиваются ментальные

и эмоциональные нарушения, которые в конечном счете будут побуждать к изменению общества.

Здоровому обществу социолог противопоставляет не просто «нездоровое» общество, а общество патологическое, безумное. Примером патологического общества являются нацистское или сталинистское общество. Хотя эти общества по-своему обеспечили индивидам убежище и безопасность, они создали условия для высшей степени отчуждения, утвердили авторитарное идолопоклонство, вынудили людей бежать от свободы, поступаться своими правами.

Общей чертой патологических обществ является отсутствие веры в разумные, творческие действия людей, которая была замещена верой в идолов — вождя, партию, государство, «отечество». История возникновения патологического общества в России, как считает Фромм, такова. Ленин, следуя Марксу, исходил из исторической миссии рабочего класса, суть которой в достижении новой гармонии между людьми и между человеком и природой, построения общества, в котором «свободное развитие каждого является свободным развитием всех». Но Ленин не верил, что достичь этой цели может собственно рабочий класс и полагал, что во главе его должна стоять группа профессиональных революционеров. При этом решающим моментом было неверие в разумные действия собственно рабочих и крестьян, которое исходило, полагает Фромм, из *неверия в человека вообще*. Это и привело к выбору в пользу замены веры в человека на авторитарное идолопоклонство со всеми вытекающими последствиями — отчуждением человека от самого себя и от собственно человеческих сил, беспощадной эксплуатацией, политическим террором.

В противоположность патологическому здоровое общество, как «модель идеального типа», предполагает самоценность человека — ни один человек не является

средством для достижения целей другого человека. Более того, никто не использует себя в целях, не способствующих раскрытию человеческих возможностей. Политическая деятельность подчинена собственно человеческим интересам. В здоровом обществе человек — активный и ответственный участник жизни общества, хозяин своей жизни. Его жизненная цель *быть* многим, а не *обладать* многим. Страстное желание создать и сохранить богатство заменяется *экзистенциальным обладанием* — рационально обусловленным стремлением к самосохранению, что относится к пище, жилищу, одежде человека.

С точки зрения гуманистического психоанализа, причины возникновения социальной патологии кроются в вытесненных потребностях в продуктивности, что приводит к неспособности выработать такой социальный характер, который был бы ориентирован на реализацию творческих сил человека, на внутреннее единение человека с другими людьми. Вместо этого фундаментальной посылкой патологического общества становится *неограниченное потребление как цель жизни, жажда власти*, которые неизбежно воспроизводят эгоизм и алчность. Жажда обладания все большей властью ведет к социальной напряженности и конфликтам. Эгоизм, порождаемый таким обществом, замечает Фромм, заставляет ее лидеров ставить личный успех выше общественного долга: «Никого больше не шокирует то, что ведущие политические деятели и представители деловых кругов принимают решения, которые служат их личной выгоде, но вредны и опасны для общества»<sup>1</sup>.

Зачастую возникновение патологического общества начинается с того, что политические программы, декларирующие самые гуманные цели, не учитывают собственно человеческий фактор и вступают в конфликт с

---

<sup>1</sup> Э. Фромм. Иметь или быть? Минск. — 1997. — С. 219.

потребностями человеческой природы. Так, советская политика времен сталинизма доказала, что экономика может успешно развиваться с количественной и технической точек зрения, однако это само по себе не ведет к возникновению строя, который был бы адекватен человеческой природе, не ведет к демократическому и свободному обществу.

В современных западных обществах и, в частности в США, считает Фромм, ставка сделана на автоматизацию и *роботизм* — автоматы исполняют все желания без принуждения, они создают машины, работающие подобно людям, но одновременно производят людей, работающих как машины. Знания и понятливость этих людей растут, но их разум деградирует. Все «счастливы», хотя ничего не чувствуют, никого не любят и не рассуждают. Жизнь утрачивает смысл — в ней нет ни радости, ни веры в творческие потенции человека.

На основании этих суждений социолог приходит к выводу о неразрывном единстве всех сфер жизнедеятельности человека. По его мнению, путь к здоровому обществу лежит не только через достижение политической свободы, а лишь через *одновременные изменения* в промышленности и политической организации, в духовной и философской ориентации, в структуре социального характера и культурной деятельности. Общество не может предоставить человеку возможность свободно мыслить, если оно не дало ему свободно чувствовать. Оно не может дать человеку эмоциональную свободу, если не избавит его от экономической зависимости.

Фромм высказывает некоторые практические соображения по движению к здоровому обществу и социальному характеру продуктивной ориентации. Для этого, как минимум, необходимо осознать причины болезни общества и, конечно же, начать практические шаги к изменению ситуации во всех сферах жизни.



В сфере политики необходимо пассивную демократию (будь то «народная демократия» или «централизованная демократия») заменить активной *демократией участия* — истинно разумные решения не могут приниматься путем массового голосования, ибо у современного отчужденного индивида есть мнения и предрассудки, но нет убеждений, есть симпатии и антипатии, но нет воли. Поэтому проработка жизненно важных вопросов должна происходить в малых группах, что предполагает личный контакт и затрудняет иррациональное воздействие на сознание людей.

В культурной сфере нет надобности создавать новые духовные цели. Скорее, необходимо реализовать уже созданные великими гуманистическими учениями ценности, которые способствуют развитию разума, совести и братской солидарности. Для достижения критического мышления и эмоциональной независимости, считает Фромм, следует запретить все методы «промыывания мозгов», которые используются в рекламе и политической пропаганде, создающие атмосферу полузабытья — человек одновременно верит и не верит происходящему, теряет ощущение реальности. «Есть немало примеров, свидетельствующих о том, что большинство выборных представителей, членов правительства, руководителей вооруженных сил и верхушка деловых кругов плохо информированы и в значительной степени дезинформированы ложными сведениями, распространяемыми различными государственными агентствами, которым вторят средства массовой информации».

Есть ли реальные шансы движения к здоровому обществу? С точки зрения конформизма, таких возможностей нет. Однако социолог оптимистично смотрит в будущее, отмечая веру в человеческий разум, добрую волю и здравомыслие. Фромм утверждает, что лишь установка на плодотворность должна превратить «разум-

ный шанс», каким бы малым он ни был, в «реальную возможность». Праобразом будущего, в котором торжествует *политика для человека*, по его мнению, может стать здоровое общество, в котором на смену рыночному характеру придет характер продуктивный, а *роботизм* будет заменен гуманистическим духом.

## ЛИТЕРАТУРА:

*Додельцев Р. Ф.* Фрейдизм: культурология, психология, философия.— М., 1997.

*Здравомыслов А. Г.* Социология конфликта.— М., 1996.

*Попов В. Д.* Социально-психологические законы и социальный психоанализ.— В кн.: Имидж госслужбы.— М., 1996.

*Судьбы реформ в России.*— М.: РНИСиНП, 1997.

*Фрейд З.* «Я» и «Оно». Книги 1-2.— Тбилиси, 1991.

*Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции.— М.: Наука, 1995. Лекции 29-35.

*Фрейд З.* Психоаналитические этюды.— Минск, 1997.

*Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности // Социс.— 1992.— № 7; 1993.— №№ 9, 11.

*Фромм Э.* Здоровое общество. В кн.: Психоанализ и культура. Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма.— М., 1995.

*Фромм Э.* Человек для себя. Иметь или быть? — Минск, 1997.

*Хорни К.* Новые пути в психоанализе. Собрание сочинений в трех томах, т. 2.— М., 1997.

## **Тема 5. Интегральные подходы к политике: возможности их использования для анализа власти и господства**

Из предыдущих тем стало известно, что у представителей каждой социологической парадигмы есть свои конкретные суждения о политике, которые основываются на использовании, как правило, *одного конкретного теоретического и методологического ракурса* к ее анализу, *одного главного фактора* для ее интерпретации. Между тем есть социологи, которые *пренебрегают междисциплинарным делением* при анализе политических реалий и ратуют за использование *комплексных, интегральных* подходов, за учет как роли *объективных* социальных и культурных факторов, так и *субъективного* влияния конкретных агентов политики.

Основоположником интегральной социологии и, соответственно, интегральных подходов к политике явился выдающийся российско-американский социолог Питирим Александрович Сорокин.

П. А. Сорокин (1889—1968) разработал свою теорию на основе синтеза представлений как известных российских социологов — Л. Петражицкого, Н. Ковалевского, Е. Де-Роберти, так и западных — Э. Дюркгейма, М. Вебера. Вместе с тем, его теория — принципиально новый взгляд на человека, власть, общество, суть которого сам автор характеризовал как интегрализм. П. Сорокин оказал значительное влияние на раз-

витие мировой и американской социологической мысли, будучи избранным президентом Американской социологической ассоциации и возглавляя социологический факультет Гарвардского университета. Его учениками были Т. Парсонс, Р. Мертон и др.

## **1. П. СОРОКИН ОБ ИНТЕГРАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И РОЛИ ДОБРА В ПОЛИТИКЕ**

Человеческая личность, по Сорокину, формируется под воздействием ряда факторов — космических, биологических, психологических, социальных, политических, но прежде всего — социокультурных. При рождении человек еще не является ни личностью, ни творцом общественной жизни. Его моральные убеждения, эстетические вкусы и политические взгляды не predetermined. Связь биопсихологического и социокультурного начала Сорокин определяет следующим образом: «Человек с лучшей физической конституцией может лучше проигрывать «социокультурные записи», чем тот, кто рождается с худшими наследственными данными; но то, какие записи он станет играть, относительно мало зависит от органических или биологических факторов. Зовут ли его Смит или Джонс, протестант ли он или буддист, говорит ли он по-английски или по-турецки, республиканец он или демократ, лифтер или король, является ли он гражданином России или Сиам, состоит в моногамном или полигамном браке, носит восточную или американскую одежду — эти и другие социокультурные характеристики не наследуются биологически, а приобретаются в процессе взаимодействия с людьми, среди которых он рождается, воспитывается, получает образование»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. — С. 159.

Интегральная природа человеческой личности формируется и в процессе интеракции индивидов друг с другом, которая также проходит под влиянием комплекса факторов. На характер взаимодействия людей оказывает влияние и бессознательные рефлексy, и биосознательные регуляторы — чувство голода и жажды, сексуальные влечения, и, наконец, социосознательные нормы и ценности, включающие политические предпочтения.

«Новая интегральная теория человеческой личности, — поясняет Сорокин, — не отрицает, что человек является животным организмом, наделенным «бессознательным», рефлексо-инстинктивным механизмом тела, но она подчеркивает, что помимо этой формы бытия, человек является сознательным, рациональным мыслителем и сверхсознательным творцом или духом»<sup>1</sup>.

Интегральное существо человека проявляется и раскрывается в том, что он является не только эмпирическим наблюдателем и экспериментатором, рациональным мыслителем, но и активным участником создания творческого начала в обществе. Помимо неорганических и органических явлений, которые существовали до появления человека, человек создал новую реальность — суперорганический или культурный мир, имеющий компонент смысла. Именно смысл, который придает человек неорганическим или органическим явлениям, радикально меняет их ценность и в значительной степени детерминирует характер поведения людей. Так, кусок дешевой материи, прикрепленный к палке, благодаря своему смыслу превращается в национальный флаг, символ чести нации, ради которого люди жертвуют своей жизнью. Биологически и физически нет человеческих организмов, которые были бы королями

---

<sup>1</sup> Сорокин П. Главные тенденции нашего времени. — М., 1993. — С. 143.

или героями, руководителями или руководимыми. В социокультурном отношении абсолютный монарх обладает несравненно большей силой, чем любой из его подданных, каким бы физически сильным он ни был. Все эти и миллионы других смыслов появились благодаря созданному человеком суперорганическому миру.

Весь культурный мир Сорокин подразделяет на:

- бесконечное множество *идеологических смыслов*, выраженных в языке, науке, религии, философии, искусстве;
- *образцы материальной культуры*;
- типы *социокультурных личностей* (руководителей и руководимых, католиков и протестантов, русских и американцев и т. д.) и *социокультурных групп* (политических, экономических, профессиональных, религиозных и т. д.);
- *образцы поведения*, имеющих тот или иной набор смыслов (церемонии, ритуалы, поступки).

Человек создал суперорганический мир. Теперь же этот мир посредством вышеотмеченных идеологических, материальных, личностных и поведенческих явлений формирует как личность каждого индивида, так и общество с его политическими стратегиями.

По Сорокину, среди смысловых ценностей суперорганического мира есть некая *высшая интегральная ценность* — единство Истины, Красоты и Добра. Человек, по его мнению, весьма преуспел в добыче истины, знаний и в создании шедевров красоты. Однако за последние четыре столетия, как считает социолог, творчество в области Добра резко отстало от творческой деятельности в области Истины и Красоты. Человеку не удалось обосновать эффективные политические стратегии развития для своего морального возвышения, для контроля своих бессознательных инстинктов и чувственных вожделений. Вместо политики, нацеленной на производство Добра, имеет место погоня за влас-

тью, господством и наслаждениями, за материальным благополучием.

Неэгоистическая творческая любовь, утверждает Сорокин, может положить конец агрессивной политике, нападениям индивидов и групп друг на друга; преобразовать враждебные отношения в дружеские; может оказать такое воздействие на характер международной политики, что приведет к умиротворению конфликты.

Кроме того, неэгоистическая любовь необходима для физического, духовного и нравственного здоровья человека. Опираясь на свои исследования, Сорокин отмечает, что люди альтруисты живут дольше, чем эгоисты; дети, лишенные любви, склонны к моральному уродству; любовь — сильнейшее средство против политического радикализма, эстримизма и против социальной аномии — тенденций к преступности, самоубийств, ненависти, психоневроза.

По мнению Сорокина, известные до сих пор формы правления, будь то в Америке или России, не принимали в расчет Доброму, энергию неэгоистической любви, и потому «демократические режимы были почти столь же воинственными, неустойчивыми, как и авторитарные режимы, и имели такой же высокий уровень преступности»<sup>1</sup>.

Ныне судьба как мира, так и народов России и Америки, по мнению социолога, в конечном счете зависит не от ООН, всемирного правительства или торжества демократии, а от способности самого человека вырабатывать политику творения Добра, от «увеличения производства и аккумуляции неэгоистической любви к человеку и человечеству».

При осуществлении той или иной политики в России никогда не ставился вопрос о Доброте — прежде

---

<sup>1</sup> Сорокин П. Таинственная энергия любви // Социс. — 1991. — № 8. — С. 121.

всего, вопрос о гуманности путей и средств достижения поставленных целей, об их адекватности природе человека, об «умиротворяющей и гармонизирующей функции любви», которая есть «наилучший «гаситель» межчеловеческой агрессии, вражды и борьбы»<sup>1</sup>.

Из-за умаления и забвения фактора Доброты, сугубо прагматического подхода к политическим преобразованиям, в стране никак не может сложиться механизм согласования многообразных интересов. Изначально политика либеральных демократов в России в 90-е годы была ориентирована на самые различные прагматические цели — спекулятивную куплю-продажу, приватизацию, ваучеризацию, сбор налогов и т. д., — но только не на то, чтобы новое взаимодействие людей привело к собственно совершенствованию человеческих отношений. Демократы-реформаторы, недооценивая важность Доброты, ненасильственных средств, полагали, что нигилистическое упразднение государственной авторитарной экономики, политического господства одной партии автоматически создаст разумных и свободных людей, разблокирует творческую энергию миллионов людей и они станут готовыми к сотрудничеству в условиях рыночных отношений и соблюдения прав человека. Однако, как показало providение социолога и подтвердила жизнь, «без любви все Билли о правах и все конституционные гарантии свободы есть пустая фраза»<sup>2</sup>. Любые благие замыслы сами по себе вовсе не ведут к процветанию, согласию, миру, если они не обеспечивают производство любви, ее проникновение в социальные институты и культуры с целью поддержания необходимого минимума солидарности в социальных группах. К сожалению, место Доброты у нас оказалось занятым завистью, ненавистью и разру-

---

<sup>1</sup> Сорокин П. Таинственная энергия любви // Социс.—1991.— № 8.— С. 121.

<sup>2</sup> Там же.— С. 131.



шительностью, что и привело общество в состояние кризиса и социального беспорядка. И руководители, и руководимые стали жить по иррационально-деструктивным принципам, подчас не осознавая того.

Вероятно, сорокинские прозрения, акцентирующие необходимость человеческих отношений, пропитанных взаимной любовью, есть та панацея, позволяющая стране вырваться из политически бунтарского поля, в котором она оказалась несколько столетий назад, отойти от постоянного политического противоборства. Следование установкам ученого на «Дух всеобщей дружбы, симпатии и неэгоистической любви с взаимной помощью», возможно, позволило бы выбрать принципиально новый, эффективный вектор политической стратегии, от которой зависит реализация интегральной сущности человека в объективно сложных реалиях — когда требуется согласование интересов между людьми в условиях культурной, ценностной дифференциации, а также дефицита материальных и духовных благ.

Представляется, для американского общества фактор Добра в политике также имеет свою актуальность. Особенно это касается внешней политики США, представлений ряда политических лидеров об «однополярном мире», в котором должен доминировать миропорядок с «единственной сверхдержавой». Отсюда следуют убеждения об особой роли США в поддержании международной безопасности, урегулировании конфликтов, в процессах демократизации других стран. О какой политике Добра может идти речь, если руководители США по своим ценностным критериям делят весь мир, с одной стороны, на союзников, друзей, партнеров, а с другой — «варваров» и даже на «преступные государства».

Однако подобный американо-центристский порядок в конечном счете не может не сказаться на политическом благополучии самой страны. Ведь поддержание ми-

ровой гегемонии требует огромных финансовых, материальных и интеллектуальных ресурсов. Справятся ли с этими тратами американские экономические и демократические институты? Как они скажутся в будущем на интегральной природе человека? Отнюдь не случайно ряд политиков и обществоведов в самих США выступает за равноправное сотрудничество между всеми народами, включая взаимоотношения между американскими и российскими народами. Как замечает С. Хантингтон, дальнейшая эскалация идеологии и политики однополярного мира чревата превращением США в «одинокую сверхдержаву», отчуждением от нее многих стран мира.

## **2. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СУПЕРСИСТЕМЫ И ТЕОРЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФЛУКТУАЦИИ**

В культуре человечества Сорокин выделяет множество различных по величине культурных систем. К основным культурным системам социолог относит язык, науку, философию, религию, искусство, этику, право. Когда эти системы утверждаются, они также реализуются в поведении и образе жизни их носителей.

Кроме этих систем есть еще более обширное культурное единство, обозначенное Сорокиным как *социокультурные суперсистемы*, которые различаются в зависимости от характера своих основных ценностей. По мнению ученого, все социальные и политические реалии, типы личностей и групп необходимо анализировать в контексте процесса периодической смены друг друга трех известных до сих пор социокультурных суперсистем, характерных для всей истории человеческой цивилизации — *религиозной (идейной), чувственной и интегральной* при доминировании одной из них.

Так, например, в Европе с VI по XII вв. главен-

ствующей была религиозная суперсистема, согласно ценностям которой экономика, политика, право, мораль, философия, искусство были подчинены теологии. Высшей истиной считалась религиозная истина. Хотя чувственные и интегральные системы присутствовали в средневековой культуре, их роль была незначительна.

Начиная с XVI и вплоть до XX в. в Европе утверждается и доминирует чувственная культура, которая акцентирует такие чувственные ценности, как благосостояние, комфорт, наслаждение, популярность, жажда власти и славы — все это детерминирует преобладающий тип личности, образ социальных групп, характер институтов и, конечно, политической стратегии. Религиозные ценности остались, но их признают только на словах. В истории человеческой цивилизации были периоды, хотя непродолжительные, когда преобладала интегральная суперсистема культуры — греко-римская культура IV—VI вв. до н. э., европейская культура XIII в. Начиная с XX века на смену чувственной культуре идет, по мнению Сорокина, культура интегральная, утверждающая в качестве доминирующей ценности «бесконечное разнообразие, состоящее из чувственного, рационального и надрационально-сверхчувственного аспектов»<sup>1</sup>.

Опираясь на данное видение исторического процесса, Сорокин обосновал, как ему представлялось, «основной закон истории», согласно которому происходит перманентная флуктуация (колебание) как социокультурных суперсистем, так и флуктуация обществ и их конкретных сфер: типы политики не являются постоянными и не развиваются по восходящей линии, а непрерывно «качаются между полюсами тоталитаризма и строго свободных режимов». Исходя из этого постулата,

---

<sup>1</sup> Сорокин П. Социологические теории современности. — М., 1992. — С. 37.

социолог прогнозировал, что с переходом от чувственной культуры к новому интегральному циклу произойдет преодоление нынешнего кризисного состояния, при котором невиданный расцвет науки, технологий, образованности сочетается странным образом с конфронтационной политикой — с войнами и революциями, межчеловеческими раздорами и обесцениванием человеческой жизни.

Свой интегральный взгляд на человека и цивилизацию Сорокин применяет и при анализе современных ему обществ.

Как было отмечено выше, чувственная форма социокультурной суперсистемы является, по Сорокину, главной детерминантой чувственного общества, его образа жизни, доминирующей ментальности и стремления людей, характер их политики. Под воздействием флуктуации в нашем XX веке начался процесс дезинтеграции чувственных обществ, который так или иначе охватил все страны мира. Нарушились механизмы социального контроля, ибо произошла дезинтеграция моральных, правовых ценностей, которые управляли поведением индивидов и социальных групп. Когда люди выходят из-под контроля общепризнанных ценностей, они превращаются в существа, управляемые, главным образом, бессознательными рефлексам и биосознательными регуляторами — своими страстями и вожделениями. В этом социолог усматривал глубинные корни индивидуализма и эгоизма, обострения борьбы за существование, превращения силы в право и, наконец, — войн, революций, роста преступности, проявлений радикализма и экстремизма в политике. «Так это было во все великие переходные периоды, — отмечал Сорокин, — от одного базисного социокультурного строя до другого; и так это происходит в настоящем столетии. Заметная дезинтеграция чувственного порядка возбудила взрывы первой и второй мировых войн, множество

малых войн, кровопролитнейших революций, мятежей, преступлений и насилия в их наихудших формах»<sup>1</sup>.

В этой связи П. Сорокин исследует власть, политическое господство прежде всего в культурно-историческом процессе, в контексте периодической смены друг друга трех известных до сих пор социокультурных суперсистем, характерных для всей истории человеческой цивилизации — религиозной (идейной), чувственной и интегральной при доминировании одной из них. В средние века религиозная (идейная) культура была главенствующей, согласно ценностям которой право, политика и мораль были выражением божественного проявления. Отсюда основной формой власти была теократия, причем церковная власть считалась выше власти светской. Начиная с XVI века в Европе утверждается чувственная культура, которая, по мнению социолога, акцентирует такие чувственные ценности как благосостояние, удовольствие, жажда власти и славы, господства над людьми. В истории человеческой цивилизации были периоды, хотя непродолжительные, когда преобладала интегральная суперсистема культуры — греко-римская культура до н. э., европейская культура XII—XIV веков. Начиная с XX века на смену чувственной культуре идет, по мнению социолога, культура интегральная, утверждающая в качестве доминирующей ценности «бесконечное разнообразие, состоящее из чувственного, рационального и надрационального — сверхчувственного аспекта».

При исследовании властно-политических отношений П. Сорокин прежде всего выделяет социокультурный аспект того или иного политического поведения индивида и выдвигает тезис о *социокультурной обуслов-*

---

Сорокин П. Главные тенденции нашего времени. — М., 1993. — С. 30.

ленности его менталитета. По мнению социолога, характер властных структур и политических отношений, как определенных социокультурных феноменов, не может не определяться культурой доминирующей суперсистемы. Именно она формирует критерии того, что есть истина и что есть ложь политических отношений, от нее зависит и характер менталитета людей, их свойство, стремление и образ жизни. Поэтому невозможно искусственно внедрить властные структуры в общество, члены которого, руководствуясь своими смыслами, ценностями и нормами, своими критериями справедливости, не могут их принять и исповедовать, даже если людям с другим менталитетом эти властные структуры представляются эталоном. «Дайте группе дьяволов великолепную конституцию,— писал П. Сорокин,— и все же этим не создадите из нее прекрасного общества. И наоборот, общество, состоящее из талантливых и волевых лиц, неминуемо создаст и более совершенные формы общежития».

Обращаясь к конкретному анализу российского общества, Сорокин доказывает, что власть, опирающаяся на такие социокультурные ценностные установки, как этатизм и коммунизм, установилась отнюдь не случайно. Тому были две основные причины: 1) мы были «народом милитарным, воевавшим много, часто и в большом масштабе»; 2) мы «не вышли из полосы хронических голодовок даже в XIX и в XX веках». Отсюда Сорокин выводит следующую корреляцию: чем сильнее проявились такие независимые переменные, как война и голод, тем увеличивался «объем опеки, вмешательство и регулировки властью поведения и взаимоотношений граждан, с ничтожным объемом автономии поведения последних». В подтверждение своего постулата Сорокин отмечает, что «начало коммунизации — этатизации и в политической, и в правовой, и экономической области было положено руками царского правительства (воен-

ные положения, ограничения прав личности, права собственности, частной торговли, контроль промышленно-торговых дел, права реквизиции и национализации с 25 октября 1915 года и т. д.)». Временное правительство «продолжало линию этатизации-коммунизации. При нем... были установлены все начала принудительного коммунизма... большевикам ничего нового не пришлось вносить, кроме введения классового пайка. Все главное было сделано до них и без них».

Можно спорить с Сорокиным по поводу оценок политических действий представителей той или иной конкретной власти, но, очевидно, социолог прав по большому счету: у народа, участвующего в войне, народа, испытывающего дефицит средств к существованию может быть лишь менталитет, адекватный авторитарной власти. Вся последующая история подтверждает, что авторитарный режим держался на культивировании «образа врага» и поддержании дефицита. Социолог верно спрогнозировал падение коммунистической власти с прекращением войны и ростом сытости населения, хотя и ошибся в сроках, полагая, что это произойдет значительно раньше.

Сорокин особо рассматривает *природу кризиса властных режимов*. Политические катаклизмы, по мнению социолога, являются последствиями дезинтеграции чувственной культуры — моральных, правовых и других ценностей, которые прежде контролировали поведение людей. Выход из-под их контроля приводит к тому, что индивиды начинают, главным образом, руководствоваться своими биологическими побуждениями, страстями и вожделениями. В этих условиях обостряется борьба за существование, сила становится правом, революция и другие формы межчеловеческих раздоров вспыхивают в беспрецедентном масштабе.

В политической жизни упадок происходит двумя путями: (а) путем вырождения свободных институтов,

ценностей и идеологии в «принудительных и мошеннических монстрах»; (в) путем растущего обесценивания прежних институтов, ценностей и идеологий. Конкретно это выражается в том, что на фоне торжественных деклараций равных прав всех граждан на жизнь, свободу, поиски счастья в реальной жизни гигантски возросло неравенство между властными магнатами и зависимым «человеческим прахом»; что газеты, радио и телевидение монопольно контролируются небольшой группой «властной элиты»; что принцип всеобщего избирательного права «в своей выхолощенной форме» обеспечивает лишь «правительства политиканов, посредством политиканов и для политиканов».

К счастью, замечает Сорокин, процесс дезинтеграции, как правило, вызывает мобилизацию сил, которая не только борется с дезорганизацией, но также начинает строить новый интегральный социокультурный порядок, который характеризуется следующим образом: «Новый социополитический строй ставит целью построение современного научного знания и аккумулированной мудрости человечества; он вдохновляется не «борьбой за существование и взаимным соперничеством», но духом всеобщей дружбы, симпатии и неэгоистической любви с взаимной помощью, вытекающих из этих отношений».

Естественно, что новый социополитический строй предполагает и новые тенденции в деятельности властных организаций самого разного толка — правительств, деловых корпораций, профсоюзов и иных организаций. Здесь Сорокин выделяет следующие «значительные тенденции»: возрастание роли ученых экспертов в планировании, развитии, контроле и управлении правительственной деятельности и политики. Многие из высших руководителей существующих правительств и корпораций уже в значительной степени являются скорее номинальными главами, чем самостоятельными поли-



тиками. Современные государственные политические деятели, по мнению социолога, все более становятся просто номинальными фигурами исполнителей «безмолвных приказов» науки и технологии. Имеет место и тенденция, которая предвещает окончательное увядание правительств политиков посредством политики и для политиков и их замещение «правительствами ученых и экспертов». Развивая свою мысль, П. Сорокин отмечает, что «хорошее правительство близкого будущего будет нуждаться в том, чтобы каждый научный администратор успешно выполнял задачу интеграции узкого знания во взаимодействие с учеными и мудрецами, и одновременно будет нуждаться также в моральных руководителях, чтобы вести правительство в их служении только целям добра, а не зла».

Можно сколь угодно критически оценивать деятельность нынешней власти в России, однако объективности ради, отметим, что отдельные черты тенденций интегрального социокультурного порядка (приход во властные структуры ученых-специалистов) просматриваются и у нас.

На основе данного видения социокультурных изменений Сорокин обосновал свою знаменитую *теорему флуктуации*, согласно которой циклические колебания суперсистем по невыявленной ритмической регулярности (хотя в принципе социолог не исключал возможность установления тенденций ритмичности циклов) детерминируют флуктуацию обществ между прогрессом и регрессом, развитием демократических свобод и авторитаризмом, мирным периодом и военным, революционным и эволюционным и т. д. Изменения происходят в определенном количественном и качественном направлении, пока не будет достигнута «точка насыщения». Далее изменения идут по инерции, а то и просто по принуждению. Исчерпав потенциал политического движения в одном направлении, начинается обратное

движение, хотя и на новой основе. Так происходит замещение одной властной системы другой, альтернативной системой, которая, в свою очередь, под влиянием доминирования новых ценностных ориентацией начнет движение уже в другом направлении до «точки насыщения». Затем весь процесс повторится вновь.

В своих работах социолог подверг критике концепции, по которым власть развивается по восходящей линии согласно «историческим тенденциям» — от монархии к республике, от самодержавия к демократии, от правления меньшинства к правлению большинства и т. д. По его мнению, эти тенденции не подкреплены фактами. Кроме того, для оценки степени свободы граждан от власти более важным критерием является *характер государственного контроля и вмешательства*, а не альтернативная пара монархия — республика. При этом Сорокин выдвигает и аргументирует тезис о том, что кривая государственного контроля не постоянна, она варьируется от страны к стране, а в рамках одного и того же общества зависит от времени, меняющихся социокультурных ценностей.

Говоря об абсолютизме российской государственной власти, Сорокин отмечает, что это явление «не есть нечто случайное или исключение» и зависит от ряда факторов и в частности: 1) от военного или мирного состояния страны (если военное состояние будет длиться, область государственного вмешательства будет расти); 2) от селекции населения в годы войны и революции — процент гибели лиц выдающихся, одаренных, умственно квалифицированных, с глубоким сознанием долга (с красной и белой стороны) был гораздо выше, чем процент гибели «рядовой серой массы». «Остаются и выживают люди второго и третьего сорта: менее здоровые, менее волевые, менее независимые, которые менее способны бороться за личную свободу

против государственной опеки, и потому более легко подчиняются произволу властителей».

Далее, по Сорокину, не подтверждается тенденция смены правления меньшинства на правление большинства. Процент людей, участвующих в политической власти, изменяется во времени и пространстве. Это справедливо не только в отношении демократических правительств, но и коммунистических, социалистических, синдикалистских и иных политических ориентаций.

То же касается и другой альтернативной пары политического равенства — неравенства. В любом обществе постоянно идет борьба между силами политического выравнивания и силами стратификации. Иногда побеждают одни силы, иногда верх берут другие силы (фактор войны вызывает усиление политической стратификации, а фактор мира — наоборот; возрастание неоднородности населения приводит к усилению политического неравенства, и наоборот). Когда колебания профиля политической стратификации в одном из направлений становятся слишком резкими, то противоположные силы разными способами увеличивают свое давление и приводят профиль стратификации к точке равновесия.

Кроме того, флуктуирует высота и профиль политической стратификации. По Сорокину, здесь проявляются следующие тенденции. При нормальных условиях, свободных от социальных потрясений в обществе, в котором есть институт частной собственности изменения высоты и профиля политической стратификации ограничены. При чрезвычайных обстоятельствах происходят радикальные изменения высоты и профиля политической стратификации. Профиль может стать или очень плоским или очень вытянутым и высоким, но такое положение всегда кратковременно. Если «политически плоское» общество не погибает, то «плоскость» быстро вытесняется усилением политической стратификации.

И наоборот — если политическое неравенство становится слишком сильным и достигает точки перенапряжения, то правящей верхушке общества суждено разрушиться или быть низвергнутой. Таким образом, в любом обществе, в любые времена происходит борьба между силами стратификации и силами выравнивания.

Интенсивность политической флуктуации изменяется от общества к обществу, а в рамках одного и того же общества отмечается сравнительно подвижные и неподвижные периоды. Так, в истории России периодами рельефно выраженных перемещений были: правление Ивана Грозного, царствование Петра I, октябрьская революция. В то время по всей стране старая правительственная верхушка была практически уничтожена, а люди из низших социальных слоев заняли высшие управленческие должности.

Для иллюстрации разной степени интенсивности вертикальной мобильности в политической сфере Сорокин приводит таблицу, в которой показан процент «пришельцев» среди монархов и руководителей высших уровней различных стран, поднявшихся до самого высокого социального положения из низших слоев.

*Таблица 1.*

**Интенсивность вертикальной политической мобильности<sup>1</sup>**

Страна	Процент «выскачок» среди монархов и администраторов высших уровней
Западная Римская империя	45,6
Восточная Римская империя	27,7
Россия	5,5
Соединенные Штаты Америки	48,3

<sup>1</sup> Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество.— С. 380.

Эти и другие соображения социолога о политической флуктуации, если их экстраполировать на нашу современную российскую действительность, позволяет в качестве вероятных гипотез предположить следующее:

- демократизм политической власти в России будет зависеть не только и не столько от утверждения институтов парламентаризма, сколько от перехода страны в мирное состояние;
- в обозримом будущем характер власти будет умеренно колебаться от авторитаризма к демократизму и обратно; лишь новое поколение россиян, не испытывавшее на себе тотальный произвол властителей обретет интеллектуальную и волевую способность бороться за личную свободу против государственной опеки, что резко качнет амплитуду власти в сторону демократизма;
- весьма сомнительно, что проявит себя тенденция собственно народовластия, понимаемая как «политика — дело каждого»;
- амплитуда политического равенства — неравенства людей будет колебаться: в одном месте победу одержат коммунистические силы выравнивания, в другом — либерально-демократические силы, ратующие за власть политиков-профессионалов. В отдаленной перспективе характер этой амплитуды будет все более детерминирован нарождающимися социокультурными ценностями, последствиями чего станет возрастание роли научных экспертов, людей с чувством моральной ответственности в принятии политических решений.

### **3. ПОЛИТИКА В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ: ЗАКОНЫ «СОЦИАЛЬНОГО ИЛЛЮЗИОНИЗМА» И «ПОЗИТИВНОЙ И НЕГАТИВНОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ»**

Революции и, как правило, сопутствующие им войны усиливают и ускоряют дезинтеграцию общества. Это проявляется буквально во всех его сферах.

Негативные изменения происходят в численности и составе населения: в годы революций еще больше, чем в годы войны повышается смертность и падает рождаемость, что видно из данных проведенных Сорокиным в таблицах 2 и 3.

*Таблица 2.*

**Движение кривой смертности. На 1000 чел. умирало<sup>1</sup>**

Годы	В Петрограде	В Москве
1913	21,4	24,1
1915	22,8	22,1
1916	23,2	20,1
1917	25,2	21,2
1918	43,7	28,0
1919	72,6	45,1
1920	50,6	46,2
1921	27,8	—

В условиях революционного времени браки становятся бесплодными и превращаются в «легальную форму случайных половых связей» без «санкций и обязательств, без потомства».

Для исторических судеб любого общества весьма

<sup>1</sup> Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. — 1992, № 4. — С. 186.

важно, какие качественно элементы населения в нем увеличились или уменьшились в определенный период флуктуации. Изучение расцвета и гибели целых народов свидетельствует, что одной из основных причин тому было резкое качественное изменение состава населения в ту или иную сторону

*Таблица 3.*

**Движение брачности и рождаемости.  
На 1000 чел. приходилось браков и родилось<sup>1</sup>**

Годы	Петроград браки	Москва браки	Петроград рождения	Москва рождения
1913	6,3	—	26,4	—
1914	6,0	5,5	25,0	31,0
1915	5,0	4,1	22,5	27,0
1916	4,7	3,9	19,1	22,9
1917	8,5	5,3	17,8	19,6
1918	9,2	7,5	15,5	14,8
1919	20,7	17,4	13,8	17,5
1920	27,7	19,6	21,8	21,9
1921	26,7	—	36,0	—

Сорокин утверждает, что изменения населения России в годы войн и революций — погибли преимущественно физически здоровые, трудоспособные и энергичные, морально и умственно развитые люди — были типичны для всех крупных войн и революций. Если в целом за эти годы население всех возрастов уменьшилось на 13,6%, то в возрасте от 15 до 60 лет — на 20%, а мужская часть — на 28%. С начала войны почти все

<sup>1</sup> Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. — 1992, № 4 — С. 187.

мужчины из высших учебных заведений были мобилизованы и скоро очутились на поле битвы. Их погибло в 6—7 раз больше, чем рядовой, умственно не квалифицированной массы. Общая смертность ученых, писателей, художников прямо и косвенно погибших от войны и революций, увеличилось в 6—7 раз по сравнению с довоенным временем<sup>1</sup>.

Сорокин обратил внимание и на то, что в особые периоды флуктуации общества, его ценности и идеалы тоже флуктуируют. Причем колеблется не только их качество, но изменяется и их сущность, и сам характер. Ценности и идеалы, воспроизведенные в революционный период, как правило, иллюзорны. Их анализ позволил социологу сформулировать «особый закон», названной им законом «социального иллюзионизма». Сорокин приводит ряд лозунгов, выдвинутых февральской и октябрьской революциями, сравнивает их с действительностью по истечению 2—3 лет. Так, ставилась задача разрушить социальную пирамиду неравенства, уничтожить эксплуататоров и эксплуатируемых. Действительно, «кто был ничем, тот стал всем», но сама пирамида имущественного и правового неравенства не исчезла — теперь у массы не стало даже формальных прав, включая право на жизнь. Добивались восьмичасового рабочего дня — теперь же под видом «субботников» и «сверхурочных» рабочих заставляли работать по 12—14 часов, а крестьяне 3—4 дня в неделю должны были отдать коммунистической «барщине», выполняя «дровяную, сплавную, гужевою, подворную, строительную, хлебную, молочную» и т. п. повинности. Революциями была провозглашена свобода — совести, слова, печати, союзов, собраний — получили то, что власть стала «учитывать и контролировать» все стороны

---

<sup>1</sup> Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. — 1992. № 4. — С. 188—189.



поведения и взаимоотношения людей: гражданам предписывалось, какой профессией заниматься, где жить, что читать и писать, во что верить, что хвалить, что порицать и т. д. Провозглашался мир — на деле установился милитаризованный режим, пронизывающий все стороны общества. Декларировался принцип автономии народов — установилось невиданное при царизме централизованное и бюрократизированное управление. Хотели уничтожить капитализм — разрушили средства производства и обращения, а в конечном счете — хозяйство страны в целом. Вместо «хлеба» — голод и вымирание, вместо «диктатуры пролетариата» — неограниченная тирания, попирающая интересы рабочих и крестьян.

Закон «социального иллюзионизма» Сорокин обосновал в 20 — 30-е годы. Будучи оторванными от достижения мировой социологической мысли, россиянам потребовалось несколько десятилетий, чтобы начать понимать иллюзорность идей, выдвинутых во все периоды радикальных перемен. Достаточно вспомнить заявления В. Ленина о том, что сам приход большевиков к власти сделал враз страну «самой демократической» в мире или Н. Хрущева о том, что нынешнее поколение будет жить при коммунизме, или М. Горбачева — о предоставлении каждой семье отдельной квартиры к 2000 году и т. д. В настоящее время большинство населения осознает различие между декларируемыми политиками идеалами и реальной действительностью. Хотя определенные слои, как правило, люди, искренне воспринявшие в свое время революционные идеалы, продолжают связывать решение современных проблем с возвратом к «демократическому» прошлому, когда была вера-иллюзия в скорую и легкую материализацию высоких и благородных идеалов.

Вопрос о власти, о характере политического устройства общества всегда был центральным вопросом

всякой революции. Его анализирует и Сорокин. Тоталитарно-коммунистическая власть, по его мнению, не является случайностью. Ее глубинные корни опять-таки следует искать в процессе флуктуации обществ. В истории человеческой цивилизации такой строй возникал в Египте и Вавилонии, в Спарте и Риме, во Франции времен революций и Наполеона, в Австрии — Иосифа II, Пруссии — Фридриха II, в России — Петра I. Конкретными же «родителями» этого строя всегда были, по Сорокину, война и голод, соответственно, сопутствующие определенным фазам колебания социокультурных суперсистем. Чем рельефнее проявлялись «независимые переменные» войны и голода, тем выше уровень коммунизма и этатизма, тем больше власть регулирует поведение и взаимоотношения граждан. В России силы войны и голода поворачивали «маховое колесо» истории в сторону данного направления. «Начало коммунизации — этатизации и в политической, и в правовой, и экономической области, — отмечал Сорокин, — было положено руками царского правительства (военные положения, ограничения прав личности, права собственности, частной торговли, контроль промышленно-торговых дел, права реквизиции и национализации с 25 октября 1915 г. и т. д.)... Временное правительство в лице своего высшего экономического совета и министерва продовольствия продолжило линию этатизации-коммунизации. При нем, особенно в области экономической, были установлены все начала принудительного коммунизма... Большевикам ничего нового не пришлось вносить, кроме введения классового пайка да дальнейшей уравнительно предельной централизации и коммунизации. Все главное было сделано до них и без них»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. — 1992, № 4. — С. 161—162.

Можно спорить с Сорокиным по поводу оценок политических действий представителей той или иной конкретной власти, но, очевидно, социолог прав по большому счету: у народа, участвующего в революции, народа, испытывающего дефицит средств к существованию может быть лишь менталитет, поведение и взаимодействия, адекватные авторитарной власти. Вся последующая история подтверждает, что авторитарный режим держался на культивировании «образа врага» и поддержании дефицита. Социолог верно спрогнозировал падение коммунистической власти с прекращением войны и ростом сытости населения, хотя и ошибся в сроках, полагая, что это произойдет значительно скорее.

Если следовать логике П. Сорокина, то можно полагать, что война в Чечне, массовое обнищание способствовали движению в той или иной форме к «этатистско-коммунистической» власти. И, напротив, мир и рост благосостояния будут формировать у народа ценностные ориентации, работающие на утверждение власти демократической.

Наконец, Сорокин отмечает, что революции, несмотря на побуждения самих революционеров, изменяют поведение людей далеко не в лучшую сторону, культивируя вражду, злобу, ненависть, разрушение, обман. Освободиться от этих явлений никому не дано, они неизбежны, ибо революции «биологизируют» поведение людей. Правда, замечает социолог, в революции есть и обратная сторона — жертвенности, подвижничества и героизма. Но «эти явления — достояние единиц, а не масс», их роль ничтожна сравнительно с «биологизирующей» и «криминализирующей» ролью революции.

Для аргументации своего тезиса Сорокин ссылается на статистические данные.

Динамика преступности в Москве<sup>1</sup>

Группы преступлений	1914 (коэффициент принят за 100)	1918—1919
Кражи	100	315
Вооруженный грабеж	100	28500
Простой грабеж	100	800
Покушение на убийство	100	1060
Мошенничество	100	370

Означает ли это, что общество, оказавшееся в кризисе, будет и далее продолжать фатально воспроизводить силы, способствующие социальной аномии, обрекая себя на самоуничтожение? Нет, не означает, хотя гибель общества, по Сорокину, в принципе не исключена.

Возможность выхода общества из кризиса социолог связывал прежде всего с интегральной сущностью человека. Проведя анализ поведения индивидов в кризисные периоды как в России, так и в других странах, социолог его типизировал согласно закону, названного им законом «позитивной и негативной поляризации». По этому закону, во время кризисов люди не ведут себя однозначно: одна часть общества становится более склонной к социальной аномии (негативный полюс), а другая — к моральному совершенствованию и религиозности (позитивный полюс). В зависимости от типа личности, превалирования биологического или социального, индивиды тяготеют либо к одному полюсу

<sup>1</sup> Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. — 1992, № 5. — С. 170.

либо к другому. Примерами «негативной поляризации» может быть рост эгоизма и самоубийств, ожесточения, тупая покорность судьбе, криминальные деяния и т. д. «Позитивная поляризация», по Сорокину, проявляется в росте творческих усилий и альтруизма, в жизни по моральным заповедям, увеличении неинституализированной религиозности, возникновении и развитии пацифистских и насильственных ассоциаций, во взаимном проникновении и интеграции разных мировоззренческих ориентаций.

Результат «эпохальной борьбы» между силами «позитивной» и «негативной поляризации», считает Сорокин, никто «не в состоянии предсказать с уверенностью». Однако тенденция, по мнению ученого, оптимистическая: «Хотя силы негативной поляризации кажутся еще преобладающими, тем не менее силы позитивной поляризации обнаруживают уже заметную способность для сдерживания и уменьшения губительных действий сил нерелигиозности и деморализации»<sup>1</sup>.

Человек не может пассивно созерцать эти процессы, как считает Сорокин. Сообразно своему историческому предназначению — творить Истину, Красоту и Добро — он должен предпринять попытки трансформировать общество посредством выбора соответствующей политической стратегии.

#### **4. ПОЛИТИКА РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЕГО КРИЗИСА**

П. Сорокин написал ряд работ, в которых исследуются проблемы выбора политической стратегии, направленной на реформирование кризисного общества.

---

<sup>1</sup> Сорокин П. Главные тенденции нашего времени. — М., 1993. — С. 143.

Одна из основных — «Человек и общество в условиях бедствия» — до сих пор полностью не издана на родине автора. Опубликованы лишь отдельные фразменты<sup>1</sup>. И все же в общих чертах можно познакомиться с основными взглядами ученого по этой теме, которые могут быть для нас полезны с точки зрения осмысления нашей сегодняшней политики.

Главный смысл политики реформ, по Сорокину, — она должна исходить из интегральной сущности человека и ни в коем случае не препятствовать его базовым инстинктам. Для этого, как минимум, необходимо, чтобы:

- сущности человека соответствовала форма производства и распределение благ;
- функции государства в конечном счете стимулировали творческую активность населения;
- утвердился морально-правовой порядок, единый для власти и населения, как для руководителей, так и для руководимых.

Итак, в форму производства должна быть заложена постоянно действующая пружина, именуемая «личным интересом», «хозяйственной автономностью и ответственностью». Занесение на красную доску ордена, похвалы в газетах и т. д., по мнению Сорокина, — «искусственные стимулы», их роль ничтожна, «она не способна дать сотую часть того положительного эффекта, который дает «личный интерес». Сорокин предложил ряд конкретных мер: «ясное и категорическое признание права собственности»; налоги должны быть таковы, чтобы сохранялась «уверенность лица в прочности своих прав на результаты своей хозяйственной деятельности» (налог по принципу «чем больше — тем лучше» ущемляет стимул «личного интереса» и его положи-

---

<sup>1</sup> Сорокин П. Человек и общество в условиях бедствия (фрагменты книги) // Вопросы социологии. — 1993, № 3.

тельных эффектов); исключить хозяйствование в «формах частного хищничества» (аренда предприятий, позволяющая выжимать из них сиюминутную прибыль «ценой окончательного их разрушения»); имущественная дифференциация не должна быть безмерной, что «толкает нищие массы на разгром существующего порядка», порождает преступления, бунты, ведущие к разгрому производительных сил страны (обе крайности — уравнительность и безмерное имущественное неравенство — ведут к печальным результатам)<sup>1</sup>.

Функции государства, особенно экономические, не должны подавлять ни субъективность индивида, ни функцию собственно общества. Огосударствление общества, по мнению социолога, неизбежно ведет к безынициативным, примитивным способам ведения хозяйства. В подтверждение своего тезиса Сорокин приводит ряд примеров. Национализировали промышленность — деятельность многих предприятий прекратилась. Национализировали жилище — дома, став по сути бесхозными, начали разваливаться. Национализировали торговлю — прилавки стали пустые. Такие следствия огосударствления объясняются не неопытностью и неумелостью организаторов, а тем, что огосударствление не предусматривает селекционный механизм, позволяющий в процессе конкуренции и хозяйственного риска отсеивать людей бездарных и выдвигать действительно талантливых.

Разгрузка государства от несвойственных ему функций позволила бы государству уделять больше внимания охране внутреннего порядка, суду, осуществлению культурных функций.

Наконец, политика реформ должна обеспечить введение надлежащего правового порядка, который дол-

---

<sup>1</sup> Сорокин П. Об основных условиях возможности возрождения нашего народного хозяйства // Социс. — 1994. — № 2, С. 4—6.

жен содействовать производительной и творческой деятельности населения. Продуктивная экономическая деятельность, считает Сорокин, возможна только при правовом поведении как самого населения, так и органов власти. Для этого необходимо, чтобы все граждане России стали «субъектами прав, участниками, членами единого общего коллектива, а не бесправными париями, не объектами прав, не материалом в руках народных пастырей»<sup>1</sup>. Для этого от власти, в частности, требуется организация независимого суда, оздоровление исполнительно-административного аппарата, а от граждан — усилие к действительному уважению чужих прав, исполнению своих личных прав и обязанностей, соблюдение общественного мира.

\*\*\*

Сорокинские взгляды на политику и политические изменения ныне подвергаются определенной критике и уточняются. Так, теорема флуктуации исходит из *внутреннего*, имманентного источника изменений общества или обществ *одной отдельно взятой цивилизации*. Между тем, по мнению ряда современных социологов, общества имеют и *внешние* источники изменений, которые становятся все более значимыми факторами в общем векторе развития. Это связано прежде всего с изменениями традиционных границ обществ и даже цивилизаций. Появились наднациональные структуры (в политической сфере — НАТО, «Большая восьмерка»; в экономической — ОПЕК, транснациональные корпорации типа «Дженерал Моторс», «Пелси-Кола»). Их политические и экономические действия, столкновения и конфликты на межнациональном и транснациональном уровнях могут дать куда больший толчок к социальным

---

<sup>1</sup> Сорокин П. Об основных условиях возможности возрождения нашего народного хозяйства // Социс. — 1994. — № 2. — С. 14.



и политическим изменениям, чем реализация потенциальных возможностей самого общества.

Кроме того, происходят столкновения и конфликты между социокультурными системами, в результате которых подчас утрачивается социокультурная самобытность отдельных обществ. Под воздействием всех этих внешних факторов некоторые общества радикально меняли векторы своего развития, что не укладывается в схему цикличности социальных и политических изменений. К примеру, прежде всего благодаря внешним факторам Бразилия, Мексика, Южная Корея, Сингапур, Гонконг и др. стали «новыми индустриальными странами» с доминированием американских социокультурных ценностей, которые существенно отличаются от их традиционных ценностей.

Далее, уловить направленность цикла флуктуации конкретных обществ ныне становится почти невозможным. Изменения стали разнонаправленными — они то ускоряются, то замедляются, подчас столь резко меняя свой вектор (преобразования в Китае, странах Восточной Европы, России), что прогнозировать их становится весьма трудно. По большому счету остается открытым и вопрос о том, что политические изменения в указанных и других странах непременно приведут к социальным улучшениям или ухудшениям. Более того, ценностный аспект прогресса размывается, становится относительным. По каким критериям, скажем, оценивать нынешние изменения в США? По одной шкале — доходам на душу населения, потреблению товаров — страна является лидером в мире. По другой — количеству деструктивных действий (убийств, самоубийств) — Америка является больным обществом.

И еще. Социокультурный фактор у Сорокина рассматривается как доминирующий по отношению к политическому и экономическому факторам. Социокультурная реальность развивается как бы на разных (выс-

шем и низших) уровнях, органически не связанных между собой. Сегодня же имеет место взаимозависимость факторов, которые комплексно влияют на характер социальных действий людей, на выбор ими политических стратегий. В сорокинской системе циклических изменений человек значительнее, более активен по сравнению с эволюционистской и историко-материалистической теориями развития, но не настолько, чтобы самому определять свою жизненную стратегию, облик и характер институтов общества.

Эти и другие слабости пытаются преодолеть представители современной социологии постмодерна.

## ЛИТЕРАТУРА:

*Современные международные отношения. Учебник* / Под ред. А. В. Торкунова.— М.: РОССПЭН.— 2000. Раздел II, гл.1.

*История социологии в Западной Европе и США.*— М., НОРМА — ИНФРА, 1999. Рекомендуется глава 20.

*Возвращение Питирима Сорокина.*— М., 2000.

*Кравченко С. А., Мнацаканян М. О., Покровский Н. Е.* Социология: парадигмы и тсмы.— М., 1998.

*Сорокин П. А.* Социологические теории современности.— М., 1992. Рекомендуются главы 2 и 11.

*Сорокин П. А.* Главные тенденции нашего времени.— М., 1993. Рекомендуются главы 1, 2,3,5

*Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество.— М., 1993.

*Сорокин П.* Человек и общество в условиях бедствия (фрагменты книги) // Вопросы социологии.— 1993.— № 3.

*Сорокин П. А.* Система социологии.— М., 1993.— Т. 1—2.

*Сорокин П.* Интегрализм — моя философия // Социс.— 1992.— № 10.

*Сорокин П.* Об основных условиях возможности возрождения нашего народного хозяйства // Социс.— 1994.— № 2.

*Сорокин П.* Причины войны и условия мира // Социс.— 1993.— № 12.

*Сорокин П.* Современное состояние России // Новый мир.— 1992.— № 4,5.

*Сорокин П.* Общие черты и различия между Россией и США // Социс.— 1993.— № 8.

*Сорокин П.* Тайнственная энергия любви // Социс.— 1991. № 8, 9.

## **Тема 6. Объединительные парадигмы: деятельные политические агенты в самоорганизующихся структурах**

В послесвоенный период среди социологов усилились дебаты по поводу перспективных направлений приращения и развития социологического знания. Дело в том, что общепризнанные парадигмы академической социологии подвергались все большей критике за ту или иную односторонность в интерпретации социально-политических реалий, что выражалось в слишком большом акцентировании влияния либо политических институтов над субъектами, либо, напротив, — абсолютизации роли субъективного политического начала. Классические теории, ориентированные на выявления универсальных связей, более или менее хорошо работали для интерпретации обществ замкнутого типа, в том числе и советского, а также обществ, которые не знали активных политических агентов, радикальных политических бифуркаций, случайных колебаний в политических структурах. Применение классических теорий стало практически невозможным для исследования обществ, в которых отдельные политические агенты и институты могут действовать сами по себе с высокой степенью непредсказуемости и даже дезорганизации, обществ открытых, взаимодействующих с другими обществами. Это касалось американс-

кого и западных обществ в целом, а ныне относится и к российскому обществу.

В этой связи социологической общественностью высказывались соображения, что было бы желательно создать такую теорию, которая бы преодолела традиционную поляризацию объективного и субъективного, структуры и индивида, исследовала бы эффект возникновения *самоорганизующегося политического порядка* из неопределенности политики *конкретных* институтов, партий, движений, возможной дезорганизации некоторых из них, а также потенциальной непредсказуемости деятельности *конкретного* политического агента. Наиболее успешные попытки в этом направлении осуществили английский социолог А. Гидденс и французский социолог П. Бурдьё, которые и сегодня продолжают развивать и совершенствовать свои теории. С творчеством этих социологов связан качественно новый этап в развитии социологической науки, в понимании современной политической жизни, имеющей как *внутреннюю* неопределенность, так и *внешний* фактор воздействия, который вносит свой потенциал непреднамеренности в политический процесс.

## **1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОСТИ А. ГИДДЕНСА**

В начале 90-х годов А. Гидденс написал две большие работы — «Последствия современности» и «Современность и самоидентичность», в которых ставится задача осуществить «анализ современности вкупе с ее культурным и идеологическим подтекстом»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Giddens A. The Consequences of Modernity.— Stanford: Stanford University Press, 1990; Modernity and Self-Identity.— Stanford: Stanford University Press, 1991.

В качестве критериев для разграничения современности от досовременности социологом используются факты радикализации и универсализации модерна, разделения пространства и времени, «деконтинувистского» развития. При этом акцент делается не на поиске единственно верного, универсального подхода, а на плюрализме точек зрения, на учете *специфического характера* принципов организации и трансформации политических структур, особенностей знания и, соответственно, поведения политических агентов, что предполагает возможность *спектра политических стратегий*, причем каждая имеет лишь *вероятностный* характер.

По мнению Гидденса, слабость классических интерпретаций современности состоит в том, что социально-политическая реальность мыслится как *единое целое*, характерное для всего мира, или как совокупность определенных *общих* принципов эволюции, или же как нечто *замкнутое* с практически неменяющимися политическими ценностями. В противоположность данным подходам Гидденс предлагает *прерывистую* интерпретацию современного социального и политического развития, под которой подразумевается то, что в истории существуют как типичные события, так и уникальные, требующие выявления их специфического характера. По мнению социолога, политические институты современных открытых, плюралистических обществ (США, страны Западной Европы; ныне к ним примыкают и страны Восточной Европы, включая Россию) являются уникальными, радикально отличными от институтов традиционного общества.

Социолог выделяет три основные черты, определяющие характер современности. *Первая* — неимоверно возросшая *скорость изменения* всех процессов в обществе. Так, в России буквально на наших глазах происходят радикальные изменения идентичностей политических акторов: вчерашние враги становятся друзьями, а

недавние друзья — врагами, переориентируются лояльности, утрачиваются старые и возникают новые авторитеты. Вот лишь некоторые примеры. Николай II, последний российский император, ранее ассоциировавшийся с «кровавым воскресеньем», недавно был канонизирован. Диссиденты — А. Солженицын, А. Сахаров, Ю. Даниэль, А. Синявский, В. Буковский и др., — на которых смотрели как на «антисоветчиков — агентов империализма», людей, жестоких, лишенных здравого смысла, ныне предстают как национальные герои, как политические пророки свободы и демократии. А бывшие вожди, которых еще недавно обожествляли, сегодня объявляются «преступниками». Скачут рейтинги популярности и современных российских руководителей. Более того, меняются предпочтения самого *типа государства*, в котором россияне хотели бы жить<sup>1</sup>, и никто не может дать гарантий против рецидивов авторитаризма.

Хотя не так резко, но меняются политические реалии и в Соединенных Штатах. Некоторые американские официальные лица заявляют о «единоличном лидерстве США», об «однополярности мира» и т. д., что не может не вызывать изменений в политической стратегии этой страны. И вместе с тем, несмотря на сохранение высокого уровня антиамериканской и антироссийской риторики в российской и американской политических элитах, обе державы предприняли невиданные ранее усилия по дальнейшему развитию политического взаимодействия друг с другом, особенно принимая во внимание космополитизацию мировой политики, необходимость координации усилий для решения глобальных проблем современности<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Горшков М. К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). — М.: РОССПЭН, 2000.

<sup>2</sup> См.: Современные международные отношения. Учебник / Под ред. А. В. Горкунова. — М.: РОССПЭН, 1999.

*Вторая* — это *глобальность пространства*, на котором происходят изменения, что несопоставимо со сферой изменения во всех традиционных обществах — практически все регионы мира втянуты во взаимодействие друг с другом. Политика в одной стране так или иначе находит свой отзвук в мировом сообществе. И наоборот: политика мирового сообщества ныне добивается все более реальных результатов в защите прав человека и его основных свобод, в предотвращении деяний, опасных для общества и природы от кого бы то они не исходили. Принимаются мировым сообществом и меры воздействия по свертыванию политики насилия, экстремизма в различных ее проявлениях.

Глобальность пространства проявляется и в том, что идет процесс переосмысления важнейшего постулата Вестфальской системы — признание суверенитета, права конкретного государства выступать высшим судьей в национальных границах. Примеры тому — совместное участие России и США, равно как и других стран, в миротворческих операциях, борьбе с международным терроризмом и наркомафией, в решениях общепланетарных задач, таких как защита мировой экологической системы, регулирование использование природных ресурсов (нефти) и т. д.

Некоторые СМИ принципиально отказались от разграничения «отечественной» и «зарубежной» аудиторий, делая ставку на глобальность теле и радиовещания.

*Третья* — *внутренняя природа* современных институтов — появились социально-политические формы, которые ранее вообще не существовали, в частности, появились нетрадиционные акторы «постмеждународной» политики, представленные неправительственными организациями, транснациональными корпорациями, экологическими и иными ассоциациями. Так, негосударственная организация «Гринпис» выполняет роль



международной экологической полиции. Общественная организация «Международная амнистия» ведет эффективную борьбу за права человека во всем мире.

Характерной чертой современности, считает Гидденс, является принципиальное изменение системы контроля над средствами насилия. В домодерновых цивилизациях военная сила всегда играла самую важную роль в жизни обществ. Но никакой правящий тиран не был в состоянии сохранять монопольным контроль над средствами насилия, так как войны и восстания постоянно его нарушали. Положение радикально меняется в государствах модерна — они успешно и длительно осуществляют монополию на средства насилия, что позволяет им обеспечивать весьма высокого уровня политический порядок. К сожалению, по этому критерию Россия пока не стала современной страной. В ней до сих пор существуют несколько источников насилия, что способствует постоянному воспроизводству конфликтов, как политических, так и военных.

Гидденс отмечает, что современность существенным образом трансформирует политическое положение индивида в контексте повседневной жизни. Отсутствие «привязанности» к какому-либо месту заменяется тем, что индивид имеет возможность плюралистического выбора политических и жизненных стратегий, предлагаемых абстрактными системами.

Социолог особо выделяет возможности координации глобального порядка, ликвидации угрозы войны, созданию планетарной экологической службы, *политическое участие непрофессионалов в управлении обществом* через институты партиципативной демократии — демократические организации, движения экологические и т. д., а также *гуманизацию технологий, демилитаризацию мира*. Россия и США принципиально договорились о сокращении ракетно-ядерных арсеналов. Сдержанность в развитии ядерных потенциалов проявляют Китай,

Великобритания, Франция, Украина, Беларусь, Казахстан отказались от ядерного оружия.

Вместе с тем Гидденс постоянно подчеркивает, что его концепция современности не сводится к *макротенденциям*. Она органично включает в себя *микротенденции*, которые являются микро не по значимости, а по уровню анализа социально-политической реальности, что касается *внутриличностных трансформаций* в плане появления *свободного, активно действующего* человека. По словам социолога, его цель заключается в том, чтобы проанализировать природу взаимосвязей «между глоболизирующими макротенденциями и личностными диспозициями», добавляя при этом: «впервые в человеческой истории Я и общество оказываются связанными между собой в глобальном масштабе»<sup>1</sup>. Иными словами, необходимо изучить то, как трансформируются индивиды, их знания, политические симпатии и антипатии под влиянием изменений институтов современности и то, как индивиды, в свою очередь, оказывают воздействие на происходящие политические процессы. Поэтому современность в трактовке Гидденса выступает как предельно широкое понятие, включающее в себя и социально-политические институты, и способы мышления и поведения людей, которые приобретают подлинно всемирно-историческое влияние в наше время.

Современность, считает социолог, качественно изменяет внутриличностные процессы. В традиционном обществе личность формировалась под влиянием набора последовательно сменяющих друг друга возрастных характеристик с четкими социальными параметрами, типичными коллективными представлениями и единой политикой для определенного локального сообщества. Современный же индивид формируется под влиянием абстрактных систем, которые предлагают постоянно

---

<sup>1</sup> Giddens A. Modernity and Self-Identity, p. 1, 32.

расширяющийся набор выборов, включая выборы политических предпочтений, что исключает однозначную определенность становления личности.

Одним из важнейших параметров современного общества является качественное возрастание неопределенности и рисков для его членов. Гидденс ведет речь не о том, что жизнь современного человека подвержена большим опасностям, чем это было характерно для его предков, а о том, что ныне «и для дилетанта, и для эксперта постоянным и непреложным опытом становится мышление в терминах риска»<sup>1</sup>. Все без исключения сферы человеческой жизнедеятельности и особенно политики связаны с непрерывной калькуляцией всевозможных рисков. Люди стремятся максимально спрогнозировать и завтрашний день и более отдаленное будущее. Однако это не может избавить их от роковых моментов в принципе. Риски традиционные и современные вступают в противоречия друг с другом, последствия чего так или иначе сказываются на людях. Прогресс науки и техники, несомненно, снижает долю традиционных рисков (эпидемии, несчастные случаи, стихийные бедствия). Однако увеличивается доля институциональных рисков (принятие конкретных политических решений, последствия избирательных кампаний, выбранные способы урегулирования конфликтов, втягивание все большего числа агентов в институционализированные отношения). Резкая динамика знания и изменение характера общественно-политических отношений в сторону неопределенности приводит к тому, что даже рекомендации экспертов содержат весьма большой потенциал риска при их реализации.

Постоянно происходит обновление ситуаций риска, которые трудно прогнозировать, что, в частности, связано с диверсификацией политического мышления,

---

<sup>1</sup> Ibid., p. 125.

новациями в институтах и структурах, с поиском альтернативных стратегий и путей развития. Все это превращает как повседневную, так и политическую жизнь человека в процесс постоянной калькуляции и осмысления рисков. Сложность ситуации усугубляется еще и тем, что если в традиционном обществе человек, как правило, полагался на веру в судьбу или сверхъестественные силы, или на «мудрость» вождя, то ныне он должен *сам* делать постоянные выборы при решении жизненно важных для него вопросов, полагаясь при этом либо на оценки экспертов, либо на то, что подсказывает ему его социальный и политический опыт, интуиция.

Все эти и другие новации вместе взятые приводят к тому, что жизненный путь личности начинает выступать как отдельно взятый временной сегмент, который почти не связан с преемственностью поколений, с предшествующим социальным и политическим опытом. Традиционные жизненные ориентиры мало работают при разрешении и преодолении жизненных и субъективных кризисов. Однако это не означает абстрагирование индивида из контекста социальной жизни. Напротив, как подчеркивает Гидденс, индивид, чтобы адаптироваться к социально-политическим реалиям, совладать с рисками должен в большей степени, чем ранее, овладевать демократическими свободами и процедурами, включая их в плоть своего Я. И все же модерн и сопутствующая ему культура высоких рисков не могут не порождать у современного человека целый ряд противоречивых психологических состояний, которые выражаются в сомнениях, состояниях тревоги, увеличении проблем с душевным здоровьем. Причину распространения подобных состояний социолог видит в том, что индивид практически утрачивает прежние внешние опоры, детерминировавшие его поведение (авторитет, традиции, вера в вождя или политического

лидера), в результате чего возникает дезориентированность людей.

Как реакция на последствия модерна индивиды стремятся обосновать новые образцы жизнедеятельности, или, как их называет Гидденс, новые формы жизненной политики, носителями которой выступают активисты современных социальных движений. В определенном смысле они являются продолжателями политики эмансипации. Но если их предшественники боролись за «свободу от», то современные политические активисты борются за «свободу для» — сферой их интересов является само содержание свободы как независимого выбора жизненного пути или жизненных стилей. Их задача — создание нравственно оправданных форм политики, которые будут способствовать саморазвитию личности индивида в контексте новых глобальных взаимозависимостей, нынешних и грядущих опасностей, в условиях развивающихся свобод и связанных со всеми этими реалиями неизбежностью каждодневных выборов и рисков.

## **2. ТЕОРИЯ СТРУКТУРАЦИИ: ИССЛЕДОВАНИЕ АГЕНТНО-СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

А. Гидденс считает, что ни структура, ни действие не могут существовать независимо друг от друга. Социальные действия способны обретать «систематические формы», через которые осуществляется зарождение и воспроизводство структур, так что последние могут существовать более или менее продолжительное время. Но социолог объединяет структуры и действия не механистически: по существу, он предлагает взглянуть на социальную реальность под совершенно иным углом зрения — ориентируясь на изучение конкретных соци-

*альных практик*, которые воспроизводятся благодаря активному характеру действий самих агентов. Так, в соответствии с теорией структуризации, предметом исследования являются «социальные практики, упорядоченные в пространстве и во времени». Они не являются раз и навсегда данными, неизменными. Напротив, социальные практики отличны друг от друга в разных культурах, они своеобразны в одной и той же стране в разные периоды ее истории.

Социолог особо подчеркивает, что социальная практика «не создается социальными актерами, а лишь постоянно воспроизводится ими», т. е. она имеет характер *преемственности, упорядоченности*. Социальные практики «одинаковы» в определенном времени и пространстве благодаря *рефлексивности* агентов, которая трактуется Гидденсом как «мониторинг (отслеживание) течения социальной жизни». В свою очередь индивиды, усваивая в ходе социализации навыки социальной деятельности, обеспечивают повторение социальных практик, что и делает возможным их типизацию и научный анализ.

Гидденс отмечает, что традиционно понятие «структура» использовалось в социологии для своего рода моделирования социальных отношений или явлений. Так, можно говорить о «классовой или политической структуре» или «структуре индустриальных обществ» и т. д. В этом случае термин используется, чтобы отметить некие общие институциональные черты общества. И подобное использование термина вполне правомерно. Однако наряду с этим значением социолог предлагает использовать данный термин в ином смысле — как порядок, позволяющий представлять *воспроизводство социальных практик во времени и пространстве*, что придаст им «систематическую» форму.

Так, политическая партия в традиционном употреблении предстает как структура с определенными ин-

ституциональными функциями. В том же смысле, в котором ее трактует Гидденс,— это *определенные социальные практики*, которые для своего воспроизводства нуждаются в индивидах, действующих по определенным уставным правилам. Партия, как совокупность определенных социальных практик, может меняться: появляются новые целевые установки, утверждаются и новые правила партийной жизни и поведения, при этом старые отменяются. Иными словами, члены партии благодаря своим действиям могут и воспроизводить, и трансформировать определенные социальные практики, характерные для конкретной политической партии, которая, в свою очередь, детерминирует поведение своих членов.

Таким образом, в общих чертах структура в представлении Гидденса,— это *образец социальных отношений*, существующий в определенное время и в определенном пространстве, который предполагает соответствующее поведение индивидов. На этом основании такие институты, как партия, государство или бюрократия рассматриваются социологом как *определенные отношения людей и как образцы поведения*, существующие какой-то промежуток времени.

Применительно к социальной жизни Гидденс различает два вида структур — «правила» и «ресурсы». Под правилами имеются в виду процедуры, которым индивиды могут следовать в социальной жизни, они обязательно вторгаются в бесчисленные рутинные социальные практики. При этом социолог особо подчеркивает, что правила не сводятся к набору *рациональных математических принципов*, это, скорее,— способность применять обобщенную процедуру в общепринятом контексте, что и обуславливает структурирование того, что происходит в нашей жизни. Для теории структуризации особенно значимы те правила, которые способствуют производству институализированных практик.

что позволяет изучать конкретные политические и иные реалии.

Второй вид структуры — ресурсы — так же возникает только в результате человеческой деятельности и может изменяться или поддерживаться людьми. Ресурсы проявляются или в локализованной форме или в форме власти. «Локализованные ресурсы» включают в себя полезные ископаемые, землю, средства производства и товар. По Гидденсу, эти ресурсы не существуют сами по себе — они становятся ресурсами только благодаря человеческой активности. «Властные ресурсы» — нематериальные ресурсы, которые проявляются в том, что одни индивиды способны доминировать над другими, заставлять их выполнять свои желания, и в этом смысле люди становятся ресурсами, которые могут быть использованы другими людьми. При этом социолог настаивает на том, что власть на ресурсы может существовать лишь в том случае, если она воспроизводится в процессе человеческой интеракции. Власть не является чем-то, что человек имеет, до тех пор пока он ею действительно не пользуется.

По Гидденсу, структура также обладает *дуальностью*. Она может проявляться: 1) в виде регулярно воспроизводящихся правил и ресурсов, характерных для определенного времени и пространства; 2) в виде «отпечатков» социальной практики в памяти индивидов, знания социальных возможностей других людей и себя самого, что и позволяет продолжать воспроизводить социальную жизнь во всем многообразии.

Этот подход предлагает принципиально иной взгляд на социальную реальность. Так, если Дюркгейм считал, что структура является «внешней» по отношению к индивиду, она принуждает его к определенному поведению, то Гидденс, напротив, полагает, что структура является «внутренним» фактором, который «не только принуждает, но и дает возможности». По мнению со-



циолога, структура влияет на человеческое поведение благодаря знанию об обществе, которым располагают индивиды. В обществе есть большое количество «общего знания» о том, как вести себя и как поступать с вещами, что позволяет агентам ориентироваться в повседневной жизни и оперировать с окружающими предметами. В своем поведении агенты используют знания правил общества, которые существуют в его структуре. Они также пользуются материальными и властными ресурсами, являющимися частями структуры общества.

Знания, которыми располагают индивиды, постоянно включаются в производство и воспроизводство социальных структур. Согласно теории структуризации, момент производства действия индивида является также моментом воспроизводства определенной социальной практики. При этом индивиды воспроизводят и условия, которые делают такие действия возможными. Но в конечном счете результат получается несколько иным, чем это представляется людям — он включает в себя и преднамеренное, и непреднамеренное: «Дуальность структуры,— отмечает Гидденс,— всегда является главным основанием преемственности социального воспроизводства во времени и пространстве. Это, в свою очередь, предполагает рефлексивный мониторинг агентов в ходе повседневной социальной деятельности. Однако сознательность всегда ограничена. Поток действий непрерывно производит последствия, которые являются ненамеренными, и эти непредвиденные последствия могут также формировать новые условия действия посредством обратной связи. История творится преднамеренной деятельностью, но не является преднамеренным проектом. Она постоянно ускользает от попыток повести ее по какому-то задуманному направлению»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас: Учебное пособие. Новосибирск. 1995.— С. 62.

Таким образом, представление о дуальности структуры — главной теоремы теории структуризации, — позволяет, по мнению Гидденса, разрешить спор между социологами-детерминистами, которые верят, что человеческое поведение всецело зависит от внешних сил, и социологами-волюнтаристами, считающими, что люди, обладая свободной волей, действуют только в соответствии со своими желаниями. Гидденс полагает, что ни первые, ни вторые в принципе не правы, но в каждой позиции есть элементы истины. Поэтому он отстаивает необходимость объединительной парадигмы, а не плюсовых подходов.

А. Гидденс также предложил *стратификационную модель действующей личности*, что подразумевает учет трех компонентов — *рефлексивного мониторинга, рационализации и мотивации действия*. Под рефлексивным мониторингом деятельности социолог понимает сознательное отслеживание агентами не только своей деятельности, но и ожидание, что и другие агенты поступают аналогичным образом. Кроме того, отслеживаются и социальные контексты, в которых происходит деятельность. Под рационализацией действия подразумевается компетентность в поведении — агенты в состоянии объяснить, что они делают. Социолог отделяет рефлексивный мониторинг и рационализацию действия от его мотивации — желаний, которые к нему побуждают. По его мнению, мотивы напрямую не связаны с рефлексивным мониторингом и рационализацией, а, скорее, относятся к потенциалу действия, по большей части порождая общие планы или проекты. Большинство повседневных действий напрямую немотивированно. В то же время бессознательная мотивация — значительная черта поведения человека.

Подобная модель действующей личности, как полагает Гидденс, позволяет представлять социальные практики более гибко — они в большей или меньшей

степени имеют последствия, *ненамеренные и непредвиденные* теми, кто был вовлечен в такую деятельность. «Непредвиденные последствия регулярно «распределяются» как побочный продукт регулярного поведения, рефлексивно поддерживаемого его исполнителями».

Теория структуризации, представляется, весьма хорошо работает для интерпретации неопределенности политической жизни в современной России. Она, в частности, позволяет ответить на вопрос: почему у нас никогда не были реализованы политические стратегии ни советских, ни нынешних российских политических лидеров?

Дело в том, что, согласно теории структуризации, облик общества формируется не под влиянием какой-то имманентной тенденции, присущей России, как определенной социокультурной системы, и не благодаря преднамеренного проекта, который пытались и пытаются реализовать политики. Общество прежде всего есть результат социальных изменений, которые складываются из *совокупности преднамеренных и непреднамеренных действий*, повседневного поведения, микросоциальных практик простых россиян, зачастую не имеющих никакого отношения ни к политике, ни к реформистским замыслам руководителей.

Но это лишь одна из составляющих того, какой может быть Россия в ближайшем и обозримом будущем. Другая составляющая складывается из того, что социальная реальность может существовать как *потенциальная возможность* (скажем, в стране есть демократические тенденции, зародыши будущих «свобод для») и как *действительность* (аномия, конкретные политические трансформации, характеризующиеся нечеткостью целей и средств их достижения). Иными словами, если следовать постулатам теории Гидденса, то конкретные российские структуры, и агенты (нас с вами) следует

анализировать и как *потенциальные возможности*, и как *действительность*.

Во взаимодействии друг с другом ныне сложившиеся «демократические и рыночные» институты российского общества по отношению к агентам обладают определенной *независимой динамикой*. При этом действует инерция предшествующих социальных практик «развитого социализма»: типичной реакцией на ликвидацию партийной монополии КПСС был не переход к политическим «свободам для», а формальное утверждение политического плюрализма — создание более ста партий. В большинстве своем они стали партиями с *прежними социальными практиками* коммуно-большевистского толка, с теми же принципами организации, противопоставляющими массы и их вождей, что даже нашло отражение в самом неформальном названии некоторых из них — партия Зюганова, Жириновского, Федорова и т. д. Для демократически ориентированных россиян новые партии стали не востребованными, нефункциональными и даже дисфункциональными.

Далее, по Гидденсу, за определенным моментом политических изменений, должен, как правило, наступить следующий такого же характера. Так в действительности и произошло. За нефункциональностью и дисфункциональностью значительной части партий и движений вполне логично следовало ожидать нефункциональность и дисфункциональность в других политических сферах. Институты парламентаризма для значительного числа россиян оказались также не востребованными. Люди не только не могут их контролировать, но не верят в их патернализм, в полезность и эффективность их политики для себя, и потому не видят особого смысла, чтобы обращаться к ним, оказывать им поддержку и защиту. Достаточно вспомнить, как режим Ельцина сравнительно легко расправился с оппозиционным парламентом.

Наконец, согласно теории структуризации, следует иметь в виду принцип последовательности, преемственности социальных практик на микроуровне. Нельзя, например, реально демократизировать политические структуры без предварительного овладения индивидуальными свободами, демократическими практиками и принципами на микроуровне, которые по сути только и могут воспроизводить *демократические* институты, демократические не по вывеске и формальным признакам, а по существу. Именно поэтому политические действия россиян, как реакция на изменения политических структур, приобретают отнюдь не однозначный характер — они могут быть адекватны преобразованиям структур, а могут и не вписываться в эти изменения. Чем дальше политические практики россиян на микроуровне отстоят от характера политических структур, тем менее реально выполнение политических стратегий по реформированию общества в целом. Агенты могут осуществлять лишь те социальные действия, которые основываются на своих потенциальных знаниях и способностях. Они покупают товары, если имеют деньги и знают, как с ними обращаться; участвуют в акциях протеста, когда испытывают лишения и т. д. Аналогично: они могут воспроизводить *демократические* политические институты, делать их функциональными для себя, когда имеют потенциальные знания о своих индивидуальных правах и свободах и когда имеют хотя бы минимальные политические способности действовать демократически, чтобы реализовать свои потенции в действительности.

П. Штомпка, современный польский социолог, работающий с инструментарием теории структуризации, особо подчеркивает, что ныне для более углубленной интерпретации общества правильнее мыслить *единую агентно-структурную реальность*, их конкретное слияние, а не индивидуальные действия (М. Вебер) и не

«социальные факты» (Э. Дюркгейм). Следующий шаг, который делает Штомпка, заключается в том, что он рассматривает единую агентно-структурную реальность через призму сред человеческого существования: с одной стороны — природы, а с другой — сознания.

Природная среда существует в виде внешних природных условий и внутренних черт людей. Так, конкретные природные условия могут способствовать или нет утверждению определенных социально-политических реалий. Наличие уникальных природных ресурсов, востребованных мировым сообществом, благоприятный климат, способствующий развитию туризма, выходов к морю и т. д., несомненно, содействуют международным контактам, заимствованию ценностей и норм из других культур, формированию толерантного отношения к ним. Природа влияет на общество и изнутри — через биологические и психологические потенции населения. Здоровые, физически сильные, талантливые, социально и политически активные люди распределяются среди населения Земли отнюдь не равномерно. И в первом, и во втором случае природная среда может поощрять или ограничивать определенные социально-политические реалии. При этом социолог указывает на подвижность этого фактора, что связано, в частности, с процессом глобализации, расширяющимися возможностями для самосовершенствования агентов. Но сегодня, особенно в нынешних российских условиях, приходится иметь дело с негативным воздействием природного фактора. Запущенные в экологическом отношении районы, которых становится все больше, с одной стороны, ограничивают социальную деятельность людей, проживающих там, а с другой — подталкивают к экстремистским политическим акциям.

Вторая среда человеческого существования, которую выделяет Штомпка, — сознание, как индивидуальное, так и коллективное. Потенциальные возможности

людей по осуществлению тех или иных политических стратегий зависят от сути коллективных представлений, верований, разделяемых идеалов. Скажем, социальные группы людей, зараженные национал патриотизмом или религиозным фанатизмом, способны на экстремистские политические действия, которые просто исключены для социальных групп, прошедших социализацию в демократическом обществе.

Другой пример. Под влиянием коллективных иллюзий десятилетиями миллионы советских людей жили, по существу, не осознавая и не задумываясь о своих политических правах или своем экологически бедственном положении. Только тогда, когда были развенчаны идеологические мифы и сформировались хотя бы основы демократических и экологических представлений, стали возможны социальные и политические изменения по этим направлениям. Аналогично сегодня: по сравнению с США в России практически нет агентно-структурных реалий, вызванных феминистскими движениями. И дело здесь вовсе не в том, что у нас нет проблем с гендерным равенством. Феминистские движения, их политики не могут возникнуть ранее привлечения внимания общественности к этим проблемам и возникновения феминистского сознания и, соответственно, характерных социальных практик на микро-уровне. Последние только и могут в конечном счете создать феминистские политические структуры.

Как видно, очень много самых разнообразных факторов оказывают явное и латентное влияние на параметры агентно-структурной реальности. Как считает Штомпка, четыре типа причинных факторов являются наиболее значимыми:

- структурные воздействия;
- способности агентов;
- «очеловеченная природа»;
- видоизменяющееся сознание. Что же касается

роли самого сознания, то рост знаний человека ведет к искоренению мифов и иллюзий. Это создаст лучшие потенции для более точного прогнозирования и, соответственно, целенаправленного изменения социальной и политической жизни<sup>1</sup>.

Но вернемся к Гидденсу, к еще одному весьма важному положению его теории. В обществе поведение людей, как считает социолог, безусловно, сдерживается наличием властных отношений, ибо все социальные действия так или иначе связаны с этими отношениями. При этом он рассматривает власть как инструмент, с помощью которого агенты могут изменить положение вещей или действия других людей (сдерживать или ограничивать их свободу). В то же время власть увеличивает свободу действий тех агентов, которые ею обладают: то, что ограничивает одного, позволяет другому действовать более активно и свободно.

Само понятие агента у Гидденса напрямую связано с реализацией той или иной власти. Для того чтобы быть агентом, необходимо обладать способностью вмешиваться в события, оказывать влияние на какой-то процесс, включая и действия на использование власти другими. Агент перестает быть агентом, если теряет возможность властвовать.

В этой связи Гидденс не приемлет традиционные концепции власти, в которых власть рассматривается как свойство общества (Т. Парсонс) или же определяется в терминах воли как способность достигать желаемого результата. Ему симпатичнее представления о власти с двумя «пиками»: с одной стороны,— способность индивидов приводить в действие решения, которые они сами выбирают, а с другой — «мобилизация направления», задаваемого институтами общества. Люди могут выбирать не произвольные политические

---

<sup>1</sup> Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс; Хабермас: Учебное пособие.— Новосибирск.— 1995.— С. 288—289.



стратегии, а лишь те, которые будут «позволены» обществом.

Таким образом, в концепции Гидденса подчеркивается активное начало как структуры, так и активный, рефлексивный характер действия. Акцент на рефлексивные возможности участников социальных и политических событий, признание за ними свободы выбора, открывает новые горизонты для более углубленного понимания политической действительности.

### **3. КОНЦЕПЦИЯ ГАБИТУСА П. БУРДЬЕ: ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТЬ АГЕНТОВ К ОПРЕДЕЛЕННЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ ДЕЙСТВИЯМ**

П. Бурдьё предложил использовать одновременно два принципиальных подхода при изучении социально-политических реалий. Первый — структурализм, под которым им понимается то, что в обществе существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли людей, но способные стимулировать те или иные их действия и стремления. Второй — конструктивизм, который предполагает, что действия людей, обусловленные жизненным опытом, процессом социализации и приобретенными предрасположенностями действовать так или иначе — своего рода организующими принципами действия, которые «формируют социального агента как истинно практического оператора конструирования объектов»<sup>1</sup>.

Такой подход, по мнению социолога, позволяет социологической теории, с одной стороны, заниматься изучением обстоятельств, оказывающих влияние на индивидов, а, с другой, — исследовать в рамках герменевтической традиции избирательную способность людей,

---

<sup>1</sup> Бурдьё П. Начала. — М., 1994. — С. 28.

их предрасположенность к тем или иным действиям. В этой связи социолог прежде всего обосновывает категорию *габитуса*, которую он неоднократно рассматривает в различных работах, подчеркивая те или иные ее грани. Отметим наиболее важные.

По Бурдьё, объективная социальная среда производит габитус — «систему прочных приобретенных предрасположенностей», которые в дальнейшем используются индивидами в качестве активной способности вносить изменения в существующие структуры, как исходные установки, которые порождают и организуют социальные практики индивидов. Как правило, эти предрасположенности не предполагают *сознательной направленности* на достижение определенных целей, ибо на протяжении длительного времени они формируются возможностями и невозможностями, свободами и необходимостями, разрешениями и запретами. Естественно, что в конкретных жизненных ситуациях люди исключают наиболее невероятные, неприемлемые для них практики.

Габитус в принципе *отличается от научных оценок*. Если наука после проведенных исследований предполагает постоянную коррекцию данных, уточнение гипотез и т. д., то люди, как считает Бурдьё, «придают непропорционально большое значение *раннему опыту*». Эффект инертности предрасположенностей к определенному типу поведения проявляется в том, что люди, прекрасно адаптировавшиеся к прошлым реалиям, начинают действовать невпопад, не замечая, что прежних-то условий больше нет. Для иллюстрации данного тезиса социолог приводит «любимый пример Маркса» — Дон Кихота. Среда, в которой рыцарь действует, слишком отличается от той, к которой он объективно приспособлен. Аналогично: многие россияне ныне безуспешно пытаются адаптироваться к новым политическим реалиям, к индивидуальным свободам в значи-

тельной степени из-за своего габитуса, в частности, предрасположенностей к патерналистской роли государства, партии, коллектива, вождя.

Габитус *позволяет в социальных практиках связывать воедино прошлое, настоящее и будущее*. Что бы не обещали наши политики, будущее России так или иначе сложится путем воспроизведения структурированных практик, независимо от того, нравятся они нам или нет сегодня. Именно так, согласно структуралистско-конструктивистской парадигме, творится история страны. «*Habitus*,— отмечает Бурдьё,— продукт истории, производит индивидуальные и коллективные практики — опять историю — в соответствии со схемами, порождаемыми историей. Он обуславливает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом организме в форме схем восприятия, мыслей и действия, гарантирует «правильность» практик и их постоянство во времени более надежно, чем все формальные правила и эксплицитные нормы. Такая система предрасположенностей, т. е. присутствующее в настоящем прошлое, устремляющееся в будущее путем воспроизведения однообразно структурированных практик... есть тот принцип преемственности и регулярности, который отмечается в социальных практиках»<sup>1</sup>.

Концепция габитуса *обосновывает методологические принципы прогнозирования будущего* через преодоление антиномии — детерминизма и свободы, сознательного и бессознательного, индивида и общества. «Поскольку *habitus*,— замечает Бурдьё,— это бесконечная способность для производства мыслей, восприятий, выражений и действий,— пределы которой заданы историческими и социальными условиями его производства, то и обусловленная и условная свобода, которую он представляет, так же далека от создания непредсказуемого

---

<sup>1</sup> Современная социальная теория.— С. 19.

нового, как и от простого механического воспроизводства первоначальных условий»<sup>1</sup>.

Представления о габитусе *ориентируют на более объективное исследование «субъективных ожиданий»*. В этой связи Бурдьё критикует те политические теории, которые признают только «рациональные действия». По мнению социолога, характер действия зависит от специфических шансов, которыми обладают индивиды — различия между индивидуальными габитусами обуславливает своеобразие их социальных притязаний. Это проявляется буквально во всем в нашей повседневной жизни: склонность, например, к политической деятельности, лидерству зависит от потенциальных властных возможностей. Люди формируют свои ожидания в соответствии с конкретными индикаторами доступного и недоступного, того, что «для нас» и «не для нас», тем самым приспособляя себя к вероятному будущему, которое они предвидят и намечают осуществить.

Как видно, концепция габитуса позволяет развенчать иллюзии о равных «потенциальных возможностях» в политике, теоретически, на бумаге существующих для всех, как в России, так и в США.

#### **4. П. БУРДЬЕ О СОЦИАЛЬНОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛЯХ**

Исследование роли *объективных реалий*, социолог осуществляет посредством концепции *социального поля*.

По Бурдьё, социальное поле — это логически мыслимая структура, своего рода среда, в которой осуществляются социальные отношения. Но вместе с тем, социальное поле — это реальные социальные, экономические, политические и др. институты, например,

---

<sup>1</sup> Современная социальная теория. — С. 20.

государство или политические партии. Однако социолог делает акцент на том, что его интересуют не институциональные структуры сами по себе, а *объективные связи между различными позициями, интересами, задействованных в них людей — их вступление в противоборство или сотрудничество друг с другом за овладение специфическими выгодами поля*, и прежде всего — властью, экономическими или интеллектуальными ресурсами, занятие доминирующих позиций т. д.

Все социальное пространство можно условно представить в виде нескольких полей — поля политики, поля экономики, поля религии, поля научного, поля культуры и т. д. Естественно, что конкретное поле не может существовать без практики агентов. Чтобы поле функционировало, необходима не просто активность агентов, но их предрасположенность действовать по его правилам, наличие у них определенного габитуса, включающего в себя наряду с опытом социализации и знание правил поля, готовность их признавать. Это также означает, что поле всегда предстает перед агентом уже существующим, заданным, а конкретно индивидуальная практика может лишь воспроизводить и преобразовывать поле. Так, например, конкретные действия агентов в политическом поле одновременно и воспроизводят и в определенной степени трансформируют поле. Затем воспроизведенное поле, со своей стороны, предоставляет возможность и средства для новой управленческой практики агентов, одновременно придавая их поведению нормативную заданность. И далее процесс повторяется вновь и вновь.

Концепция поля позволяет социологу учесть в социальной практике агента *сознательное и спонтанное*, вычленив два принципиально различных механизма порождения действий. С одной стороны, правила поля предполагают хотя бы минимальную *рациональность* (постановка целей, выбор средств и достижений

и т. д.), а с другой — *спонтанную ориентацию*. Весьма показательны в этом плане спонтанные оценки и действия некоторых российских политиков, активность и проекты которых были рационально обоснованы, но зачастую не учитывали ни фактор реальных возможностей поля, ни габитус россиян. Отсюда — те казусы, с которыми сталкиваются и политические руководители и ими руководимые. Достаточно вспомнить антиалкогольную политику М. Горбачева или политику Б. Ельцина, направленную на ликвидацию привилегий, или коммунальную политику Б. Немцова.

Представление социальной жизни через призму особенностей того или иного поля оказывается эффективным инструментом при анализе реального противоборства. Поле предстает как пространство борьбы, компромисса, союза самых различных сил, которые выражаются в конкретных социальных практиках. При этом в немалой степени отношения борьбы и союзов, их характер зависит от различий собственных характеристик агентов. Социолог особо подчеркивает, что в поле всякая компетентность (экономическая, политическая, интеллектуальная и т. д.) является не просто технической способностью, а *капиталом*, необходимым, чтобы пользоваться потенциальными правами и возможностями, формально существующими для всех.

Теория Бурдьё позволяет более многосторонне анализировать распределение политических ресурсов, средств, необходимых для обретения власти в поле политики. По мнению социолога, возможности конкретного агента в политическом поле определяется не только его собственной политической позицией, но и позициями в других полях, которые зависят от наличия капитала. Это, главным образом, экономический капитал в его различных видах, культурный капитал, социальный капитал и символический капитал (престиж, репутация, имя и тому подобное). На положение аген-

тов в политическом поле влияют различные переменные, но прежде всего *общий объем капитала*, которым они располагают, а также — *сочетание капиталов*. Капитал позволяет политикам держать на расстоянии нежелательных людей и в то же время сближаться с желательными людьми. Напротив, тех, кто лишен капитала, держат на расстоянии от благ и власти.

Действительно, на примерах и политического поля России, и политического поля Америки можно видеть, что декларирование равенства политических прав отнюдь не означает равенство возможностей на деле. Политические программы и политические события производят практически лишь агенты, обладающие достаточным капиталом. По существу, они экспроприируют права большинства граждан, ибо агенты, не располагающие капиталом, вынуждены выбирать лишь то, что им предложено — зачастую это может быть роль статиста в манифестациях или роль слушателя речи политика-профессионала.

Бурдые считает, что за исключением кризисных периодов, производство политических акций является монополией профессионалов. «Концентрация политического капитала в руках малого числа людей встречает тем меньшее сопротивление, и, следовательно, тем более возможна, чем более простые члены партии лишены материальных и культурных инструментов, необходимых для активного участия в политике, а именно свободного времени и культурного капитала». Отсюда социолог делает вывод, что рынок политики является «одним из наименее свободных рынков».

У подавляющего большинства россиян да и американцев тоже, нет капиталов для пользования этим рынком. Отсюда следует, что у них нет иного выбора, кроме самоотречения своих прав в пользу того или иного политического движения или партии. Что же касается агентов, возглавляющих политические движения

и властные структуры, то они, по существу, используют делегированные им права как мощное средство завоевания политического пространства, все более отдаляясь от рядовых граждан.

## **5. СОВМЕСТНОЕ ОПЕРИРОВАНИЕ АГЕНТОВ И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛЯ**

Как использовать теорию структуралистского конструктивизма П. Бурдьё для объяснения и понимания нынешних политических реалий российского общества в сравнении с американскими политическими реалиями?

Прежде всего нужно исходить из того, что любое событие, будь то в российском или американском политическом поле, детерминировано множеством взаимодействий структур и деятельных агентов, которые можно проанализировать по разным показателям. Но главное — это исследование способностей макрополитических структур и политических агентов на микроуровне к *совместному оперированию*.

До сих пор наши руководители страны не считались с объективным взаимодействием макро- и микросоциальных процессов и потому так и не сумели понять, почему их гигантские революционно-реформистские замыслы так и никогда не воплотились в жизнь сообразно задуманному. При ломке старых и создании новых институтов не учитывались возможности и потенции российской субъективности. Согласно же положениям объединительных парадигм, *нельзя успешно реформировать общество в целом, не добившись успеха в преобразовании габитуса, микросоциальных практик в желаемом направлении*.

Микросоциальные практики содержат в себе как потенциал к переменам, так и потенциал сохранения исторически сложившихся образцов поведения, тради-



ций, правил. И, конечно же, микросоциальные практики россиян находятся в определенном отношении к аналогичным практикам других народов мира. Характер микросоциальных практик россиян, в частности, проявляется в глубинных чаяниях людей к совместному спасению (не индивидуальному!), к решению больших проблем всем миром и непременно враз, в обеспечении своего материального благополучия единовременным усилием, в почитании родителей и разного рода руководителей, рассчитывая соответственно на их патернализм, в эмоционально окрашенной доброте к ближнему, что отнюдь не свойственно американским микросоциальным практикам с их трезвым прагматизмом. Постоянные войны, которые вела Россия, многочисленные бунты и революции также не могли не наложить неизгладимый отпечаток на габитус россиян, на микросоциальные практики, придав им мощный определенный налет социально-группового эгоизма.

В порядке гипотезы можно высказать следующее. Характером и особенностью микросоциальных практик россиян объясняется относительно легкое установление структур, основанных на авторитарном руководстве и партикулярной функциональности, гарантировавших, с одной стороны, коллективную безопасность перед лицом внешних и внутренних врагов, а с другой, — патернализм на уровне всесильного государства-партии, обещавшего материальные и духовные богатства и непременно «полным потоком», и, конечно же, — враз, и, само-собой разумеется, «для нынешнего поколения». Нравится нам сегодня это или нет, но исторические факты свидетельствуют, что все революционные и реформистские замыслы недемократического, авторитарного толка были в России осуществлены довольно быстро и успешно — они коррелировали с характером микросоциальных практик миллионов. Те же немногие попытки реформировать страну по пути развития эконо-

номической самостоятельности производителей, институализации прав человека и индивидуальных свобод наталкивались на контрастирующие социокультурные ценности и образцы поведения. Доминировавший коллективизм, групповой эгоизм изначально противостояли осуждавшимся индивидуализму и личностной инициативе.

Нынешний процесс реформирования — еще одна попытка интегрировать Россию в мировое сообщество стран, исповедующих ценности демократии и свободы. Решение этой проблемы, согласно логике объединительных парадигм, видится, не в том, чтобы механически заимствовать из иных социальных реалий (в частности, американских) социально-политические структуры, которые неадекватны российскому габитусу, а в том, чтобы Россия имела *свои* институты, совместимые с микросоциальными практиками *своих* граждан. Но эти *российские* структурно-деятельностные связки должны быть такого качества и таких параметров, которые бы позволяли нашему государству адаптироваться к совместному демократическому оперированию и социальному взаимодействию с другими государствами на глобальном уровне. Ведь другие страны, входя в мировое сообщество, смогли сохранить свою социокультурную самобытность, особенность своих социальных структур и практик как на макро, так и на микроуровнях.

Структуралистский конструктивизм позволяет проанализировать состояние взаимодействия политических структур и агентов, выявить каналы выражения подчас разных и неопределенных политических интересов социальных общностей, причем не только через официальные властные структуры, но и по всему политическому пространству. В условиях кризисного российского общества это особенно актуально, ибо как старые, так и вновь создаваемые политические структуры либо

функционируют плохо, либо вообще не функциональны для многих граждан.

Политика отнюдь не сводится к деятельности политических структур, как это еще недавно представлялось. Мы являемся свидетелями новых политических реалий — объективные связи между агентами ориентированы не только на политические институты, но и на расширение своего влияния собственно в политическом поле, на завоевание там доминирующих позиций. Политическая борьба стала не только борьбой за статус и позиции во властных структурах, но и борьбой за расширение сферы своего влияния в политическом поле. Здесь подчас возникают интересные парадоксы. Рейтинг ряда общественных деятелей (А. Солженицин, С. Ковалев и др.), не задействованных в политических структурах, может быть выше тех, кто представляет официальный политический институт. Первые могут обладать большей реальной властью в политическом поле, чем вторые. Россияне были свидетелями тому, что некоторые политики вообще оставляют государственные структуры, чтобы сохранить или даже приумножить свое влияние в политическом поле. Словом, борьба за власть ныне обрела многомерность — она ведется в разных плоскостях — и через государственные структуры, и через каналы конкретных взаимодействий (официальных и неофициальных) разных политических сил.

Еще один важный момент. Для укрепления своих позиций в поле деятельные политические агенты, политики-профессионалы должны завоевывать приверженность как можно большего числа граждан. Для этой цели нельзя только делать ставку на рациональность, использовать логику, характерную для интеллектуального поля. Агенты, чтобы расширить число сторонников в конкурентной борьбе с другими агентами, подчас поступаются «чистотой» своей линии, играя более

или менее сознательно на двухсмысленностях своей программы. «В результате политические выступления, осуществляемые профессионалами,— отмечает П. Бурдьё,— всегда двойственно детерминированы и заражены двуличием, которое не является преднамеренным».

На примере и политического поля России, и политического поля Америки можно видеть, что некоторых агентов не столько интересуют аргументы и доказательность правоты своей линии, сколько *прагматическая эффективность*. С помощью пропаганды и политической рекламы истина сплошь и рядом превращается в плюрализм интерпретаций. Агенты легко меняют свои позиции иногда на противоположные ради увеличения своего рейтинга в политическом поле.

Политическая практика агента, выраженная в программах и заявлениях, в конечном счете оценивается мобилизующим действием на массы (в этом, как уже отмечалось, кардинальное отличие поля политики от интеллектуального поля, где сила высказанного измеряется степенью соответствия истине). Именно поэтому социолог-политолог при анализе тех или иных политических суждений должен уметь раскрывать их «двойственную детерминированность». Цель здесь не в том, чтобы «поймать» официальных лиц в их собственной игре», а в том, чтобы содействовать даже в условиях кризиса накоплению и приумножению потенциала моральности и этической мотивации. Ибо, по Бурдьё, этическая критика — это то действие, которое «могло бы способствовать воцарению политических полей, способных поощрять самим своим функционированием агентов, обладающих наиболее универсальными логическими и этическими диспозициями».

Будем оптимистически надеяться, что дальнейшее развитие политических полей России и Америки пойдет именно по этому направлению.

## ЛИТЕРАТУРА:

*Амелин В. Н.* Социология политики.— М.: МГУ, 1992.

*Арон Р.* Демократия и тоталитаризм.— М., 1993.

*Бурдые П.* Начала.— М., 1994. Лекции и беседы: «Орисн-тиры», «Социальное пространство и символическая власть», «Делегирование и политический фетишизм».

*Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть // Альманах THESIS.— Весна, 1993.— Т.1.— вып.2.

*Бурдые П.* Социология политики.— М., 1993.

*Вебер М.* Избранные произведения.— М., 1990. Рекомендуются статьи: «Политика как призвание и профессия» и «Основные социологические понятия».

*Гидденс А.* Последствия современности (реферат). Макросоциологические теории общества и социального изменения // РЖ, Социальные и гуманитарные науки, отечественная и зарубежная литература. Серия 11, Социология.— № 2, 1994.

*Гидденс А.* Современность и самоидентичность (реферат).— Макросоциологические теории общества и социального изменения // РЖ, Социальные и гуманитарные науки, отечественная и зарубежная литература. Серия 11, Социология.— № 2, 1994.

*Здравомыслов А. Г.* Социология конфликта.— М., 1995. Рекомендуются гл.5, раздел 1 — «Конфликт и власть» и раздел 3 — «Политический конфликт».

*Качанов Ю.* Опыты о поле политики.— М., 1994.

*Качанов Ю.* Опыты о поле политики. *Socio-Logos* '96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Российской АН. М., 1996.

*Назаров Н. М.* Политический протест: опыт эмпирического анализа // Социс.— 1995.— № 1.

*Руковишников В. О.* Социологические аспекты модернизации России и других посткоммунистических обществ // Социс.— 1995.— №1.

*Смелзер Н.* Социология. М., 1994.

*Современная социальная теория:* Бурдье, Гидденс, Харбермас. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета. —1995.

*Сорокин П.* Человек, цивилизация, общество.— М., 1992.

*Тощенко Ж. Т.* Социология.— М., 1998.

*Giddens A.* Sociology. Polity Press.—

*Haralambos M., Holborn M.* Sociology.— L.,— 1993.

### **ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ И ЭЛИТЫ**

#### **Тема 7. Элита: понятие и реальность**

Сравнительные исследования социально-политических систем (а нас интересует прежде всего сравнительный анализ социально-политических систем России и США) многие социологи и политологи начинают с анализа их элит, в концентрированном виде отражающих сущность, специфику той или иной политической системы. Такой подход в определенной мере оправдан, с положением об особой важности исследований элит в любых социально-политических системах можно согласиться, при условии, что их роль не будет абсолютизироваться, роль субъекта социально-политического процесса не будет отводиться целиком элитам, как это имеет место у ряда элитологов, начиная с Г. Моски.

Известные специалисты по политической социологии М. Доган и Дж. Хигли в книге по компаративным исследованиям современных элит пишут, что политические режимы обычно рождаются в условиях кризиса, который влечет за собой острую конфронтацию политических элит, и характер этих элит неминуемо накладывает свой отпечаток на весь характер тех или иных политических режимов. Отметим, что для обоснования этого тезиса авторы обращаются к опыту России XX века, где советский режим был рожден в

революционном кризисе 1917 года, постсоветский — в кризисе 1991 года<sup>1</sup>.

Проблема элиты — важный аспект проблемы субъекта исторического процесса. На вопрос, кто является субъектом истории, может быть дан самый общий ответ — люди. Но он нас не удовлетворит именно в силу этой общности. Ведь на деле этот объект весьма дифференцирован. Не все люди одинаково «субъектны», некоторые пассивны, некоторые выступают не двигателем, а тормозом социального прогресса. Это относится и к различным классам и социальным группам. Разные люди, разные сегменты общества обладают разным уровнем пассионарности.

Проблема элиты тесно связана с проблемой разделения труда в обществе, элементом которой является дифференция общества на руководителей (их всегда меньшинство) и руководимых. Это в определенной степени коррелируется с биологическими, психологическими и иными различиями между людьми, из которых отнюдь не все могут быть руководителями, организаторами. Психологи считают, что таковых всего несколько процентов. Казалось бы, проблема решается естественным образом, гармонично. Достаточно тривиальная констатация того, что люди не равны по своим психофизическим данным, что только небольшой процент их имеет склонность к организаторской деятельности, причем разделение труда приводит к выделению на роль организаторов меньшинство, а на роль исполнителей — большинство населения — все это видится ключом к оптимальной социальной организации. Однако тут возникает слишком много «но». Прежде всего, люди, занимающие руководящие общественные позиции, как правило, требуют для себя привилегированного положения. Кроме того, они обычно стремятся к тому, чтобы захватить как можно больше власти, уйти от контроля масс, что представ-

---

<sup>1</sup> Elites, Crises, and the Origins of Regimes, ed. by Dogan V. and Hingley J., N.Y., Oxford, 1998, p. 3, 4.



ляет опасность для общества. По-видимому, подлинное решение этой проблемы — оптимизация отношений элиты и масс.

Разумная политика может быть в самом общем виде определена как направленность на уменьшение энтропии в обществе. Кто является субъектом и инициатором такой политики? Можно предположить, что им являются народные массы, объективно заинтересованные в такой политике. Однако вряд ли возможно представить себе, что оптимальная политика, направленная на прогрессивные социальные преобразования, например, на модернизацию общества, будет выработана непосредственно народными массами. Хорошая идея не может придти в голову сразу миллионам людей. Сначала она приходит в голову одному или немногим людям и только потом, при благоприятных обстоятельствах, может овладеть умами миллионов людей. Таким образом, инициатором такой политики обычно является элита (либо стоящая у власти, либо, чаще, потенциальная элита (контрэлита). В этом — ее роль как важнейшего элемента в структуре субъекта социально-политического процесса. Понимание этого особенно важно в свете исторического опыта XX века, который показал, что массы часто оказываются носителями политических процессов, которым больше подходит понятие энтропийных. Они порой оказываются носителями движений отнюдь не демократических, порой тоталитарных (большевизм, фашизм, маккартизм, пужадизм, перонизм, исламский фундаментализм и т. п.).

Элитарные концепции явились отражением объективного исторического процесса, в котором прогрессивные изменения инициировались прежде всего творческим меньшинством общества. Их возникновение относится к ранним этапам человеческой истории. Низкий уровень развития производительных сил общества заставлял людей трудиться на пределе своих возможностей, почти не оставляя им свободного времени. без которого не может реализовываться свобод-

ное развитие человека. Но такое положение не означало консервации одних и тех же примитивных форм человеческой организации. Социальная эволюция нашла выход из этого положения, безусловно, тормозившего прогресс. Развитие человеческой индивидуальности, развитие творческих потенций человека оказалось сфокусированным в определенных группах людей — элите, которая и выступила важным инструментом общественного прогресса, его катализатором.

Однако положение осложнилось тем, что эти немногие, обладающие свободным временем (за счет эксплуатации подавляющего большинства общества) часто были далеко не лучшими или наиболее способными людьми. В сословном обществе человек выполнял только те социальные роли, которые были следствием его происхождения, его классово-сословной принадлежности. Поэтому порой наиболее одаренные индивиды не могли себя проявить, реализовать свои творческие потенции, что, естественно, замедляло прогресс человечества. С развитием товарно-денежных отношений, с разрушением сословных перегородок расширились возможности для наиболее способных, одаренных людей с инновационными способностями проникнуть в элиту, хотя все равно эти возможности остались неравными. В лучших условиях находятся выходцы их наиболее обеспеченных семейств, занимающих высшие ступеньки социальной иерархии. Собственно, стремление элиты передать привилегии, создать своим детям лучшие стартовые возможности в определенной степени, по-видимому, естественны. Однако на протяжении человеческой истории проби-вала себе дорогу тенденция, расширяющая возможности для наиболее способных личностей пробиться в элиту, получить возможность реализовать свои творческие потенции, внести максимальный вклад в развитие человечества. Эта тенденция с особой силой проявила себя в постиндустриальном, информационном обществе.

Известно, что само разделение труда на физический и умственный поставило представителей второго в привилегированное положение. Но как раз люди умственного труда и осуществляют исследования элит. Разумеется, сказанное в особой степени относится к прошлому, когда представителей умственного труда было в обществе ничтожное меньшинство. Напротив, ныне, когда профессии умственного труда стали массовыми, их представители давно уже утратили свое привилегированное положение, их доходы порой ниже доходов людей, занимающихся физическим трудом, и их отношение к правящей элите, ранее преимущественно апологетическое, сменилось достаточно критическим. Собственно, указанные сдвиги «работают» на общий рост демократических тенденций в современном мире.

Теории элиты — отнюдь не продукт чистой науки, «незамутненного сознания». Они конструируются прежде всего самими представителями господствующего класса (вспомним, что еще в не столь отдаленном прошлом образованные люди были почти сплошь выходцами из привилегированных классов общества). Поскольку само духовное творчество было, как правило, привилегией господствующих классов, естественно, что они исследовали прежде всего свою собственную деятельность. Уже поэтому к элитарным теориям приходится относиться с изрядной долей скептицизма: ведь исследуют элиту чаще всего либо сами представители элиты, либо люди, близкие к ней. Но поскольку роль элиты в обществе прежде всего осмысливали представители господствующих классов, получится, что элита сама себя описывает. А будет ли этот автопортрет достаточно реалистическим, не может не вызывать законных сомнений.

## 1. СПОР О ТЕРМИНЕ

Начать анализ концепции лучше всего с выявления содержания термина, являющегося для нее центральным — термина «элита» (хотя мы и не склонны преувеличивать значения дефиниций, понимая, что они — только моменты, узлы теории). И тут мы сразу же столкнемся с острыми дискуссиями, которые вращаются вокруг двух главных проблем: во-первых, с пониманием этого термина, с дефиницией, с законностью его употребления и, во-вторых, с вопросом о соотношении элиты с другими категориями, раскрывающими социальную структуру и динамику общества — понятиями массы, класса, страты, лидерства и, прежде всего, с соотношением элиты и господствующего класса. Причем мы обнаружим целый kaleidoscope самых различных толкований этого термина.

На XIX Всемирном философском конгрессе в секции политической и социальной философии, где в числе других вопросов обсуждалась и проблема политической элиты, справедливо отмечалось, что все говорящие и пишущие об элите интуитивно понимают, о чем идет речь, но как только они пытаются эксплицировать это понимание, так неминуемо возникают разногласия, обнаруживается огромный разброс мнений и точек зрения, порой диаметрально противоположных.

В XX веке понятие элиты прочно вошло в социологические и политологические словари. Вошло, несмотря на многочисленные возражения со стороны целого ряда социологов, целого ряда направлений социально-политической и социологической мысли. Мнение о том, что термин «элита», введенный в социологию В. Парето, неудачен, что элитаристы, считая элиту субъектом политического процесса, принижают роль народных масс, что он противоречит идеалам демокра-

тии, неоднократно высказывалось в литературе, причем авторами, придерживающимися самых различных политических ориентаций — от коммунистов до либералов. Начнем с возражений со стороны марксистов, многие из которых избегают употреблять этот термин, считая, что он не «стыкуется» с марксовой теорией классов и классовой борьбы (кстати, эта точка зрения, на наш взгляд, ошибочна); излишне говорить о том, что убеждение в том, что если какая-то теория не совпадает с теорией марксизма, она не верна, то это убеждение явно догматично. Другие возражения марксистских социологов против употребления этого термина более весомы: если он обозначает господствующий эксплуататорский класс, то он не несет никакого нового содержания — значит — и не нужен; если же с его помощью классовая дифференциация общества подмется дихотомическим делением элита — масса, то он ненаучен. Однако подобная постановка вопроса, ведущая к элиминированию элитологической проблематике, неминуемо ведет к обеднению анализа политических систем.

Но возражения против правомерности этого термина раздаются не только со стороны марксистов. Один из основоположников современных концепций элиты Г. Моска в большинстве своих работ старался обходиться без этого термина. Против него возражает и ряд сторонников теории политического плюрализма, полагающих, что термин «элита», годный для характеристики примитивных политических систем, неприменим при анализе современных демократических структур. Правда, и они, рассматривая современные политические системы, считают возможным использование этого термина при анализе тоталитаризма, когда дихотомия элита — массы может оказаться эвристической. Так, в частности, полагают английские политологи С. Мор и Б. Хендри, не без основания утвер-

ждающие, что теории элиты приложимы к коммунистическим политсистемам, где власть сосредоточена в руках руководства компартий, образующих авторитарную элиту, контролирующую все стороны социальной жизни<sup>1</sup>.

Наконец, против этого термина высказываются радикальные демократы, считающие, что наличие в обществе элиты означает узурпацию ею власти у народа (или хотя бы части этой власти); они полагают, что уже само делегирование народом власти лишает его части суверенитета (собственно, эту мысль высказывал еще Руссо, считавший, что, делегируя суверенитет, народ лишается его). Но тут неминуемо возникает вопрос о технической возможности управлять обществом без элиты. Известно, что Р. Михельс, а за ним большинство современных элитологов дают отрицательный ответ на этот вопрос.

Есть и чисто терминологические возражения, касающиеся того, что неправильно и даже аморально применять термин «элита», этимология которого не допускает сомнений в том, что имеются в виду лучшие, наиболее достойные люди, по отношению к власти имущим, среди которых мы чаще видим людей циничных, неразборчивых в средствах, жестоких; недаром Ф. Хайек писал в «Дороге к рабству», что «у власти оказываются худшие»<sup>2</sup>. Возникает вопрос: можно ли применять термин «элита» по отношению к власти преобладающим, среди которых слишком часто оказываются наиболее изворотливые, честолюбивые люди, готовые ради своего властолюбия к любым, самым беспринципным компромиссам.

Но хотя все эти возражения имеют определенные основания, отказ от термина, который отражает оп-

---

<sup>1</sup> Moore S. and Hendry B. *Sociology*. Suffolk, 1982, p. 146.

<sup>2</sup> Хайек Ф. Дорога к рабству. Новый мир // М.— 1991.— № 8.— С. 87.

ределенную социально-политическую реальность, определенное социальное отношение, сам по себе неконструктивен. Раз существует определенное явление — особая роль правящего меньшинства в социально-политическом процессе, значит, нужен и соответствующий термин, фиксирующий его.

Иное дело, что Парето ввел не самый удачный термин, но искать ему замену на другой — «правящая верхушка», «господствующий класс», «правящее меньшинство», «господствующие слои», «контролирующее меньшинство» и т. д. мало что дает — ведь это будет спор о словах. В этой связи вспоминается позиция Б. Рассела, который, ссылаясь на Ф. Бэкона, говорил о том, что достаточно уточнить термины, чтобы элиминировать большинство споров, которые и ведутся из-за разного понимания слов. Итак, бессмысленно вести спор о словах, гораздо плодотворнее дискуссии не терминологические, а содержательные, прежде всего, о месте и роли элиты в социальной структуре общества, о том, определяет ли она социальный процесс, является ли она внеклассовой социальной группой, выражающей интересы общества в целом, как настаивает ряд авторов, или же это верхушка господствующего эксплуататорского класса, осуществляющая государственное руководство во имя поддержания социальной системы, которая ставит этот класс в привилегированное положение, позволяя эксплуатировать народные массы.

## **2. ЭТИМОЛОГИЯ ТЕРМИНА И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ**

Термин «Элита» ведет свое происхождение от латинского *eligere* — выбирать; в современной литературе получил широкое хождение от французского *elite* — лучший, отборный, избранный. Начиная с XVII века он употреблялся (купцами, в частности) для обозначения

ния товаров наивысшего качества<sup>1</sup>. В XVIII веке его употребление расширилось<sup>2</sup>, он начинает употребляться для наименования «избранных людей», прежде всего, высшей знати, а также отборных («элитных») воинских частей<sup>3</sup>. С XIX века понятие это стали использовать также в генетике, селекции, семеноводстве для обозначения лучших семян, растений, животных для их дальнейшего разведения. В Англии, как свидетельствует Оксфордский словарь 1823 года, этот термин стал применяться к высшим социальным группам в системе социальной иерархии. Тем не менее, отметим, что понятие элиты не применялось широко в общественных науках вплоть до конца XIX — начала XX века (т. е. до появления работ В. Парето), а в США — даже до 30-х годов нашего столетия. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что этимология может иметь сугубо вспомогательное значение при определении содержания понятия, которое выступает как момент, узловой пункт, а отчасти и результат определенной социальной концепции. Что же такое элита? Выше уже отмечалось, что при ответе на этот вопрос в построениях элитаристов мы не только не обнаружим единодушия, но, напротив, натолкнемся на целый ряд суждений, порой опровергающих одно другое. Похоже на то, что элитаристы сходятся только в одном — в постулировании необходимости элиты для общества. Во всех других аспектах между ними больше разногласий, чем согласия.

Если суммировать основные значения, в которых этот термин употребляется социологами и политолога-

---

<sup>1</sup> Elites in Latin America, ed. by S. Lipset and A. Solary, Oxford Univ. Press, 1967, p. VII.

<sup>2</sup> Keller S. Beyond the Ruling Class. Strategic Elites in Modern Society. New Brunswick, 1991, p. 25.

<sup>3</sup> Bottomore T. Elites and Society, L., 1964, p. 7; Ippolito D., Walker T., Kolson K. Public Opinion and Responsible Democracy. New Jersey, 1976, p. 122.



ми, то получится весьма пестрая картина. Начнем с определения Парето, который, собственно, и ввел это понятие: это лица, получившие наивысший индекс в своей области деятельности, достигшие высшего уровня компетентности («Трактат о всеобщей социологии»). В другой своей работе Парето пишет, что это «люди, занимающие высокое положение соответственно степени своего влияния и политического и социального могущества»... «так называемые высшие классы» и составляют элиту, «аристократию» (в этимологическом значении слова: *aristos* — лучший)... большинство тех, кто в нее входит, как представляется, в незаурядной степени обладают определенными качествами — неважно, хорошими или дурными, — которые обеспечивают власть<sup>1</sup>. Среди других определений отметим следующие: наиболее активные в политическом отношении люди, ориентированные на власть, организованное меньшинство, осуществляющее управление неорганизованным большинством (Моска); люди, обладающие высоким положением в обществе и благодаря этому влияющие на социальный процесс (Дюркгейм); «высший господствующий класс», лица, пользующиеся в обществе наибольшим престижем, статусом, богатством, лица, обладающие наибольшей властью (Г. Лассуэлл); люди, обладающие интеллектуальным или моральным превосходством над массой безотносительно к своему статусу (Л. Бодэн), наивысшим чувством ответственности (Ортега-и-Гассет); лица, обладающие позициями власти (А. Этциони), формальной властью в организациях и институтах, определяющих социальную жизнь (Т. Дай); меньшинство, осуществляющее наиболее важные функции в обществе, имеющее наибольший вес и влияние (С. Келлер); «боговдохновленные» личности, которые откликнулись на «высший призыв», слышали «зов» и

---

<sup>1</sup> См.: Полис. 1993. — № 2. — С. 81—82.

почувствовали себя способными к лидерству (Л. Фройнд), харизматические личности (М. Вебер), творческое меньшинство общества, противостоящее нетворческому большинству (А. Тойнби); сравнительно небольшие группы, которые состоят из лиц, занимающих ведущее положение в политической, экономической, культурной жизни общества (соответственно политическая, экономическая, культурная элиты) — (В. Гэттсмен и другие теоретики элитного плюрализма); наиболее квалифицированные специалисты, прежде всего из научной и технической интеллигенции, менеджеров и высших служащих в системе бюрократического управления (представители технологического детерминизма), люди, обладающие качествами, которые воспринимаются в данном обществе как наивысшие ценности (сторонники ценностной интерпретации элиты); лица, осуществляющие в государстве власть, принимающие важнейшие решения и контролирующие их выполнение посредством бюрократического аппарата (Л. Санистебан)<sup>1</sup>, руководящий слой в любых социальных группах — профессиональных, этнических, локальных (например, элита провинциального города); лучшие, наиболее квалифицированные представители определенной социальной группы (элита летчиков, шахматистов или даже воров и проституток — Л. Боден). В любом случае дихотомия элита — масса является для элитистов ведущим методологическим принципом анализа социальной структуры.

Приведем еще одно из последних обобщенных определений элиты, которое дают социологи А. Сванн, Дж. Мэнор, Э. Куинн, Э. Райс: «Элиты по определению — люди, которые контролируют большую долю материальных, символических и политических ресур-

---

<sup>1</sup> Сенистебан Л. Основы политической науки. — М., 1992. — С. 36.

сов общества, чем любая другая страта общества. Они занимают высшие посты в иерархии статуса и власти, полученные ими аскриптивно (по предписанному статусу) или ресептивно (благодаря собственным заслугам). В некоторых обществах элиты резко отделены от других граждан. Элита — те люди, которые занимают высшие властные позиции, контролируют большую часть собственности и имеют наивысший престиж»<sup>1</sup>. Эти авторы считают, что, как правило, число этих людей составляет около одного процента от численности населения.

Сравним эти определения. Сразу же бросается в глаза смешение терминов: некоторые под элитой имеют в виду только политическую элиту, у других трактовка элиты более всеобъемлющая. Дж. Сартори справедливо пишет не только о множестве смыслов термина, но и о переизбыточности терминов: политический класс, правящий (господствующий) класс, элита (элиты), властвующая элита, правящая элита, руководящее меньшинство и т. п.<sup>2</sup>. А подобная персизбыточность ведет только к путанице. Прав А. Цукерман, отмечающий в этой связи: «Различными названиями пользуются для обозначения одного и того же концепта, и различные концепты обозначаются одним и тем же названием»<sup>3</sup>. Поэтому задача видится не в том, чтобы ввести еще один термин, а чтобы четко определить понятие, ставшее наиболее распространенным, понятие элиты, ввести его со строгим, однозначным содержанием. Отметим, что понятие элиты тесно связано с проблемой социальной стратификации: элита — это высший слой в любой системе социальной стратификации. Естественно, что в определении поня-

---

<sup>1</sup> Current Sociology. L., 2000, v. 48, p. 46.

<sup>2</sup> Сартори Дж. Вертикальная демократия // Полис. — 1993. — № 2. — С. 80.

<sup>3</sup> Там же.

тия политической элиты речь идет о политической стратификации общества.

Существующие в политологии дефиниции различаются между собой и с точки зрения широты понятия элиты. Сторонники более узкого определения относят к элите только высший эшелон государственной власти, сторонники более широкого — всю иерархию управленцев, выделяя высшее звено власти, принимающее решения, жизненно важные для всей страны, среднее звено, принимающее решения, значимые для отдельных регионов, отдельных сфер социальной деятельности, наконец, разветвленный бюрократический аппарат. Чтобы иерархизировать структурные элементы элиты, С. Келлер вводит понятие «стратегических элит». Появился и термин «суперэлита» или элита в системе элит. По отношению к низшим структурным уровням элиты предлагается термин «субэлиты», региональные элиты и т. д. Наконец, в самой политической элите следует различать правящую элиту и оппозиционную (если это — «системная» оппозиция, борющаяся за власть в рамках данной политической системы) и контрэлиту, имеющей целью изменение всей политической системы.

Попутно сделаем еще некоторые уточнения. Отмечая наличие разных точек зрения на содержание термина «элита», нельзя пройти мимо своеобразной позиции американского социолога Р. Миллса, бывшим одним из лидеров «новых левых». Большинство западных политологов считают его элитаристом и сторонником институционального подхода к элите. Они склонны игнорировать специфику позиции Миллса. Последний признавал деление современного американского общества на элиту и массу, но это признание оборачивалось у него страстным обличением элитарности политической системы. И когда американские политологи, в частности, Д. Гилберт и И. Кал считают Р. Миллса и Ф. Хантера теоретиками элит, в противоположность теоретикам

плюрализма<sup>1</sup>, тут нельзя не возразить. В связи с этим возникает закономерный вопрос: насколько правомерно употребление американскими и западноевропейскими политологами термина «элитарист» в отношении всех исследователей, принимающих схему элита — масса. Следует различать аналитический и нормативный подходы к делению общества на элиту и массу и применять термин «элитарист» лишь к тем, кто (подобно Ортеге-и-Гассету) видит свой идеал в элитарной общественной структуре. Миллс же, признавая элитарность американской социально-политической системы, критикует ее как недемократическую (или, скажем мягче, недостаточно демократическую). Нетрудно видеть, что его идеал далек от элитаризма. Скорее следует употребить по отношению к Миллсу более нейтральный термин — «элитолог».

Как мы убедились, подходы социологов и политологов различных направлений и ориентаций отличаются большой пестротой. Но если все же попытаться сгруппировать все эти различные определения, то выявятся два главных подхода к данной проблеме: ценностной и структурно-функциональный. Сторонники первого подхода объясняют существование элиты «превосходством» (прежде всего интеллектуальным, моральным и т. д.) одних людей над другими; второго подхода — исключительной важностью функций управления для общества, которые детерминируют исключительность роли людей, выполняющих эти функции (причем выполнение данных функций с необходимостью осуществляется меньшинством). С. Келлер также полагает, что «две главные перспективы характеризуют прошлые исследования элит: моральная и функциональная. Первая концентрируется на моральном пре-

---

<sup>1</sup> Gilbert D. and Kahl J. The American Class Structure. Belmont, 1992, p. 191.

восходстве определенных индивидов, вторая — на функциональной роли социальных страт». Однако обе эти главные интерпретации элитизма страдают существенными пороками. Один — ценностной — может легко вылиться в мистицизм и примитивную апологию власть имущих, другой — функциональный — в тавтологию и опять-таки апологетику. Этого не могли не заметить многие исследователи политический элит, такие, например, как Т. Боттомор, С. Келлер, У. Рансимен. Именно Келлер отметила, что морализаторский подход легко деградирует в мистицизм, тогда как функциональный оборачивается тавтологией<sup>1</sup>. Поясняя эти положения, Рансимен пишет: «Если правящая элита определяется как совокупность лучших правителей, подобно тому, как элита шахматистов — это лучшие игроки, то сказать, что элита должна состоять из лучших правителей — не более, чем тавтология. Если, с другой стороны, элита включает тех, кому удалось занять правящие позиции, то тогда говорить, что они управляют потому, что обладают соответствующими качествами, — почти полностью неправда»<sup>2</sup>.

В самом деле, на вопрос, кто обладает властью в том или ином обществе элитарист, функциональной ориентации обычно отвечает: тот, кто имеет власть, главным образом потому, что возглавляет определенные институты власти. А ведь подлинная проблема в том, чтобы объяснить, почему определенная элитная группа овладела властными позициями. Можно по-разному относиться к марксизму, но как раз в этом отношении он четко сформулировал проблему, попытавшись выявить, как экономически господствующий класс, владеющий средствами производства, оказывается и полити-

---

<sup>1</sup> Keller S., *op.cit.*, p. 5.

<sup>2</sup> Runciman W. *Social Science and Political Theory*. Cambridge, 1999, p. 69.

чески господствующим классом, то есть классом, осуществляющим политическую власть. Что же касается тесно связанного с функционализмом институционального подхода, широко распространенного в политологии и социологии, трактующего элиту как группу лиц, которые занимают руководящие позиции в важнейших социальных и политических институтах<sup>1</sup> — правительственных, экономических, военных, культурных, то он грешит абсолютизацией формального механизма власти, непониманием его социально-классовой природы.

Из многочисленных критериев для выделения элиты функционалисты подчеркивают один, причем действительно важнейший, Дж. Сартори называет его альтиметрическим: элитная группа является таковой потому, что располагается — по вертикальному разрезу строения общества «наверху». Итак, согласно альтиметрическому критерию, саркастически замечает Сартори, предполагается, что кто наверху, тот и властвует, — предположение, основывающееся на том мудром доводе, что власть возносит наверх, а обладающий властью потому и обладает ею, что находится наверху<sup>2</sup>. Альтиметрический критерий сводит дело к оправданию фактического положения вещей. В связи с этим функциональный подход оказывается весьма уязвимым для критики с позиций тех социологов, которые отдают примат другому критерию выделения элиты — критерию достоинств, заслуг, согласно которому властвующая элита должна состоять из достойнейших, выдающихся, высокоморальных людей.

Однако ценностная интерпретация элиты страдает, на наш взгляд, еще большими недостатками, чем структурно-функциональная. На вопрос, кто правит об-

---

<sup>1</sup> См: Dye T. Who Is Running America? The Clinton Era. 5-th ed., N. J., 1995; 6-th ed., 2000.

<sup>2</sup> Сартори Дж., Цит. соч. — С. 81.

ществом, элитарист ценностной ориентации может дать ответ: мудрые, дальновидные, достойнейшие. Однако любое эмпирическое исследование правящих групп в любых существующих ныне (и существовавших ранее) политических системах с легкостью опровергнет такое утверждение, ибо покажет, что слишком часто это — жестокие, циничные, коррумпированные, корыстолюбивые, властолюбивые, не брезгующие для достижения своей цели никакими средствами лица. Но если требования мудрости, добродетельности для элиты — норматив, который начисто опровергается действительностью, тогда — пусть нас простят за каламбур — какова ценность ценностного подхода? Обычно элитарист консервативной ориентации прокламирует в качестве своего идеала совмещения этого норматива с действительностью (таков был и идеал Платона), и, как следствие этого, совмещения формального и неформального авторитетов. Однако идеал этот с самого начала отягощен рядом предрассудков и стереотипных установок, ибо добродетельных, мудрых он почти всегда ищет в представителях господствующих классов (как это, собственно, и делал Платон). К тому же стабильность социальной системы — действительный идеал консерваторов — требует преемственности элиты, а для наиболее откровенных реакционеров это — переход элитных позиций от отцов к детям с минимальными возможностями доступа к ним «аутсайдеров».

Стремление элитаристов представить элиту в социально-психологическом плане как людей, превосходящих других по уму, наделенных определенными способностями или моральными качествами, легко оборачивается открытой апологетикой элиты. Если подобные суждения можно простить мыслителям древности, то со времени Макиавелли они не могут не звучать наивно. Это особенно относится к современным исследо-



вателям элит, которые могут достаточно ясно видеть, сколь высок среди представителей элиты процент людей лживых, лицемерных, аморальных, ловких, изворотливых, беспринципных искателей власти. Можно задать сторонникам ценностного подхода к элите вопрос: почему среди правящей элиты процент выходцев из имущих классов во много раз превосходит процент выходцев из неимущих? Неужели среди меньшинства населения — богатейших людей, владельцев основных средств производства — и следует искать самых достойных, мудрых, способных? Права С. Келлер, которая пишет, что подобные взгляды «близки к мистицизму». Для того, чтобы считать, что именно представители властвующей элиты являются наиболее достойными, высокоморальными членами общества, нужно либо впасть в мистицизм, либо допустить, что классовая ограниченность порой перерастает в полное классовое ослепление.

Сторонники «морализаторского» подхода к определению элиты — Билен-Миллерон и другие — вынуждены различать «хорошую» и плохую» элиты. Естественно, «морализаторы» испытывают определенные неудобства от того, что правящая верхушка даже передовых демократических стран разительно отличается от рисуемого ими идеализированного портрета «благородной элиты». Недаром в свое время П. Сорокин и У. Ланден, сами не вполне свободные от подобного «морализаторского» подхода, исследуя элиты индустриального общества, сделали однозначный вывод об «аморальности верхов»<sup>1</sup>.

Похоже на то, что ценностный или меритократический критерий выделения элиты оказывается чисто нормативным, не коррелирующим с социологическими данными (таким образом, он оказывается в поле политической философии, а не политической социоло-

---

<sup>1</sup> См.: Sorokin P., Lundon W. Power and Morality. Boston, 1959.

гии). И не случайно, что Г. Лассуэллу, взявшему у Парето термин «элита», пришлось менять акценты. Если у Парето термин носил и альтиметрический характер (элита — «высшие классы». «люди, занимающие высокое положение соответственно степени своего влияния, политического и социального могущества») и вместе с тем ценностной характер (элита — «наиболее квалифицированные» люди, «обладающие качествами, которые обеспечивают им власть»), то Лассуэлл очищает термин от ценностных критериев, определяя элиту как людей, обладающих наибольшей властью. Но, избавившись, казалось бы, от одной трудности, Лассуэлл не только не избавился, а, напротив, усугубил другую трудность. Если мы ограничиваемся чисто альтиметрическим подходом, отвлекаясь от качеств правящих групп, то какое право мы имеем называть их элитой, т. е. лучшими, избранными? Как пишет Сартори, «почему надо говорить «элита», совершенно не имея в виду того, что этот термин значит, т. е. выражает в силу своей семантической значимости? Далее, если «элита» уже не указывает на качественные черты (способность, компетентность, талант), то какой же термин мы употребим, когда эти характеристики будут иметься в виду? Таким образом, семантическое искажение, описав круг, возвращается, чтобы породить, в свою очередь, искажение концептуальное. Если мы хотим дальнейшего усовершенствования концепции Парето с помощью Лассуэлла и, наоборот, если мы хотим подправить Лассуэлла с помощью Парето, тогда следует проводить различие как терминологически, так и концептуально, между *властной структурой* и *элитной структурой*. Не все контролирующие группы являются по определению... «элитными меньшинствами»; они могут представлять собой просто «властные меньшинства»<sup>1</sup>. Сам

---

<sup>1</sup> Сартори Дж. Цит. соч. — С. 82.

Сартори, обнаруживая недостатки и функционального, и ценностного подходов к элите и обсуждая проблему их синтеза, склоняется в целом ко второму.

Отметим при этом, что ценностной подход может вылиться не в апологетику, а, напротив, в критику элиты, в выявление несоответствия ее с нормативом и, таким образом, в программу повышения качества элиты. Поэтому многие политологи считают, что в этом — путь развития и даже путь спасения демократии. Как отмечает американский политолог В. Ки, решающим элементом, от которого зависит благополучие демократии, является компетентность политической элиты. «Если демократия проявляет неуверенность, клонится к упадку или катастрофе, то это именно идет отсюда». Близкую мысль высказал Д. Белл: «Оценка способности общества со своими проблемами зависит от качества его руководства и характера народа»<sup>1</sup>. Заметим при этом, что если принять ценностные критерии, мы будем вынуждены различать и даже противопоставлять друг другу «элиту де-факто» и «элиту в себе», и тогда задача создания оптимальной политической системы превращается в задачу сделать «элиту в себе» «элитой де-факто». Однако сторонники функционального подхода сталкиваются с не меньшими затруднениями, ибо вынуждены допустить, что один и тот же человек, обладая капиталом и властными ресурсами, считается членом элиты, а лишившись этих ресурсов, перестает быть таковым, то есть элита — не он, а его кресло, его деньги.

Как мы убедились, аксиологический подход к проблеме (элита — совокупность индивидов, обладающих преимуществами по определенной ценностной шкале) оказывается уязвимым; сами элитисты этого направле-

---

<sup>1</sup> Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism, N. Y., 1976, p. 204.

ния вынуждены признать, что часто это ценности с отрицательным знаком. Поэтому ныне большая часть элитологов склонна рассматривать элиту как группу лиц, стоящих у власти, безотносительно к моральным и иным качествам самих этих лиц. Таков, в частности, подход «макиавеллиевской» школы элитаристов, отождествляющих вслед за Москвой элиту с правящим классом. Но, вместо того, чтобы объяснить, как и почему экономически господствующий класс становится политически господствующим, они рассматривают политические отношения в качестве первичных, определяющих все другие общественные отношения. В результате причина и следствие у них меняются местами. Отметим также, что ряд элитаристов (Ф. Ницше, Ортега-и-Гассет, Н. А. Бердяев, Т. Адорно) в противоположность трактовки элиты как группы, находящейся у власти (это в их представлении обычно псевдоэлита или вульгарная элита — несамостоятельная, нуждающаяся в массе и потому подверженная массовым влияниям, развращенная массой), считает элиту ценностью в себе безотносительно к ее позициям власти. Более того, по их мнению, духовная, подлинная элита стремится отгородиться от масс, обособиться и тем сохранить свою независимость, уйти в своего рода «башню из слоновой кости», чтобы сохранить свои ценности от омассовления. Иллюстрацией подобных взглядов может служить известный роман Г. Гессе «Игра в бисер». Не менее интересна позиция Р. Миллса, который, различая властвующую и духовную элиту, искал путей к достижению подотчетности первой по отношению к второй.

Небезынтересно продолжить рассмотрение длящихся не одно десятилетие споров элитологов относительно содержания понятия элиты. Полемика по этому вопросу велась на ряде международных социологических и философских конгрессов, конгрессов политических наук, где отмечалась произвольность иррационалисти-

ческой трактовки элиты (в том числе харизматической), попыток трактовать элиту как группу индивидуумов, обладающих определенными (превосходящими) психологическими характеристиками, «комплексом превосходств по уму, характеру, способностям» (Ля Валет). На IV Всемирном социологическом конгрессе отмечалось, что дихотомическое деление элита — масса слишком поверхностно отражает структуру социально-политических систем. В докладе Ж. Ляво на этом конгрессе содержалось весьма примечательное признание: «Приходится удивляться тому, что социологическое исследование отталкивается от такого неточного, малообъективного и двусмысленного понятия, каким является понятие элиты. Добавление прилагательного «политическая» не облегчает задачу. Вызывая в представлении гипотетическую общность людей, отличных от масс, термин «элита» имплицитно отсылает нас к многочисленным социальным философиям, стремящимся оправдать и распространить весьма неточную и «морализирующую» концепцию социальных различий». Тем не менее (и это характерно) — после столь уничтожающей критики докладчик призвал не отказываться все же от понятия «правящая элита», полезного, как он отметил, в качестве исследовательской гипотезы.

«Какова ценность этого мнимонаучного понятия? — задал вопрос другой докладчик, Дж. Мейсел. — Следует ли отнести теории элиты к области донаучных? Или же их следует рассматривать исключительно в духе сорелевского мифа?». Тем не менее он защищает этот термин. Признавая консервативную ориентацию большинства элитистов, он заметил, что «понятие элиты поистине ниспослано самим господом Богом» всем тем, кто жаждет вступить в бой против гипердемократии и социализма, «этих утопий-близнецов». Дж. Кетлин в своем выступлении заметил, что «термин носит оцепочный, а

не научный характер». Собственно, подавляющее большинство участников дискуссии указывало на неопределенность термина «элита», но опять-таки не для того, чтобы от него отказаться, а чтобы внести необходимые уточнения. Дж. Сартори сделал это уточнение следующим образом: «В широком смысле элита — высшее руководство, то есть все занимающие высокое положение и призванные к лидерству. Элита — синоним политической элиты. Ни одно понятие лучше, чем это, не подходит для определения правящего класса» (ниже мы постараемся доказать, что отождествление элиты и правящего класса неправомерно, Г. А.). Ю. Пеннати выразил согласие сразу с двумя дефинициями: Монзела (элита — «малая группа, которая в большой социальной группе считается способной к управлению и лидерству, которая обладает внешними атрибутами власти и утверждается в результате определенного выбора или общественной оценки») и Стеммера (элита — «квалифицированное меньшинство, правящий класс в иерархически организованном обществе»). Упомянувшийся выше Ж. Ляво заключил: «Строго говоря, слово «элита» может пониматься не абсолютно, а лишь относительно; это понятие означает совокупность избранных или выдающихся индивидуумов определенной социальной группы (например, элита дворянства). Хотя критерии этого отбора продолжают оставаться неопределенными, по-видимому, это высокие качества человека»<sup>1</sup>.

Как видим, критика термина «элита» выливается всего-навсего в его уточнение, которое делается опять-таки либо в ценностном, либо в функциональном плане. Большинство элитологов решительно отстаивают правомерность употребления понятия элиты. Так,

---

<sup>1</sup> См.: Transactions of the Fourth World Congress of Sociology, vol. 1, 2. L., 1959.

французский социолог Л. Боден считает, что «слово элита сохранило весь свой престиж... Элита представляет собой группу, совершенно отличную от других. Ее даже едва ли можно назвать классом. Элита — это качество, воля, мораль. Она выдвигает проблему, которая должна решаться в условиях любых социально-экономических режимов, и будущее человечества зависит от этого решения».

Из нашего краткого обзора споров о понятии элиты можно сделать вывод о том, что как ценностная, так и функциональная интерпретации этого понятия не свободны от серьезных недостатков. Признавая это, С. Келлер видит выход в том, чтобы примирить обе эти концепции, делая в высшей степени спорное допущение, что соединение двух неистинных концепций может дать одну истинную, во всяком случае, находящуюся ближе к истине, более полную. Келлер предлагает «анализировать властные функции элиты независимо от того, успешно или безуспешно выполняются эти функции»<sup>1</sup>, отвлекаясь от качеств их носителей, то есть по существу воспроизводит в несколько модернизированном виде функциональную трактовку элиты. Напротив, Сартори, выявляя возможности синтезировать эти подходы, склоняется к ценностной, меритократической интерпретации. Он считает, что альтиметрическая (структурно-функциональная) характеристика элиты страдает недостатком «семантического свойства, искажая самый смысл первоначального понятия элиты, и если не провести разграничения терминов «властное меньшинство» и «элитное меньшинство» (первое — альтиметрическое, второе — меритократическое), то неизбежно окажутся перепутаны и оба явления»<sup>2</sup>.

Кто же прав? Ясно, что эклектическое соединение

---

<sup>1</sup> Keller S. Op.cit., p. 5.

<sup>2</sup> Сартори Дж. Цит. соч. — С. 82.

двух концепций оказывается нежизнеспособным паллиативом. И уж если бы пришлось выбирать одну из двух приведенных выше концепций, политолог, на наш взгляд, должен был бы предпочесть альтиметрическую модель. Попытаемся это обосновать. Будем иметь в виду, прежде всего, многозначность термина «элита», и, во-вторых, что существуют разные типы элит; причем критерии выделения этих элит могут быть различными. При выделении, например, культурной элиты «работает» ценностный критерий. Иное дело, когда мы вычленим политическую элиту. Тут мы вынуждены обращаться к альтиметрическому критерию, ибо если мы будем руководствоваться критерием ценностным, элитология может... лишиться своего предмета! Ибо, что греха таить, реальные власть имущие — это далеко не образцы морали, далеко не всегда «лучшие». Так что если в соответствии с этимологией термина элитой считать лучших, избранных, высокоморальных, то в их состав вряд ли вообще попадут политические деятели, во всяком случае, подавляющее большинство их. Тогда в каком же смысле можно употреблять термин в политологии? По-видимому, именно в альтиметрическом, функциональном.

Наконец, мы считаем, что нужно четко различать в структуре политологии политическую философию и политическую социологию (наряду с другими политологическими дисциплинами, например, политической психологией, политической историей и т. д.). Так вот в рамках политической философии, поскольку она носит нормативный характер, следовало бы предпочесть ценностной, меритократический критерий, а в рамках политической социологии мы вынуждены, увы, ориентироваться главным образом на альтиметрический критерий.

Подход политического социолога отличается от культурологического. Культурологи обычно применяют



термин «элита» к выдающимся деятелям культуры, иногда он выступает как синоним «аристократии духа». Для социолога политики элита — та часть общества (меньшинство его), которая имеет доступ к инструментам власти. Поэтому суждения о том, что мы в России несколько десятилетий жили без элиты, ибо лучшие люди были уничтожены или томились в концлагерях, находились в эмиграции или «внутренней эмиграции» — суждения, которые можно порой встретить в литературе последних лет, — это суждения нравственные, аксиологические, но не политологические. Раз имел место властный процесс, он осуществлялся определенными институтами, определенными людьми; именно в этом — функциональном смысле (а не в морализаторском) — политолог употребляет этот термин (безотносительно к моральным, интеллектуальным и иным качествам элиты).

Особо следует сказать о дискуссиях по проблемам элиты в нашей стране. В советской научной литературе термин «элита» впервые вводится во второй половине 50-х годов. Вводится, так сказать, через «черный ход», а именно — через разрешенный жанр «критики буржуазной социологии» (термин столь же нелепый, как «буржуазная физика» или «буржуазная биология»). Иначе говоря, речь могла идти лишь об элитах в капиталистических странах, причем в негативном контексте. Известно, что в советское время элитологическая проблематика применительно к анализу социальных отношений в нашей стране была табуирована. Официальная идеология утверждала, что в СССР нет эксплуатации человека человеком, следовательно, нет и не может быть господствующего эксплуататорского класса, нет и не может быть элиты. Это было ложью: при советской власти существовала высшая социальная страта (а элиту можно рассматривать как высшую страту в системе социальной стратификации), выполнявшая управлен-

ческими функциями, обладавшая институциональными привилегиями, то есть всеми атрибутами элиты, пусть элиты весьма специфической. Как показал М. Джилас, особенность этой элиты, этого «нового класса» заключалась прежде всего в том, что эксплуатация им народных масс осуществлялась не посредством частной собственности на основные средства производства, а посредством коллективной собственности этого класса (причем в этой собственности находилось и само государство). И дихотомия элита-масса вполне «работала» при анализе социально-политической структуры так называемых «социалистических» стран. Не случайно цензура не допускала применения термина «элита» по отношению к странам, считавшимся социалистическими. Элитологический анализ правящих слоев социалистических стран проводился зарубежными советологами и политическими эмигрантами — А. Авторхановым, М. Джиласом, М. Восленский<sup>1</sup>.

Любой господствующий класс идеологически оправдывает и обосновывает свое господство. Советская элита, этот «новый класс», пошла дальше, она, как отмечал Восленский, скрывала само свое существование, в советской идеологии этого класса не существовало. Считалось что в СССР были только два дружественных класса — рабочие и колхозники, а также прослойка интеллигенции. И особенно тщательно эта элита скрывала свои привилегии — спецраспределители, спецжилые, спецдачи, спецбольницы — все это было возведено в ранг государственной тайны.

Дискуссии об элите, о смене элит, об их качестве, о самом термине «элита» применительно к политическому руководству России, о том, является ли постсоветская элита сложившимся социальным слоем, или же

---

<sup>1</sup> См.: Авторханов А. Технология власти. — М., 1991; Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992; Восленский М. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. — М., 1991.

она находится в начале своего формирования, широко развернулась в нашей стране в 90-е годы.

Так, известный российский социолог Ж. Т. Тощенко решительно возражает против того, чтобы нынешних правителей России называли элитой<sup>1</sup>. И в аргументах, подкрепляющих эту позицию, нет недостатка. Как можно называть элитой в ее истинном значении людей, чье правление привело к драматическому ухудшению жизни населения, к сокращению его численности? Тогда, может быть, это — образцы морали? Увы, это — одна из наиболее коррумпированных групп российского общества, члены которой думают более о собственном обогащении, чем о благосостоянии народа. В этом — главная причина отчуждения, существующего между народом и элитой. Свое «вхождение во власть» эти люди достаточно трезво рассматривают как временное и соответственно действуют как временщики, озабоченные прежде всего быстрым личным обогащением. Побыв во власти и вылетев из нее, они оказываются обычно весьма богатыми людьми, крупными акционерами банков и корпораций, владельцами солидной недвижимости. Значительная часть их — бывшие партийные и комсомольские номенклатурщики, как правило, второго и третьего эшелонов, сумевшие использовать конъюнктуру, с легкостью поменявшие свои убеждения, часто это бывшие теневики, ныне легализовавшие себя, порой это люди с уголовным прошлым. Причем этим людям очень нравится, когда их называют «элитой». Это щекочет их самолюбие. Так правомерен ли по отношению к ним термин «элита»? Может быть, правильнее называть их правящей группой или кланом? Но тогда тот же подход следует применить и к политической элите других стран, также не отличающей высокой нравственностью. Не будет ли

---

<sup>1</sup> Тощенко Ж. Как же назвать тех, кто правит нами? // Независимая газета, 31.12.1988.

тогда этот спор спором о словах, спором терминологическим? Если в соответствии с этимологией термина элитой считать лучших, высокоморальных, то в их состав вряд ли вообще попадут политические деятели, во всяком случае, подавляющее большинство их. Попадут сюда А. Эйнштейн, А. Д. Сахаров, А. Швейцер, мать Тереза, но не попадут действующие политические лидеры. Тогда в каком же смысле можно употреблять этот термин в политической науке?

Подход политического социолога отличается от подхода культуролога. Культурологи обычно применяют термин «элита» к выдающимся деятелям культуры, к творцам новых культурных норм, иногда он выступает как синоним «аристократии духа». Для политического социолога элита — та часть общества (меньшинство его), которая имеет доступ к инструментам власти, которая осознает общность своих интересов как привилегированной социальной группы и защищает их. Поэтому суждения о том, что мы в России много десятилетий XX века жили без элиты, ибо лучшие люди были уничтожены или томились в концлагерях, находились в эмиграции или «внутренней эмиграции» — суждения, которые можно часто встретить в литературе последних лет — это суждения нравственные, аксиологические, но не политологические. Раз имел место властный процесс, он осуществлялся определенными институтами, определенными людьми, как бы мы их ни называли; именно в этом — функциональном смысле (а не морализаторском) политолог употребляет этот термин, безотносительно к моральным, интеллектуальным и иным качествам элиты.

Ответ на интересующий нас вопрос, на наш взгляд, связан с необходимостью различать в структуре политологии политическую философию и политическую социологию (наряду с другими политологическими дисциплинами, такими, как политическая психология,

политическая история и т. д.). Специфика политической философии заключается не только в том, что она представляет собой наиболее высокий уровень обобщения политической жизни общества, но и в том, что она делает упор на нормативность политических процессов, тогда как политическая социология описывает и объясняет реальные политические процессы, которые порой весьма далеки от нормативных. Так вот в рамках политической философии, именно поскольку она носит нормативный характер, следовало бы предпочесть ценностной, меритократический критерий, а в рамках политической социологии мы вынуждены, увы, ориентироваться главным образом на альтиметрический критерий.

### **3. ПОНЯТИЕ «ЭЛИТА» В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ)**

Завершить тему, связанную с понятием элиты, нам не удастся, если мы не спустимся с высот политологической теории к эмпирическим социологическим и политологическим исследованиям элит. Иначе говоря, нам необходим переход с концептуального на операциональный уровень.

Известный нам Т. Дай пишет: «Наша первая задача — ... разработать операциональное определение элиты, чтобы мы могли идентифицировать (по именам и по позициям) тех людей, которые обладают в Америке огромной властью»<sup>1</sup>. А тут социологов ждут новые трудности. Тот же Сартори, как и английский политолог А. Гидденс, пишут, что неумение усмотреть и четко различать концептуальный и эмпирический запросы, как и неумение заняться ими в должном порядке: прежде кон-

---

<sup>1</sup> Dye T. Op.cit., p. 10.

цептуальным, затем эмпирическим,— породило «невообразимую путаницу» в литературе об элитах<sup>1</sup>.

Большинство политологов, ведущих эмпирические исследования элит, обращаются к альтиметическому критерию. Профессор Мичиганского университета С. Элдерсфельд, стремясь приложить понятие элиты к эмпирическим исследованиям, пишет, что тут требуется понятие элиты в широком смысле, включающем не только лидеров, принадлежащих к высшему эшелону власти, но и тех политиков, которые пользуются влиянием в пределах города, округа, штата, а также активистов партий, деятелей местного масштаба. Собственно, против этого трудно возразить. Но, во-первых, этот подход мало приближает нас к эмпирическим исследованиям элит, во-вторых, он известен уже много десятилетий, по крайней мере со времени известных работ Ф. Хантера и Р. Даля (кстати, остро полемизировавших друг с другом), в-третьих, если политолог исследует только высший эшелон власти, включающий общенациональных политических лидеров и администраторов, он использует узкое понимание термина. Да и сам Элдерсфельд проводит сравнительное исследование элит США, Англии, Швеции, Нидерландов, ФРГ, Италии, Франции, беря 1500 высших служащих государственного аппарата и парламентариев этих стран<sup>2</sup> (т. е. четко выраженный альтиметрический подход).

Т. Дай в книге «Кто управляет Америкой?», ставя перед собой задачу выработать операциональное определение элиты, считает, что в нее входят «индивиды, занимающие высшие позиции в институциональной структуре США»<sup>3</sup>. В другой книге, написанной им со-

---

<sup>1</sup> Сартори Дж., Цит. Соч., с. 81.

<sup>2</sup> Элдерсфельд С. Политические элиты в современных обществах. Эмпирические исследования и демократия.— М., 1992.— С. 3.

<sup>3</sup> Dye T. Who's Running America, p. 11, 12.

вместно с Х. Зиглером, говорится: «Власть в Америке организационно сосредоточена в основных социальных институтах — в корпорациях и правительственных учреждениях, в системе образования и военных кругах, в религиозных и профсоюзных сферах. Высокие посты в основных институтах американского общества являются источником власти. Хотя не вся власть держится на данных институтах и осуществляется через них и само руководство также не всегда использует их потенциальную власть, тем не менее должности в этих институтах являются важной базой власти»<sup>1</sup>. В элиту США включаются высшие политические лидеры, руководители промышленности, финансов, владельцы средств массовых коммуникаций, в общем, «те, кто распределяет ценности внутри нашего общества и они же влияют на жизнь всех американцев»<sup>2</sup>. Ее численность — порядка пяти тысяч человек. Критерий отнесения к элите, как видим, также альтиметрический.

Соглашаясь с тем, что альтиметрический, он же функциональный подход к элитам «работает» в рамках политической социологии, необходимо сказать и о его ограниченности, о необходимости дополнить его другими подходами и методами.

В современной социологии при выявлении того, кого можно отнести к элитам (причем разного уровня, от государственного до регионального и местного) используются три основных метода: позиционный анализ, репутационный и метод участия в принятии важнейших стратегических решений<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Dye T. and Zeigler H. The Irony of Democracy. Belmont, 1991, p. 91.

<sup>2</sup> Ibid., p. 91—92.

<sup>3</sup> См.: Нарта М. Теория элит и политика.— М., 1978.— С. 123—128; Ашин Г. К., Понеделков А. В., Игнатов В. Г., Старостин А. М. Основы политической элитологии.— М., 1999.— С. 204—205; Гаман-Голутвина О. В. Определение основных понятий элитологии // Полис.— 2000.— № 4.— С. 97—103.

Позиционный анализ исходит из предположения, что Конституции и официальные государственные институты, а также важнейшие негосударственные институты с их формальной иерархией, дают адекватную картину иерархии властных отношений. Так полагают Т. Дай и его коллеги, считающие, что те, кто занимает высшие посты в институтах власти, определяющим образом влияют на политические события и являются элитой.

Позиционный, альтиметрический критерий использует и исследователь российских элит, накопившая большой эмпирический материал, О. Крыштановская. Политическая элита определяется ею «на основе позиционного подхода, т. е. в нее включаются те лица, которые занимают посты, предусматривающие принятие решений общегосударственного значения: депутаты Федерального Собрания РФ, правительство РФ, Президент РФ и его ближайшее окружение и др. Мы не называем здесь лидеров крупнейших политических партий страны и глав региональных администраций, так как эти две категории составляют большинство Российского парламента... Обозначим следующие «сквозные», функциональные группы элиты: правительство, парламент, партийная элита, высшее руководство, региональная элита, бизнес-элита»<sup>1</sup>.

Признавая ценность позиционного подхода (в рамках политической социологии), мы хотели бы высказать ряд существенных, на наш взгляд, замечаний. При таком подходе часто игнорируются весьма влиятельные люди, оказывающие косвенное воздействие на политических деятелей, наделенных официальными властными полномочиями. Этот подход таит в себе опасность принять за истину то, что лежит на поверхности, что

---

<sup>1</sup> Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. — 1995. — № 1. — С. 51.



формализовано в официальном статусе определенных лиц, опасность отождествить формальную и неформальную политическую структуру. Составив список лиц, занимающих высшие руководящие должности в той или иной стране, элитолог альтиметрической ориентации (именно для него и характерна приверженность к позиционному подходу) может полагать, что политическая элита ему известна, и его задача состоит в том, чтобы определить ее характеристики. Но так ли это? Ведь вне этого списка официальных лиц могут оказаться люди, не занимающие официальных постов, но влияющие на принятие политических решений или на общественное мнение не меньше, а может быть, и больше, чем лица, попавшие в указанный список. Вспомним, например, роль А. Коржакова — «главного охранника» Президента Ельцина до его скандальной отставки 1996 года.

Чтобы избежать подобной ошибки (точнее, минимизировать ее), чтобы скорректировать недостатки позиционного метода, существует ряд других методов, среди которых особенно важен метод репутационного анализа или экспертных оценок. Суть его — определение людей, пользующихся властью и влиянием, при помощи опросов политических деятелей, верхушки бюрократии, а также ученых — политологов, социологов, выступающих в роли экспертов. Одним из первых этот метод использовал видный американский элитолог Ф. Хантер для изучения властных отношений в Атланте и других городах США, а также взаимоотношений между федеральными и региональными элитами этой страны. Отметим, что за последние годы российские политологи накопили опыт в разработке метода репутационного анализа. Мы имеем в виду прежде всего списки наиболее влиятельных политиков России (по экспертным опросам), которые публикуются в «Независимой газете» и некоторых других изданиях. Совмещая оба

этих списка (официальных политических руководителей и список экспертной оценки наиболее влиятельных политиков), накладывая один на другой, мы можем внести соответствующие коррективы и уменьшить возможность ошибок. Слабость метода репутационного анализа — в его субъективности, в том, что он дает сведения не столько о властной дифференциации, сколько о компетентности выбранных экспертов. Тем не менее указанный метод оказывается «работающим» при исследовании состава элит. Так, анализируя указанные списки, опубликованные в «Независимой газете» за 1993—1995 годы, американский социолог Ш. Ривера смогла получить ряд интересных данных о тенденциях формирования состава посткоммунистических российских элит<sup>1</sup>.

Очень интересны и поучительны сравнительные политологические исследования элит разных стран, различных политических систем. Результаты эмпирических исследований позволяют обнаружить как некоторые сходные процессы, происходящие в элитах различных стран, так и специфические для каждой страны. Например, Элдерсфельд, анализируя результаты своего эмпирического исследования, о котором речь шла выше, отмечает, что вызывает беспокойство тенденция к воспроизводству существующего типа элит, к медленному обновлению их состава. Но таковы же выводы из эмпирических исследований американских элит Р. Миллса, Ф. Хантера, Т. Дая и многих других элитологов. А как обстоят дела в российской политической элите? Анализ списков наиболее влиятельных политиков России в их динамике в «Независимой газете» и других изданиях при всех их недостатках все же позволяет судить о том, что те же отрицательные тенденции характерны и для

---

<sup>1</sup> Ривера Ш. Тенденции формирования состава посткоммунистической элиты России: репутационный анализ // Полис. — 1995. — № 6. — С. 61—66.

российских элит. Обновляемость этих списков (в частности) за 1993—1995 годы низка, шла скорее «перетасовка карт» одной и той же колоды, т. е. рейтинги политиков, входящих в список, меняются, одни вырываются вперед, другие отстают, но это в большинстве одни и те же люди; мал приток в политическую элиту новых людей. Однако, может быть, тут есть один позитивный момент: низкая мобильность элиты, как правило, есть вместе с тем индикатор стабильности политической системы. Однако Россию «аршином общим не измерить»: наша политическая элита одновременно и нестабильна (о чем свидетельствуют частые перемещения лиц на руководящих должностях в период президентства Ельцина), и медленно пополняется новыми людьми (то есть ситуация одна из наихудших). Вывод может быть только один — нам следует стимулировать как раз противоположные процессы, а именно: во-первых, приток в элиту новых людей, высокообразованных и высокоморальных, и, во-вторых, стабилизацию социально-политических отношений.

Одним из самых надежных способов идентификации элиты, прежде всего политической элиты, является включение в эту категорию лиц, принимающих важнейшие, стратегические решения (одним из разработчиков этого метода является Р. Путнэм<sup>1</sup>). О. В. Гаман-Голутвина считает даже этот метод важнейшим. Именно в этом плане она определяет политическую элиту как «внутренне сплоченную, составляющую меньшинство общества социальную группу, являющуюся субъектом подготовки и принятия (или влияния на принятие/непринятие) важнейших стратегических решений и обладающую необходимым для этого ресурсным потенциалом»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> См.: Putnam R. The Comparative Study of political Elites, N. Y., 1976.

<sup>2</sup> Гаман-Голутвина О. В. Определение основных понятий элитологии // Полис. — 2000. — № 4. — С. 99.

Действительно, рассматриваемый нами метод имеет много преимуществ; при таком подходе учитывается и прямое, и косвенное влияние акторов на процесс принятия решений (decision-making). Однако этот метод имеет и ряд существенных недостатков, связанных с выявлением этой самой роли в принятии решений, где задействовано подчас слишком много людей — и политических лидеров, и их ближайшего окружения, и экспертов, готовящих решение, и спичрайтеров и высших чиновников, оформляющих, редактирующих решение (и тем самым вносящих в него определенные нюансы, оттенки). Мы не говорим уже об объективных факторах ситуации, заставляющей принять то или иное решение, порой вынужденное.

Нам представляется, что каждый из перечисленных методов имеет свои достоинства и недостатки, и для увеличения точности исследования эти методы следует объединить, тем более они не являются альтернативными, а скорее взаимодополнительными. Наконец, к указанным методам следует добавить и метод, называемый в социологии case-study, а также методы контент-анализа прессы, телевидения, других каналов массовой информации, касающихся политической, административной, экономической, культурной и иных элит по каналам массовой информации.

#### **4. ЭЛИТА И ПРАВЯЩИЙ КЛАСС**

Однако вернемся к общетеоретическим вопросам элитологии. Нами осталась нерассмотренной еще одна проблема, являющаяся предметом острых дискуссий в современной элитологии — соотношения элиты как социальной группы и класса. В российской социологической и политологической литературе эта проблематика претерпела радикальную трансформацию — от гиперт-

рофирования классового подхода в советское время до игнорирования проблемы классов, ухода от нее — в постсоветское, когда многие социологи как бы «стесняются» употреблять это понятие даже там, где оно совершенно необходимо, в частности, при анализе социальной структуры общества. Нам представляется, что обе эти вредные крайности следует преодолеть. Тут предпочтительна более взвешенная, последовательная и спокойная позиция западных, в том числе американских социологов, большинство которых свободно от гипертрофирования проблемы классов и классовой борьбы и, вместе с тем, широко пользуются понятием «класс» при социальном и политическом анализе общественного процесса.

А вот элитаристы, как правило, отрицательно относятся к термину «класс». Элитаристы функциональной школы, определяя понятие элиты, обычно, предупреждают против отождествления ее с правящим классом. Хотя теории Парето и Моски были явно направлены против марксизма, функционалисты часто пишут о «следах марксистского влияния» в трудах патриархов элитизма и призывают «до конца» освободиться от этого груза. Они не забывают, что Моска, подразумевая элиту, употреблял термин «правлящий класс», а Парето одобрительно отзывался о теории классовой борьбы Маркса. Западногерманский социолог К. Клоцбах пишет, что необходимое «очищение» элитизма предпринял выдающийся немецкий социолог К. Маннгейм, который создал «более правильную теорию» о том, что понятие элиты не тождественно понятию правящего класса». Ограниченность гипертрофирования классового подхода отмечает видный английский социолог Т. Боттомор, требуя отказа от видения социальной структуры «сквозь марксистскую классовую призму» и рассмотрения схемы элита-масса как идеального типа в духе Макса Вебера.

По Маннгейму, элита — меньшинство, обладающее монополией на власть, на принятие решений относительно содержания и распределения основных ценностей в обществе (он различал политическую, интеллектуальную, религиозную и другие типы элит). Он стремился доказать, что система элит стоит как бы над системой классов. Маннгейм утверждал, что развитие индустриального общества представляет собой движение от классовой системы к системе элит, от социальной иерархии, базировавшейся на наследственной собственности (что, по его мнению, есть главный признак класса), к иерархии, основанной на собственных достижениях и заслугах (позднее этими положениями Маннгейма воспользовались теоретики меритократии). Таким образом, Маннгейм считал элиту индустриального общества «элитой способностей» (современные социологи обычно считают таковой элиту постиндустриального общества, однако, теория постиндустриального, информационного общества была сформулирована после смерти Маннгейма) в противовес «элите крови» и «элите богатства». Он видел свою задачу в элиминировании классового содержания, которое в скрытой форме еще просматривалось в ряде элитистских построений, стремился представить элиту чисто функциональной группой, выполняющей необходимые для каждого общества управленческие обязанности.

Проблема соотношения понятий «элита» и «класс» — предмет полемики в западной, в том числе американской социологии. Это признает и большинство современных исследователей. Так, Р. Мартин считает, что исторически теории элиты развивались как реакция на марксистскую теорию классов, хотя при этом оговаривается, что впоследствии некоторые элитаристы стали относиться к понятию класса с большей терпимостью. Еще более определенно высказываются американские социологи К. Прюит и А. Стоун. «Элитарные теории

находятся в конфликте с марксистской идеей классовой борьбы,— заявляют они.— Если «Манифест Коммунистической партии» провозглашает, что история до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов, то кредо элитаристов заключается в том, что история до сих пор существовавших обществ была историей борьбы элит... Неэлиты являются пассивными наблюдателями в этой борьбе»<sup>1</sup>. Элитаристы, отмечают американские социологи Дж. Корветарис и Б. Добратц, «всеми силами стремятся опровергнуть марксистский тезис о том, что правящий класс — это владельцы средств производства, утверждая, что элита — это продукт чисто политических отношений»<sup>2</sup>. Новозеландский социолог С. Нг полагает, что элиту следует определять «исключительно в терминах власти», отвлекаясь от экономических отношений<sup>3</sup>.

Возникает естественный вопрос: если понятие «элита» даже по признанию многих элитаристов малообъективно (Ляво), доначно (Мейсел), если термин отягощен своей этимологией, заставляющей имплицитно предполагать наличие «лучших», «избранных» людей, которыми обычно и объявляются власть имущие, то не лучше ли вообще отказаться от этого термина, тем более что его часто трактуют как бесклассовое понятие, как альтернативу классовой дифференциации. Последний подход явно направлен на подмену деления общества на большие группы людей в зависимости от их отношения к средствам производства дихотомией элита—масса, основанной на различном доступе людей к власти — признаке производном, вытекающим из социально-классовой дифференциации, а отнюдь не порождающим ее. И все же не будем спе-

<sup>1</sup> Prewitt K., Stone A. The Ruling Elites, N. Y., 1973, p. 4.

<sup>2</sup> Kourvetatis G., Dobratz B. Political Sociology. New Brunswick - L., 1980, p. 5.

<sup>3</sup> Ng S. H. The Social Theory of Power, N. Y.—L., 1980, p. 65.

шить с выводами. Попробуем подойти к проблеме с другой стороны, а именно: выяснить, нельзя ли использовать понятие элиты не как альтернативу классовой дифференциации, а, напротив, для обозначения ее стороны и момента.

Вполне допустимо, что в определенных целях исследования социолог использует понятие элиты. При этом мы сталкиваемся с двумя случаями: 1) уровнем исследования, в котором еще не раскрыта классовая структура общества, но уже зафиксировано деление на «высших» и «низших», власть имущих и объект управления, правителей и исполнителей (ограничение этими представлениями, свойственными обыденному сознанию, может увести от понимания классовой дифференциации и ее причин); 2) с использованием этого термина в отношении части класса, занимающего господствующие позиции в политическом управлении. В последнем случае необходимо уточнить это понятие, которое, по собственным признаниям многих элитаристов, представляется им неопределенным. Это уточнение необходимо потому, прежде всего, что многие элитаристы, ссылаясь на этимологию термина, относят к элите «лучших», «избранных». Поэтому нам и представляется предпочтительным структурно-функциональный подход к элите, ибо он свободен от фетишизации политических элит, признавая, что это не обязательно «лучшие», «избранные» люди прежде всего с точки зрения критериев морали, а также иных критериев (включая интеллект). Во-вторых, уточнение термина необходимо вследствие того, что этот термин часто используется для затушевывания подлинной основы социальной дифференциации (с ним связаны представления о том, что дихотомия элита — масса имманентно присуща всем социальным системам, прошлым и будущим, т. е. они неисторичны). В-третьих, необходимость уточнения связана с тем, что элитаристы, приписывая элите



все достижения цивилизации, отрицают или принижают роль народных масс в историческом процессе.

Попытаемся соотнести феномен элиты с фактом социально-классовой дифференциации, таким образом введем нужный термин с качественно иным, чем у перечисленных выше элитаристов, содержанием: вместо того, чтобы противопоставлять его феномену классовой дифференциации или подменять последнюю, попытаемся определить его как существенный элемент этой дифференциации. Господствующий класс не есть нечто недифференцированное целое, нерасчлененное внутри себя, не есть некоторая абстрактная целостность; он включает в себя ряд слоев, роль которых в обеспечении власти этого класса различна. Господствующий класс не может осуществлять свое господство *in extenso* — в своей целостности, в своей совокупности. Его интерес как правящего класса осознается и выражается прежде всего наиболее активной его частью, авангардом, который опирается на определенную организацию — государственный аппарат, политическую партию и т. п. ту часть господствующего класса, которая непосредственно осуществляет руководство обществом, держит руку на руле управления, и можно именовать политической элитой.

В структуре господствующего класса можно выделить определенные элементы (двигаясь от целого к частному с учетом уровня активности и степени воздействия его на целое): господствующий класс → политическая активная часть класса, его авангард → организация класса → лидеры. К политической элите и можно отнести наиболее авторитетных, влиятельных и политически активных членов правящего класса, включая слой политических функционеров этого класса, интеллектуалов, вырабатывающих политическую идеологию класса, лидеров этих организаций, то есть людей, которые непосредственно принимают политические решения, выражающие совокупную волю класса.



Вряд ли можно сомневаться в том, что при исследовании политического процесса нужен термин, обозначающий эту наиболее активную, организованную часть господствующего класса. Но очевидно и другое: если этим термином будет «элита», необходим ряд оговорок и уточнений, чтобы освободить его от того содержания, которое вкладывает в него большинство элитаристов, стремящихся фетишизировать слой лидеров, объявить самыми достойными, компетентными, наиболее пригодными для руководства обществом людей, представить этот слой подлинным субъектом исторического процесса в противоположность «нетворческой», «бесплодной массе».

Выше уже говорилось о неадекватности целостной интерпретации элиты — в ценностном отношении ее качества могут быть и со знаком минус. Говорилось и о недостатках функционального подхода, сторонники которого, как правило, трактуют элиту как бесклассовый слой.

Как отмечает чешский социолог М. Нарта, «наиболее оправданным будет понимать под элитой специфические властно-политические группы, которые в условиях классово-антагонистического общества представляют исполнительную властно-политическую часть правящего класса»<sup>1</sup>. Как видим, понятие «элита» не совпадает по объему с понятием «правящий класс»: первое оказывается функционально как бы управленческим «исполнительным комитетом» второго. Эти понятия не совпадают полностью и по содержанию. Отметим, что к управленческой деятельности правящий класс обычно привлекает и наиболее способных представителей других классов и слоев населения, прежде всего, слоев, близких правящему классу. Таким образом, в составе элиты могут быть отдельные выход-

---

<sup>1</sup> Нарта М. Теория элит и политика. — М., 1978 г. — С. 144.

Господствующий класс и элита

ГОСПОДСТВУЮЩИЙ КЛАСС

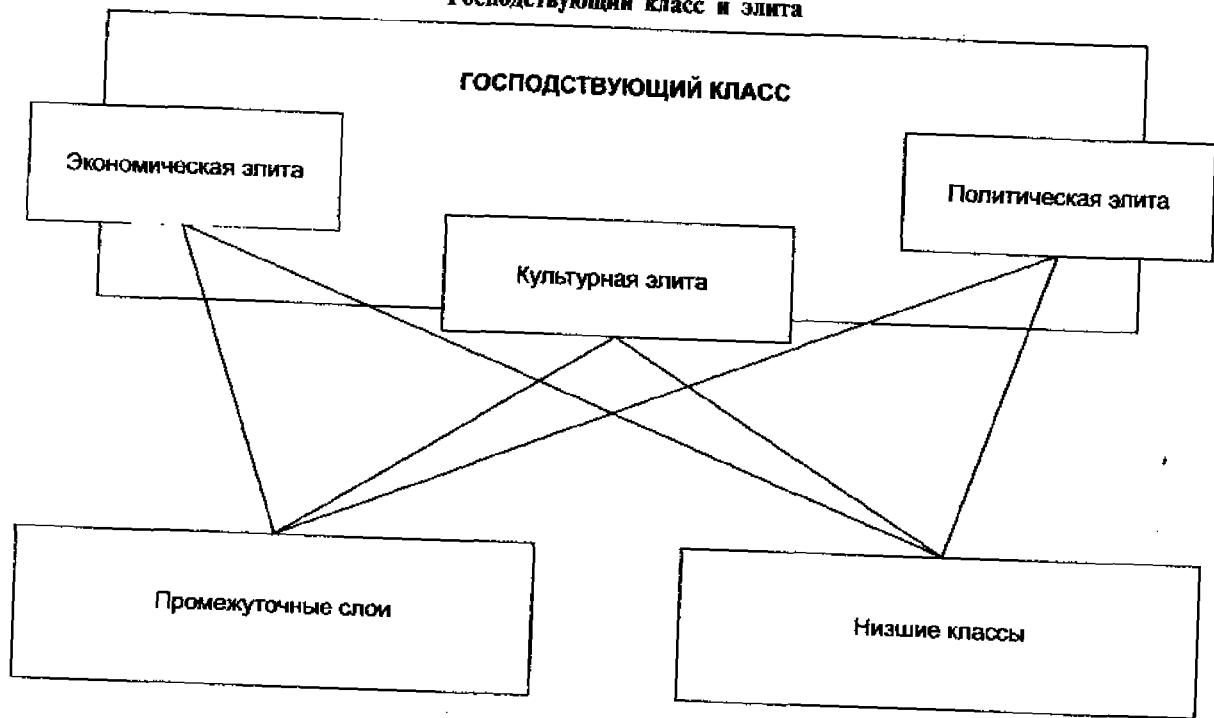
Экономическая элита

Политическая элита

Культурная элита

Промежуточные слои

Низшие классы



цы из неправящих классов (что отнюдь не означает внеклассовости рекрутирования элиты, на чем настаивают многие элитаристы). Подобное положение вдвойне выгодно господствующему классу: во-первых, это обеспечивает ему приток «свежих умов», во-вторых, расширяет социальную базу элиты. Как правило, вошедшие в состав элиты выходцы из «социальных низов» по существу интегрируются господствующим классом. Элитологи вспоминают в этой связи невеселую шутку о том, что в сенате США заседают миллионеры — одни из них стали сенаторами, потому что были миллионерами, а другие стали миллионерами, сделавшись сенаторами. Можно сослаться и на то, что в составе американских высших менеджеров имеется лишь небольшой процент выходцев из «низов» (различные авторы называют цифры от 7 до 10%).

Хотя было бы ошибкой отождествлять элиту и правящий класс, еще большей ошибкой является отрицание связи между элитой и классом, что делают многие элитологи. Можно согласиться с С. Херкоммером, считающим, что понятие элиты имеет смысл прежде всего в отношении к понятию «класс», и что элитные слои — моменты внутреннего разделения классов. Р. Мартин считает, что большинство элитаристов, начиная с Платона, отрицают деление общества на классы, некоторые, типа Бернхэма, пытаются сочетать концепцию классов и концепцию элит, и некоторые, например, профессор Калифорнийского университета М. Цейтлин, оперируют понятием «класс», возражая против термина «элита»<sup>1</sup>.

Такое разделение в общем соответствует действительности (пожалуй, не очень удачна ссылка на Платона). Действительно, по мнению Цейтлина концепция классовой структуры общества несравненно глубже ди-

---

<sup>1</sup> Martin R. The Sociology of Power. L., 1977, p. 191.

хотомии элита — масса<sup>1</sup>. Абстрактно говоря, Цейтлин прав. Но ведь совсем не обязательно рассуждать по принципу или-или, гораздо правильнее найти пути сочетания этих концепций.

Наконец, вопрос о том, следует ли употреблять термин «элита», зависит от предмета исследования. Для того, чтобы вскрыть сущность социально-экономических отношений, сущность способа производства, генезис классового господства, можно обойтись и без этого понятия. Настоятельная потребность в нем возникает тогда, когда мы переходим к анализу механизма классового господства, внутренней структурализации и дифференциации самого правящего класса. Господствующий класс порожден определенным способом производства материальных благ; правящая же элита — это порождение и элемент политической системы классово-дифференцированного общества. Совершенно правильно ставит вопрос американский социолог Э. Карлтон, который считает, что «класс в себе становится классом для себя, поскольку он осознает свое классовое положение»<sup>2</sup>. Причем он делает это, формируя свою элиту. Известно, что господствующий класс создает механизм реализации своей политической власти. Только в этом случае его господство актуализируется. Важнейшим элементом создания этого механизма и является выделение правящей элиты, которая обладает навыка-

---

<sup>1</sup> Political Power and Social Theory. Ed. by M. Zeitlin, Greenwich, 1981, p. 1. Американский леворадикальный социолог У. Домхофф, пишет: «Понятие «правлящий класс» относится к социальному высшему (правлящему) классу, который является собственником непропорционально большой доли общественного богатства. Правящая элита, с другой стороны, включает всех, кто находится на командных позициях в институтах, контролируемых членами высшего класса. Какой-то член правящей элиты может и не быть членом правящего класса» (Domhoff W. Who Rules America? New Jersey, 1967, p. 9—10).

<sup>2</sup> Carlton E. The Few and the Many. A Typology of Elites, Scholar Press, 1996, p. 3.

ми политического управления, интегрирует господствующий класс, выявляет и реализует его классовый интерес.

Широко распространенные в советской и зарубежной социологии утверждения о том, что марксизм и элитология альтернативны, несовместимы, ошибочны. Весьма далеки от истины суждения о том, что марксизм всю проблематику властно-политических отношений сводит к вопросу о том, какой класс господствует в данном обществе, игнорируя роль внутриклассовых слоев, промежуточных и межклассовых групп. Маркс отнюдь не ограничивался лишь констатацией того, какой класс является господствующим в определенной общественно-экономической формации, в определенной стране. Его анализ политической структуры общества включал и распределение власти внутри господствующего класса. Важнейшим элементом этого анализа служит конкретно-историческое исследование процесса осуществления властных отношений в классово-антагонистическом обществе, роли правящей верхушки в реализации этих отношений.

К. Маркс в работе «К критике гегелевской философии права» писал о роли бюрократического слоя, создаваемого буржуазией для управления обществом, того слоя, который в современной элитологической литературе именуется бюрократической элитой, который считает самое себя конечной целью государства и выражает совокупный интерес господствующего эксплуататорского класса. Причем этот эгоистический интерес он стремится представить как «всеобщий интерес», защищая таким образом «мнимую всеобщность особого интереса»<sup>1</sup>. Кстати, в немецких изданиях сочинений Маркса и Энгельса можно обнаружить присутствие термина «элита» (у Маркса — в одной из первоначально

---

<sup>1</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. I. — С. 270, 271.

написанной глав «Капитала», у Энгельса — в его набросках об армии)<sup>1</sup>. К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Разделение труда... проявляется теперь также и в среде господствующего класса... так что внутри этого класса одна часть выступает в качестве мыслителей этого класса (это — его активные, способные к обобщениям идеологи, которые делают главным источником своего пропитания разработку иллюзий этого класса о самом себе), в то время как другие относятся к этим мыслям и иллюзиям более пассивно и с готовностью воспринять их, потому что в действительности эти-то представители данного класса и являются его активными членами и поэтому они имеют меньше времени для того, чтобы строить себе иллюзии и мысли о самих себе. Внутри этого класса такое расщепление может разрастись даже до некоторой противоположности и вражды между обеими частями, но эта вражда сама собой отпадает при всякой практической коллизии, когда опасность угрожает самому классу»<sup>2</sup>.

Действительно, одно дело — признать, что элита выражает интересы господствующего класса, и совсем другое — отождествить эти категории. Это было бы отождествлением сущности процесса политического господства с механизмом его осуществления. Эксплуататорский класс не может обеспечить, хотя бы чисто технически, свое господство путем равномерного распределения функции политического руководства обществом среди всех своих членов; он может осуществить его через деятельность своего политического авангарда, наиболее политически активных его членов, которые непосредственно управляют организацией господствующего класса, прежде всего государственной машиной. Элита выступает представителем господствующего

---

<sup>1</sup> Marx K., F.Engels. Band 23. Dietzverlag, Berlin, 1972, s. 741, Band 14, s. 8.

<sup>2</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 3. — С. 46.



класса при выполнении этим классом функций руководства обществом; она выявляет и актуализирует интересы класса — как глубинные, так и непосредственные, — субординирует их; она «формирует» волю класса и непосредственно руководит ее претворение в жизнь.

Таким образом, на вопрос, кто осуществляет власть в классово-дифференцированном обществе, мы можем ответить: господствующий класс. Когда же нас интересует, как осуществляется эта власть, необходимо выявить механизм политического господства этого класса, одним из важнейших звеньев которого является выделение правящей элиты. Господствующий класс и элита различаются прежде всего по объему: элита — часть класса. Далее, если класс определяется по своему месту в исторически определенной системе общественного производства, по своему отношению к средствам производства, то элита — по отношению к своей роли в политическом руководстве обществом; она объединяет ту часть господствующего класса, которая обладает навыками профессиональной политической деятельности и непосредственно осуществляет государственное управление.

Привилегированные сословия (дворянство, духовенство) в феодальном обществе составляли немалую часть населения: в конце XVIII века, например, в таких странах, как Франция (25 миллионов жителей) или Россия (39 миллионов), они насчитывали многие сотни тысяч человек; в XX веке в крупной индустриальной стране класс капиталистов насчитывает не один миллион людей. Что же касается элиты, то речь идет лишь о тысячах, причем далеко не только всегда представителей господствующего класса.

Анализируя пути осуществления правящим классом различных функций в обществе, можно выделить разные типы элит: политическую, экономическую, культурно-идеологическую. Если господствующим классом

капиталистического общества является буржуазия, то экономической элитой современного капиталистического общества выступает финансовая олигархия, верхушка менеджеров. Идеологи класса, деятели культуры, создающие духовные ценности этого класса, владельцы средств массовых коммуникаций составляют культурную элиту, причем большая часть культурной элиты выходит за пределы господствующего класса. О содержании понятия политической элиты говорилось выше. Заметим только, что политическая элита — это и есть элита в узком смысле слова (когда речь идет об элите как таковой, без прилагательных «культурная», «экономическая» и т. д., как правило, имеется в виду именно политическая элита).

Итак, в классово-дифференцированном обществе класс, обладающий собственностью на основные средства производства, является господствующим классом. Но далеко не каждый член правящего класса непосредственно занимается политическим управлением: не каждый хочет этим заниматься и не каждый из тех, кто хочет, может это делать. В правящем классе можно различить политически активную и политически пассивную части, роли которых в жизни общества и особенно в политическом управлении различны. Правящий класс реализует свое господство в обществе, создавая организации. Для политического управления обществом господствующий класс формирует государственную машину; он создает также политические партии и другие организации своего класса, формирует слой функционеров, лидеров, осуществляющих политическое руководство. Политическая власть гарантирует привилегированное положение господствующего класса, его контроль за средствами производства. Наконец, для укрепления и стабилизации своей власти господствующему классу нужна идеология, обосновывающая и оправдывающая это господство. И опять-таки не весь

класс участвует в выработке этой идеологии, а только его часть, которую и можно назвать идеологической и культурной элитой.

Таким образом, отношения между элитой и правящим классом достаточно сложны и неоднозначны. Как отмечалось выше, элита выражает волю господствующего класса, причем эту волю нужно, во-первых, выявить и, во-вторых, реализовать. Осуществляя эти функции, элита не только играет особую роль в жизни общества, но и обретает относительную самостоятельность по отношению к своему классу. Для удержания своей власти правящий класс должен представить свой классовый интерес как интерес всего общества. Выдвигаемая им элита обретает определенную автономию по отношению к этому классу и обычно воспринимается не как проводник узкоклассового, но «всеобщего» интереса. Это, разумеется, не отменяет классовой природы элиты, но модифицирует и, в известной мере, маскирует его, что и дает основание многим политологам говорить о бесклассовости элиты.

Чтобы понять подлинную роль элиты в осуществлении господства в обществе правящего класса, важно соотнести и субординировать интересы этого класса в целом с интересами отдельных его членов, интересами отдельных слоев и групп этого класса, в частности, специфическими интересами элиты. Важно, наконец, субординировать глубинные и стратегические интересы правящего класса, связанные с поддержанием системы, в рамках которой он и является господствующим классом, и непосредственные, связанные с увеличением его доли в распределении общественного богатства. Непосредственный интерес отдельного члена господствующего класса может противоречить интересам других его членов — его конкурентов. Это относится в первую очередь к интересам различных, особенно конкурирующих друг с другом группировок господствующего

класса, например, военно-промышленного комплекса и слоев, связанных преимущественно с выпуском мирной продукции. Кто же реально осуществляет интеграцию и субординацию всех этих различных интересов и целей? В этом и состоят прежде всего функции политической элиты. Выделение политической элиты как бы актуализирует господство определенного класса.

Как отмечает польский социолог В. Весоловский, элита капиталистического общества интегрирует многообразные интересы господствующего класса — экономические, политические, культурные, обеспечивает необходимые связи между бизнесом, политиками, военной верхушкой, владельцами средств массовых коммуникаций<sup>1</sup>. В иерархии этих интересов примат принадлежит отношениям собственности на средства производства, которые фактически и делают данный класс господствующим и кровно заинтересованным в сохранении социальной стабильности. Как пишет американский политолог У. Домхофф, «не все члены высшего класса вовлечены в управление; некоторые из них наслаждаются жизнью, которую дает им их богатство»<sup>2</sup>.

Существование этой элиты способствует обеспечению стабильности существующей социальной системы, независимо от того, какая из буржуазных или ориентирующихся на сохранение капиталистических отношений политическая партия находится у власти. Как пишут Т. Дай и другие американские политологи, власть в США «структурна», то есть не зависит от персональных изменений и других преходящих факторов; она прочно удерживается в руках элиты. Известно, что внутриполитическая и внешнеполитическая стратегия Соединенных Штатов формируется не тем или иным президен-

---

<sup>1</sup> Весоловский В. Классы, слои и власть.— М., 1981 г.— С. 103—117.

<sup>2</sup> Domhoff W. Who Rules America? Power and Politics in the Year 2000, L., 1998, p. 2.

том (он реализует ее тем или иным способом), но той анонимной силой, которая представлена подлинной элитой, выражающей совокупный интерес господствующего класса и прежде всего того слоя, который является доминирующим в составе этого класса и интересы которого могут вступать в противоречие с интересами других составных частей правящего класса.

Выше уже отмечалось, что властвующая элита, конечно, не только не противостоит правящему классу, но, напротив, обеспечивает его господство. Однако это не исключает относительной самостоятельности элиты по отношению к классу в целом. Кстати, это в свое время отмечал К. Маркс. Известно, что в статье «18 брюмера Луи Бонапарта» Маркс показал большую степень самостоятельности государственной власти, особенно в условиях определенного равновесия классовых сил. Значительная доля этой самостоятельности существует и при отсутствии такого равновесия. И именно подобная относительная самостоятельность государственной власти может создавать иллюзию того, что она стоит как бы над обществом (отсюда и иллюзия надклассовости элиты, хотя она выражает совокупный интерес правящего класса, в частности, класса буржуазии, куда лучше, чем это делал бы непосредственно тот или иной капиталист, осознающий лишь свой непосредственный, причем краткосрочный интерес).

Относительная самостоятельность элиты по отношению к господствующему классу связана с различием интересов разных слоев этого класса. У элиты есть возможность не только лавировать между интересами отдельных групп и слоев правящего класса, но порой даже принимать решения, против которых выступает большинство представителей этого класса. Так, «новый курс» Ф. Д. Рузвельта встретил сопротивление большинства капиталистов, не сразу осознавших свой собственный глубинный интерес, защите которого и служит го-

сударственное регулирование экономики в условиях кризиса, что и предлагал рузвельтовский «мозговой трест». История показала, что рузвельтовская политическая элита лучше поняла насущные и долгосрочные потребности господствующего класса, чем подавляющее большинство его членов.

И это понятно: капиталист заботится прежде всего о своей собственной, причем непосредственной выгоде; ему близки слова, приписываемые бывшему президенту «Дженерал Моторз» и бывшему министру обороны США Ч. Вильсону: «Что хорошо для «Дженерал Моторз», то хорошо и для страны» (сам Вильсон, впрочем, упорно отказывался от авторства этих слов). Правящая элита, как правило, видит дальше, что в конечном счете отвечает интересам господствующего класса. Причем элита стремится создать впечатление, будто она, принимая компромиссное решение, «равно заботится» обо всех классах и слоях населения. А идеологи господствующего класса, выполняя свою функцию, помогают правящей элите замаскировать ее связь с господствующим классом.

Ошибкой многих марксистских социологов является стремление элиминировать проблематику элитологии, свести все к проблеме классов и классовой борьбы. Но в элитологии имеется специфическое содержание, несводимое к последней. Иное дело, что вопрос о роли элиты в общественно-политическом процессе можно и должно рассматривать в связи с проблемой классов, классовых отношений.

Подведем некоторые итоги. За исключением Г. Моски и его последователей из «макиавеллиевской» школы, отождествляющих элиту и правящий класс, и некоторых других политологов, исследующих отношение элиты и господствующего класса, подходом, наиболее типичным для современной элитологии, является рассмотрение правящей элиты в отрыве от классовой

структуры общества и, более того, противопоставление дихотомии элита — масса марксистскому учению о классах и классовой борьбе. И если марксистских элитологов можно упрекнуть в гипертрофировании классового подхода, то большинство элитологов впадает в другую крайность, отказываясь видеть связь элиты с отношениями классов и классовой борьбы. Как мы видели, возможно совмещение понятия «элита» с теорией классов. Поскольку анализ политических систем не исчерпывается выявлением того, какой класс является господствующим в данном обществе, а требует дальнейшей конкретизации властных отношений, понятие «элита» может служить делу уточнения и углубления такого анализа.

## ЛИТЕРАТУРА:

*Афанасьев М. Н.* Клиентализм и российская действительность.— М., 1997.

*Ашин Г. К., Охотский Е. В.* Элитология.— М., 1999.

*Ашин Г. К., Понеделков А. В., Игнатов В. Г., Старостин А. М.* Политическая элитология.— М., 1999.

*Гаман О. В.* Определение основных понятий элитологии // Полис.— 2000. — № 4.— С.97-103.

*Дай Т., Зиглер Х.* Демократия для элиты. Введение в американскую политику.— М., 1984.

*Миллс Р.* Властвующая элита.— М., 1959.

*Нарта М.* Теория элит и политика.— М., 1978.

## **Тема 8. Структуры власти и структуры элиты в США**

Анализ структуры власти в той или иной политической системе — всегда сложная проблема. Для ее понимания большое значение имеет сравнительный анализ структур власти, а также структуры элит в различных странах современного мира. Пожалуй, особенно интересно сопоставить данные о структуре власти, а также структуре элит в странах, которые в течение большей части XX века выступали в роли сверхдержав, и взаимоотношение которых, несомненно, будет влиять на политические процессы в XXI веке — США и России.

На протяжении всей второй половины XX века среди американских политологов ведутся острые дискуссии по вопросу о структуре власти в США. Кто является субъектом власти и субъектом политического управления? Наиболее известные политологи США, такие как Р. Даль, Т. Дай, У. Домхофф опубликовали книги под сходными названиями: Кто правит? Кто управляет Америкой?<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> Dahl. R. Who Governs? New Haven: Yale Univ. Press, 1961; Dye T. Who's Running America? The Clinton Years, 6-th ed., N. J., Prentice Hall, 1995; 7-th ed., 2000; Domhoff W. Who Rules America? N. J.: Prentice Hall, 1967; Domhoff W. Who Rules America? Power and Politics in the Year 2000, L., Toronto, 1998.



Ответы на эти вопросы даются не только весьма различающиеся между собой, но порой прямо противоположные. К концу века накал этой полемики не ослаб. За прошедшие десятилетия в ней лишь менялись акценты, менялись персоналии дискутантов, расширялся эмпирический материал. К концу века эта полемика институтизировалась, развиваясь внутри трех сложившихся направлений — политического плюрализма (власть плюралистична, детерминирована взаимодействием различных групп интересов), элитизма (власть концентрируется в руках небольшого числа людей, занимающих лидирующие позиции в важнейших социально-политических институтах), наконец, что эту власть не выпускает из своих рук господствующий класс США, представляющий прежде всего финансовую олигархию, владельцев и высших менеджеров крупнейших корпораций.

Собственно, спектр ответов на интересующий нас вопрос несколько шире. Мы можем выделить следующие основные точки зрения:

1. Позицию элитистов (иногда их концепцию называют функциональной теорией элиты): власть в обществе осуществляется элитой, т. е. организованным и более или менее сплоченным меньшинством, имеющим в своем распоряжении рычаги власти; причем такое положение вещей — социальная норма (точка зрения Т. Дая).

2. Позиция элитологов, согласно которой власть в обществе, в частности, в современных Соединенных Штатах и других западных демократиях, осуществляют элитные группы, но это — нарушение демократических прав народа, вызов демократии, положение, обрекающее большинство население на политическую пассивность, на превращение в объект манипуляции со стороны правящей элиты (точка зрения Р. Милса; подобные взгляды называются также критическими теориями элиты).

3. Позиция сторонников классового подхода, которые считают дихотомию элита — масса альтернати-

вой классовому подходу и потому отвергают его, считая, что власть в обществе (обществе классово-антагонистическом, во всяком случае), осуществляется господствующим эксплуататорским классом, владельцев средств производства, что понятие элиты не является необходимым при анализе политической системы, поскольку совпадает с правящим классом. Конечно, сторонники этой точки зрения — прежде всего, политологи-марксисты, хотя сюда относятся и некоторые политологи-немарксисты, а также политологи, лишь частично испытавшие марксистское влияние (например, У. Домхофф). Вспомним, в этой связи, что сам Г. Моска отождествлял элиту и правящий класс, что позволило его оппонентам посчитать следями марксистского влияния.

4. Позиция политологов, которые считают понятие элиты совместимым с классовым анализом общества; элита выступает как «исполнительный комитет» господствующего класса (Э. Карлтон).

5. Плюралистическая концепция, согласно которой понятие элиты, применимое по отношению к недемократическим политическим системам, не «работает» при анализе современного демократического процесса, который представляет собой результат взаимодействия и конкуренции между «группами давления», выражающими интересы различных социальных слоев, и представляет собой определенный баланс интересов между различными слоями населения и выражающими их интересы «групп давления» или «внутригрупп» (Д. Рисмен). Эту позицию можно назвать «радикальным плюрализмом».

6. Наконец, среди плюралистов существует, так сказать, «ослабленный плюрализм», включающий в себя элементы элитизма, или «элитный плюрализм», когда политический процесс рассматривается как состязание и сотрудничество элит, выражающих интересы различных социальных групп (например, лидеры организаций рабочего класса, средних слоев, высшего класса), групп, играющих ведущую роль в основных

сферах социальной жизни (политическая, экономическая, культурная и другие элиты — точка зрения В. Гэттсмана и многих других теоретиков элитного плюрализма).

Эту схему можно несколько упростить, объединив достаточно близкие между собой вторую и четвертую позиции, а также пятую и шестую. В этом случае конфликтующие позиции можно суммировать следующим образом, как это делает, в частности, американский политолог Г. Кербо<sup>1</sup>:

Три главных дискуссионных вопроса	Критические теории элиты	Функционал- ные теории элиты	Плюралисти- ческие теории
Нужны ли силь- ные независимые элиты в развитых индустриальных странах	нет	да	нет
Выливается ли наличие сильных независимых элит в эксплуата- цию (населения)	да	нет	да
Управляются ли Соединенные Штаты элитой (элитами)	да	да	нет

Однако эта полемика ведется в западной политологии, так сказать, не «на равных». Среди указанных точек зрения безусловно превалирует, во всяком случае, количественно, плюралистическая концепция.

Теории политического плюрализма в последние десятилетия являются не просто широко распространенными, они практически безраздельно господствовали в американской и западноевропейской политологии, да и продолжают господствовать, оставаясь и

<sup>1</sup> Kerbo H. Social Stratification and Inequality.— N. Y., 1996.— p. 213.

появились дежурным, наиболее распространенным объяснением существа западной демократии.

Теоретики плюрализма — Д. Трумен, С. Липсет, Р. Даль и другие, менее известные, охотно ссылаются на то, что они — наследники демократических философских и политических традиций, связанных с именами Дж. Локка и Ш. Монтескье, отцов-основателей США, прежде всего Т. Джефферсона, идеологов либерализма XIX века Дж. Милля, А. де Токвиля. Кажется, ничто не предвещает заката эры торжества плюрализма. Однако некоторые симптомы этого заката уже начинают обозначаться. Плюралистические теории способствовали внедрению в массовое сознание образа справедливой демократической системы, учитывающей интересы всех групп населения. Этот образ, всемерно популяризирующийся западными средствами массовой информации, выполняет, как отмечают многие западные политологи, вполне определенные идеологические функции. Плюралистическая концепция как нельзя более импонирует и большинству американских и западноевропейских политиков, и теоретикам политологии академического плана: ее положения выглядят заманчиво либеральными, бесклассовыми, деидеологизированными. Не случайно, плюрализм в современной западной политологии стал чуть ли не синонимом демократии.

Теория политического плюрализма стала банальным общим местом современной политической науки, неким символом общей веры. Но веры без достаточных оснований. Вспоминается в этой связи мысль Н. А. Бердяева о том, что когда идеология находится в зените своего влияния и популярности, она почти наверняка утратила свои основания, а ее положения почти наверняка устарели.

Хотелось бы уточнить постановку вопроса о политическом (и идеологическом) плюрализме. Вопрос не стоит так: хорош или плох плюрализм, справедлив он или несправедлив. Да, он хорош, он справедлив. Но вопрос совсем в другом: соответствует ли этой модели

современная политическая реальность, в частности, политическая система США.

Усиление исполнительной власти, невиданный рост государственно-бюрократической машины, определенное снижение роли представительных учреждений вызывает тревогу в широких кругах общественности, в том числе американской и западноевропейской. Эти процессы не могли не получить определенного отражения в американской и западноевропейской политологии, в которой отмечается пересмотр (причем отнюдь не безболезненный) ряда концепций и доктрин, популярных в 50-х — 70-х годах. Центральный вопрос этой полемики: является ли политическая система современных Соединенных Штатов образцом плюралистической демократии или же это элитарная структура? И в этом случае не является ли концепция политического плюрализма (как реальность в США) сознательно насаждаемой иллюзией?

## **1. ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА И ИХ КРИТИКИ**

В модели плюралистической демократии ни один класс или группа населения не обладают монополией власти; организации, выражающие их интересы, выступают как «группы давления» на государственный механизм, который рассматривается как бесклассовый. В этой модели «диффузии власти» последняя рассредоточена между всеми социальными группами, но при этом остается в тени социально-классовая природа этих групп. Эта концепция отрицает классовую сущность политической власти, представляя государство в современных капиталистических странах с демократическим режимом как выражение воли всего населения.

Известно, что плюралистическая теория рисует социально-политический процесс в развитых капиталис-

тических странах как конкуренцию и компромисс между множеством «заинтересованных групп», которые соперничают в разделе «сладкого пирога» — благ и преимуществ, создаваемых системой индустриального и постиндустриального общества. Взаимная конкуренция этих групп, по мнению сторонников этих концепций, страхует общество против опасности того, что одна из групп станет «доминирующей элитой». Предполагается, что «заинтересованные группы» через свои организации могут влиять на политическую систему, участвовать в социальном контроле и управлении, причем не столько навязывая свою волю другим группам, сколько создавая коалиции, блокируя угрозы своим интересам, возникающие как со стороны государственных органов, так и со стороны других групп.

Модель плюралистической демократии претендует на целостное описание «демократического процесса» в современных развитых индустриальных странах, в которых по «техническим (не по социальным) причинам не может быть осуществлена прямая демократия. Хотя индивидум не участвует непосредственно в выработке государственной политики, предполагается, что он может вступить в формальную организацию, способную влиять на правительство в нужном ему направлении. Плюралисты исходят из того, что дифференцированность современного общества, включающего большое число групп — профессиональных, религиозных, этнических, региональных и т. п., — создает потенциал для образования организаций, выражающих их специфические интересы. Вопрос о классовых различиях и классовой борьбе тщательно обходится как «марксистские крайности» (кстати, на этом основании игнорируется и марксистская критика плюралистических теорий). Организации рабочего класса — профсоюзы, партии — рассматриваются не как организации для ведения классовой борьбы, а лишь как средство усиления определен-

ных групповых позиций в системе существующих социально-политических отношений, прежде всего, на рынке труда.

Классическими работами по проблемам плюралистической демократии являются труды Д. Трумэна, Д. Рисмена, Р. Даля. Так, Даль пишет, что основная аксиома в теории и практике американского плюрализма такова: вместо единого центра суверенной власти должно быть множество таких центров, ни один из которых не должен быть полностью суверенным. Он утверждает, что это дает возможность гражданам и лидерам проявить свое искусство мирного улаживания конфликтов. Таким образом, структура политической власти США, по Далю, представляет собой полиархию, включающую множество центров власти. А подобная полиархия и представляет собой современную модель демократии.

Не следует понимать нас так, что мы — противники полиархии как модели, образца плюралистической демократии. Напротив, указанная модель заслуживает всяческого одобрения. Вопрос только в том, соответствует ли этой модели политическая система современных Соединенных Штатов. Вспомним при этом, что, по мнению Гегеля, истиной первого порядка является соответствие субъективного знания действительности, а истиной более высокого порядка — соответствие объекта идее объекта, его понятию, его нормативу. Тогда истины первого порядка — это истины политической социологии, а истины второго порядка — истины политической философии. И если бы Р. Даль писал книги по политической философии — дисциплине нормативной, — тогда можно было бы только солидаризироваться с ним. Но ведь Р. Даль претендует на то, что он пишет труды по политической социологии, описывает реальный политический процесс в современных Соединенных Штатах. А вот соответствует ли полиархи-

ческая модель политической реальности США — проблема, по которой мнения самих американских политологов расходятся, и расходятся кардинально. Является ли модель плюралистической демократии реализованной в современных Соединенных Штатах или же это — лишь норматив, лишь цель, лишь общее направление движения, по которому развивается современная политическая система США?

Как отмечают американские политологи У. Домхофф, Р. Уотсон и др., лишь незначительное меньшинство американских граждан может оказать влияние на характер и направление внутренней и особенно внешней политики страны<sup>1</sup>. В результате, по словам Р. Миллса, Соединенные Штаты управляются далеко не самыми лучшими, способными гражданами, но выходцами из узкого элитарного круга, главным образом, из богатейших семейств Америки.

Следует заметить, что Р. Миллс своей книгой «Властвующая элита» нанес по идеологии плюрализма ощутимый удар. «Американцы никак не хотят отказаться от представления, что государство — это своего рода автомат, действие которого регулируется принципом взаимоуравновешивания противоборствующих интересов», — иронизирует Миллс. «Когда говорят о «равновесии сил», — продолжает он, это вызывает представление о «равенстве сил», а равенство сил выглядит как нечто вполне справедливое и даже почетное. Но то, что для одного человека фактически является почетным равновесием, для другого часто оказывается несправедливым отсутствием равновесия. Господствующие классы охотно, конечно, декларируют существование справедливого равновесия сил и подлинной гармонии интересов, ибо они заинтересованы в том, чтобы их господство не пре-

---

<sup>1</sup> См.: Domhoff W. The Powers That Be. Process of Ruling Class Domination in America, N. Y., 1979; Watson R. Promise and Performance of American Democracy. N. Y., 1972.



рывалось и не нарушалось»<sup>1</sup>. В действительности, как доказывает в своей книге Миллс, властвующая элита безраздельно господствует в американском обществе, вследствие чего «все разговоры о демократии в США звучат как издевательство».

Близкие идеи, хотя и не в столь радикальной форме, причем не по отношению к общенациональному, федеральному уровню, а к региональному, развивал Ф. Хантер в книге «Верховное лидерство в США». Исследуя структуру власти в городе Атланта (штат Джорджия), он показал, что все городские заправилы принадлежат к миру финансистов или зависят от него, что они объединены по интересам в несколько клик, которые сговариваются между собой по важнейшим вопросам. Вывод его исследования был однозначным: действительная структура власти в США ущемляет интересы большинства в пользу интересов элиты»<sup>2</sup>.

Ответ сторонников плюрализма Ф. Хантеру, а как же Миллсу не заставил себя долго ждать. Уже известный нам Р. Даль, исследуя структуру власти в другом американском городе — Нью Хейвене (штат Коннектикут), пришел к выводам, прямо противоположным выводам Ф. Хантера. Даль исследовал, кто в Нью Хейвене принимает решения в трех областях управления городской жизнью:

- в выдвижении кандидатов (от партий) на политические и административные должности;
- кто руководит городским планированием;
- кто осуществляет руководство народным образованием.

Результаты исследования свидетельствовали о том, что в Нью-Хейвене структура власти не пирамидальная, как на этом настаивал Хантер. Эта власть скорее рассос-

---

<sup>1</sup> Миллс Р. Властвующая элита. — М. — С. 333, 336.

<sup>2</sup> См.: Hunter F. Top Leadership. USA. Chapel Hill, 1959.

редоточена среди равных по статусу групп и индивидов. Ф. Хантер на материалах исследования, проведенного в Атланте, доказывал, что власть во всех наиболее важных областях городской жизни сосредоточена в руках городской элиты — собственников и высших менеджеров промышленных, коммерческих, финансовых корпораций и наиболее высокопоставленных чиновников. По Далю, напротив, получалось, что лидеры в каждой из трех исследуемых им структур Нью-Хейвена не были влиятельны в двух других структурах (только 3 из 50 выявленных им лидеров были влиятельны во всех трех структурах: мэр, его предшественник и руководитель городского планирования). Лидерство в Нью-Хейвене, другими словами, оказывается, по Далю, специализированным и дисперсным (см. книгу Р. Даля «Кто правит?»)¹.

Интересно, что через пару десятилетий структуру власти в том же Нью-Хейвене вторично исследовал другой американский политолог — У. Домхофф, написавший по материалам своего исследования книгу «Кто действительно правит?»². Домхофф критикует Даля с позиций теории класса, критикует его прежде всего за то, что тот в своем исследовании жестко разводит экономическую, политическую и социальную элиты. Исследуя членство в городских престижных клубах, он доказывал, что большинство членов экономической элиты города являются в то же время и членами элиты социальной, делая вывод, что реальная власть в городе (а в нем, как в капле воды, отражается ситуация, существующая в стране) — в руках представителей господствующего класса.

Реакция на работы Миллса и Хантера со стороны теоретиков господствующих направлений в социологии

---

¹ Dahl R. Who Governs? Democracy & Power in an American City. New Haven, 1961.

² Domhoff W. Who Really Rules? New Haven and Community Power Reexamined.— N. Y., 1978.

и политологии, прежде всего, со стороны теоретиков политического плюрализма, была резко враждебной. Тем не менее, после выхода в свет книги Р. Миллса «Властвующая элита» каждый, пишущий о структуре власти в США с позиций плюрализма, должен был искать аргументы против концепции Миллса. Этими поисками отмечены работы плюралистов конца 50-х — 60-х годов. Р. Даль обвинил Миллса в «логической неубедительности» и отсутствии достаточных эмпирических доказательств<sup>1</sup>. Д. Белл назвал концепцию Миллса «вульгарной социологией». Критикуя «Властвующую элиту», он, в частности, писал: «Даже если, как настаивает Миллс, американская политика определяется элитой, стоит указать, что эта элита... созидательная»<sup>2</sup>. В своей нашедшей книгу «Конец идеологии» Белл посвящает целую главу критике теории Миллса, где утверждает, что автор неточно и нестрого употребляет термин «элита», что он дает не эмпирический анализ власти в США, а лишь схему, причем «неудовлетворительную».

Постоянным нападкам подвергается и книга Ф. Хантера. Ее критики, в частности, Д. Ричи, утверждают, что «невозможно» доказать власть элиты в США, поскольку она не является явной, что клики, описанные Хантером, не связаны постоянно между собой, а вступают во временные отношения и соглашения друг с другом<sup>3</sup>. Мы видели, что одна из книг Даля «Кто правит?» прямо направлена против Хантера. Даль утверждает, что политическая элита не является одновременно экономической и социальной элитой; сфера каждой из элит ограничена ее компетенцией, причем взаимная

---

<sup>1</sup> См.: American Political Science Review, 1958, June, p. 463—467.

<sup>2</sup> Encounter, 1960, № 6, p. 55.

<sup>3</sup> Ricci D. Community Power and Democratic Theory. N. Y., 1971.

конкуренция этих элит заставляет их «чутко реагировать на нужды избирателей». Либеральная демократия, с точки зрения Даля, — это и есть «повседневный плюрализм», плюрализм в действии. Этот вывод повторен им в книге «Демократия в Соединенных Штатах — обещания и дела» и других работах<sup>1</sup>. Одним словом, в 60-х годах в США и Западной Европе резко усиливается критика элитарных моделей политической системы современных развитых капиталистических стран, главным образом со стороны плюралистов. Ибо с изданием книг «Властвующая элита» Р. Миллса и «Верховное лидерство. США» Ф. Хантера обнаружилось, что анализ политической системы современных капиталистических стран, выявляющий дихотомию элита — масса, может нанести ущерб плюралистическим концепциям, а также нанести ущерб имиджу США как демократической стране. Д. Белл, Р. Даль, Д. Трумэн и другие плюралисты участвуют в бескомпромиссной критике Р. Миллса, считавшего, что современная западная демократия предстает фактическим господством элиты финансового капитала.

Д. Трумэн критикует Миллса, а заодно и У. Липпмана, анализировавшего политическую систему США с прямо противоположных методологических позиций, за то, что они жестко противопоставляют элиту и массу, причем Липпман считает американскую политическую систему «всевластием масс», а Миллс — всевластием элиты. Трумэн утверждает, что оба они неправы, что распределение власти в США много сложнее: между элитой и массой стоят многочисленные ассоциации, «группы давления», профсоюзы, политические партии и т. д.

Критика Миллса раздалась и со стороны элитаристов, «функциональных» по отношению к политсистеме

---

<sup>1</sup> Dahl R. Democracy in the United States: Promises and Performance. Chi., 1971.

государственно-монополистического капитализма, напуганных радикальной позицией Миллса. Не случайно на IV Международном социологическом конгрессе Дж. Мейсел назвал Миллса «отцеубийцей» старой теории элиты. Потребовались «спасательные работы» по модификации элитаризма, смысл которых заключался в том, чтобы изменить его форму, но сохранить содержание. Большинство западных социологов стали требовать отказаться от понятия единой элиты, годного, по их словам, лишь для низкоорганизованных обществ, и признать множественность элит, стали доказывать, что применительно к современным демократическим политическим системам правильнее говорить не о единой властвующей элите, а о плюрализме элит, о «распылении власти». На том же конгрессе В. Гэттсмен заявил, что понятие единой элиты не может быть отнесено к индустриальным обществам, а Дж. Мейсел утверждал, что ясно очерченная дихотомия элита — масса достаточна лишь для начального анализа политических систем и что ее необходимо уточнить и дифференцировать. Он признал, что теория элиты зашла в тупик, что по мере усложнения социально-политической структуры общества элиты распадаются до понятия, которое становится «саморазрушающим».

Действительно, когда насчитывается множество элит, когда их находят в любом социальном слое, то общество рассматривается как баланс противоборствующих и взаимодействующих сил, различных групп (причем интересы каждой социальной группы выражает ее элита). Но о последнем обстоятельстве уже не обязательно упоминать: при данном подходе понятие «элита» настолько измельчено, что его можно вынести «за скобку» и утверждать, что общество представляет собой баланс «заинтересованных групп» (по терминологии Д. Трумэна) или «вето-групп» (термин Д. Рисмена). Элитарные теории оказались интегрированными политическим

плюрализмом. В этих концепциях элиминируется само понятие «правлящая элита», хотя они и исходят из элитарных установок. И можно согласиться с К. Прюитом и А. Стоуном, которые пишут о существовании в западной политической науке плюралистических теорий двух типов: плюрализм I — теории «вето-групп», плюрализм II — теории множества элит<sup>1</sup>. Различия их явно несущественны: это «чистый плюрализм» (или плюрализм I) и несколько «разбавленный» (плюрализм II).

Поэтому явно ошибочна квалификация элитного плюрализма как элитизма или даже как концепции, находящейся посередине между плюрализмом и элитаризмом, как «разумного компромисса» между этими «крайностями». В действительности теории элитного плюрализма — вариант именно плюралистической идеологии.

Промежуточную позицию между элитизмом и плюрализмом пытаются занять и сторонники концепций «неограниченной» социальной мобильности в индустриальном и постиндустриальном обществе, считающие, что та или иная общественная страта, опираясь на свою организацию, в определенный момент может участвовать в осуществлении государственной власти. По существу, перед нами все тот же «ослабленный» вариант плюрализма. Так, сторонники концепций неограниченной социальной мобильности исходят из того, что в современном капиталистическом обществе каждый индивид может относительно свободно переходить из более низкой страты общества в более высокую, в том числе в элиту, а страты последовательно сменяют друг друга у руля государственного правления (что вполне вписывается как в концепции открытого общества, так и политического плюрализма). Однако опло-

---

<sup>1</sup> Prewitt K., Stone A. The Ruling Elites. Elite Theory, Power, and American Democracy. N. Y., 1973, p. 116—127.

ненты подобных взглядов задают законный вопрос: есть ли возможность подняться в элиту у представителей всех классов или прежде всего (применительно к США) у белых англосаксов, протестантов из высших классов, чья власть основана главным образом на их богатстве, их позициях в финансах, индустрии, средствах массовой информации, которые получили дорогостоящее образование в частных школах, в элитных университетах, которые являются членами одних и тех же элитных клубов (точка зрения У. Домхоффа)?

Но чем же объясняется распространенность и влияние различных вариантов плюралистической идеологии, в том числе элитного плюрализма? В значительной мере тем, что она учитывает определенные реальные процессы функционирования современных форм государственно-монополистической системы в условиях демократических политсистем, подчеркивает усложнение механизма властных отношений, некоторую автономию тех или иных социальных групп внутри господствующего класса. Иное дело, что этим моментам зачастую придается преувеличенное значение, и вся концепция выступает как утонченная форма оправдания статус-кво. Демократические свободы, по этой теории, обеспечиваются взаимными разногласиями и равновесием элит. Функции «ограничения», «сдерживания» по отношению друг к другу выполняют политическая, экономическая, культурная, военная и другие элиты. Каждая из них представляет собой относительно замкнутую группу, строго охраняющую от «аутсайдеров» свои прерогативы и привилегии. Этот баланс элит объявляется единственно возможным ныне типом демократии.

Разделяя элиты по функциональному признаку, политологи плюралистической школы, естественно, не вскрывают классовую сущность каждой из этих элитных групп; они представляют эксплуататорский класс раздробленным на изолированные, конкурирующие между

собой части (финансовая олигархия, политики, генералитет и т. д.), чье соперничество вытекает из «противоположности» функций управления.

Например, С. Келлер утверждает, что в современном западном обществе лидерство принадлежит не одной элите, «а скорее комплексной системе специализированных элит, связанных с социальным порядком и друг с другом различными способами». Магнаты бизнеса, верхушка политиков, выдающиеся деятели культуры — «все они влиятельны, но в разных сферах; различны их ответственность, источники власти, способы избрания. Этот плюрализм элит отражает и поддерживает плюрализм современных обществ»<sup>1</sup>. Келлер признает все же, что не все элиты одинаково влиятельны, и предлагает использовать термин «стратегические элиты» в отношении «тех элит, которые получили или добиваются влияния на общество в целом, в противоположность сегментарным элитам». Границы между стратегическими и сегментарными элитами Келлер не считает четко выраженными. Она признает, что тенденция к плюрализму элит противоречит «давно замеченной тенденции» к монополизации власти, но тем не менее настаивает на своем главном тезисе, что в «либеральных плюралистических системах» лидерство осуществляется высокоспециализированными, функционально независимыми элитами.

Как уже отмечалось, Р. Даль сформулировал теорию полиархии — множественности центров власти (а значит, и элитных групп) в демократическом обществе. Демократией он называет систему, в которой власть дисперсна, в противоположность диктатуре — власти немногих, монополизировавших эту власть. Даль утверждает, что хотя политическое влияние в обществе рас-

---

<sup>1</sup> International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 5, N. Y., 1968, p. 26.



предделено неравномерно, это не означает, что верна «гипотеза об элите», которая представляется «циничной по отношению к демократии». Отрицание правящей элиты он обосновывает тем, что, во-первых, люди, имеющие власть, часто несогласны между собой и находятся в отношениях соперничества, и, во-вторых, власть различных групп людей является специализированной. Даль вводит понятие «кумулятивного неравенства», когда контроль над одним из ресурсов общества, например, политической властью, ведет к контролю над другими видами социальных ресурсов, таких, как богатство, военная мощь и т. д. Думается, что Даль вводит «работающее» понятие, уточняющее и объясняющее процесс концентрации и монополизации власти в обществе. Казалось бы, оно должно логически вести к признанию правящей элиты. У Даля же все обстоит иначе: защищая современную американскую политическую систему, он утверждает, что она не приводит к «кумулятивному неравенству», сохраняя конкуренцию различных сфер общественной жизни.

Плюралистическая теория обладает большим влиянием еще и потому, что опирается на классическую концепцию разделения властей (законодательной, исполнительной, судебной) в демократических странах, благодаря чему в обществе вырабатывается система «противовесов», с помощью которой одни органы власти могут удерживать от «крайностей» другие. Впрочем, ныне большинство государствоведов вынуждены признать, что осуществление действительного равновесия исполнительной и законодательной власти, не говоря уже о судебной, никогда не удавалось; экспансионизм исполнительной власти — это труднооспоримый факт.

Еще раз подчеркнем, что теории элитного плюрализма имеют определенные реальные основания. Они связаны с усложнением социальной структуры современных индустриально развитых стран, которое имеет

следствием нетождественность экономической и политической власти, экономической и политической структуры общества. Можно сделать вывод о том, что концепция элитного плюрализма создает несколько одностороннюю картину структуры политической системы современных развитых индустриальных стран.

## **2. НЕОЭЛИТИЗМ. МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ США**

В 70-е—90-е годах ряд американских и западноевропейских политологов (Т. Дай, Х. Цайглер, У. Домхофф и др.) предпринимают фронтальную атаку на плюралистическую концепцию политической структуры капиталистических стран. Они ставят под сомнение, в частности, исходное положение плюрализма о том, что индивид в капиталистической системе может воздействовать на политику государства, участвуя в организованных группах и что поэтому население «современных демократических стран» инкорпорировано в многочисленные группы и организации. Американская действительность, в частности, весьма далека от этого норматива, как это было продемонстрировано в ряде эмпирических исследований. Так, исследования известных американских политологов А. Алмонда и С. Вербы показали, что в США только 1% опрошенных заявил, что надеется воздействовать на те или иные решения правительства через свое участие в деятельности политической партии, и только 4% — через различные формальные организации, включая профсоюзы. Таким образом, лишь ничтожное меньшинство «мыслит в терминах плюрализма». Большинство же не верит в постулаты плюрализма, является в своих воззрениях «доплюралистическим» и в общественной практике ориентируется на индивидуальные действия. И дело тут не только в том, что

большинство населения «не имеет непосредственного контакта с организациями, которые могли бы обеспечить представительство их интересов». Как доказывают сторонники концепции «массового общества», которую канадский социолог Р. Гамильтон называет «патологической инверсией плюралистической теории», в современных Соединенных Штатах наблюдается как раз тенденция упадка роли автономных организаций, которые в условиях государственно-монополистического капитализма неизбежно бюрократизируются и не снимают отчуждение индивидуума<sup>1</sup>. Более того, сами эти группы, вращаясь в бюрократическую социальную структуру, служат не защите личности, но, напротив, оказываются дополнительным орудием в руках манипуляторской элиты.

К тому же многие, если не большинство, «добровольных», «демократических ассоциаций в действительности далеко не демократичны (это относится, в частности, и к политическим партиям). «Предположение, — пишет Гамильтон, что формальные организации являются демократическими — одно из главных допущений теории плюрализма»<sup>2</sup>. И, добавим от себя, одно из самых шатких. Критики плюрализма отталкиваются от знакомой нам теории Р. Михельса о том, что в любой демократической организации с течением времени складывается элита, неподконтрольная массе членов организации, и тогда демократическая структура уступает место элитарной. А если ассоциации, формальные организации служат интересам элиты, то, как отмечает У. Домхофф, направление их влияния будет противоположно тому, на которое рассчитывают плюралисты<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Г.Ашин. Доктрина «массового общества». — М., 1971.

<sup>2</sup> Hamilton R. Class and politics in the United States. N. Y., 1972, p. 39.

<sup>3</sup> См.: Domhoff W. The Higher Circles & The Governing Class in America. — N. Y., 1970.

Подводя итоги критики рассматриваемой концепции, Гамильтон пишет, что «теория плюрализма обнаруживает свою полную неадекватность». В описании того, как работает политический механизм индустриально развитых стран, она оказывается лишь «частично годной». «В лучшем случае,— отмечает он,— можно говорить лишь об ограниченном плюрализме или плюрализме для высшего и высшего среднего классов»<sup>1</sup>. Вот это замечание представляется нам весьма примечательным: «плюралистическая демократия» оказывается демократией весьма ограниченной, демократией, которая ориентирована на верхние страты социальной пирамиды.

К. Прюит и А. Стоун ищут спасение демократии в организациях, ассоциациях, группах, которые квалифицируются ими как посредники между элитой и массами. Тиранические элиты и атомизированные массы вряд ли возможны в условиях активной жизни групп<sup>2</sup>, в условиях развитого гражданского общества, пишут они, повторяя концепцию Д. Рисмена, У. Корнхаузера и других плюралистов (хотя сам плюрализм описывается ими в терминах элитного плюрализма, а организации рассматриваются как связь между элитами и неэлитами).

Наконец, многие политологи пишут о несостоятельности претензий теории политического плюрализма на «деидеологизированность», считая, что данная концепция — это идеология защиты капиталистического статус-кво; ее идеал — замена классовой борьбы компромиссом различных социальных групп и реформистской деятельностью властей. Гамильтон замечает, что хотя плюралистическая теория «претендует на то, что представляет собой деидеологизированный реализм, она сама обнаруживает себя исключительно полезной и удобной идеоло-

---

<sup>1</sup> Hamilton R. Op. cit., p. 45.

<sup>2</sup> Prewitt K. Stone A. Op. cit., p. 74.

гией»<sup>1</sup>. Удобной, разумеется, для существующей политической системы. Ее сторонники представляют плюрализм как систему, регламентирующую конкуренцию заинтересованных групп в рамках буржуазно-демократических институтов и процедур. Все эти участвующие в конкуренции группы принимают общие «правила игры». И лозунг сторонников этого направления — «плюрализм в рамках консенсуса», согласия о сохранении фундаментальных основ системы, таких «правил игры», чтобы демократизм не выливался в «гипердемократию», чтобы он обеспечивал эффективное функционирование существующей политической системы.

Американские политологи Л. Филд и Дж. Хайли пишут, что в течение примерно полувека — с 1925 по 1975 годы — элитарная парадигма мало разрабатывалась, сменившись парадигмой «государства благоденствия», плюрализмом, недооценивавшим роль элит. Зато в последней четверти XX века она сменяется элитистской парадигмой, которая становится популярной<sup>2</sup>.

Все более явное несоответствие плюралистической модели реальному социально-политическому процессу в ведущих капиталистических странах предопределяет и ослабление ее идеологических функций. Похоже на то, что плюралистическая теория перестает быть тем «фигурным листком» для прикрытия элитарной сущности западной политической системы, каким ей надлежит быть по замыслу ее сторонников. Не случайно в западной социологической и политологической литературе последних лет отмечается, что «поток плюралистической ортодоксии становится объектом все ширящейся критики»<sup>3</sup>, что начинается нечто вроде «антиплюралистической революции».

<sup>1</sup> Hamilton R. Op. cit., p. 74.

<sup>2</sup> Field L. and Higley J. Elitism. L., 1980, p. 4—18.

<sup>3</sup> Femia J. Elites. Participation and the Democratic Creed.—Political Studies, 1979, N. Y., p. 1.

Альтернативными по отношению к плюралистическим концепциям выступают, как мы уже видели, теории классов и классовой борьбы и особенно теории элиты. Не случайно критиков плюралистических концепций Т. Дая, Х. Цайглера и других близких к ним по своим взглядам социологов называют «неоэлитистами». По словам Дая и Цайглера, они «бросили вызов» плюралистам, «поставив под сомнение эмпирическую обоснованность их теории, а тем самым подрывая их претензии на нормативные предписания»<sup>1</sup>. Не отрицая того, что в американских правящих кругах существуют различные группы со специфическими интересами, они резонно замечают, что различия между этими группами и группировками касаются, в сущности, частных вопросов, тогда как в основных, существенно важных для поддержания существующей социально-политической системы, интересы элитных групп едины; между ними существует фундаментальное согласие. От себя добавим, что это — согласие, базирующееся на общности интересов, проистекающих из того, что они — члены правящего класса.

Книга Дая и Цайглера «Ирония демократии», о которой речь шла выше, сопровождается характерным подзаголовком: «Необычное введение в американскую политику». «Необычность» эта заключается в том, что книга «не основана на плюралистической идеологии», что само по себе для американской политической науки большая редкость. Нужно отметить, что в критике плюрализма авторы занимают достаточно сильные позиции. Но их позитивная программа достаточно скудна: это не что иное, как консервативно-романтическая мечта о «хорошей», «мудрой», «дальновидной», «высокогуманной» элите. Ответственность за неэффектив-

---

<sup>1</sup> Dye T., Zeigler H. The Irony of Democracy: An Uncommon Introduction to American Politics, Duxbury Press, 1992, p. VII.

ность политики авторы возлагают на недалёковидных политиканов, лидеров, лишенных ответственности перед народом, которые прикрывают теорией политического плюрализма свои эгоистические интересы.

К тому же авторы полемизируют друг с другом. Так, Дай считает, что путем реформ в США можно установить подлинно демократическую систему, при которой каждый участвовал бы в принятии политических решений. Цайглер же, в противоположность Даю, возлагает надежды на систему «просвещенного лидерства, способного сохранить личные свободы и собственность», отмечая при этом, что «хорошо организованное общество, управляемое образованной элитой, предпочтительнее нестабильности массового общества»<sup>1</sup>.

Дай справедливо пишет, что плюрализм в американской политологии — апологетическая теория, «пытающаяся доказать демократический характер американского общества... Она развивалась как идеология примирения идеалов демократии с реальностями индустриального технократического общества». Плюрализм рисует «открытую систему лидерства», которая позволяет выходцам из низших классов подняться в верхние слои общества. Дай показывает, что эти утверждения полностью противоречат действительности, что «огромная власть в Америке сосредоточена в руках горстки людей». Последние представляют собой, по существу, закрытую элиту, причем несменяемую, ибо ее положение не зависит от таких эфемерных явлений, как выборы и смена администрации страны. Подлинная элита США — это Рокфеллеры и Меллоны, а не тот или иной формально избранный лидер. В составе этой элиты ведущую роль играют собственники и высшие менеджеры гигантских промышленных корпораций и банков, в нее входят владельцы средств массовой информации,

---

<sup>1</sup> Ibid., p. VII—IX.

правительственная верхушка (причем ее члены, как правило, сделали карьеру в промышленных и финансовых корпорациях). Однако элитарист Дай не столько осуждает такое положение, бросающее вызов демократической риторике американских политиков, сколько оправдывает его. Установки Дая весьма консервативны. Ссылаясь на то, что «Соединенные Штаты не уникальны в концентрации власти в руках немногих» (такое положение существует и в других странах и может считаться нормой), он выводит необходимость элиты из «общей нужды в поддержании общественного порядка»<sup>1</sup>.

С иных, леворадикальных позиций критикуют теорию политического плюрализма Ф. Ландберг и У. Домхофф. Если бы теория политического плюрализма была состоятельной, отмечает Ландберг, если бы важнейшие политические и экономические решения в США были результатом компромиссов между примерно равными по силе конкурирующими группами и каждая группа принимала бы участие в выработке таких решений, тогда наблюдалось бы гораздо большее равенство между различными группами в распределении денег, влияния, престижа. «Если решения, касающиеся распределения основных экономических средств, принимаются сообща, чем же тогда объяснить, что это распределение столь неравномерно? — задает вопрос Ландберг. С позиций плюрализма такое положение необъяснимо. Зато оно вполне объяснимо, если признать, что эти важнейшие для страны решения принимает элита США — магнаты финансового капитала и их ставленники на правительственных постах. Причем «почти все попытки представителей других... элит приобщиться к социально-политическим решениям финансово-политической элиты оказываются тщетными... Вся финансово-политическая элита и ее окружение — это сложное

---

<sup>1</sup> Dye T. *Op. cit.*, p. 3—10, 143, 148.



переплетение родственных отношений, наподобие тех, которые связывают старейшие аристократические семьи Европы»<sup>1</sup>.

Ответить на поставленный Ландбергом вопрос пытается и У. Домхофф, который показывает, как собственники и менеджеры гигантских банков и промышленных корпораций осуществляют на практике свое господство в США. Он отмечает, что фальшивые, насквозь апологетические теории политического плюрализма всячески маскируют политический процесс, посредством которого «правлящий класс осуществляет свое господство над правительством». Не в последнюю очередь из-за подобных концепций, которые широко пропагандируются в США всеми средствами массовых коммуникаций, многие американцы даже «не имеют понятия о существовании этого высшего класса».

Итак, действительную власть в капиталистических странах, и, в частности, в США, играет правящий класс — капиталисты, в структуре этого класса доминирующую роль играет монополистическая буржуазия. Но механизм осуществления этой власти достаточно сложен и хорошо закамуфлирован. Определенную роль в этом камуфлировании играют и плюралистические теории. «Плюралисты полагают,— пишет Домхофф,— что различные группы, включая профсоюзы, организации фермеров, потребителей, защитников окружающей среды, имеют возможность влиять на политические решения... и что нет такого явления, как правящий класс Америки»<sup>2</sup>. Подобные утверждения чаще всего представляют собой сознательное искажение действительного положения вещей. В одной из своих книг Домхофф исследует сплоченность правящего класса США, проявляющуюся, в частности, в создании им аристократи-

<sup>1</sup> Ландберг Ф. Богачи и сверхбогачи.— М., 1971.— С. 395, 397.

<sup>2</sup> Domhoff W. The Power To Be. Process of Ruling Class Domination in America. P. XI. XII, 3, 7—8.

ческих частных клубов, куда допускаются лишь «избранные». Важнейшие для страны решения по политическим, экономическим и иным вопросам сначала зреют и обсуждаются в кулуарах подобных элитных клубов и лишь затем проводятся через соответствующие буржуазно-демократические институты, становятся достоянием общественности. Таким образом, массы видят только внешнее действие политики, в процессе которого лишь «озвучиваются» решения, принятые действительной элитой в кулуарах. Именно в интересах правящего класса и осуществляется внутренняя и внешняя политика США, независимо от смены администраций. Политика, которую проводят «команды» Никсона, Форда, Картера, Рейгана, Буша, Клинтона, в действительности определяется этим классом. Таким образом, грубо попираются права американского народа, который фактически отстранен от формирования политики, отчужден от нее.

«Члены этого привилегированного класса,— пишет Домхофф,— как свидетельствуют исследования социологов и журналистов, живут в хорошо охраняемых апартаментах, их соседями являются такие же избранные, они посылают своих детей в частные школы, выводят своих дочерей в свет, посещают клубы для избранных..., их называют «патрициями», «брахманами», «аристократами», «бурбонами» в зависимости от того, как давно они разбогатели». Вот эти-то «избранные», имеющие совершенно отличный от масс доход и ведущие иной образ жизни, и определяют внутреннюю и внешнюю политику США, прежде всего, через организации господствующего класса, которые, с одной стороны, маскируют их власть, а с другой — делают ее более прочной, (ибо, как отмечают исследователи, власть элиты тем прочнее, чем менее она заметна).

### 3. К ДИСКУССИИ О СТРУКТУРЕ ВЛАСТИ В США

Властвующая элита или элитный плюрализм — это центральная проблема в полемике о структуре власти в Соединенных Штатах, которая продолжается больше четырех десятилетий. «Каков характер этой власти?» — задают вопрос политологи Б. и П. Бергеры, исследовавшие эту дискуссию. Справедлива ли теория властвующей элиты или же многофакторная теория?<sup>1</sup>

В 50-х — 60-х годах в фокусе внимания находилась полемика между Р. Миллсом и Д. Рисменом по этой проблеме, которую подытожил видный американский политолог У. Корнхаузер<sup>2</sup>. Миллс утверждает, что реальную власть в США осуществляет узкий верхушечный слой, в то время как народ фактически бесправен, не он решает основные политические вопросы. По Рисмену, вопрос, кто властвует в США, носит спорный характер: «ситуация гораздо более неопределенна», чем кажется на первый взгляд. Сущность американской политической системы, подчас искажаемую в реальности, Рисмен видит в распределении власти между различными автономными группами, обладающими правом вето в сфере своих интересов. Он считает «упрощенным» мнение радикалов о том, что Америкой управляет Уолл-стрит. Утверждение, что в США правит или должно править меньшинство, он отвергает как «марксистский экстремизм (в первом случае) или элитарный аристократический подход (во втором), допуская, однако, что последний был справедлив в прошлом. Несоответствие американской действительности своей схеме он склонен объяснять всякого рода досадными упущениями, расстройством соответствующих механизмов контроля и т. д.

---

<sup>1</sup> Berger P., Berger B. *Sociology. A Biographical Approach*. N. Y., 1976. p. 295. Gilbert D. and Kahl J. *The American Class Structure. A New Synthesis*. Belmont. — 1995, p. 190—204.

<sup>2</sup> См.: *Culture and National Character*. Ed. by S. Lipset and L. Lowenthal. Glencoe, 1961, p. 252—262.

Миллс рисует пирамиду власти в США, включающую три уровня: высший — реальная власть, которая осуществляется властвующей элитой; средний — который отражает групповые интересы, играет второстепенную роль, наиболее заметную в кулуарах Конгресса; наконец, низший — уровень «фактического бесправия» масс. Пирамида власти, рисуемая Рисменом, состоит из двух уровней, соответствующих второму и третьему уровням модели Миллса. Верхний уровень пирамиды Рисмена — «вето-группы», занятые прежде всего защитой своих интересов; низший — «нсорганизованная публика». «Вето-группы стараются не столько командовать «публикой», сколько привлечь ее в качестве союзника в своих маневрах против угрозы ущемления своей юрисдикции. Поэтому Рисмен утверждает, что существует плюрализм структур власти, что политическая власть в США представляется ситуационной и подвижной.

Миллс приводит огромный материал, свидетельствующий о том, что реальная власть в США концентрируется в руках элиты, отстраняющей от управления страной народные массы. Рисмен отрицает наличие правящей элиты, настаивает на аморфности структуры власти, отражающей разнообразие интересов главных организованных групп (политических партий, профсоюзов, организаций бизнеса, фермерских союзов и т. д.). Он субъективистски подходит к пониманию власти, считая, что главное — не столько материальные возможности и границы власти, сколько психическое состояние — насколько человек чувствует себя сильным или, наоборот, зависимым. «Если бизнесмены чувствуют себя слабыми и зависимыми, они действительно становятся слабее и зависимее безотносительно к ресурсам, которыми они располагают»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Riesman D. The Lonely Crowd. N. Y., 1953, p. 253.

Модель Р. Миллса		Модель Д. Рисмена
Уровни власти	А — властвующая элита	Отрицает властвующую элиту
	В — множество групп с различными интересами	В — совпадает с Миллсом
	С — массы, неорганизованная публика, практически безвластна	С — массы, неорганизованный народ, имеющий некоторую власть над «группами интересов»
Тенденции к изменениям	Растущая концентрация власти	Растущая дисперсия власти
Процесс управления	Одна группа определяет важнейшие политические вопросы	Кто определяет политику, зависит от конкретного вопроса
		Конкуренция между организованными группами
Последствия	Усиление корпораций, военщины, исполнительной власти	Ни одна группа не возвышается намного над другой
	Уменьшение значения общественного мнения	Утрата интереса к политике
	Безответственность элиты, кризис демократии	Кризис лидерства

Чья же модель адекватно отражает американскую действительность? Думается, однозначный ответ будет односторонним. Обе концепции имеют корни в особенностях политической системы современных индустриально развитых стран. Дело в том, что все большая концентрация власти в руках финансовых и промышленных магнатов сопровождается контртенденциями, тщательной маскировкой этого процесса, сопротивлением демократических механизмов политической системы США. Миллс выявляет существенную тенденцию в развитии современного капитализма — концентрацию власти в руках финансового капитала и зависимых от нее элитных групп (политической, военной элиты). При этом он, однако, зачастую отвлекается от внешней формы этого процесса, от важных для социологического анализа проявлений сущности. В то время как Миллс приближается к пониманию реальной структуры власти в США, показывая, что господство элиты базируется на единстве и переплетении интересов корпораций, политических и военных институтов, Рисмен уходит от анализа классовой сущности власти, настаивая на ее «дисперсии». Если сущность политической структуры США элитарна, то ее форма, ее оболочка демократична. Механизм этого сокрытия сущности может быть предметом социологического и социально-психологического исследования. Рисмен и обращает главное внимание на зависимости, которые обеспечивают маскировку господства монополитической элиты, на внешне демократический и обезличенный механизм осуществления элитой власти, на «превращенную форму» определенного общественного отношения.

При социологическом анализе необходимо учитывать оба этих аспекта. Важно показать, что современное американское общество элитарно (как и его политсистема) по своей сущности (это удалось Миллсу), но необходимо раскрыть и социально-политический и соци-

ально-психологический механизм господства элиты (оказавшийся в фокусе внимания Рисмена и абсолютизированный им). Можно отметить, что Миллс порой слишком прямолинеен и недооценивает сложных окольных путей, используя которые элита реализует свою власть. Процесс, сущность которого вскрывает Миллс, на поверхности выступает так, как его описал Рисмен. Оба рассматривают один и тот же процесс, но первый — изнутри, второй — снаружи, первый раскрывает его сущность, второй — его внешние проявления.

В 70-е — 90-е годы этот незаконченный спор перерастает в полемику неозелитаристов и теоретиков элитного плюрализма<sup>1</sup>. Неозелитисты рисуют следующую модель структуры политической власти в США (равно как и в других индустриально развитых странах):

1. Власть вытекает из распределения ролей и позиций внутри социально-экономической системы. Люди получают власть, занимая ключевые позиции в экономических, финансовых, военных и правительственных институтах. Власть находится в руках меньшинства; небольшое число людей распределяет материальные ценности в обществе: массы не определяют государственную политику.

2. Власть «структурна», то есть отношения власти продолжают существовать во времени независимо от частных изменений в периоды выборов: одни и те же элитные группы продолжают осуществлять власть в обществе независимо от исхода выборов. Для того, чтобы сохранить стабильность социально-политической системы, переход в элиту должен быть медленным, длительным, причём только тот, кто принимает основные согласованные правила элиты, допускается в правящие круги.

3. Существует явное различие между элитой и массами. Те немногие, которые управляют, не являются

---

<sup>1</sup> См.: Dye T., Zeigler H. Op. cit., p. 11—12.

типичными представителями масс, элиты формируются преимущественно из представителей высшего социально-экономического слоя общества. Представители масс могут войти в элиту, только заняв высокий пост в институциональных структурах, причем принимая санкционированные элитой «правила игры».

4. Различия между элитой и массами основано прежде всего на контроле первой за экономическими ресурсами общества; индустриальные и финансовые лидеры образуют главную часть элиты.

5. Государственная политика выражает интересы не масс, а элиты. Существует конвергенция на уровне верхушки политической системы; небольшая группа оказывает преобладающее влияние в большинстве секторов американской социальной жизни — индустрии, финансах, военных делах, внутренней и внешней политики.

6. Между членами элиты могут существовать разногласия, но их объединяет консенсус относительно сохранения политсистемы такой, какова она есть, и они действуют согласованно, особенно когда система оказывается под угрозой. Иначе говоря, элиты едины в подходе к основным ценностям социальной системы, расходясь лишь в частных вопросах.

7. Элита почти не подвержена влиянию масс или подвержена ему в малой степени (через выборы или какие-то иные формы политической активности масс), она может рассчитывать на равнодушие большей части населения.

Сравним эту модель структуры власти в США с той моделью, которую конструируют сторонники теорий плюрализма:

- Власть — атрибут отношений между индивидуумами, возникающих в процессе выработки решений. Независимо от своей социальной и экономической позиции каждый индивид имеет власть в дос-



таточной мере, чтобы побудить другого сделать то, что иначе тот бы не сделал.

- Отношения власти не обязательно сохраняются во времени. Сеть отношений власти, формируемая для выработки конкретного решения, может быть заменена другой сетью, когда вырабатывается иное решение.
- Различия между элитой и массами не четко фиксированы, они могут размываться. Индивиды относительно легко входят в ряды людей, принимающих решения (в зависимости от характера этого решения, от того, касается ли это решение непосредственно этих людей).
- Различия между элитой и массами основываются главным образом на заинтересованности в принятии того или иного решения. Лидерство флюидно и мобильно. Доступ к принятию решений может быть открыт через овладение искусством лидерства, информацию о проблеме, знание демократических процедур. Богатство и экономическая власть открывают доступ к политической власти, но это — лишь один из путей к ней.
- Существует множественность элит. Решения достигаются в процессе взаимодействия элит — заключением сделок, посредничеством, компромиссами. Люди, реализующие власть через принятие некоторых решений, отнюдь не обязательно имеют влияние при принятии иных решений. Нет элиты, доминирующей во всех областях социальной и политической жизни.
- Существует конкуренция между элитами. Институты и организации разделяют власть: предполагается, что они соперничают между собой. Хотя элиты обычно разделяют общее согласие относительно «правил игры», они преследуют различные поли-

тические цели. Политика — искусство компромисса между конкурирующими группами.

- Массы могут оказывать значительное влияние на элиты, прежде всего, через выборы, через «группы давления». Конкуренция между элитами ведет к их подотчетности массам, хотя какие-то важные решения, затрагивающие жизнь людей, порой принимаются частными элитами, которые могут быть и не подотчетны прямо массам.

Нужно сказать, что некоторые критики плюрализма утверждают, что он является скрытой формой элитаризма, что плюралисты ближе к элитаристской, чем к демократической позиции. При этом они ссылаются обычно именно на элитный плюрализм, который и рассматривают как вариант элитаризма. Однако если сомнение в демократическом характере элитного плюрализма представляется нам не лишенным определенных оснований, то суждение о том, что элитный плюрализм ближе к элитаризму, чем к плюрализму, нам кажется ошибочным. Вторая из анализируемых нами моделей современных политических систем убедительно свидетельствует об этом, показывая, что элитный плюрализм — всего лишь вариант плюрализма.

Сравним обе модели структуры власти — элитистскую и плюралистическую. На наш взгляд, первая из них в гораздо большей степени отражает реальности современных капиталистических стран и, в частности, США. Однако остается нерешенным ряд вопросов, в частности, являются ли эти две модели альтернативными, как на этом настаивают многие элитаристы, и еще более многочисленные сторонники плюрализма.

Отвечая на этот вопрос, отметим, что нельзя преувеличивать различия двух указанных моделей, как это делают и неэлитисты и многие сторонники плюралистической концепции. У них достаточно много точек соприкосновения, взаимных переходов, полутонов. В ряде

существенных аспектов обе эти концепции не альтернативны, а комплементарны. Если мы проанализируем методологические принципы обеих концепций, мы сможем обнаружить их общность в ряде фундаментальных подходов, например, в игнорировании классовой сущности политических систем, в изображении государства бесклассовым органом порядка, в утверждении, что народ неспособен управлять обществом, что для этого необходимо политически активное меньшинство, элита или элиты.

#### **4. КАНУН XXI ВЕКА. ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ**

В 90-е гг., особенно в конце десятилетия и в 2000 г. полемика по вопросу о структуре власти и элит США активно продолжается. В ней можно проследить определенные тенденции, которые в своей совокупности составляют ее третий этап.

Постмодернистская эпоха, как правило, требует перехода от крайних точек зрения к попыткам синтеза, попыткам рассмотрения их не как альтернативных, но по возможности комплементарных, понимания того, что игнорировать мнение оппонента, считать историей только свою точку зрения — значит занять тоталитарную позицию навязывания своей идеологии, подавления взглядов других. Но может быть в ином взгляде, ином подходе есть зерно истины, которое не следует отбрасывать, а, наоборот, учесть при анализе проблемы. И действительно, в последние годы идут поиски компромиссов, хотя и не всегда последовательных (когда за компромисс выдается всего лишь некоторая модификация старой позиции). Так, в 1991 году вышло новое, дополненное издание книги одного из видных элитологов США Сьюзен Келлер «За пределами правящего класса. Стратегические элиты в современном обществе»

(Keller S. *Beyond the Ruling Class. Strategic Elites in Modern Society*, Wan Brunswick, 1991). В ней, с одной стороны, можно видеть попытку перебросить мостик между плюрализмом и элитизмом — через ввод понятия «стратегические элиты» — понятия нужного, выполняющего определенные объяснительные функции. Но все же если это и мост, то мост не поперек реки (соединяющий плюрализм и элитизм), а скорее вдоль нее — уточняющий позиции плюралистов. Равным образом это — псевдомост между понятиями класса и элиты. Можно придраться к самому названию книги Келлер «*Beyond the Ruling Class*». Стратегические элиты, выделяемые Келлер, это не элиты вне или выше правящего класса, они составляют костяк функций, которые выполняют стратегические элиты в интересах правящего класса. Так что книга, на наш взгляд, должна была бы называться «*Within the Ruling Class*». Весь пафос книги ... в модернизации концепции элитного плюрализма.

Идут поиски компромиссов и в плане сочетания принципов элитизма и демократии, стала влиятельной концепция демократического элитизма.

В 90-х гг. почти не осталось чистых плюралистов, которые бы напрочь отрицали наличие элит в политической системе США, продолжали бы вслед за Д. Труменом и Д. Рисменом утверждать, что политические решения, принимаемые властями США, — результат компромиссов между группами интересов. Американский социолог Т. Лоуи убедительно показал, что в этих группах интересов формируются свои элиты, которые наиболее активно лоббируют эти интересы. Одним словом, имеет место уточнение концепции плюрализма, а не синтез его с элитизмом.

Среди сторонников анализа социальной структуры США сквозь призму дихотомии элита — масса происходят еще более существенные изменения. В свое время Милдс и Хантер использовали эту дихотомию для по-

каза недемократичности (или во всяком случае недостаточной демократичности) политической системы США, которую они считали элитарной. Кстати, многие американские социологи, исследующие полемику плюрализма и элитизма, ошибочно называют Миллса и Хантера элитистами. Миллса и Хантера правильнее называть антиэлитистами. Напротив, Дая и Цайглера можно с полным основанием называть элитаристами. Ведь для них наличие элиты — норматив для любого общества, и Америка в этом отношении не является исключением, для них это пример наиболее эффективной, квалифицированной элиты. Как и Миллс, Дай утверждает, что Соединенные Штаты управляются узкой элитной группой; как и Миллс, Дай — сторонник функционального или позиционного подхода к определению элиты. Наконец, Дай, как и Миллс, критикует плюрализм как ошибочную в целом позицию, во всяком случае, применительно к США, не подтвержденную эмпирически.

Но на этом сходство Дая с позицией Миллса заканчивается, и обнаруживаются фундаментальные различия. Если Миллс использовал дихотомию элита-масса в аналитических целях, выступая с позиций обличения американской политики как весьма далеской от идеалов демократии, то Дай исходит из того, что наличие элиты — одно из основных условий организации общества, что нет и не может быть общества без элиты (это бы означало анархию и дезорганизацию), и поэтому вопрос может стоять не о наличии или отсутствии элиты, а о том, каково качество элиты, является ли она квалифицированной или нет. Наконец, если Миллс выступал с леворадикальных позиций (он был главой новых левых в США, одним из лидеров новых левых в мире в 50-х—60-х годах), то Дай занимает консервативные позиции, считает, что элита должна управлять обществом

(только высококвалифицированная и тщательно подготовленная, получившая элитное образование).

Наконец, как мы видели, существует и третья позиция по вопросу о характере американской политической системы — утверждение, что в США существует правящий класс, основу которого составляют финансовая олигархия, владельцы и менеджеры крупнейших корпораций, и которые политически управляют этой страной. Большинство членов этого класса — наследственные богачи, большинство в детстве посещало элитные, так называемые именные школы, затем — элитные университеты, в основном университеты Лиги плюща (Ivy League). Они осознавали себя как правящий класс. Сначала социализация происходила в семьях американских богачей, затем в тех самых элитных школах, где им внушалось, что они — особенные, готовящиеся занять высшие, наиболее престижные позиции в стране, затем на очереди были элитные университеты (при этом главное — членство в закрытых клубах этих университетов). Так закладывались неформальные связи, которые порой продолжались всю жизнь, члены этих клубов обычно всегда поддерживали «своих» и надеялись на солидарность соучеников. Это были «свои», «инсайдеры», сохраняющие дистанцию от аутсайдеров. Эти «избранные» охраняются от «простолюдинов» заборами своих имений. В этом кругу браки очень часто заключаются между членами того же класса, их можно назвать «династическими». Члены класса поддерживают связи между собой через закрытые аристократические клубы, где за ужином, за бриджем, за гольфом они встречаются, где обсуждаются (и часто предварительно решаются) важнейшие экономические и политические проблемы, вырабатывается общая стратегия — экономическая, внешнеполитическая и др. (с использованием фондов, созданных представителями этого класса куда входят ведущие экономисты, политологи, юрис-

ты). А затем соответствующая программа передается законодательным и исполнительным органам страны, где заседают доверенные люди этого класса и которые «озвучиваются» для широких масс через решения Конгресса, Президента, пропагандируются средствами массовой информации, подавляющая часть которых принадлежит этому классу.

Кто пропагандирует подобные взгляды? В 50-х—70-х годах это были прежде всего марксисты и неомарксисты Г. Алтекер, Ф. Ландберг, Б. Данэм. Несколько позже близкую точку зрения высказал профессор Калифорнийского университета М. Цейтлин. Но наиболее плодотивым и известным автором, опубликовавшим на эту тему целый ряд монографий, является, безусловно, У. Домхофф, на труды которого мы еще будем ссылаться.

А теперь попытаемся сравнить модели структуры политической власти и элит США, предлагаемые рассмотренными нами тремя направлениями (см. таблицу).

Кто же прав из основных дискутантов? Думается, что определенные основания имеет каждая из перечисленных концепций.

Плюралистическая концепция привлекает своим генетическим родством с классическими демократическими теориями, с концепцией разделения властей, привлекает своим стремлением конкретизировать эти теории, раскрыть механизм реализации демократических принципов в современном обществе. Традиционная теория демократии, подчеркивая право каждого гражданина участвовать в политическом процессе, лишь декларировала это право, не раскрывала конкретные механизмы этого участия.

## **5. ТИПОЛОГИЯ КОНЦЕПЦИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ (КОНЕЦ XX ВЕКА)**

Плюрализм стремится сделать теорию демократии более реалистической, он, собственно, и видит свою задачу в том, чтобы выявить конкретные механизмы участия граждан в политическом процессе. Его сторонники считают, что это свое право граждане могут реализовать, вступая в какую-либо существующую группу давления (*pressure group*) или создавая новые подобные группы, тем самым получая доступ к влиянию на политику. Отсутствие монополии какой-либо элитной группы на власть, существование противоборствующих центров власти, конкурирующих друг с другом, контролирующих друг друга (полиархическая модель), создает для этого условия и возможности. В американском обществе существует сеть элитных групп с различными программами, которые порой кооперируются друг с другом, порой борются между собой. Власть в обществе представляется диффузной, специализированной. Каждая элита властна в своей сфере, но не во всех сферах жизни. При этом различные элитные группы влияют друг на друга. Эта полиархическая модель привлекательна именно как нормативная модель, она весьма демократична. Однако у нее есть весьма уязвимое место. Главная ее слабость — в том, что плюралистическая модель рассматривается как реализованная в политической системе США.

Вот эту-то слабость и заметили критики плюрализма. Они не отрицают плюрализм как теоретическую концепцию, но они показывают несоответствие политической практики США идеальной модели политического плюрализма. Именно в этом несоответствии и обнаруживаются основания для острой критики плюралистов. На огромном эмпирическом материале они показывают, что реально важнейшие политические реше-



	Элитный плюрализм	Неоэлитизм	Концепция господствующего класса
	Р. Даль	Т. Дай	У. Домхофф
Существует ли единый центр власти	Нет	Да (правящая элита)	Да (господствующий класс)
Уровень сплоченности высшей страты	Невысокий. Элиты специализированы, каждая контролирует главным образом свою область. Конкуренция элит	Высокий. Различия касаются частных вопросов. Когда дело касается фундаментальных интересов системы, конкуренция отходит на задний план. Элита — сплоченная группа, хотя и не закрытая	Высокий. В господствующем классе доминируют богачи из мира крупных корпораций и банков
Политическая ориентация	Преимущественно либеральная	Преимущественно консервативная	Леворадикальная, неомарксистская
Полезна ли обществу сильная, сплоченная элита?	Нет, это опасно для демократии, несет угрозу тирании	Да, при условии, что это квалифицированная, эффективная элита	Нет, это оставляет массы беззащитными, повышает уровень их эксплуатации
Кто является субъектом политики?	Группы интересов	Правящая элита	Господствующий класс

ния (как и экономические, как, собственно, и все социальные решения, от которых напрямую зависит жизнь миллионов и десятков миллионов людей), принимает небольшая элитная группа (несколько тысяч человек). Причем образ жизни этих людей качественно отличается от образа жизни подавляющего большинства американцев: они отличаются по богатству, по статусу, по степени влияния на исторический процесс.

Рассуждая на уровне политической философии, т. е. делая акцент на нормативность, мы хотели бы отдать предпочтение плюрализму. Но когда плюралисты объявляют, что идеал плюралистической демократии реализован в современных Соединенных Штатах, это не может не вызвать возражений. В описании американской политической реальности, в описании структуры власти в США предпочтение приходится отдать неоэлитистам, которые убедительно показывают, что реальная власть осуществляется узкой элитной группой, состоящей из нескольких тысяч человек, занимающих руководящие позиции в важнейших социально-политических институтах США.

Но неоэлитисты, на наш взгляд, совершают ошибку, абсолютизируя эту ситуацию, считая ее нормативом, принижая роль неэлитных страт в обществе, прежде всего народных масс в социально-политическом процессе, имеют тенденцию негативно оценивать эту роль, возлагая все свои надежды на квалифицированную элиту и видя образец этой элиты в современной элите США. Позиция неоэлитистов страдает существенными пороками: утверждение, что именно элита является решающим субъектом политики, означает непонимание того, что в нормативном плане этот тезис противоречит принципам демократии, а вся концепция в целом игнорирует роль народных масс в историческом процессе, является неисторичной, ибо утверждает

вечность и неизменность существования элиты как привилегированной социальной группы.

Наконец, серьезные аргументы выдвигают и сторонники концепции существования в США правящего или господствующего класса. Социальное неравенство объясняется не естественным неравенством человеческих способностей, а тем, что собственники основных средств производства, социального и символического капитала общества, составляют господствующий класс общества. Этот класс занимает привилегированное положение в обществе, контролирует экономику политику США, средства массовой информации, и защита своих привилегий — приоритетная ценность этого класса.

Очевидно, что перед нами — один из вариантов марксистской и неомарксистской интерпретации политического процесса. Указанная концепция также весьма уязвима для критики. Прежде всего, не может не вызывать сомнения то, что важнейшие решения по политическим, экономическим, социальным проблемам принимает тот самый господствующий класс, который и является главным объектом критики (а затем эти решения навязываются этим классом массам). Нам представляется, что необходимо развести понятия: «высший класс» и «правлящий класс». Система элит не совпадает с классовой структурой. Думается, что те или иные решения не может принимать класс *in extenso* (в полном объеме, в своей целостности), это — функция политической элиты. Класс не есть нечто недифференцированное целое, нерасчлененное внутри себя, не есть некоторая абстрактная целостность. Интерес правящего класса осознается и выражается прежде всего наиболее активной его частью, авангардом, который опирается на определенную организацию — государственный аппарат, политическую партию и т. д.

В структуре класса можно выделить определенные элементы (двигаясь от целого к части с учетом уровня

активности и степени воздействия ее на целое): класс — политически активная часть класса, его авангард — организация класса — лидеры. К политической элите и можно отнести наиболее авторитетных, влиятельных и политически активных функционеров этого класса, интеллектуалов, вырабатывающих политическую идеологию класса, лидеров организаций этого класса, то есть людей, которые непосредственно принимают политические решения, выражающие совокупную волю класса. Под элитой обычно понимают те специфические группы, которые представляют исполнительную властно-политическую часть правящего класса.

Как мы видим, понятие «элита» не совпадает по объему с понятием «правлящий класс»: первое оказывается функционально как бы управленческим «исполнительным комитетом» второго. Отметим, что эти понятия не совпадают полностью и по содержанию. Политическая элита не состоит только из представителей высшего класса. В современных демократических политических системах последние даже не составляют в ней большинство. Наряду с представителями высшего класса в политическую элиту страны, в частности США, входят представители высшего среднего, среднего классов, а также низших страт общества.

Таким образом, отношения между элитой и правящим классом достаточно сложны и неоднозначны. Осуществляя управленческие функции, политическая элита не только играет особую роль в жизни общества, но и обретает относительную самостоятельность по отношению к своему классу. Выдвигаемая им элита обретает определенную автономию по отношению к этому классу и обычно воспринимается обществом не как проводник узкоклассового, но «всеобщего» интереса.

И вырабатываемая квалифицированной элитой политическая стратегия — это не только выражение интересов высшего класса. Подобная примитивно-эгоисти-

ческая политика неминуемо приводила бы к социальным взрывам и гибели системы в целом и прежде всего ее высшего класса. Оптимальная политика, вырабатываемая политической элитой, — это обычно компромисс (в идеале — консенсус) в отношениях между различными классами и слоями общества, что в долгосрочной перспективе более всего отвечает интересам самого высшего класса, потому что пролонгирует существование и развитие существующей социально-политической системы, ставящей высший класс в привилегированное положение. В рассматриваемой нами концепции — явные следы влияния марксизма, для которого характерно гипертрофирование проблемы классов и классовой борьбы.

Вряд ли можно согласиться с марксистским тезисом о том, что право — это возведенная в закон воля господствующего класса (К. Маркс). Если бы это было действительно так, это приводило бы к перманентным социальным взрывам, которые невыгодны в первую очередь высшему классу. Думается, что право, как и политика, — это обычно компромисс, учитывающий (пусть в разной степени) интересы всех основных классов и социальных групп общества и тем самым пролонгирующий существование данной социально-политической системы, пролонгирующей *status quo*.

Итак, труды политологов, анализирующих роль правящего класса в политическом процессе США и утверждающих наличие этого класса, содержат ряд правильных положений. Но это — не вся правда, и не только правда. Собственно, в каждой из рассмотренных нами моделей американской политической системы мы обнаружили и сильные, и слабые стороны.

И завершая анализ основных моделей структуры политической власти и структуры политических элит, мы хотели бы предостеречь от окончательных суждений, могущих звучать как приговор. Решение вопроса о том,

кто прав из дискутирующих сторон, не может быть решен абстрактным теоретизированием. Правильность любого решения может быть подтверждена эмпирическими социологическими исследованиями. И при решении исследуемой проблемы мы будем опираться, как на определенный ориентир, на понимания отличий между подходом политической философии, делающей ударение на нормативности, от подходов политической социологии, в фокусе внимания которой — описание наличного социального процесса.

## ЛИТЕРАТУРА:

*Ашин Г. К., Понедельков А. В., Игнатов В. Г., Старостин А. М.* Основы политической элитологии.— М., 1999.

*Ашин Г. К.* Элитология. Политическая элита.— М., 1996.

*Ашин Г. К.* Доктрина «массового общества».— М., 1971.

*Гаман О. В.* Политические элиты России.— М., 1998.

*Дэй Т., Зиглер Х.* Демократия для элиты. Введение в американскую политику.— М., 1984.

*Даль З.* Введение в теорию демократии.— М., 1990.

*Ландберг Ф.* Богачи и сверхбогачи.— М., 1971

*Миллс Р.* Властвующая элита.— М., 1959.

*Паренти М.* Демократия для немногих.— М., 1990.

*Carlton E.* The Few and the Many. A Typology of Elites. Scholar Press, 1996.

*Domhoff W.* Who Rules America? Power and Politics in the Year 2000.— L., Toronto, 1998.

*Dye T.* Who's Running America? The Clinton Era, 5-th ed., N. Y., Prentice Hall, 1995; 6 — th ed., 2000.

*Dye T., Zeigler H.* The Irony of Democracy: An Uncommon Introduction to American Politics, Duxbury Press, 1991.

*Gilbert D. and Kahl J.* The American Class Structure. A New Synthesis. Belmont, 1995.

*Kerbo H.* Social Stratification and Inequality, N. Y., 1996.

*Lerner R., Nagai A., Rothman S.* American Elites, New Haven, 1996.

*Parenti M.* America besieged, San Francisco, 1998.

## **Тема 9. От монизма к плюрализму (эволюция российских элит)**

Для элитиста нет вопроса, с чего начинать анализ той или иной политической системы. Ответ неизменен: с анализа элит. А исследование трансформации политической системы — со смены элит. У такого подхода есть определенные основания. Однако когда элитисты вслед за Г. Москкой и В. Парето добавляют, что анализ политсистемы сводится к анализу политических элит, что политическая трансформация общества сводится к трансформации и смене элит, они обнаруживают свою односторонность, недооценку роли неэлитных сегментов общества, прежде всего народных масс, в политическом процессе.

Именно Парето можно бросить упрек в том, что рассматривая смену элит как причину социально-политических изменений в обществе, он противоречит своей собственной плодотворной концепции, призывающей анализировать общество как целостную систему, развитие которой задает программу движению тех или иных ее сегментов; каждый из элементов системы можно рассматривать как подсистему, функционирование которой можно понять лишь в связи с социальным целым. Следовательно, каждый элемент социальной системы можно понять лишь с точки зрения функции его, его роли в поддержании целостности



системы, ее гомеостазиса. Если последовательно использовать системный метод, в разработке которого серьезную роль сыграл и Парето, к объяснению процесса смены элит, следовало бы рассматривать эту смену как момент (пусть даже важнейший момент) глубоких структурных изменений в обществе как целостной системе. Однако не будем фиксировать свое внимание на недостатках концепции Парето и Моски. Их наблюдения за процессом смены элит интересны и глубоки. Не разделяя многих положений Парето и Моски, признаем, что характер, состав и ориентация правящей элиты, на что они обращали основное внимание, играют огромную роль в функционировании политической системы, определяющие ее качество.

## **1. ЗАКОНОМЕРНОСТИ СМЕНЫ ЭЛИТ**

Почти столетие назад В. Парето сформулировал теорию кругооборота (циркуляции) элит, объясняющую, по его мнению, социальную динамику. Социальная система стремится к равновесию, и при выводе ее из такого состояния с течением времени возвращается к нему. Процесс этот образует социальный цикл, течение которого зависит прежде всего от циркуляции элит. Они «возникают в низших слоях общества и в ходе борьбы поднимаются в высшие, там расцветают и в конце концов вырождаются и исчезают... Этот кругооборот элит является универсальным законом истории»<sup>1</sup>. Неизбежность деления общества на управляющую элиту и управляемые массы он выводил из неравенства индивидуальных способностей людей. Качества, обеспечивающие элите господствующее положение, меняются в ходе цикла социального развития, поэтому меняются и сами типы элит. С одной стороны, общество

---

<sup>1</sup> Pareto V. Les systemes socialites. Paris, v. 1, 1965, p. 34.

есть «по большей части история преемственности аристократий». С другой стороны, поскольку качества, необходимые элите, меняются в ходе цикла социального развития, история в конце концов оказывается «кладбищем аристократии».

По Парето, существуют два главных типа элит, которые последовательно сменяют друг друга. Для обозначения этих типов элит Парето использует знаменитое противопоставление Н. Макиавелли правителей — «львов» и правителей — «лис», двух методов управления — с помощью силы, подавления или же изворотливости и хитрости. Первый тип элиты — «львы», для них характерен крайний консерватизм, грубые «силовые» методы правления. Второй тип элит — «лисы», мастера демагогии, обмана, политических комбинаций. Стабильная политическая система характеризуется преобладанием элиты «львов». Напротив, неустойчивая политическая система требует элиты прагматически мыслящих энергичных деятелей, новаторов, комбинаторов. Постоянная смена одной элиты другой — результат того, что каждый тип элит обладает определенными преимуществами, которые, однако, с течением времени перестают соответствовать потребностям руководства обществом. Поэтому сохранение равновесия социальной системы требует постоянного процесса замены одной элиты другой, по мере того, как перед элитами возникают повторяющиеся социальные ситуации.

Общество, в котором преобладает элита «львов» — ретроградов, застойно. Напротив, элита «лис» динамична. Механизм социального равновесия функционирует нормально, когда обеспечен пропорциональный приток в элиту людей первой и второй ориентации. Прекращение циркуляции элит приводит к вырождению правящей элиты, к революционной ломке системы, к выделению новой элиты с преобладанием в ней «лис»,

которые со временем перерождаются в «львов», сторонников жестокого подавления и деспотизма. Моска, развивая близкие Парето идеи, полагал, что циркуляция элит — залог здоровья общества, добавляя, впрочем, что все это — при условии преобладания стабилизационной консервативной тенденции, сохранения преемственного обновления элиты за счет лучших выходящих из масс.

Как видим, у Парето мы сталкиваемся с положениями, которые могут рассматриваться как противоречивые. С одной стороны, Парето подчеркивает преемственность элиты, с другой, пишет о закономерности смены элит. С тем же противоречием мы сталкиваемся в работах Моски, который писал: «В некоторых странах мы находим наследственные привилегированные касты... Нет практически страны с продолжительной историей, в которой не было бы в то или иное время наследственной аристократии... все правящие классы стремятся стать наследственными, если не по закону, то фактически»<sup>1</sup>. Все политические структуры обладают силой инерции. Вместе с тем Моска отчетливо осознает, что «если мы будем придерживаться мнения тех, кто защищает идею исключительной роли наследственности в формировании правящего класса», то должны будем признать, что сформировавшись, этот правящий класс «должен прийти в упадок и утратить свою власть»<sup>2</sup>. Моска справедливо замечает, что «превосходство в интеллекте менее всего связано с наследственностью. Дети людей, отличающихся высоким интеллектом, зачастую обладают посредственными способностями»<sup>3</sup>. Субъективно склоняясь к идее устойчивости и пролонгирования власти элиты, он понимает, что эта тенденция содержит в себе неминуемую опасность дег-

---

<sup>1</sup> Моска Г. Правящий класс // Социс. — 1994, № 10. — С. 193.

<sup>2</sup> Там же. — С. 195.

<sup>3</sup> Там же. — С. 194.

рации элиты. Москва делает вывод о том, что в истории человечества постоянно борются две тенденции: стремление доминирующей элиты монополизировать политическую власть и передать ее по наследству и постоянным стремлением к возвышению новых политических сил, раскалывая и ослабляя при этом старую элиту. Поэтому «в человеческих обществах преобладает то тенденция формирования закрытых, устойчивых, кристаллизированных правящих классов, то тенденция, ведущая к более или менее быстрому их обновлению»<sup>1</sup>. И он ищет компромисса, оптимума в соотношении этих противоположных тенденций, между консервативными и демократическими устремлениями. «Демократический принцип выборов, основанных на широких избирательных правах, может, на первый взгляд, находиться в противоречии с тенденцией к стабильности, которую, согласно нашей теории, проявляют правящие классы. Однако необходимо отметить, что кандидаты, добивающиеся успеха в демократических выборах, почти всегда те, кто обладает указанной выше политической силой, чаще всего наследственной. В английском, французском и итальянском парламентах часто можно видеть сыновей, внуков, братьев, племянников и зятёв настоящих и бывших членов парламента и депутатов».

Отметим и другое, на наш взгляд, еще более существенное противоречие, свойственное прежде всего концепции В. Парето — концепции циркуляции элит. Само «понятие циркуляции» элит представляется весьма неопределенным и поддается различным интерпретациям, что уже было отмечено рядом современных элитологов. Так, известный английский социолог Т. Боттомор справедливо считает, что из работ Парето не ясно, относится ли понятие «циркуляция элит» к процессу динамики не элит в элиты или же к замене

---

<sup>1</sup> Москва Г. Правящий класс // Социс. — 1994, № 10. — С. 196.

одной элиты другой<sup>1</sup>. Американский элитолог К. Фармер также замечает, что понятие циркуляции элит у Парето иногда относится к постепенному движению индивидов в элиту, а в других случаях — к смене элит<sup>2</sup>. Таким образом Парето уходит от вопроса о различении понятий смены и трансформации элит (то есть радикальной смены социальной базы элиты, смены правящих классов в первом случае, и значительных надперсональных сдвигов в той же элите, связанных обычно с повышением уровня мобильности в элиту представителей низших страт общества).

Парето разделял элиту на правящую и неправящую (контрэлиту). Революция, с его точки зрения, — всего лишь борьба и смена правящей элиты потенциальной элитой, которая, правда, маскируется тем, что говорит якобы от имени народа, вводя в заблуждение непосвященных (позже Бернард Шоу напишет, что революции никогда не помогали скинуть бревно тирании, максимум, что они могут — это переложить его с одного плеча на другое). Итак, революции — не более, чем смена элит: старая элита, стоящая у власти, одряхлаела, стала неспособной к эффективному управлению, в обществе возникает новая потенциальная элита, но, чтобы утвердиться в качестве правящей элиты, ей необходима поддержка масс, недовольных старым общественно-политическим строем. Контрэлита и использует эту массу как стадо баранов, с помощью которых пробивается дыра в ветхом заборе, ограждающим прежние порядки. Причем массы обычно остаются в дураках: новая элита «загоняет их в стойло», и порой политический и экономический гнет становится еще более изощренным. Именно в таком плане многие элитаристы интерпретируют Октябрьскую революцию.

---

<sup>1</sup> См.: Bottomore T. *Elites and Society*. L., 1994, p. 49—50.

<sup>2</sup> Famer K. *The Soviet Administrative Elite*, N. Y., 1992, p. 15.

Заметим, что смена элит может происходить стремительно, как это было после революции 1789—1793 годов во Франции, после Октябрьской революции, или постепенно, растягиваясь на многие десятилетия, как это было в Англии в XVII—XVIII веках. Парето писал, что элита, «не готовая сражаться в защиту своего положения», приходит в упадок, и ей придется уступить место новой элите, обладающей мужеством и решительностью, которых не достает господствующей элите. Он отмечает, что «пока французские правящие классы в конце прошлого (XVIII) века занимались развитием своей чувствительности, затачивался нож гильотины»<sup>1</sup>.

Разделяя политически активную часть общества (по классификации Моски это «политический класс») на правящую элиту и контрэлиту, Парето пишет, то последняя может обладать качествами (прежде всего, психологическими), нужными для управления обществом, но не имеет доступа к власти в силу существующих в обществе статусных и иных социальных барьеров. И это происходит на фоне неизбежной деградации наследственных элит, деградации не только умственной (ибо государственная мудрость не наследуется), но и моральной и волевой (старая элита, которая получила власть на «блюдечке с голубой каемочкой», часто не имеет политической воли бороться за эту власть). По мере смены поколений наследственной элиты растет несоответствие дарований индивидов занимаемым ими социальным позициям. Положение каждого последующего поколения определенной элиты прежде всего связано с преимуществами, которые даст им позиции их родителей; хотя умственные и иные способности не наследуются, дети представителей элиты получают преимущественный доступ к высшим государственным должностям, и качество элиты неуклонно ухудшается.

---

<sup>1</sup> Pareto V. *Les systemes socialistes*, P., 1965, p. 40.

И в то же время укрепляется контрэлита, куда входя наиболее активные и способные люди, которым не нашлось места в правящей элите.

Какова же оптимальная политика, которую должна проводить элита, хотя бы с точки зрения интересов ее собственного выживания? По-видимому,— приоткрывать дверь для наиболее мобильных и способных выходцев из «социальных низов» и попытаться абсорбировать их, чтобы, таким образом, избежать революционных потрясений. Именно в этом преуспела английская политическая элита, на протяжении более четырех веков позволяющая наиболее одаренным из тех, кто не принадлежит к аристократии, занимать важные, порой высшие государственные посты.

Говоря о динамике элит, Р. Михельс отмечал, что фактически происходит не смена старых элит новыми, а, скорее, переплетение новых элементов в элите со старыми. Вот как описывает этот процесс французский социолог М. Алле. Общество делится на наиболее выдающихся людей, составляющих меньшинство (группа А), и людей со средними качествами и ниже средних — большинство общества (группа В). В силу законов генетики в ходе смены поколений происходит дальнейшая дифференциация населения. Группа А в свою очередь делится на меньшинство самых одаренных людей (подгруппа А1) и большинство менее способных (А2). В свою очередь В дифференцируется на более способное меньшинство (В1) и большинство менее способных (В2). И если не обеспечить условия для значительной мобильности в элиту, то реальная элита (которой оказывается группа А2) по своему качеству будет не только уступать группе А1, но и группе В1, иначе говоря, элита неминуемо деградирует, а наиболее способные люди в обществе образуют контрэлиту, превосходящую элиту по своим способностям.

Объяснение закономерностей смены элит, предло-

женное Парето — через различие методов их господства, — только одно из возможных объяснений и, может быть, не главное. Обратимся к еще одной трактовке этой проблемы. Сам Парето убедительно доказывает, что элита, пришедшая к власти, стремится пролонгировать эту власть до бесконечности. Элита — не просто сумма правителей, это особая социальная группа, скрепленная глубокими внутренними связями входящих в нее членов, скрепленная общностью интересов. И стремление увековечить свою власть, отсечь путь к власти неэлитам, увековечить политсистему, обеспечивающую монополию определенной элиты на власть — вот ее главный интерес. Он толкает ее на превращение элиты в закрытую социальную группу, стремящуюся минимизировать возможность социальной мобильности для неэлит, возможность проникнуть в ряды элиты и тем более посягательства контрэлиты на замену старой элиты. Самое заветное желание властвующей элиты сделать свое положение стабильным, а власть, по возможности — наследственной. При этом она опирается на такой мощный и стабильный социальный институт, каким является семья. Как отмечает английский элитолог М. Янг, основатель концепции меритократии, влияние аристократии не продержалось бы столь долго, если бы не поддержка семьи, которая всегда является основой наследования. Многочисленные исследования подтверждают, насколько сильны стремления родителей (прежде всего, разумеется, владеющих собственностью), чтобы дети продолжили их дело. Приписывать своим детям «несуществующие достоинства — этот тип психоза был присущ миллионам семей»<sup>1</sup>.

Но парадокс заключается в том, что достижение этой цели — верный шаг в сторону деградации и грядущ-

---

<sup>1</sup> Young M. The Rise of the Meritocracy. 1870—2033. L., 1988, p. 30.



щей гибели закрытой элиты. Собственно, этот сюжет еще раньше, чем Парето, разрабатывал его коллега и соперник Моска. Именно закрытость элиты приводит к ее деградации, к господству посредственностей, к ухудшению качества правителей, и, в конечном счете, к падению правящей элиты под напором превосходящей ее (в том числе и по уму, и по пассионарности) контрэлиты. И поэтому подлинная мудрость элиты — не в том, чтобы строить китайскую стену, которая бы отгородила ее от неэлит, а в том, чтобы стремиться абсорбировать наиболее мобильных людей из социальных низов, обладающих способностями к управлению, и так регулировать этот процесс, чтобы сохранить оптимальные пропорции между ядром элиты и ее новыми членами, чтобы сохранить стабильность социально-политической системы.

Еще раз сравним английскую и французскую модели трансформации и смены элит. История Англии свидетельствует о том, что феодальная аристократия ее сумела достичь определенный компромисс с народившейся буржуазией (хотя путь к этому компромиссу не был мирным и не обошелся без революционных потрясений в XVII веке). Пожалуй, наиболее дальновидной была политика американской элиты, которая допускала значительную восходящую социальную мобильность в свои ряды. Напротив, во Франции феодальная элита, не сделав вывода из английского опыта, пошла по другому пути, и жестоко поплатилась за свою неспособность найти подобный компромисс.

Но сказанное выше еще в большей мере относится к дореволюционной российской элите, о процессе зарождения которой, укрепления ее власти и ее деградации речь пойдет ниже. Основная гипотеза, с которой мы приступаем к рассмотрению трансформации и смены российских элит, нам в общих чертах уже известна. Она состоит в том, что чем более закрыта элита, чем

ниже уровень мобильности в ее ряды, тем больше вероятность ее вырождения, дегенерации, и выше вероятность социальных взрывов, понижения качества элиты, и, соответственно, качества управления обществом, и тем выше шансы контрэлиты, включающей в себя наиболее мобильных, политически активных людей свергнуть правящую элиту, повести массы за собой. Поэтому анализируя процессы трансформации и смены российских элит, мы будем в первую очередь обращать внимание на степень открытости или закрытости элит, чтобы проверить достоверность этой гипотезы.

Итак, мы рассмотрели взгляды основоположников элитологии на процесс смены элит, отметили определенные сильные стороны теорий Моски и Парето. Они выявили особую роль элиты в политическом процессе, сделали ее объектом специального исследования. Но справедливость требует сказать и о слабых сторонах их концепций. Если принять теорию Моски и Парето об определяющей роли элит в историческом процессе, схему Парето о циркуляции элит (а тем более абсолютизировать их), теряет всякий смысл понятие общественного прогресса, невозможно объяснить один из самых глубоких законов общественного развития — закон возрастания роли народных масс в истории.

Так истинна ли теория Парето, подтверждается ли она историческими фактами? Однозначный ответ на этот вопрос был бы упрощением, если не профанацией. Он может быть отрицательным, если трактовать ее в том смысле (к чему склонялся сам Парето), что политическая история есть следствие смены элит, что она детерминируется элитами. Но в ней — большая доля истины, если трактовать ее более широко, как подчеркивание особой роли политической элиты в историческом процессе (имея в виду при этом, что смена элит — не определяющая причина политического процесса, а, скорее, его результат, его момент).

Нас, естественно, в первую очередь интересует вопрос о том, накладывается ли схема Парето на политический процесс в России? В частности, произошла ли в последнее десятилетие смена элиты «львов» — монстров тоталитаризма — на посттоталитарных «лис»?

## **2. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ РОССИЙСКИЕ ЭЛИТЫ**

Закономерности трансформации и смены элит четко просматриваются на более чем тысячелетней истории России. На ее примере мы можем выявить зависимость качества элиты и стабильности социально-политической системы от степени ее открытости.

В. О. Ключевский писал о наличии двух взглядов на начало нашей истории. Одни начинают ее с IX века, другие — с VII<sup>1</sup>. Более обоснована, на наш взгляд, вторая точка зрения. Попробуем коротко описать ранние российские элиты. Первым типом элиты восточных славян была геронтократия: родоплеменные старейшины выполняли властные функции, легитимизированные традициями, языческой религией. Становление древнерусской государственности начиналось со складывания союзов восточнославянских племен во главе с князем.

Г. Моска писал, что в обществах, находящихся на ранних стадиях развития, «индивиды, проявляющие больше способностей в войне, легко добиваются превосходства над своими товарищами.... Неизбежно, что класс военных будет шаг за шагом добиваться такого доминирования над другими классами, чтобы иметь возможность довлеть безнаказанно»<sup>2</sup>. Не будем дискутировать здесь об уместности термина «класс» в этом контексте, нам важна постановка вопроса и вывод Моски

---

<sup>1</sup> Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. — М., 1987. — Т. I. — С. 162.

<sup>2</sup> Моска Г. Правящий класс // Социс. — 1994. — № 10. — С. 189.

о том, что элитой становятся «правлящие военные классы»<sup>1</sup>. К тому же одним из характерных примеров элиты традиционного общества, которой становится класс военных, он прямо называет Россию.

Близкую точку зрения высказывал и В. О. Ключевский, считавший, что «высшим классом.... русского общества, которым правил князь киевский, была княжеская дружина». Разумеется, этот «класс» не был чем-то недифференцированным. Дружина «делилась на высшую и низшую: первая состояла из *княжих мужей* или бояр, вторая из *детских*, или *отроков*; древнейшее собирательное название младшей дружины гридь или гридьба.... заменилось потом словом *двор* или *слуги*. Эта дружина вместе со своим князем вышла... из среды вооруженного купечества больших городов. В XI веке она еще не отличалась от этого купечества резкими чертами ни политическими, ни экономическими. Дружина княжества составляла, собственно, военный класс; но и большие торговые города были устроены по-военному, образовывали каждый цельный организованный полк, называвшийся *тысячей*... Тысячей командовал выбиравшийся городом, а потом назначаемый тысяцкий, сотнями и десятками также выбранные сотские и десятские. Эти выборные командиры составляли военное управление города и принадлежавшей ему области, военно-правительственную старшину, которая называется в летописи «старцами градскими»<sup>2</sup>.

Начиная с периода зарождения древнерусской государственности, управление выступало как соединение политической, военной, социальной, судебной и отчасти культовой власти. Характерно, что эта первая элита в большей мере зависела от князя, чем князь от элиты (последнее было характерно для Западной Европы),

<sup>1</sup> Моска Г. Правящий класс // Социс. — 1994. — № 10. — С. 191

<sup>2</sup> Ключевский В. О. Цит. соч. — С. 175.

она становилась элитой за службу князю, прежде всего военную, это была элита заслуг. Впрочем, по мере смены поколений она все более превращалась в наследственную элиту, «эли́ту крови», в боярство. Эта элита в значительной мере и существовала за счет княжеских доходов.

Что касается норманнской теории о происхождении государства на Руси, то следует заметить, что процесс складывания государственности восточнославянских племен начал происходить еще до Рюрика, а, главное, приглашение «на царство» вообще было достаточно распространено в Европе (особенно в случае внутренних разногласий в процессе конкуренции за власть) и часто было более похоже на «наем» князя (монарха). Князь с дружиной осуществляли сбор дани, охрану государства от набегов соседей, прежде всего, кочевых племен. Именно с династией Рюриковичей связано объединение северо-восточных славян с центром в Новгороде и юго-восточных с центром в Киеве и возвышение Руси в X—XII веках. Ключевский справедливо пишет «не о благодушном приглашении чужаков властвовать над туземцами, а скорее о военном найме. Очевидно, заморские князья с дружиною призваны были новгородцами с союзными с ними племенами для защиты от каких-то внешних врагов и получали определенный корм за свои сторожевые услуги... Почувствовав свою силу, наемники превратились во властителей, а свое наемное жалование превратили в обязательную дань с возвышением оклада». Общий интерес торговых городов Руси и примыкавших к ним селений состоял в том, что с появлением «наводнивших степь печенегов» появилась настоятельная потребность в военной силе, способной оградить пределы страны и ее торговые дороги от вражеских набегов. «Став носителем и охранителем общего интереса, подчинившего ему

торговые города страны, этот князь с дружиной... превратился в политическую власть»<sup>1</sup>.

Обычно великие князья назначали своих сыновей и других родственников править областями, волостями в качестве его посадников (наместников), и те платили как посадские дань со своих областей великому князю-отцу. Между отцом и детьми действовало семейное право. Но между братьями четкого семейного права (во всяком случае, до Ярослава Мудрого) не существовало, и это порождало многочисленные конфликты со смертью отца-великого князя. Ключевский отмечает: «1)... верховная власть была собирательная, принадлежала всему княжескому роду; 2) отдельные князья временно владели теми или другими частями земли. Следовательно, в рассматриваемом складе княжеского владения надобно различать *право* владения, принадлежащее целому владетельному роду, и *порядок* владения по известной очереди как средство осуществления этого права»<sup>2</sup>. Итак, верховная власть принадлежала роду, а не лицам. «Порядок лиц в очереди владения основывался на том, что дальнейшие поколения должны были подниматься по родовой лестнице и чередоваться во владении волостями в том самом порядке, в каком шли друг за другом их отцы. Итак, дети должны идти в порядке отцов; место в этой цепи родичей, унаследованное детьми от отца, и было их *отчиной*»<sup>3</sup>. По мере размножения князей отдельные линии княжеского рода расходились все далее, отчуждались одна от другой, враждовали. «Каждый младший родич, областной князь, считал себя вправе противиться великому князю киевскому, если находил его действия неправильными, неотеческими»<sup>17</sup>. Центробежные силы подталкивались междоусобицами князей, их стремлением к неза-

---

<sup>1</sup> Ключевский В. О. Цит. соч.— С. 160.

<sup>2</sup> Там же.— С. 186.

<sup>3</sup> Там же.— С. 197.

висимости от великого князя. Кодификация права в «Русской Правде» Ярослава Мудрого не могла отменить указанный процесс; это право — отражение ситуации феодальных отношений, когда натуральное хозяйство стимулировало центробежные тенденции.

В «Русской правде» фиксируется социальное расслоение населения, права и привилегии элитного слоя. В ней четко обозначено, что по отношению к князю люди делятся на два сословия — на княжих мужей и простолюдинов. Первые служили князю, составляли его дружину, высшее привилегированное сословие, посредством которого князь правил своими княжествами, обороняли их от врагов; это была, так сказать, княжеская элита. Не случайно, что жизнь «княжа мужа» оберегалась двойною вирую. В среде княжих мужей возникает класс крупных земельных собственников — бояр, пользовавшихся широким кругом привилегий. Итак, исторически первой элитой на Руси была военная элита; старших представителей княжеской дружины князь наделял административными функциями, оставлял в областях, волостях своего княжества «на кормление», ввиду отсутствия в казне денег для их оплаты. Эти люди становились все менее зависимыми от центра. Это особенно относится к удельным князьям, которые чувствовали себя независимыми царьками в своих вотчинах. Причем характерно было дробление уделов от одного княжеского поколения к другому. Феодальное дробление Руси привело к ее ослаблению и стало одной из главных причин поражения в битвах с Золотой ордой и двух с половиной векового татаро-монгольского гнета.

Следует особо сказать о специфической социально-политической структуре Новгородской земли, в которой в XII—XVI веках отмечались элементы республиканского правления. Высшим органом было вече, народное собрание, в котором участвовали все свободные

граждане, избиравшие и смешавшие всех должностных лиц, в том числе высших. Высшим исполнительным органом был Совет господ, в состав которого входили князь (отношения с которым строились на основе договора и функции которого были ограничены; важнейшей из них было руководство обороной Новгородской земли от внешней угрозы), архиепископ, посадские, тысяцкие, верхушка боярства. По существу это и была политико-административная элита Новгородской земли.

В период возвышения Москвы, ставшей центром, собиравшим российские земли, определенным образом изменяется состав, структура, менталитет политико-административной элиты Руси. Собрание Руси сопровождалось вступлением на московскую службу множества князей, бояр из присоединенных к Москве княжеств, а также поступлением на службу московскому государю знатных иностранцев из Литвы, немецких княжеств, Золотой орды. Великий князь (а начиная с Ивана IV царь назначал наместников, управлявших отдельными регионам) назначал бояр и других представителей элиты на доходные должности, обеспечивающие «кормление» их обладателей. Нужно сказать, что традиции «кормления», которые глубоко укоренились в российской элите и представляли по существу узаконенную коррупцию, оказывали разлагающее влияние на эту элиту, да и на общество в целом. Можно объяснить (но не оправдать) причины этого явления — как объективные (необходимость разветвленной административной элиты в огромной стране и недостаток денег для вознаграждения за их службу ввиду, прежде всего, огромных расходов на непрерывные войны), так и субъективные (живейшая готовность членов элиты извлечь максимум выгод из занятия своего административного поста).

С созданием централизованного русского государства меняется роль монарха; он уже не первый среди



других князей, он — самодержец, «помазанник божий», осуществляющий авторитарное правление, ломая сопротивление своевольных князей и бояр. Меняется и роль, да и самосознание политико-административной элиты, которая все активнее стремится править Русской землей не по частям и не в одиночку, как поступали их предки, а совокупно, через центральную власть.

Страна с огромной территорией, вынужденная постоянно обороняться от набегов кочевых племен на Востоке (и осуществляющая приращение своей территории также преимущественно на Востоке) и от экспансии Запада, страна, развитие которой было заторможено татаро-монгольским игом, страна, хронически отстававшая от западных стран, была вынуждена постоянно догонять Запад, чтобы выжить, вынуждена была прибегать к мобилизационному, форсированному типу развития, к модели модернизации, требовавшей огромного напряжения всех сил народа, причем в условиях постоянного отсутствия в казне денег. Этот тип развития предполагал командную, авторитарную, милитаризованную политическую систему, которая делала ставку на принудительные методы решения проблем, систему с вертикальной иерархической системой управления. Эта авторитарная власть предполагала и авторитарную элиту, являющуюся проводником этой власти.

Причем создание такой элиты требует жестоких репрессий не только против жесточайше эксплуатируемой массы населения, но и против самой элиты, чтобы добиться ее полной лояльности. Отсюда — периодические чистки элиты, наиболее известные из которых — жестокие репрессии Ивана IУ против боярства. Исследователь российских элит О. В. Гаман справедливо пишет о том, что З. Бжезинский ошибался в своей книге «Перманентная чистка», утверждая, что чистка элиты

характерна исключительно для советского тоталитаризма<sup>1</sup>. Это гораздо более широкое явление, присущие странам мобилизационного, милитаризованного типа развития. Именно государство и его элита инспирируют модернизационные процессы, которые всегда выступают как реформы сверху, при этом действуют насильственно, жестоко, преодолевая инерцию народных масс. А центральной власти приходится прищипывать и саму элиту, подавляя ее действия, расходящиеся с требованиями централизованной монархической власти.

Династия Романовых продолжает курс на укрепление самодержавного правления. При Михаиле и особенно при Алексее создается аппарат служилой бюрократии, неуклонно теснявшей элиту аристократии. Соборное уложение 1649 г. упорядочивает систему централизованного управления государством через систему приказов, управляющих делами государства.

Радикальные изменения в системе государственного управления и, соответственно, в системе политико-административной элиты произошли при Петре I. Петр осознавал тупиковость системы традиционной закрытой элиты, которая не давала ему возможности осуществить свои смелые модернизаторские замыслы. Ему нужны были способные и энергичные модернизаторы, нужна была управленческая элита, способная преодолеть инерцию традиционализма. И он умел находить организаторские таланты, поднимая в элиту наиболее способных, проявивших себя представителей более низких страт общества. Процесс модернизации обще-

---

<sup>1</sup> Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России в историческом процессе. Закономерности формирования и тенденции развития. // Россия XXI. — 1996. — № 3—4. — С. 78. Подробнее о становлении и эволюции российских элит см. в ее монографии «Политические элиты России. — Вехи исторической эволюции». — М., 1998.

ства с необходимостью оказывается и процессом модернизации элиты.

Необходимость модернизации отнюдь не сразу осознается и принимается всем обществом. Вначале ее носителем становится активное меньшинство, которое в борьбе за нее преодолевает инертность массы и сопротивление консервативной части общества. Если традиционная элита, как правило, видит в модернизации угрозу своему привилегированному положению, беря на себя роль центра и штаба сопротивления ей, то функцию инициатора, пропагандиста и руководителя модернизации берет на себя контрэлита, которая в случае успеха и становится элитой модернизации. В условиях кризиса общественно-экономической системы возможен и иной вариант: часть традиционной элиты переходит на позиции защиты модернизации, порой ей удается возглавить этот процесс, став ядром будущей элиты модернизации. Понимание ключевой роли элиты в ходе модернизации давно стало достоянием политической науки. Хотелось бы отметить в этом связи, что ошибочно отождествлять понятия «элита модернизации» и «субъект модернизации». Первое — уже, второе — шире. Первое понятие — сердцевина второго. Субъект модернизации — сложное гетерогенное явление, включающее в себя помимо элиты и другие общественные группы.

Петру I, как и Ивану IV, приходилось прибегать к репрессиям по отношению к части элиты, активно сопротивлявшейся его политике, ставшей угрозой централизованного правления. Применительно к России XIV—XVIII веков справедливо суждение о том, что именно в периоды, когда элита являлась проводником исполнительной машиной централизованной власти монарха, государство было сильным. И, напротив, когда элита выходит из повиновения монарху, защищая свои групповые интересы, наступают «смутные време-

на», ослабление государства (как это было в конце XV — начале XVI веков, во второй четверти XVIII века), хотя эти периоды можно объяснить и как реакцию на реформы и репрессии Ивана IV в первом случае и Петра I — во втором, как реакцию усталости от их преобразований и их бесконечных войн. Не только народные массы, но и элиты оказываются не готовыми к процессу ускоренной модернизации.

Курс Петра I на модернизацию страны требовал замены традиционной элиты элитой модернизации. И Петр I создавал разветвленную бюрократическую систему управления страной, во многом опираясь на модели управления западноевропейских стран. Эта бюрократия призвана была быть проводником абсолютистской внутренней и внешней политики. Политика модернизации требовала отказа от принципов местничества при формировании элиты, создания единой иерархизированной структуры чиновничества. Документом, определявшим правовое закрепление этой иерархии, был «Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных» 1722 года. Он устанавливал, что основным принципом формирования административной и военной элиты должен быть не знатность происхождения, а квалификация, служебная пригодность, личные заслуги.

Строя элиту по принципу вертикальной иерархизации, государство и получает важнейший механизм осуществления его централизованной абсолютистской власти. Реформы Петра I, проводимые сверху (как, впрочем, и все реформы в России), насильственно требовали элит авторитарного типа, элит, всецело зависящих от власти монарха, осуществлявших централизованную, жесткую власть, получавших награды и привилегии за службу. Этой наградой гораздо чаще, чем деньги, были имения, которые жаловались государем. Кстати, тут с неизбежностью возникает противоречие,

которое со всей силой обнаружилось несколько позже. Наследование пожалованных за службу усадеб освобождало значительную часть дворянства от необходимости поступать на государственную службу и ускоряло процесс создания бюрократической прослойки, той самой, которую в XIX веке стали называть «разночинцами».

На протяжении 300-летнего правления династии Романовых состав и структура российской политико-административной элиты существенно видоизменялись. При первых Романовых (XVII в.) важнейшие государственные вопросы решались на Земских соборах, на которых была представлена центральная и местные элиты, верхушку боярства составляли члены Боярской думы, выполнявшей совещательные функции при царе; но в XVIII в. боярство разрушается. Россия становится империей: император наделен неограниченной властью, система органов государственного управления строится на принципах бюрократической централизации. При Петре I на смену Боярской думе приходит Сенат, который решает административные, законодательные и судебные вопросы. В XVIII веке, по мнению Ключевского, место боярства «заняла новая чиновность знать, состоявшая из выслужившихся административных дельцов... это чиновничество усвоило себе некоторые политические замашки аристократии и стремилось из простого правительственного орудия превратиться в правительственный класс, в самобытную политическую силу, поэтому и можно назвать чиновной аристократией»<sup>1</sup>.

Жалованная грамота дворянству Екатерины II закрепляла привилегии дворянского сословия, которое освобождалось от обязательной государственной службы, его членам гарантировалась личная и имущественная

---

<sup>1</sup> Ключевский В. О. Соч.— Т. 5— С. 103.

неприкосновенность. в губерниях и уездах образовывались органы дворянского самоуправления.

В XIX в. политико-административная элита претерпевает дальнейшую эволюцию. В начале царствования Александра I на него оказывал влияние либеральный кружок М. М. Сперанского, В. П. Кочубея, А. А. Чарторыжского, вынашивавших планы эволюции самодержавной монархии в сторону монархии конституционной. Эти планы встретили резкое сопротивление со стороны российской административно-бюрократической элиты и были отвергнуты императором.

После подавления восстания декабристов, которых можно считать контрэлитой, попытавшейся свергнуть социально-политическую систему самодержавия и крепостничества, утверждается военно-бюрократический абсолютизм Николая I. Как отмечает российский элитолог А. В. Понеделков, бюрократия окончательно превратилась в самодовлеющую касту, стремившуюся подчинить себе все стороны человеческой жизни<sup>1</sup>.

Поражение России в Крымской войне продемонстрировало отсталость — социальную и техническую, гнилость военно-бюрократической системы. На наш взгляд, вызывают уважение попытки Александра II либерализовать систему управления Россией, модернизировать ее элиту. Крупнейшая из реформ — отмена крепостного права, значительны и такие реформы, как реформа местного самоуправления (земства), судебная реформа, означавшая начальный шаг по направлению к правовому государству. Начавшиеся реформы были прерваны убийством царя и превалированием консервативной элиты, препятствовавшей процессу либерализации.

Разрыв между народом и элитой возрастал и достиг

---

<sup>1</sup> Понеделков А. В. Элита. (Политико-административная элита: проблемы методологии, социологии, культуры). — Северо-Кавказский научный центр. — 1995. — С. 123.

своего апогея в царствование Николая II, вылившись в революции XX века. В ходе революции 1905—1907 гг. Николай был вынужден пойти на существенные уступки в направлении конституционного ограничения самодержавия, на созыв Государственной думы. Тем не менее, правящая элита сохранила свой сословный характер; дворянство, несмотря на свое несомненное ослабление и оскудение, сохранило в элите основные позиции. Эта элита не могла приспособиться к изменившейся ситуации, к требованиям индустриального общества и бесконечно конфликтовала с Думами. К этому добавились внутренние противоречия в элите при слабом (скажем иначе, мягком) нерешительном царе, противостояние правящей элиты и той части политической элиты, которая рекрутировалась по новому для России каналу — через выборы в Государственную Думу. Усилия думской оппозиции и нападки либеральной и социалистической прессы, стремящихся скомпрометировать власть (во многом эта критика была справедливой) увенчались успехом. Властвующая элита полностью исчерпала доверие народа, утратила легитимность в его глазах, и в февральской революции не нашлось никаких серьезных социальных сил, которые бы поддержали разваливающийся режим.

Попытаемся дать общую оценку дореволюционным элитам. Оценка эта будет явно невысокой, несмотря на некоторые, пусть нечастые, взлеты этой элиты — будь то «сыны гнезда Петрова», военная и дипломатическая элиты Екатерины II, либеральная административная элита и дипломатическая элита (во главе с будущим канцлером А. М. Горчаковым) Александра II. В целом же эта элита представляла собой замкнутую касту, пропуском в которую был не ум, а знатность, где процветал nepотизм, клановость, мздоимство, коррупция. Конечно, по сравнению с последующей элитой, например, с головорезами Сталина, эту элиту многие российские

политологи ныне видят в розовом свете. Однако если мы будем оценивать ее по мировым критериям, оценка, повторяем, будет невысокая. Именно в начале XX века обнаружился глубочайший кризис политической элиты царской России, которая потеряла всякий авторитет в глазах масс. Контрэлита, которая стремилась свергнуть самодержавный, монархический режим, оказалась более мобильной, более образованной, более ловкой. Именно она попыталась предложить определенные программы модернизации России. Трагедия России — в том, что в условиях тяжелейшего кризиса, вызванного войной, разрухой победителем среди гетерогенной контрэлиты оказались наиболее экстремистские силы.

Несомненно, что смена элит происходит, когда старые оказываются неспособными ответить на вызов истории. И хотя в последние годы появилось много публикаций, направленных на возвеличение дореволюционной элиты, на доказательства того, что предреволюционная Россия динамично развивалась и беда в том, что контрэлита злокозненных заговорщиков прервала этот естественный процесс, дело обстоит значительно сложнее. Предреволюционная Россия переживала тяжелый кризис — экономический, социальный, военный, и значительная доля ответственности за него падает именно на правившую элиту, которая оказалась неспособной решить задачи модернизации страны. На их решение претендовала контрэлита, которая, придя к власти и превратившись в правящую элиту, попыталась решить эту проблему самыми жестокими, порой террористическими методами, выбрав мобилизационно-милитаристский путь развития страны.



### 3. СОВЕТСКАЯ ЭЛИТА

О причинах краха царизма и Временного правительства, причинах победы Октябрьской революции написаны сотни томов. Здесь не место их анализировать. Нас интересует лишь один аспект этого процесса — смена элит. Ведь это была, пожалуй, наиболее полная, радикальная, быстрая смена элит в истории человечества (если иметь в виду внутреннюю трансформацию страны, а не смену элит вследствие завоевания одной страны другой), более радикальная, в частности, чем во время французской революции 1798—1793 гг.

Закрытая дворянско-чиновничья элита царизма деградировала, показала отсутствие политической воли, продемонстрировала свою неспособность управлять великой страной, модернизировать ее, абсорбировать лучших представителей «низших» страт. Как писал в этой связи П. А. Сорокин, «вырождающийся правящий класс упорно отказывал в соучастии «талантливым самородкам», «самоучкам» из других слоев, не желая урезывать себя в правах и готовый отвергнуть любых талантливых «пришельцев», таких, к примеру, как Витте»<sup>1</sup>.

Скоро наступила расплата. К власти пришли энергичные, молодые, циничные, безжалостные представители контрэлиты, сумевшие, в отличие от старой элиты, наладить контакт с массами, мобилизовать их на штурм старых порядков, организовать их на свержение царской элиты, а затем и элиты «соглашателей», блокировавшихся с буржуазией. Победили крайне левые, экстремистские представители контрэлиты. Эти новые лидеры выступали под лозунгами эгалитаризма, антиэлитизма. Однако очень скоро оказалось, что вместо построения общества без элиты к власти пришла но-

вая, большевистская элита, а методы господства этой элиты оказались не только авторитарными, но и тоталитарными. Антиэлитарные лозунги еще раз показали свою иллюзорность.

Но как же все-таки получилось, что большевики, выступившие с эгалитаристскими лозунгами, мобилизовавшие массы на борьбу с правящей элитой эксплуататорского общества, взяв власть, сами превратились в новую элиту общества, которое они, ничтоже сумняшеся, называли социалистическим, в котором якобы отсутствуют эксплуататорские классы и которое идет к преодолению классовых различий.

Революция, направленная против эксплуататорской элиты, против элиты царизма, элиты буржуазии, сама была в значительной мере элитарна. Революцию осуществляло меньшинство общества — петроградский пролетариат, матросы. Правда, это меньшинство громко и декларировало, что действует от имени громадного большинства населения, трудящихся масс, что они и есть передовые выразители интересов народа. Причем большинство народа, в силу неграмотности и забитости, не дозрело до понимания своих интересов. Эти интересы и выражает авангард пролетариата, класса-гегемона, идущего во главе трудящихся масс. Соответствовала ли эта схема реальности? В скором времени ответ на этот вопрос был получен. Выборы в Учредительное собрание показали, что большевики оказались в меньшинстве, что, впрочем, их не смутило. Выборы, основанные на борьбе партий за голоса избирателей, были объявлены буржуазными. Контрэлита, превратившаяся в элиту, и не думала отдавать власть. Напротив, вся ее политика была направлена на удержание этой власти, на превращение ее в тотальную власть, в диктатуру пролетариата, которая рассматривалась как важнейший рычаг построения нового общества. Впрочем, обещалось, что в соответствии с учением марксизма,

диктатура пролетариата — лишь временный этап на пути построения бесклассового общества, после чего она отомрет вместе с отмиранием государства в целом (после XXII съезда КПСС это положение было скорректировано в том смысле, что государство диктатуры пролетариата перерастает в общенародное государство), а, следовательно, сама постановка вопроса об элите неуместна, это — происки классового врага. Но отмирание государства переносилась в будущее. В настоящем же власть государства, а, следовательно, и его элиты не только не ослаблялась, а, напротив, многократно усиливалась. Менялся только классовый состав элиты, направление ее деятельности, методы реализации ее управленческих функций.

Такой поворот событий не был неожиданным для наиболее проищательных мыслителей, которые прогнозировали вырождение леворадикальных лидеров в авторитарную, олигархическую элиту, которая, придя к власти, будет диктаторскими методами управлять массами. Достаточно вспомнить «Бесы» Ф. М. Достоевского, в которых левозэкстермистские заговорщики стремились захватить власть, чтобы манипулировать массами, используя по отношению к ним террористические методы.

## ***Теория «нового класса»***

Вопрос о правящем слое или правящем классе, который возникает после социалистической революции, был поставлен задолго до Октябрьского переворота и обсуждался десятилетия после него. В этой связи несомненный интерес представляет концепция, которая впоследствии получила название теории «нового класса». Целостную концепцию «нового класса» как политической элиты «реального социализма» разработал Ми-

лован Джилас. Однако эта концепция по существу была обобщением и развитием взглядов ряда его предшественников, целой традиции критики марксистской теории о построении общества без элиты, которая рассматривалась как демагогическая теория, прикрывающая и оправдывающая приход к власти нового класса, устанавливающего жестокую диктатуру над населением.

Как известно, Маркс объявлял целью исторического развития (заметим, что эсхатология марксизма близка христианству, для которого конечной целью является второе пришествие Христа и установление царства божьего на Земле) построение коммунизма — общества без классов, без эксплуатации, следовательно, и без элиты. Но главным инструментом построения коммунизма является диктатура пролетариата. Само по себе общество без гнета и эксплуатации — цель весьма гуманная и благородная. Но, как говорят французы, дьявол проявляется в деталях. Вот на некоторых деталях марксистской концепции построил ее критику М. А. Бакунин. Когда Маркс в «Критике Готской программы» утверждал, что социализм делает экономические отношения настолько «прозрачными», что не требует товарно-денежных отношений, что работник, отработав, допустим, восемь часов, получает справку об этом и может получить необходимые ему продукты, на производство которых было затрачено другими людьми те же восемь часов, Бакунин задавал Марксу вполне невинный, на первый взгляд, а в действительности весьма ядовитый вопрос: а кто, собственно, будет выдавать подобную справку? По-видимому, чиновник, бюрократ. А над этим чиновником будет еще один чиновник и т. д. Так вот эта бюрократическая прослойка и будет реально управлять обществом, оно и превратится в привилегированное сословие. По Бакунину, государство диктатуры пролетариата, пропагандируемое Марксом, будет представлять собой «деспотизм управляюще-

го меньшинства»<sup>1</sup>, прикрываемый демагогическими фразами о том, что он объявляется выражением народной воли. Анализируя взгляды Маркса и Лассаля, писал Бакунин, «приходишь к тому же самому печальному результату: к управлению огромного большинства народных масс привилегированным меньшинством. Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из *бывших* работников, но которые, лишь только сделаются правителями или представителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной, будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом»<sup>2</sup>. А поскольку управление требует специальных знаний, этими «избранными» будут «ученые социалисты». Все это доказывает, «что мнимое народное государство будет не что иное, как весьма деспотическое управление народных масс новою и весьма немногочисленною аристократией действительных или мнимых ученых. Народ не учен, значит, он целиком будет освобожден от забот управления, целиком будет включен в управляемое стадо»<sup>3</sup>. А в составе этого деспотического меньшинства легко могут оказаться непомерные честолюбцы, рвущиеся к власти.

Октябрьская революция, как утверждали большевики, направлена на свержение классового господства эксплуататорского меньшинства. Если все предыдущие революции были направлены на замену одного типа эксплуатации другим типом, то социалистическая революция отличается от всех предшествовавших революций тем, что она устраняет все и всяческие формы эксплуатации. Народные массы под руководством пролета-

---

<sup>1</sup> Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика.— М., 1989.— С. 482.

<sup>2</sup> Там же.— С. 483.

<sup>3</sup> Там же.

риата и его революционного авангарда свергают господствующее эксплуататорское меньшинство; установившаяся диктатура пролетариата сама по себе есть лишь переходный этап к бесклассовому коммунистическому обществу, обществу без государства, без эксплуатации, обществу самоуправления трудящихся, обществу без элиты.

Вопрос, однако, состоит, во-первых, в том, действительно ли новое общество устраняет эксплуатацию, во-вторых, возможно ли в принципе общество без элиты и, в третьих, как оно может реализовываться на практике, и не будет ли рисуемый марксистами коммунистический идеал прикрытием новой формы всевластия элиты, которая захватывает власть и устанавливает жестокую диктатуру, не брезгуя для «всеобщего счастья» никакими методами (как об этом писал Достоевский в «Бесах»). Сомнения на этот счет высказывали многие мыслители. По поводу утверждения марксистов, что диктатура пролетариата будет недолгой и что ее целью будет образовать народ и поднять его политически, Бакунин выражает глубокий скептицизм, утверждая, что «никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечивания себя».

Мысль Бакунина о диктатуре ученых, пусть даже социалистической ориентации, как новой, опаснейшей формы деспотии, где власть принадлежит монополистам знания, развил редко вспоминаемый ныне российский публицист конца XIX — начала XX века В. Махайский, позиция которого вылилась в откровенный антиинтеллектуализм. В книге «Социалистическая наука как новая религия» он объявлял интеллигенцию враждебным пролетариату классом, стремящимся к власти, чтобы стать новым правящим классом, превращающимся в элиту знаний и порабащивающим массы. При чем свергнуть власть феодалов или буржуазии, которые не участвуют непосредственно в производстве, несрав-

ненно легче, чем элиту интеллигенции: первые являются лишь обузой общества, и от их смены производство не пострадает. Но власть новой элиты знаний сбросить будет практически невозможно, ибо она обладает монополией на знание, и без нее невозможно наладить производство. Как видим, эти взгляды являются как бы инверсией технократических теорий. Если для последних элита знаний обладала знаком плюс, то в теории Махайского — знаком минус. Опаснейшей организацией интеллигенции является, по Махайскому, социал-демократия, которая ищет поддержку у рабочих, чтобы, опираясь на них, захватить власть. Но это — типичная организация контрэлиты, которая стремится лишь использовать массы и которой ни в коем случае нельзя верить, иначе массы приведут к власти новый господствующий класс.

Прежде чем перейти к следующему варианту теории «нового класса», хотелось бы сделать небольшое отступление, отчасти для того, чтобы не нарушать принципов хронологии, а отчасти для того, чтобы доказать, что обвинения в элитаризме русских революционеров, во всяком случае, их радикального крыла, от Нечаева и народников-террористов до большевиков, не лишены основания. Пожалуй, наиболее авторитетным свидетельством в пользу элитаризма (пусть скрытого элитаризма) являются труды В. И. Ленина. Обратимся прежде всего к такой известной его книге, как «Что делать?», в которой в советское время писалось, что эта книга заложила идеологические и организационные основы партии «нового типа». Начнем с того, что в книге обосновывается типично элитарный взгляд на возможности рабочего класса самому выработать социалистическое сознание. Утверждается, что пролетариат сам в состоянии выработать лишь тред юнионистское сознание, понимание необходимости борьбы за повышение зарплаты, за улучшение условий труда, иначе говоря,

за улучшение условий продажи своей рабочей силы, в то время как коренной, глубинный интерес этого класса состоит в свержении системы гнета и эксплуатации — капиталистической системы, и построения социалистического общества. Но это социалистическое сознание, идеи социалистической революции, социалистического преобразования общества могут быть внесены в рабочее движение только извне — интеллигентами, вставшими на позиции рабочего класса, социалистами, коммунистами. Итак, теорию социализма, стратегию и тактику социалистической революции разрабатывает элита интеллектуалов и организаторов, она вносит социалистическое сознание в рабочее движение. Социал-демократическая (в дальнейшем коммунистическая) партия является соединением рабочего движения с социализмом.

Далее, насквозь элитарной оказывается организационная структура партии «нового типа». Строжайшая конспирация, строжайший отбор членов партии и особенно лидеров партии, которым «некогда думать об игрушечных формах демократизма»<sup>1</sup>. Узкий слой партийных функционеров, ее элита, и широкий слой членов партии, выполняющих решения ее руководства — таков был зародыш будущего «нового класса». Когда же партия пришла к власти, элитарная структура партии была воспроизведена в масштабах крупнейшей страны мира. После Октябрьской революции Ленин писал о решающей роли революционного авангарда рабочего класса (т. е. партии, а фактически партийной верхушки) в руководстве обществом.

Известно, что Плеханов, Мартов и другие лидеры РСДРП категорически выступали против жесткого централизма ленинской партии, называя его сверхцентрализмом, смертельно опасным для партии, опасным

---

<sup>1</sup> Ленин. В. И. Полн. собр. соч. — 5 изд. — Т. 6. — С. 141.



прежде всего тем, что принижает инициативу масс, приучая их подчиниться указаниям сверху. Но Ленину нужна была именно такая сверхцентрализованная партия, как важнейший инструмент завоевания и удержания власти. Тот путь к социализму, который предлагало правое крыло социалистов: партия добивается власти на демократических выборах, а предшествующая элита не ликвидируется, а обновляется за счет широкого проникновения в нее наиболее инициативных представителей общества, прежде всего, рабочего класса, интеллигенции — отвергается как соглашательский и контрреволюционный.

Говоря о рассмотренной нами концепции Ленина, М. Восленский заметил: не рабочему классу нужны марксистские революционеры, а им нужен рабочий класс, «потому что без него они — горстка интеллигентов, при всей своей шумливой энергии власть в стране захватить не могут»<sup>1</sup>. Ленинские профессиональные революционеры превратились в профессиональных правителей, в правящую элиту, их власть была институтирована в форме номенклатурной системы. Сам Ленин признавал: «Если не закрывать глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией»<sup>2</sup>. Провозгласив диктатуру пролетариата, большевики (вполне в соответствии с михельсовским «железным законом олигархических тенденций») установили фактическую диктатуру большевистской верхушки, большевистских вождей, большевистской элиты, переросшую в абсолютную власть харизматического лидера, опирающуюся на террористическую систему то-

---

<sup>1</sup> Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. — М., 1991 — С. 57.

<sup>2</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 20.

тального контроля над населением. Об этой системе власти откровенно писал Сталин: «Компартия как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий орган последнего и одухотворяющий его деятельность...» И далее: «Партия — это командный состав и штаб пролетариата»<sup>1</sup>. Позже по этому поводу Троцкий скажет, что диктатура пролетариата оказалась диктатурой партии, диктатура партии — диктатурой ее верхушки, диктатурой вождей: «Аппарат партии замещает партию, Центральный Комитет замещает аппарат, и, наконец, диктатор замещает Центральный Комитет»<sup>2</sup>. А еще позже М. Восленский делает вывод о том, что партия во все большей мере стала играть роль служанки номенклатуры<sup>3</sup>, партийной элиты.

Именно Троцкому принадлежит важная роль в разработке теории «нового класса». Троцкий писал о бюрократическом перерождении руководящей верхушки партии, связывая ее с курсом Сталина на отказ от ленинских традиций, на перерождение партии, обличая Сталина в том, что он наделил аппаратную партийную элиту фактически бесконтрольной властью<sup>4</sup>. Находясь в эмиграции, он писал в бюллетене «Вестник оппозиции» о том, что сталинская клика подорвала позиции старой большевистской элиты — «ленинской гвардии», обрушила страшные репрессии на подлинных ленинцев, узурпировала власть в партии и государстве и привела к руководству страной элиту партийной бюрократии. Он подробно описывал процесс бюрократизации партийной элиты, развив концепцию образования на основе правящей партийной элиты нового господству-

<sup>1</sup> Сталин И. В. Соч. — Т. 5. М., 1954. — С. 71, 72.

<sup>2</sup> Троцкий Л. Д. О Ленине. — М., 1990. — Т. 2. — С. 139.

<sup>3</sup> Восленский М. Цит. соч. — С. 155.

<sup>4</sup> Троцкий Л. Д. К истории русской революции. — М., 1990. — С. 164—194.

ющего класса. Иное дело, что сам Троцкий был не менее Сталина ориентирован на антидемократические, авторитарные, тоталитарные методы руководства; Сталин и Троцкий были непримиримыми соперниками в борьбе за лидерство в партии и государстве. В книге «Преданная революция» Троцкий пишет о «термидорианском перевороте», совершенном Сталиным и его кликой. Именно Сталин создал бюрократический слой управленцев, подкупил этих людей многочисленными привилегиями, поставил их над народом. Это — перерожденцы, цепные псы Сталина, это новый класс эксплуататоров, который необходимо свергнуть, чтобы построить аутентичный социализм. И все же Троцкий в «Переданной революции» оговаривается, что возникшая бюрократия сталинского типа не является в полном смысле эксплуататорским классом, как буржуазия, т. е. эксплуататорским классом в классическом смысле, ибо она создана в порядке административной иерархии и, во-вторых, не имеет специфических отношений собственности, и не может передавать государственную собственность, которой она распоряжается, по наследству, хотя и признавал, что этот слой может развиваться в классический эксплуататорский слой, в новую буржуазию. Не случайно, что М. Джилас критикует Троцкого за некоторую поверхность, за то, что тот полагал, что бюрократическое перерождение верхов «реального социализма» связано с субъективными качествами Сталина, считал это позорным извращением социализма и предательством марксизма, не понимая, что образование нового класса в ходе революции — объективная закономерность. Уже у Маркса в его теории диктатуры пролетариата содержалась в зародышевой форме идея элитарного подхода к революции и послереволюционному периоду, а у Ленина элитарный подход получил дальнейшую разработку, систематизацию, и был положен в основу организационной практики. Так что ста-

лизм не был чем-то абсолютно не связанным с ленинизмом, но явился его brutальным продолжением.

Существенный этап в формировании теории «нового класса» связан с работами видного американского социолога и политолога Джеймса Бернхэма, автора шумевшей в свое время книги «Менеджерская революция» (она написана в 1940 г.). Отметим, между прочим, что в свои молодые годы Бернхэм увлекался сочинениями Троцкого и посещал троцкистский кружок в США. Вряд ли можно всерьез говорить о том, что теория «менеджерской революции» представляет собой развитие идей Троцкого, но можно сказать точнее, что определенные следы влияния трудов последнего можно заметить в работах Бернхэма. По теории Бернхэма современная научно-техническая революция приводит к власти «новый класс» — профессиональных управленцев, который и становится подлинной элитой общества, оттесняя на периферию класс собственников на средства производства. Само государство оказывается собственностью «нового класса» — менеджеров. При этом Бернхэм говорит о двух типах менеджерского общества — демократическом и тоталитарном. Примером первого он называет США, второго — гитлеровскую Германию, «корпоративное» государство Муссолини и особенно Советский Союз. Утверждения коммунистов, о том, что в СССР установлена диктатура пролетариата, он отбрасывает, как чистую демагогию (элитой может быть только меньшинство общества, а не такая огромная часть населения, какой является рабочий класс), прикрывающую реальную диктатуру «нового класса», реальной элиты Советского Союза, каковой является прежде всего верхушка партийной бюрократии, а также верхушка технократии — министры (наркомы), начальники главков, директора крупнейших предприятий. Именно этот класс и является привилегированной элитой советского общества, реально осуществляющим

власть в СССР. Причем в XX веке обозначилась всеобщая тенденция, в силу которой отношения собственности оттесняются отношениями управленческими. Поэтому переход власти в руки нового класса — менеджеров, профессиональных управленцев — процесс неизбежный, и задача видится не в том, чтобы противостоять этой объективной тенденции, а в том, чтобы оптимизировать этот процесс, придать ему иные, не тоталитарные формы<sup>1</sup>.

Труды Бернхэма были одним из источников концепции «нового класса» югославского политолога, государственного деятеля (когда-то он был вторым человеком в политической иерархии Югославии, руководимой маршалом Тито), одного из самых знаменитых диссидентов XX века Милована Джиласа. Еще будучи Председателем Союзной народной скупщины (парламента Югославии), он резко выступал против авторитаризма, за демократизацию страны, за свободомыслие. «Новые идеи всегда рождались как идеи меньшинства. Люди не мыслят коллективно... Главная задача демократии — обеспечить свободное выражение идеи, чтобы никто не подвергался преследованиям из-за своих взглядов»<sup>2</sup>. Выступив против антидемократического курса компартии, он отказался от всех партийных и государственных должностей, подвергался репрессиям, сидел в тюрьме. В систематическом виде его взгляды изложены в знаменитой книге «Новый класс» (1957 г.). Его книга — разоблачение сущности властных отношений в СССР, Югославии и других странах, называвших себя социалистическими. Отметая как демагогию пропагандистские утверждения о том, что в этих странах нет эк-

---

<sup>1</sup> Дж. Бернхэм считается главой «макиавеллиевской» школы элитизма в США. Свои основные идеи он изложил в книгах: J. Burnham. The Managerial Revolution, N. Y., 1941; The Machiavellians. Defenders of Freedom, N. Y., 1943.

<sup>2</sup> Борба. — 22.12.1953 г.

сплуатации и, соответственно, нет эксплуататорских классов, он показывает, что в этих странах сформировался «новый класс» партийной и государственной бюрократии, безжалостно эксплуатирующий общество.

Почему люди, которые пришли к власти под эгалитаристскими лозунгами, обещавшие построить мир без элиты, превратились в самую авторитарную, больше того, тоталитарную элиту, подавляющую любую оппозицию, любое инакомыслие? В чем секрет власти этой элиты? Ответы на эти вопросы и ищет Джилас.

Выше уже отмечалось, что мысли о будущем перерождении революционеров-социалистов, о том, что многие из них — подчас злобные человеконенавистники (Достоевский), непомерные честолюбцы, стремящиеся к абсолютной власти (длинный ряд исследователей самых разных направлений, от Бакунина до Фрейда), мнимые друзья народа, на деле стремящиеся с его помощью прорваться к власти, а затем усесться на шее народа (Махайский), перерожденцы, предавшие светлые идеи, вдохновляющие подлинных революционеров (Троцкий), лицемеры, под флагом борьбы за справедливость и свержения элиты эксплуататоров добивающиеся себе особых привилегий, характерных для предшествующих элит (Дж. Оруэлл), формулировались и раньше. Будет явной натяжкой утверждение о том, что это перечисление вскрывает генезис теории «нового класса». На большинство перечисленных авторов Джилас не ссылается, не использует их аргументы, некоторые из них были ему, по всей видимости, неизвестны (напр., Махайский). Итак, во взглядах перечисленных авторов нет прямой генетической связи, преемственности. Мы хотели бы лишь подчеркнуть, что указанные идеи «витали в воздухе», их нужно было систематизировать, связать в общую концепцию. Это и сделал Джилас. То, что было высказано предшественниками в фор-

ме догадок, антиутопий, получило у Джиласа целостное теоретическое объяснение.

Еще до публикации своего главного труда Джилас выступал с обличением коммунистов в тайном элитизме. «Бюрократическая и догматическая теория о том, что только коммунисты — созидательная сила социализма («люди особой закалки», по Сталину), служит основой для их отделения от общества... Она скрывает реальную тенденцию к созданию особого привилегированного класса по принципу политической и «идейной» принадлежности, а не на основе способностей и профессионализма. Такая практика может превратить коммунистов в попов и жандармов социализма»<sup>1</sup>.

Главной целью книги М. Джиласа «Новый класс. Анализ коммунистической системы» было доказать, что социализм в СССР и восточно-европейских странах не ведет к созданию бесклассового общества — программной установки компартии, а служит основой для образования нового привилегированного класса. Этим новым классом является бюрократическая верхушка партии и государства, или, точнее, последняя является ядром нового привилегированного эксплуататорского класса, который обладает неограниченной властью в этих странах.

Можно оспаривать ряд положений книги Джиласа, например, утверждение о том, что «действительным и непоколебимым создателем нового класса был Сталин» (Джилас далее набрасывает портрет Сталина, с которым он неоднократно встречался: «Узкоплечий коротышка, с руками и ногами несуразно длинными, а туловищем коротким... не слишком образованный и литературно одаренный, слабый оратор, но до гениальности способный организатор»). Собственно, сам Джилас связывает происхождение нового класса с со-

---

<sup>1</sup> Борба. — 27.12.1953 г.

зданием Лениным партии «нового типа», пишет об объективной потребности элиты модернизаторов для страны, осуществляющий процесс индустриализации. Зачатки нового класса «могли находиться только внутри организации особого рода, опирающейся на сверхдисциплинированность и непреложное идейно-философское единообразие в своих рядах... Зачатки нового класса — ... в слое профессиональных революционеров... Эта крайне узкая прослойка революционеров и разовьется постепенно в новый правящий класс... Это не значит, что новая партия идентична новому классу. Партия — его ядро и основание... к нему можно отнести тех, кто... благодаря монополии на управление получает особые привилегии и материальные преимущества».

Может вызвать возражение тезис Джиласа: «Социально новый класс — пролетарского происхождения. Как из крестьянства вышла аристократия, а из среды средневековых торговцев, ремесленников и землевладельцев — буржуазия, так и главным образом из пролетариата появляется новый класс». Думается, что новая элита или, по терминологии Джиласа, новый класс вербовался в значительной части из маргиналов, людей, вырванных из собственной культурной традиции. Многие из них прошли путь из рабочих и крестьян до профессиональных управленцев; утратив старую культурную традицию, они редко достигали вершин подлинной культуры; значительная часть партийной элиты были выходцами из интеллигенции, часто люмпенизированной интеллигенции, кстати, тоже вырванными из своих корней и своим фанатизмом и жестокостью попиравшие традиции русской интеллигенции. Общий культурный уровень этой элиты был напрямую связан с жестокими репрессиями, обрушившимися на интеллигенцию, особенно гуманитарную интеллигенцию в процессе революции и в послереволюционный период,



с растратой того культурного потенциала, для восстановления которого требуются многие десятилетия.

Можно спорить и по поводу того, является ли элита «реального социализма» классом, социальным слоем или кастой, но полемика по этому поводу была бы неплодотворной, она носила бы скорее терминологический характер. Предпочитая термин «социальный слой» по отношению к этой элите, мы считаем вполне применимым и термин «класс». Как правило, элита — часть, структурный элемент класса, и по отношению к подавляющему большинству современных социально-политических систем дихотомия элита-масса не раскрывает сложности их структуры; но как раз по отношению к «реальному социализму» эта дихотомия «работает», выполняет объяснительную функцию, охватывает сущность социально-политических отношений. Попробуем проанализировать сущность рассматриваемой социальной группы с позиций классического марксистско-ленинского определения класса. Из четырех классовообразующих признаков, которые выделял Ленин<sup>1</sup>, то, что рассматриваемый нами социальный слой подпадает под первый, третий и четвертый признаки (место в исторически определенной системе общественного производства, роль в общественной организации труда, способы получения и размеры той доли общественного богатства, которой они располагают) достаточно очевидно и не требует особых доказательств, хотя и они в литературе советского периода игнорировались или замалчивались. Так, замалчивалась ролевая иерархизация социальных отношений, наличие в советском обществе господствующего и подчиненных классов в организации общественного труда сводилась к различиям в характере труда руководителей и исполнителей, умалчивалось об огромных различиях в разме-

---

<sup>1</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 39. — С. 15

рах и особенно в способах получения той части общественного богатства, которой располагают классы (наличие закрытых распределителей, элитных жилищ, спецбольниц и других привилегий, делавших жизнь лиц, входивших в советскую элиту, разительно отличной от жизни всегда нуждавшихся в самом необходимом советских людей, будь то рабочие, колхозники или широкие слои интеллигенции). И, разумеется, на социалистическую систему не распространялись слова Ленина о том, что классы — это такие группы людей, из которых одна может присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства. Хотя этот подход вполне «работал» по отношению к «реальному социализму», официальная идеология исходила из того, что в социалистическом обществе не может быть эксплуатации человека человеком и что это положение Ленина относится только к «классово-антагонистическим» формациям.

Однако остался второй классовообразующий признак — отношение к средствам производства. Но именно это признак класса Ленин — и не без оснований — считал наиважнейшим. И официальная советская идеология подчеркивала, что партийные и государственные руководители социалистических стран не обладают собственностью на средства производства, доказывая на этом основании, что эта социальная группа (номенклатура, элита де-факто) не является и не может являться господствующим классом. Ведь в СССР «господствовала общественная собственность на средства производства». Но этот тезис и был, если можно сказать, главной ложью апологетов «реального социализма». За «общественную» собственность выдавалась государственная собственность, та собственность, которой полноправно распоряжалась партийно-хозяйственная номенклатура, то есть имела место беззастенчивая подмена понятий. Основные средства производства были государственной

собственностью, но само «социалистическое» государство было собственностью бюрократической номенклатуры. Собственно, никто иной, как Маркс писал о том, что государство есть собственность бюрократии<sup>1</sup>. Но в полной мере это положение Маркса относится именно к «реальному социализму», обществу с наибольшей степенью огосударствления и бюрократизации.

Да, формальная собственность на средства производства у нового класса отсутствовала, отсутствовала частная собственность на основные средства производства. Но это была собственность групповая, это была фактическая собственность нового класса, властвующей элиты. Заменой и аналогом частной собственности на средства производства в этом обществе была близость к власти, которая и обеспечивала возможность распоряжаться всеми богатствами страны. Да, государство являлось собственником, но само государство было собственностью правящей элиты. Так что и второй классовобразующий признак в полной мере «работал» в этом обществе, пусть в преобразованном виде.

Вот эту-то «тайну» господства нового класса и расшифровал М. Джилас. Он обнажил механизм эксплуатации новым классом трудящихся масс. Здесь и была сердцевина его концепции нового класса. Джилас писал: «...то, что перед нами особый класс, с особым видом собственности и власти, вовсе не означает, что классом он не является. Напротив... в СССР и других коммунистических странах возник новый класс собственников и эксплуататоров... Отличительная черта нового класса — особая, коллективная собственность.. Материальные богатства становятся формально национальными, а в действительности — через право владения, пользования и распоряжения — собственностью от-

---

<sup>1</sup> Маркс К. И Энгельс Ф. Соч.— Т. 1.— С. 214—221.

дельного слоя в партии и бюрократии... Здесь быть владельцем или совладельцем означает пробиться в ряды правящей политической бюрократии»<sup>1</sup>. В так называемую «социалистическую собственность», по Джиласу, была фактически запрятана собственность политической бюрократии, коммунистической элиты.

Концепцию Джиласа продолжили и развили и другие авторы, прежде всего — М. Восленский, который вместо термина «новый класс» употребляет другой — «номенклатура». Сам Джилас признает правомерность этого термина, считая, что он отражает тот же феномен, который описан и им. В предисловии к книге Восленского Джилас пишет:

«Предшествовавшие М. С. Восленскому авторы называли этот слой «партократией», «кастой», «новым классом», «политической (или партийной) бюрократией», хотя и писали об одном и том же объекте. Но нет сомнения: термин «номенклатура» совершенно оправдан, когда речь идет об установившемся иерархическом режиме советской партбюрократии и связанных с нею бюрократий»<sup>2</sup>.

Отметим, что Джилас избегает термина «элита». Восленский использует его, хотя и изредка. Для Восленского элита — это социальный слой, из которого черпается номенклатура, так сказать, социальная база последней. Думается, однако, что соотношение понятий элиты и номенклатуры несколько иное. Элита (имеется в виду политическая и политико-административная элита) — это высший слой советской номенклатуры. Но, повторяем, терминологические различия являются вопросом второстепенным. Восленский пишет о номенклатуре как о классе, привилегированном классе советского общества, классе правящем, классе эксплу-

<sup>1</sup> Джилас М. Лицо тоталитаризма. — М., 1992. — С. 272.

<sup>2</sup> Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. — М., 1991. — С. 77.

ататорском. Это прежде всего и объединяет его с подходом Джиласа, ставя его в ряд продолжателей его концепции.

## **Смена поколений советской элиты**

До сих пор мы говорили о советской элите в целом. Но эта элита претерпела сложную эволюцию: каждое новое поколение этой элиты и похоже на предыдущее, и, вместе с тем, значительно отличается от него. Поэтому эволюцию советской элиты можно представить как смену поколений элиты, каждое из которых обладает специфическими характеристиками.

Можно выделить четыре поколения этой элиты: первое — «ленинская гвардия», осуществившая революцию, мечтавшая о мировой революции, рассматривавшая российскую революцию как базу революции всемирной; в ее костер они готовы были бросить страны и народы, включая свой собственный. Внутри этой элиты разворачивается ожесточенная междоусобная борьба за власть после смерти Ленина.

Второе поколение этой элиты — сталинисты, жесткие дисциплинированные исполнители воли Сталина, фанатично преданные харизматическому вождю. Происходит смена ориентаций этой элиты: берется курс на построение социализма в «отдельно взятой стране», на модернизацию милитаристско-мобилизационного типа, «подстегиваемую» широкомасштабными репрессиями, которые ряд политологов квалифицирует как геноцид по отношению к собственному народу.

Третье поколение советской элиты — элита бюрократии и партийных функционеров, лидерами которой были Хрущев и особенно Брежнев, максимально расширивший ее права и «вольности». Это был период институциализации и рутинизации номенклатурной элиты,

время относительно стабильных элитных карьер. В конце этого периода — в 70-х — первой половине 80-х годов у власти находится элита застоя, геронтократическая элита.

Наконец, четвертое (и последнее) поколение советской элиты — «перестроечная» элита. По своему составу она была неоднородной, хотя политически в ней преобладали реформаторы во главе с Горбачевым, стремившиеся модернизировать застойную социально-политическую систему, построить социализм с «человеческим лицом», проводившие курс на гласность и демократизацию режима. Трагедия этой элиты заключалась в том, что у нее были определенные пределы ее реформаторства, связанные с советским партократическим режимом. Социально-политическая система, которой они управляли, была принципиально не реформируема, она нуждалась не в модернизации, а в трансформации в иную социально-политическую систему. Но эта функция не могла быть выполнена этой элитой (тогда она и не была бы советской элитой), она была выполнена уже постсоветской элитой. Правление этой элиты многие политологи рассматривают (и не без основания) как размен власти на собственность.

Менялась и внешнеполитическая стратегия разных поколений этой элиты. Романтические грезы о мировой революции сменились — для второго и третьего ее поколения — имперской идеей, усилением и расширением государства, превращением его в супердержаву. Четвертое поколение осознает поражение СССР в «холодной войне», сдает свои внешнеполитические позиции, приведя к развалу «социалистический лагерь».

Эволюция и смена поколений советской элиты (собственно, она типична для эволюции элиты, описанной Г. Москвой) — это история ее зарождения, прихода ее к власти, укрепления ее могущества, а затем вырождения, упадка и краха. Ее история свидетельству-

ет о том, что на определенном этапе исторического развития, решая задачи ускоренной модернизации страны, используя военно-мобилизационный тип развития на этапе, когда еще возможно было экстенсивное развитие страны, эта элита сыграла свою роль — сумела вывести СССР на второе место в мире по экономическому потенциалу, добилась победы — пусть страшной ценой — в Великой отечественной войне, а в послевоенный период сумела сравняться с другой супердержавой, и даже со всем противостоящим блоком наиболее развитых стран мира — с НАТО, по своему военному потенциалу. Но она же показала свою неэффективность в условиях современной научно-технической революции, она не смогла ввести страну в постиндустриальное, информационное общество, которое требует адекватной ему социально-политической системы, системы, которая угрожала самому существованию этой элиты и поэтому была ей глубоко враждебна.

Те историки и политологи, которые утверждают, что правящая элита в советском обществе была бездарной и некомпетентной, лишь обнаруживают свою односторонность (как обнаруживали свою односторонность советские историки, объявлявшие таковой всю дореволюционную российскую элиту). В этом вопросе особенно необходим исторический, максимально объективный подход, свободный от конъюнктурных политических пристрастий. С этих позиций следует подходить и к оценке советских элит. Это были подчас люди, фанатично преданные делу, идее, пусть ложной, будь то мировая революция или социализм и коммунизм в одной стране, люди, часто не имевшие личной жизни. «горевшие» на работе; это были люди, спаянные железной дисциплиной, умевшие, не колеблясь, использовать все средства, в том числе и антигуманные, аморальные, для достижения поставленных целей, настойчиво осуществлять свои стратегические за-

мысли, используя все наличные людские и природные ресурсы, мало заботясь о судьбах отдельных людей и даже миллионных масс. Вместе с тем это была элита приспособленчества, в условиях «большого террора» она «колебалась только вместе с генеральной линией партии». В ней утвердился своеобразный принцип «отрицательного отбора» — высоко порядочные, высокоинтеллектуальные люди могли пройти сквозь сито партийно-номенклатурной селекции разве лишь в порядке редкого исключения или умело демонстрируя (или имитируя) свою лояльность и исполнительность. Социальный характер и политическое лицо этой элиты, методы ее правления убедительно описаны в книге советолога А. Авторханова «Технология власти».

Несомненно, что советская элита несет огромную долю ответственность за гигантские жертвы, которые понесли русский и другие народы Советского Союза — десятки миллионов жертв гражданской войны, коллективизации, репрессий КГБ, за вовлечение страны в изнурительную гонку вооружений, за политику, приведшую страну к общенародной катастрофе, к глубочайшему экономическому кризису.

Отметим и то, что нельзя абсолютизировать противоположность дореволюционной и советских элит. При всей радикальности смены элит после Октябрьской революции нельзя не разглядеть и черты определенного сходства чиновничье-бюрократической элиты царской России и советской партийно-административной элиты. Тут как бы воспроизводится тот же бюрократический тип чиновника, подобоострастного к начальству, надменного по отношению к управляемым (в советских условиях это называлось «комчванством»), карьеризм, погоня за начальственными должностями, привилегиями. Забегая вперед, скажем, что эти традиции российских административных элит быстро воспроизвела и постсоветская элита: несмотря на «демократическую»



фразеологию, она никак не может отказаться от привычных административно-бюрократических методов управления.

Небезынтересно отметить особенности каждого поколения советской элиты, начиная с первого.

Расправившись с царской политической элитой, с лидерами буржуазной бюрократии, большевики, захватив власть, расставив своих людей на важнейшие политические посты, спешно формируют политико-административную элиту. Из контрэлиты профессиональных революционеров большевистская верхушка превратилась в правящую элиту, сосредоточив в своих руках все рычаги власти, практически ни с кем не блокируясь (короткий период блокирования с левыми эсерами скоро прервался) и утверждая, что они действуют от имени рабочего класса и всех трудящихся. Бывшие профессиональные революционеры, занявшие ведущие политические посты, не имели навыков государственного управления. В большинстве своем искренне верившие в коммунистические идеалы, революционные романтики, они далеко не всегда могли квалифицированно выступать в новой для себя роли. Сразу же после революции потребовалось создание разветвленного аппарата управления и, следовательно, широкое рекрутирование политико-административной элиты. Многие из рекрутантов были прагматиками, честолюбцами, карьеристами, вступление в партию служило для них пропуском на командные должности. В новой элите нашлись и крупные организационные таланты, которые смогли себя проявить именно при новом режиме и не могли реализовать себя в старой сословно-монархической политсистеме. Нельзя недооценивать организационные и публицистические таланты Ленина, Троцкого, Зиновьева, Сталина, Бухарина, Каменева, Рыкова и других партийных руководителей.

Ленинское поколение элиты было значительно мо-

ложе дореволюционной элиты, ее образовательный уровень даже превышал уровень предыдущей элиты, но эти позитивные моменты перечеркивал ее аморализм, установка на то, что для великой цели — социалистических преобразований — все средства хороши (Ленин сформулировал это в виде тезиса о том, что нравственно все, что укрепляет диктатуру пролетариата, способствует построению коммунистического общества), пренебрежение к народным традициям, укоренившейся в народе культуре, его менталитету, убежденность в том, что человеческая природа подвижна, что людьми можно манипулировать, подвергнув коммунистической индоктринизации. Кстати, подобное же пренебрежение традициями и менталитетом российского народа продемонстрировала и постсоветская элита, которая пыталась насаждать реформы сверху необольшевиистскими методами (хотя ее ценности и были по своему содержанию противоположными ценностями предшествующей элиты).

В структуре советской элиты интеллигенты составляли меньшинство, большинство же было за рабочими, люмпен-интеллигенцией, маргиналами, ненавидевшими старую элиту за свои прошлые неудачи, мстительными, лишенными культурных корней и традиций и готовых к крайне жестоким методам управления. Ленин писал в «Очередных задачах советской власти»: «Мы Россию отвоевали... Мы должны теперь Россией управлять». Новая элита стала управлять авторитарными, диктаторскими методами; чрезвычайные обстоятельства — революция, гражданская война, необходимость преодоления разрухи — служили основаниями того, что политические назначения производились подчас непосредственно высшими партийными лидерами, которые не обращались к демократическим процедурам (и даже к предварительному обсуждению кандидатур на эти должности в ЦК РКП (Б). Узкий круг партийных

лидеров занимал важнейшие политические, советские, военные посты, сразу же началась практика совмещения партийных и советских постов

В ходе революции и гражданской войны руководители компартии сплотились в единую властвующую группу, объединенную общей идеологией, общим интересом, наконец, близкими отношениями (в том числе неформальными). Ленин признавал, что реальная власть в стране осуществлялась «тончайшим слоем» наиболее авторитетных партийных руководителей, т. е. партийной элитой.

Отрыв партийной элиты от партийных масс и тем более от широких слоев институтизируется, закрепляется системой номенклатурных привилегий для партийных функционеров, которая формируется начиная с 1921 г. Следует заметить, что этот элитизм в руководстве партией вызывал активное противодействие, он критиковался группами «демократического централизма» и особенно «рабочей оппозицией». Отметим, что брошюра Троцкого «Новый курс» была отчасти посвящена проблемам взаимоотношениям партийной элиты и партийной молодежи, там ставились вопросы обновления и омоложения партийной элиты как средства борьбы против бюрократизации партаппарата, оторвавшегося от масс. Брошюра эта подлила масла в огонь внутрипартийной дискуссии и настроила против Троцкого большую часть партийной элиты.

С болезнью и смертью Ленина начался раскол в партийно-государственной элите, острейшая межличностная борьба; сначала борьба большинства членов Политбюро — Зиновьева, Каменева, Сталина, Бухарина, Рыкова — против Троцкого и его сторонников, затем пришла очередь быть жертвой Зиновьеву, Каменеву и их группировке; наконец, большинство нового состава Политбюро во главе со Сталиным разгромило Бухарина, Рыкова, Томского и их сторонников. Как известно,

итогом этой борьбы было установление единоличной диктатуры Сталина.

Имеется гигантская библиография работ, пытающихся объяснить феномен Сталина, но эти книги оставили множество «белых пятен». Ведь другие члены ЦК были умнее, образованнее Сталина. Ответ заключается прежде всего в том, что он сделал ставку на тот социальный слой — партийную бюрократию — опираясь на который он смог добиться абсолютной власти. В контексте элитологии особенно важно обратить внимание на один аспект, связанный с проблемой, поставленной М. Вебером — харизмы и, особенно, наследования харизмы. Думается, что Сталин не был столь образованным человеком, чтобы читать М. Вебера (в отличие от трудов Н. Макиавелли, в его библиотеке найден экземпляр «Государя» с пометками Сталина). Но он мог интуитивно понять суть проблемы, теоретически решенной Вебером, — легитимизации власти нового харизматического лидера, легитимизации наследования харизмы. Для этой легитимизации Сталину нужно было доказать, что харизматическое наследство Ленина перешло к нему. Но ведь старшее поколение большевистской элиты знало, что это не так. Но тем хуже было для этого поколения. Сталину нужно было освободиться не просто и не только от соперников, но и от целого поколения первой советской элиты, знавшего, что Сталин отнюдь не был ближайшим соратником Ленина. Значит, нужно было создать миф о легитимности передачи харизмы. И Сталин его создает, начиная со знаменитой клятвы на похоронах Ленина «Уходя от нас, товарищ Ленин завещал... И мы клянемся, что выполним эту заповедь...». Кстати, чтобы инициатива не была перехвачена Троцким, Сталин дезинформировал того о дате похорон (и тот, будучи на Кавказе, не успевал на похороны). От нескольких поколений молодых коммунистов скрывали «Письмо к съезду», в котором Ленин

предлагал заменить Сталина на посту генсека. И Сталин, и его приспешники создали не просто легенду, а целую мифологию, обосновывающую легитимность перехода харизмы от Ленина к Сталину, целый псевдофольклор типа вошедшего в хрестоматию того времени стихотворения: «... Два сокола ясных вели разговор. И соколов этих все люди узнали. Первый сокол — Ленин, второй сокол — Сталин». Была создана знаменитая киполениниана 30-х годов, в которой Ленин появляется в самые драматические моменты в сопровождении Сталина, советуется с ним по самым важным вопросам. Получалось, что Ленин и Сталин были не разлей-вода. И эту ложь старая партийная элита не могла принять, и она была обречена.

В беспрецедентных в мировой истории репрессиях сыграл свою роль сталинский восточный менталитет. Как происходили типичные дворцовые перевороты в восточных странах? Например, сын султана (особенно не старший сын, не имевший прав на трон), втягивает в заговор против султана часть дворцовой гвардии (в Турции — янычар). Но после убийства султана новый султан чувствует свою зависимость от тех янычар, которые осуществили заговор. Тогда он освобождается от ненужных свидетелей, приказывая казнить янычар, участвовавших в заговоре. А затем — казнить тех янычар, которые убили предшествующую группу янычар. И когда все причастные к заговору — прямо или косвенно — уничтожены, султан чувствует себя прочно сидящим на троне. Сталин чувствовал себя прочным и абсолютным властителем, когда он волна за волной уничтожал или «прочесывал» ненадежную элиту.

По отношению к элите Сталин действовал не только методом кнута, но и пряника. Он явился подлинным создателем развитой системы номенклатурных привилегий, которая лишь конкретизировалась, пе-

сколько видоизменялась следующими поколениями советской элиты. Эта система включала элитное жилье, спецмагазины и спецстоловые, спецбольницы, «пакеты» (вторая «секретная» зарплата, не облагаемая налогами) и т. д. М. Восленский считал, что именно Сталин создал номенклатуру, при помощи которой он и управлял страной. Джилас считал, что именно он является создателем и главой «нового класса». Поняв, что старую партийную элиту невозможно трансформировать в послушный инструмент своей воли, он ее уничтожил. Пиком террора была ежовщина. В результате того, что в ходе репрессий «ленинская гвардия», элита первого поколения была большей частью ликвидирована, преемственность между первым и вторым поколениями советской элиты была в значительной мере прервана. Уничтожены были не только антисталинисты и инакомыслящие, но по существу в целом генерация ленинской элиты. Сталину нужна была элита не просто лояльная, но готовая идти за вождем в огонь и воду, горячо одобрять все его начинания (в том числе и новые репрессии по отношению к самой элите). Сформированная из низов новая элита обеими руками держалась за обретенную власть, защищала свой новый статус.

П. Сорокин, изучавший процесс взлета и падения элит (он использовал термин «аристократии»), писал, что быть элитой в монархии Романовых (Габсбургов, Гогенцоллернов) означало иметь самый высокий социальный ранг. «Падение династий привело к «социальному падению» связанных с ним рангов. Большевики в России до революции не имели какого-либо особо признанного высокого положения. Во время революции эта группа преодолела огромную социальную дистанцию и заняла самое высокое положение в русском обществе. В результате все ее члены *en masse* были подняты до ста-

туса, занимаемого ранее царской аристократией»<sup>1</sup>. (Последнее положение представляется неточным, политической элитой стали не все члены партии, а ее верхушка, Г. А.). Приведем мнение другого русского политолога и эмигранта Г. Федотова, который пишет в статье «Создание элиты»: «Новый правящий слой, который сформировался в России и уже резко отталкивается от народной массы, связан исключительно с государством... при всех усилиях его цивилизации он остается совершенно варварским». Разумеется, суждения Федотова весьма субъективны. Гораздо интереснее сравнение им первого и второго поколений советской элиты: «Первый полуинтеллигентский слой сподвижников Ленина: все эти Луначарские, Каменевы, Троцкие... не оставались чужды культуре XX века. Сталин от нее совершенно свободен, как и тот низовой полуграмотный слой, который он вызвал с собой к власти»<sup>2</sup>. Имели ли основания эти суждения? Расправившись со старой гуманитарной интеллигенцией, в числе которой было немало выдающихся ученых мирового масштаба, частью выслав их из страны, частью репрессировав, новый режим заполнял вакуум новобранцами — выпускниками рабфаков, Комакадемии, Института красной профессуры. Научный и нравственный уровень этого слоя резко снизился. Однако это не относилось в такой мере к технической интеллигенции. Задачи модернизации промышленности России требовали высокопрофессиональных специалистов, и технократически ориентированные руководители советского правительства создавали условия для деятельности технической интеллигенции, устанавливая им высокие оклады, хотя и они не избежали репрессий (процесс «Промпартии»).

В результате сталинских преобразований политической системы страны и особенно ее элиты были ликви-

---

<sup>1</sup> Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. — С. 375.

<sup>2</sup> Федотов Г. Судьба и грехи России. — СПб, 1992. — С. 217, 109.

дированы следы всякой оппозиции, установлен тоталитарный режим, элита сталинистов сформировалась по принципам личной преданности вождю и страха перед ним. Народные массы, в том числе рядовые коммунисты, были полностью отстранены от решения кадровых проблем, которые были прерогативой парткомов и их лидеров. Партия из революционной трансформируется в управленческую, превращается в важнейший элемент политического управления, это было огосударствление партии де-факто. Руководство партии превратилось в полузакрытую элиту, стоящую над обществом, ее управление носило директивный, командный характер.

Сталинская элита была жестока, беспощадна по отношению к своему народу, да и к самой себе. Тем не менее, она смогла мобилизовать массы на модернизацию страны и добиться несомненных успехов (второе место в мире по объему производства, победа в Великой Отечественной войне), пусть ценой колоссальных жертв. Советская элита доказала, что авторитарные и тоталитарные методы могут дать результаты на определенном этапе, в условиях мобилизационного типа развития. Именно в условиях сталинской тоталитарной диктатуры сложились механизмы власти советской элиты, которые в дальнейшем пытались модернизировать, либерализировать, но их основы остались неизменными; их пролонгация привела к загниванию всей политической системы, к застою, а попытки отойти от них привели в конечном счете к краху системы.

Переход от второго к третьему поколению советской элиты был менее крутым, не означал разрыва между поколениями элит, но был по-своему драматичен. Достаточно сослаться на XX съезд КПС с докладом Хрущева с разоблачением культа Сталина, с последующей «оттепелью». Некоторая либерализация режима показалась опасной элите сталинистов и они сделали в 1957 г. попытку дворцового контрпереворота. Его про-



вал связан с тем, что Хрущев контролируя секретариат ЦК и орготдел ЦК, привлек на свою сторону большинство членов и кандидатов в члены ЦК и рядом маневров добился того, что вопрос решался не на Политбюро, контролируемом сталинистами, а на пленуме ЦК КПСС, закончившемся разгромом группы Молотова, Маленкова, Кагановича и др. сталинистов. Десятилетие руководства Хрущева интересно для элитологов и с точки взаимоотношения авторитарного лидера и элиты. В течение этого десятилетия он изгонял с командных постов явных сталинистов, выдвигал на их места своих людей. Каково же было удивление и горькое разочарование Хрущева, когда его в 1964 г. предали его же выдвиженцы. А удивляться было нечему: социологи элиты убедительно разъясняют по этому поводу, что групповые интересы элиты приоритетны в системе ценностных ориентаций ее членов. Партократическая элита была недовольна постоянными экспериментами Хрущева по переструктуризации партийного и государственного аппарата (разделение обкомов и райкомов, образование совнархозов и т. д.), которые сильно нервировали элиту, порождали неуверенность в ее будущем. Иначе говоря, групповые интересы возобладали над личной преданностью лидеру.

Элитный «дворцовый переворот», вознесший на вершину власти Брежнева, был переворотом элиты и для элиты. Организационные преобразования брежневского ЦК по сути своей были всего лишь откатом от хрущевских реформ и кое в чем напоминали известный указ «О вольности дворянской», они укрепляли всю иерархию номенклатурных элит, расширяли их полномочия, увеличивали их бесконтрольность, приведя к огромному росту коррупции (впрочем, справедливость требует отметить, что процесс этот начался в предыдущем десятилетии), к опасному для государства расширению теневой экономики. Для этого периода особенно

характерна тенденция прихода к власти целых кланов, полумафиозных группировок, типа «днепропетровского клана» Брежнева; группировки держались на взаимной поддержке и взаимном покровительстве, своего рода круговой поруке. В особо открытых и беззастенчивых формах власть клановой элиты реализовывалась в союзных республиках Средней Азии, Закавказья, в ряде регионов страны.

Загнивание, застой общества начался именно с загнивания, деградации элиты. Именно к этому периоду относятся многочисленные скандалы, связанные с «элитными» семьями Брежнева, Щелокова и др. Застой этого слоя способствовало резкое уменьшение мобильности элиты, в особенности вертикальной, — типичная черта стагнации, которая привела к власти элиту геронтократии, неспособную принимать неординарные решения и всеми силами стремящуюся лишь к пролонгации своего господства. Люди, занимающие высшие посты в партии и государстве, стали фактически несменяемыми, они умирали, занимая высокие посты. Менее чем за три года страна торжественно похоронила трех генсеков. Конечно, не геронкратическая элита, не ее коррупция и связанные с ней скандалы — причина застоя, это ее пена, один из его симптомов, но симптом характерный (подобно распутинщине при Николае II). Брежневско-андроповско-черненко-вская элита одряхлела не только по возрасту, но и по своим убеждениям, по своему менталитету, явно не вписывающемуся в потребности развития страны. Застой — это упадок страны, но вместе с тем это — праздник, это лучшие годы партократической элиты. Пышным цветом расцвели семейственность, низкопоклонство, лесть по отношению к начальству.

Кто был оптимальным политическим лидером правящей элиты в СССР? Думается, не Сталин, хотя он внес наибольший вклад в ее создание и наводил на нее

панический страх своим чудовищным террором; не Хрущев, который пугал ее своими экономическими и политическими импровизациями; тем более, разумеется не Горбачев, который для нее — предатель корпоративных интересов; скорее всего, им был Брежнев (и его бледная тень — Черненко), который максимально расширил вольности этого слоя.

Хотя постсталинская элита продолжала ностальгически вспоминать «отца народов», в душе она вздохнула с облегчением, она избавилась от кошмара возможного ареста, пыток, расстрелов. Постсталинская элита отказалась от перманентных репрессий, угрожавших ей самоистреблением. Как мы видели, смены элит в середине 50-х годов — сталинской на реформаторскую — не произошло, это во многом связано с тем, что народ продолжал оставаться пассивным, сломанным сталинскими репрессиями и идеологической машиной, да и сама постсталинская элита была плотью от плоти сталинизма и боялась радикальных сдвигов. Попытки Хрущева и Косыгина реформировать управление страной и особенно ее экономикой встретили упорное сопротивление элиты, которое они не смогли преодолеть. Изменилась структура отношений между политическим лидером и элитой. Сталин стоял вне и над элитой. Брежнев был первым среди элиты, он был «свой». Коллективное руководство, сформировавшееся при Хрущеве и получившее наибольшее развитие при Брежневе, означало максимум власти верхушки правящей элиты (при минимуме ответственности).

Время третьего поколения советской элиты — это время институтизации и, как сказал бы М. Вебер, рутинизации ее власти. Были четко зафиксированы механизмы передвижения на руководящие должности, расписаны привилегии, которые имели члены элиты того или иного уровня. Стабильность брежневской элиты, ее закрытость перенесли в стагнацию. В период застоя был

спрос на серость, заурядность: элита застоя не была заинтересована в том, чтобы выдвигать к руководству талантливых, высокообразованных и тем более нонконформистских лидеров (они слишком контрастировали бы с этой элитой застоя). К началу 80-х годов анемия верхов была похожа на анемию элиты царизма накануне революции. А поскольку больше всего советская элита стремилась к пролонгации своей власти, в структуре советской политсистемы не существовало легитимных путей и традиций смены элит. Отчасти и поэтому курс горбачевской реформаторской элиты на перестройку был полностью неподготовленным.

Перестройка была необходима для элиты, для ее самосохранения; Горбачев в действительности был не предатель советской элиты, он попытался использовать шанс для того, чтобы ее спасти. Перестройка была неизбежна, потому что, если воспользоваться формулой Ленина, верхи не хотели, а низы не могли жить по-старому. Перестройка объективно, независимо от намерений ее инициаторов, с самого начала ориентировалась не на ликвидацию власти правящей элиты, но на ее трансформацию, даже «облагораживание». Но перестройка при всей ее непоследовательности посягала на привилегии этого слоя. Его положение было глубоко противоречивым. С одной стороны, курс на демократизацию и гласность подрывал ее устои, с другой — это слой, существовавший для того, чтобы проводить «установки сверху» (во всяком случае, таким его и создал Сталин), не смел открыто выступить против перестройки, ибо само его существование зависело от лояльности курсу, провозглашенного генсеком. Шесть лишним лет перестройки были периодом резких персональных изменений в правящей элите общества, но она сохранялась как та же социальная группа. Партократическая элита по-прежнему сохраняла свою власть.

И получалось, что перестройку воплощали в жизнь люди, для большинства которых она была как кость в горле. И уже только по этой причине перестройка была обречена.

Проводя свои политические преобразования, Горбачев опирался на уже существовавшие политические структуры и властные механизмы, внося в них персональные изменения. Он повторил ошибку Хрущева, о которой мы говорили выше (похоже, собственная история ничему не учит наших лидеров, в том числе и нынешних: достаточно сопоставить афганскую и чеченскую войны). И с ним произошло в августе 1991 года то же, что с Хрущевым в октябре 1964-го. Горбачева предало его же ближайшее окружение. Опять-таки, корпоративные интересы элиты оказались определяющими.

Выявилась и еще одна существенная ошибка Горбачева — легковесность решения им проблемы сколачивания своей команды, своего ближайшего окружения, своей «внутренней партии», как бы сказал Дж. Оруэлл (тут уместен и термин, который использовала бывший представитель США в ООН политолог Джин Кирпатрик — «президентская элита» — люди, являющиеся ближайшими соратниками лидера<sup>1</sup>). Горбачеву так и не удалось создать действительно сплоченной команды, безоговорочно преданной лидеру, понимающей его с полуслова. Ему показалось достаточным, что партаппаратчики проявили лояльность генсеку (а что, собственно, им оставалось делать, если они хотели сохранить свои посты?) и, продвигая одних номенклатурщиков на несколько ступенек вверх, он полагал, что купил их действительную лояльность и ввел в политическую элиту лишь минимальное число неноменклатурщиков.

---

<sup>1</sup> См.: Kirkpatrick J. The New Presidential Elite, N. Y., 1976

**Сравнительная динамика кадровых перестановок  
в первые годы правления Брежнева и Горбачева (чел.)<sup>1</sup>**

		Годы правления					
		1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й
Брежнев	Выведены из состава Политбюро и Секретариата	2	2	3	—	—	—
	Введены в состав Политбюро и Секретариата	1	4	7	—	—	—
Горбачев	Выведены из состава Политбюро и Секретариата	2	6	4	6	5	21
	Введены в состав Политбюро и Секретариат	5	7	2	3	9	25

Собственно, всякий раз с избранием нового генсека перестановки в элите были неизбежны, каждый из них опирался на собственное ближайшее окружение, свою команду. Если Сталин сколачивал свою команду семь лет, Хрущев и Брежнев — более трех лет каждый, то Горбачев наскоро сколотил ее за год, а затем постоянно менял ее состав. Зато он произвел наиболее радикальные перестановки в элите за предыдущие пятьдесят лет — со времени сталинских чисток. Кроме того, он снимал с постов своих собственных выдвиженцев (министра обороны Соколова, Первого секретаря МК Ельцина, секретаря ЦК Добрынина), а в 89—90 годах снял со своих постов подавляющее большинство тех, с кем он начинал перестройку.

За годы перестройки ЦК КПС обновился почти на 90%. Особенно велики были перемещения внутри

<sup>1</sup> См. подробнее: «Политические процессы в условиях перестройки», под редакцией О. В. Крыштановской. — М., 1991. — Вып. 1. — С. 8—27.

партийной и государственной элиты в 1989—90-х годах. Целые группировки и кланы старой элиты лишались своих постов. Это было глубочайшее потрясение правящей элиты, но, тем не менее, все же не было ее заменой, в социальном плане это не было сменой элит. Однако эти перемещения подорвали авторитет номенклатурной элиты, ее властные позиции.

Сам Горбачев был выдвиженцем Андропова, сам он состоял в его команде и долгое время считал, что люди Андропова теперь, после его выдвижения на пост генсека стали его «людьми», именно их он оставлял на руководящих постах (во всяком случае, до 1989 года), «вычищая» людей Брежнева и Черненко. Но курсы Андропова и Горбачева — это существенно разные курсы — и по радикальности, и по степени демократизации режима, которую они могли допустить. И люди из команды Андропова, доставшиеся по наследству Горбачеву, были не мене напуганы возможными последствиями перестройки для номенклатурной элиты, чем и другие члены последней, «вычищенные» Горбачевым. Когда второго секретаря обкома Горбачев делал первым, когда секретаря обкома Горбачев делал секретарем ЦК КПСС, это еще не значило, что они будут ставить преданность патрону выше, чем интересы своей социальной группы — элиты партократии.

К концу срока своего руководства страной Горбачев начал осознавать этот факт, и принял ряд решений о разработке механизмов передачи ряда властных полномочий от парткомов к Советам народных депутатов и трудовым коллективам. Начинается процесс ослабления роли Политбюро и Секретариата ЦК КПСС и, соответственно, нижестоящих парткомов. Горбачев вызывает дружную ненависть со стороны партократической элиты, которая сочла его предателем в собственном стане. Передача ряда властных полномочий от КПСС к Советам и другим общественным организациям было уда-

ром по монополии партии на политическую власть. Это вылилось в переход центра власти от ЦК КПСС к Съезду народных депутатов, к отмене пресловутой 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС, демократизации избирательной системы (выборам на альтернативной основе). От такого удара партократическая элита уже не смогла оправиться.

Начиная реформы, Горбачев понимал, что они опасны для властной элиты, шли вопреки желаниям партократической элиты, интересы которой он выражал (подобно тому, как Александр II — первый крепостник России — освобождал крестьян вопреки воле большей части помещиков), но это делалось для того, чтобы спасти больную систему и, вместе с тем, спасти и сохранить правящее сословие или правящую элиту.

Семидесятилетняя история советских элит претерпела две главные трансформации — сталинскую мясорубку и перестройку. Причем обе эти трансформации были изменениями внутри одного качества. Крах перестройки означал крах советской элиты, после него на повестку дня был поставлен вопрос о смене элит. Горбачев изменил политический курс страны, осуществил глубокие изменения (персональные) в составе политической элиты, и все же это не было сменой элит. Удалось ли осуществить смену элит в постсоветский период? Это будет предметом следующего параграфа.

Семидесятилетняя история советской элиты показала, что ей удалось выполнить определенные задачи, возникшие на первом этапе модернизации страны — на этапе движения к индустриальному обществу, в период экстенсивного роста промышленного потенциала страны; ей вообще удавалось решать задачи в условиях чрезвычайного положения — революции, войн, задачи мобилизации масс на широкие социальные действия — индустриализацию, коллективизацию. Но эта элита не смогла выдержать испытание демократией, она была



неспособна перестроиться на демократических основах, это было для нее самоубийством. Ослабление роли партаппарата в период перестройки<sup>1</sup> ослабило его контроль над региональной и республиканской элитами, которые становились все менее управляемыми, все более автономными от центра, что раскачивало весь каркас властных отношений в стране и вылилось в распад Советского Союза.

Выполнив определенные задачи первой волны модернизации (индустриализации страны), эта элита не смогла ответить на вызов второго этапа модернизации, на вызов постиндустриального общества (проиграв соревнование с Западом в условиях научно-технической революции). К сожалению, на вызов постиндустриального информационного общества не смогла (пока?) ответить и нынешняя постсоветская элита.

Итак, мы рассмотрели коротко историю советской элиты; мы видели, что Октябрьская революция привела к коренной смене элит. Но обязательно ли новая элита оказывается лучше старой? Один из лидеров кадетов, выступая в Государственной Думе незадолго до революции 1917 года, говорил о том, что хуже, некомпетентного правительства быть не может. С тех пор на протяжении нынешнего столетия вплоть до нашего времени мы не раз могли убедиться, как он недооценил тогда наши возможности...

Поскольку у новой советской элиты катастрофически не хватало квалифицированных кадров, а прежняя либо эмигрировала, либо подвергнута репрессиям, была расширена социальная база рекрутирования элиты за счет рабочих, крестьян, маргинальных слоев,

---

<sup>1</sup> Обратим внимание на то, что все теоретики компартии, все ее лидеры от Ленина до Черненко говорили о необходимости возрастания роли партии в жизни страны, и лишь Горбачев, на словах повторяя этот идеологический штамп, привел к уменьшению этой роли.

люмпен-интеллигенции, но качество этой элиты было весьма низким. Г. Федотов назвал власть этой элиты «диктатурой худших».

Известно, что правящий класс создает механизм своей политической власти, своего социального и морального влияния, получивший на Западе весьма емкое определение — «истеблишмент», и только в этом случае его господство актуализируется. Важнейшим элементом создания этого механизма и является выделение правящей элиты, которая обладает навыками управления, интегрирует господствующий класс, выявляет и реализует его интересы. Поэтому качество правителей — важнейший индикатор здоровья политической системы. На это обращали внимание многие мыслители, в том числе Х. Ортега-и-Гассет, Н. А. Бердяев, который утверждал, что если коэффициент интеллектуальности (IQ) падает ниже критической черты, это важнейший показатель упадка страны. Показатель этот у советской элиты был низким (хотя его, разумеется, никто не измерял, и данное суждение подкреплено лишь косвенными данными), и особенно это относится к эпохе застоя. Впрочем, и в 1994 году депутат Госдумы Б. Федоров утверждал, что средний уровень интеллекта по стране выше, чем в правительстве и в Думе<sup>1</sup>.

Лишь в начале своего правления советская элита была элитой революционеров и реформаторов, ориентированных на радикальные преобразования. В дальнейшем она становится все более консервативной, что особенно выявилося в период застоя, который был периодом деградации элиты, ее старения, характеризовался крайне низкими темпами ротации, недопущением в нее ярких, неконформистских лидеров. Среди других задач перестройка, когда явную роль в элите играла

---

<sup>1</sup> Известия. — 22.11.1994.

ее реформаторская часть, выполнила и функцию омоложения одряхлевшей элиты застоя (так, если средний возраст «брежневской» элиты был 61,8 года, то средний возраст «горбачевской» элиты был 54,0 года).

Советская элита жестоко эксплуатировала народные массы, и уровень этой эксплуатации был значительно выше, уровня эксплуатации трудящихся в странах Запада. Н. А. Бердяев писал: «Новая советская бюрократия, более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может жестоко эксплуатировать народные массы»<sup>1</sup>.

Любой господствующий класс идеологически оправдывает и обосновывает свое господство — ссылками на Бога или на традиции, порой даже на социальную справедливость. Советская элита, этот «новый класс», пошла дальше, она, как правильно отмечал М. Восленский, скрывала самое свое существование; в официально апробированной советской идеологии этого класса или социальной группы не существует, есть только два дружественных класса и прослойка интеллигенции. И особенно тщательно эта элита скрывала свои привилегии — спецраспределители и спецжилые, высокие оклады и спецдачи — все это было возведено в ранг государственной тайны.

Особенность «нового класса», как мы видели, заключалась в том, что эксплуатация им народных масс осуществлялась не посредством частной собственности на средства производства, но посредством коллективной собственности этого класса. Поэтому изгнание члена элиты из этой группы означало и лишение его той части государственной собственности, которая находилась в распоряжении элиты. То же самое — в случае смерти члена этой элиты, ибо дети не наследовали по-

---

<sup>1</sup> Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М., 1990. — С. 175.

сты своих родителей (это позитивный момент советской элиты, которая не докатилась до положения дел в Северной Корее, где это наследование произошло); даже существовала негласная установка на то, что дети высшей номенклатуры не назначаются на высшие номенклатурные должности, обычно они шли в другие, также престижные сферы деятельности. Кстати, такое положение дел не устраивало значительную часть этой элиты. Еще Моска писал, что каждая элита рано или поздно стремится превратиться в наследственную. Советская элита испытывала неудовлетворенность от того, что не могла передать основную свою собственность по наследству (поскольку это была государственная собственность, которой она бесконтрольно распоряжалась), и она все более стремилась превратить себя в элиту собственников, или, как говорят многие политологи и экономисты, «разменять власть на собственность», что, вообще говоря, точно выражает суть дела. Сама элита рассуждала несколько иначе: зачем менять власть на собственность, когда можно совместить то и другое; поэтому в период перестройки она использовала свое исключительное положение для того, чтобы стать собственником средств производства. Именно в конце перестройки старая элита, осознав неминуемость перехода к рынку и не желая оказаться на обочине, стремилась сохранить свое положение, дополнив власть богатством.

До распада СССР западные советологи много лет дискутировали вопрос о том, была ли советская элита единой, монолитной, или же имел место элитный плюрализм и соперничество политической, экономической и других элит. В конце перестройки к этой дискуссии присоединились и российские политологи. Одни из них присоединились к точке зрения Джиласа о том, что партократия — определяющая сила в структуре элиты, другие полагали, что такой силой является технок-

ратия, а политическая бюрократия вынуждена выполнять ее волю; один из аргументов заключался в том, что какие бы решения ни принимали съезды партии и пленумы ЦК, они не выполнялись, если противоречили технократическим установкам элиты.

Отметим, что в годы перестройки выявился раскол в советской элите на реформаторов и консерваторов; собственно, раскол в правящей элите постоянно сопровождает кризисные явления в экономике и политике. После краха советской элиты вопрос о ее монолитности или плюрализме представляет лишь академический интерес. В полной мере плюрализм элит выявился в постсоветский период.

Таким образом, хотя перестройка привела к беспрецедентным изменениям в составе элиты, она не была сменой элит, она была трансформацией той же самой элиты. Партиноменклатурная система не могла не пасть, ибо она была не в состоянии ответить на вызов времени. Ее коренной порок — в самом монопольном положении партии, которая устраняла конкурентов и критиков и тем самым лишила элиту условий для нормального развития, привела ее к деградации. Партиноменклатура была не в силах отказаться от неограниченной, бесконтрольной и поэтому растлевающей власти (ибо для нее это было равносильно самоубийству). Смена элит осталась на повестке дня. Одним из результатов перестройки была конвертация власти правящей элиты в собственность. А далее на повестку дня поставлена конвертация собственности на власть.

Августовский путч выявил момент истины. Партийно-бюрократическая элита, позиции которой оказались подорванными, попыталась взять реванш. Верхушка бюрократии — как в центре, так и в республиках и регионах — была в своем большинстве на стороне путчистов, она и была главной движущей силой путча. Ясны и причины, по которым эти люди, поставив на карту

свою карьеру, пошли на авантюру: они почувствовали, что почва уходит у них из-под ног. Ликвидация путча привела к снятию главного тормоза социального развития общества, сковывающего энергию и активность народных масс. Псевдореволюционная «перестройка сверху» могла перейти в подлинно революционную «постперестройку снизу», создав активные предпосылки для демократических преобразований. Однако эти возможности не были реализованы в полной мере.

#### **4. ПОСТСОВЕТСКАЯ ЭЛИТА**

Подавление путча сломало становой хребет партократической элите, порожденной тоталитаризмом. Но свято место пусто не бывает. Властные позиции занимает посттоталитарная элита. Что же она собой представляет? Чем отличается от предыдущей и что у них общего? А то, что это общее есть, подтверждается хотя бы тем, что многие члены новой элиты перешли в нее из старой, а также тем, что во многом она наследовала командно-бюрократический стиль прежней элиты, ориентацию на вертикальное управление, а не горизонтальное.

#### ***Произошла ли смена элит?***

Постсоветскую элиту ряд политологов поспешил назвать демократической. Однако, на наш взгляд, это несомненное забегание вперед. Во-первых, политическая система, пришедшая на смену тоталитарной, далеко не всегда является демократической. Она может быть, в частности, авторитарной (как это в 1989 году отмечали наши известные политологи И. Клямкин и

А. Мигранян). Кроме того, как уже было отмечено, на нынешнем этапе политической эволюции нашего общества явственно обнаружилось, что различия между старой и новой элитами не столь велики, как это ожидали многие политологи. И это вполне объяснимо. И та, и другая элиты состоят из людей, воспитанных в условиях долгих десятилетий господства тоталитаризма, который порождал определенную ментальность, определенные привычки и стереотипы поведения. (А соперничество этих элит еще не означает их полярную противоположность; порой близкие по целям или по структуре элиты конкурируют особенно ожесточенно. Вспомним в этой связи о смертельной схватке гитлеризма и сталинизма — двух вариантах тоталитаризма). Некоторые политологи не без оснований считают, что понадобятся годы и десятилетия для воспитания новой, подлинно демократической элиты.

Политическая культура не только старой, но и, в значительной мере, новой элиты отражает уровень политической культуры тоталитарного общества, в котором политическая апатия людей легко перерастает в политический экстремизм. Необходимо видеть, что демократические черты, которые присущи части новой элиты, должны еще долго развиваться. В этом плане интересны наблюдения Стафана Вилькановича, польского политолога, пишущего о польском опыте демократического развития. Он отмечает, что демократии в обществе (в том числе и у его элиты) ровно столько, сколько демократической культуры. А ее усвоение — длительный процесс. Он может развиваться в нужном направлении, если его участники признают себя учениками в области демократии и не будут считать себя демократами только потому, что боролись с ее врагом — тоталитаризмом. «Борьба с тоталитаризмом вовсе не является — по крайней мере не обязательно являет-

ся — школой демократии, бывает даже наоборот, так во время этой борьбы демократические учреждения не могут правильно развиваться, а кроме того, почти всегда происходит какое-то заражение злом, характеризующим противника»<sup>1</sup>. Вспомним в этой связи, такого борца против тоталитаризма, как З. Гамсахурдия.

Таким образом, новую элиту можно считать демократической лишь условно, либо же — как норматив, имея в виду, что создание демократической элиты — задача развития политической системы нашего общества. Поэтому возникает необходимость уточнить термин «демократический» по отношению к нынешней ситуации в России. Ведь вплоть до августа 1991 года он имел у нас вполне конкретное (и весьма специфическое) содержание, объединяя различные силы, выступавшие против монополии на власть партноменклатуры КПСС.

Однако, ныне, когда это положение ушло в прошлое, необходимо, чтобы термин «демократический» обрел у нас новое, собственное содержание. Антикоммунизм не может быть основанием для отнесения его сторонников к демократам, среди антикоммунистов мы находим порой таких же сторонников диктатуры, будь то тот же Гамсахурдия или таджикские фундаменталисты. Поэтому, думается, что будет правильнее заменить термин «демократическая элиты» более нейтральным — «постсоветская элита».

В пользу такого уточнения понятий можно добавить и еще ряд аргументов. Демократия — это власть народа, и ее сторонники — те, кто выражает думы и чаяния народа. Тогда можно ли считать «демократической элитой» тех, чья политика привела к драматическому падению жизненного уровня народа, ухудшению его социального обеспечения и дает основания подозревать,

---

<sup>1</sup> Новый мир. — 1992. — С. 200.



что эта элита выражает интересы не народа, а быстро обогащающегося меньшинства (зачастую, криминально обогащающегося)?

Нынешняя власть воспринимается народом, как показывают многочисленные опросы, как «чужая власть» (слова известного, ныне покойного демократического публициста Ю. Буртина), как власть узкой элиты, «приватизировавшей» государство.

По отношению к России XX века «не работает» один из наиболее принятых в социологии критериев отнесения людей к элите общества, под которой понимается группа людей, ценности и модели поведения которых приняты в обществе в качестве образцовых (и, таким образом, элита выступает как референтная группа для большинства населения). Именно исходя из этого ценностного подхода ряд социологов и особенно культурологов и публицистов утверждают об отсутствии элиты в России, в частности, в годы коммунистического правления, когда по Г. Федотову, П. Сорокину, Ф. Хайеку осуществлялась власть худших<sup>1</sup>. Некоторые социологи и сейчас полагают, что правящий слой постсоветской России еще не дорос до того, чтобы назы-

---

<sup>1</sup> Ф. Хайек убедительно доказывает, что вообще в современном массовом обществе властная группа «...скорее всего будет сформирована не из лучших, а из худших элементов любого общества... чем выше умственные способности и уровень образования отдельных индивидуумов, тем резче разнятся их вкусы и взгляды и тем меньше шансов, что они единодушно примут какую-то конкретную иерархию ценностей... Можно сказать, что наибольшее число людей может объединить только наименьший общий знаменатель. Многочисленная группа, достаточно сильная, чтобы навязать свои взгляды на основные жизненные ценности и на все прочее всем остальным никогда не будет состоять из людей с развитыми, резко индивидуальными вкусами: только люди, образующие «массу» в уничижительном смысле слова, наименее оригинальные и независимые, сумеют подкрепить свои идеалы численностью» (Дорога к рабству // Новый мир. — 1991. — № 8. С. 189).

ваться элитой<sup>1</sup>. Но ведь властный процесс в России не прерывался в советский период ее истории, не прерывается и в постсоветский, он исполнялся и исполняется определенной группой людей, и поэтому политолог, специалист по политической социологии не может не анализировать социальную страту, выполнявшую и выполняющую властные функции безотносительно к ценностным критериям, к его оценкам этой группы; иначе говоря, при анализе элитных групп (в том числе современных российских), «работающим» оказывается не ценностной, а структурно-функциональный подход. Тут можно говорить о широкой или узкой трактовке понятия «элита».

Смена элит в современной России протекает весьма специфично и отлично от того, как она осуществляется в подавляющем большинстве других стран. Известно, что в демократических (или хотя бы в нетоталитарных странах) со свержением старой элиты, элиты деградировавшей, оказавшейся неспособной осуществлять свои властные функции, к власти приходит контрэлита, становящаяся новой властвующей элитой. Причем формирование будущей элиты (контрэлиты) происходит в недрах старой социально-политической структуры, в среде политической оппозиции. Ситуация в России и вообще в странах СНГ в этом отношении весьма специфична. В условиях тоталитарной диктатуры указанный процесс деформируется, замораживается. Семь десятилетий попытки создания оппозиционных организаций безжалостно подавлялись МГБ. Тяжелейшие репрессии обрушились на диссидентское движение, его

---

<sup>1</sup> Так, известный социолог М. Н. Афанасьев пишет: «Властвующие группы в современном российском обществе уже не являются номенклатурой, но (еще?) не реализуют себя как элиты» (Клиентарные отношения в динамике российской государственности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. — М., 1997. — С. 43).

лидеры бросались в тюрьмы и лагеря, гибли в ГУЛАГе, либо вынуждены были эмигрировать.

Огромная роль в подтачивании тоталитарного режима принадлежит правозащитному движению. Оно было малочисленно (вспомним семерку смельчаков, вышедших на Красную площадь с плакатами, осуждающими вторжение войск стран Варшавского пакта в Чехословакию в 1968 г.). Но влияние этого движения в подтачивании тоталитарного колосса нельзя преуменьшать. Это была неравная борьба, «бодался теленок с дубом», пользуясь словами А. И. Солженицина, велик был ее моральный эффект. Но в том, что диссидентское и правозащитное движение не было организованной контрэлитой, готовой взять власть из рук рухнувшего режима — «заслуга» не только КГБ. В диссидентском и правозащитном движении большую роль играли те интеллигенты, которые отнюдь не стремились стать новой элитой. Вхождение во власть было противно самой природе правозащитного движения<sup>1</sup>. И плодами победы демократических сил в 1991 году воспользовались другие люди, многие из которых просто примазались к демократическому движению.

Однако несомненно, что репрессивный аппарат советского режима смог искусственно задержать формирование контр-элиты. Этот процесс интенсифицировался лишь в конце 80-х годов. Новая элита формировалась частично в недрах КПСС из тех, кто боролся с ее консервативным большинством, и тех, кто, почувствовав новые тенденции (и новые возможности для своей карье-

---

<sup>1</sup> Больше того, при новом режиме диссидентов и правозащитников достаточно мягко оттирают от власти, а иногда стремятся «приручить», подкупить подачками новой власти. Но близость к власти, как отмечают сами правозащитники, обычно оказывается губительной для их движения «Что это за главный защитник прав обездоленных, пользующийся кремлевскими льготами?» — задают они законный вопрос (Известия, 5 июня 1997 г.).

ры), поспешил отмежеваться от КПСС и примкнуть к новым структурам, частично — из лидеров неформальных движений. Новая элита (в отличие от старой элиты), неоднородна — с точки зрения как идеологических ориентаций, так и политического «происхождения», компетентности, профессиональных качеств. Тоталитарную политическую элиту отличало единомыслие, внешне «монолитное единство». Еретики из ее рядов безжалостно изгонялись, лишались возможностей продолжать политическую карьеру. Постсоветская элита плюралистична, взгляды ее разнородны.

Сравним данные, характеризующие некоторые качества советской и постсоветской элит. Вот так выглядит динамика среднего возраста элит за последние два десятилетия. Средний возраст «брежневской когорты» — 56,6 года, «горбачевской когорты» — 52,2 года, «ельцинской когорты» — 48,5 года<sup>1</sup>. Омоложение элиты — это хотя и существенный, но внешний показатель перемен, происшедших в стране и ее элите, показатель возросшей мобильности элиты (ее вертикальной мобильности, так как горизонтальная мобильность, которая как раз была высока в советские годы, сейчас несколько упала). Возрос образовательный уровень постсоветской элиты по сравнению с советской, заметно выше процент лиц, имеющих ученые степени; в ней уменьшилась доля лиц, имеющих техническое и сельскохозяйственное образование, зато значительно (почти в два раза) выше доля гуманитариев, особенно экономистов и юристов.

Тот факт, что в прежней политической элите абсолютно преобладали люди, получившие техническое образование, приводило порой к сильным технократическим тенденциям в социальном управлении. Достаточно

---

<sup>1</sup> Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. — 1995. — № 1. — С. 61.

сказать, что Госплан был более чем на 90% укомплектован инженерами, экономисты были редки, гуманитарии вообще отсутствовали. Такое положение в значительной мере относилось и к правительству в целом, где даже министрами культуры были по большей части люди с техническим образованием. Сейчас этот крен значительно выравнивается. Тенденции роста гуманитариев в политической элите посттоталитарного общества еще более характерны для стран восточной и центральной Европы. Социальной базой нынешней политической элиты в этих странах стала интеллигенция, причем в подавляющем большинстве гуманитарная и художественная. За этими изменениям стоят крупные социальные сдвиги в восточноевропейских государствах. (Попутно отметим большую ценность сравнительного международного изучения процессов смены элит в постсоциалистических странах<sup>1</sup>). Продолжим сравнение старой и новой элит. «Номенклатура», «неофеодальная элита» (термин М. Восленского) была элитой закрытой, элитой кабинетных интриг и подсиживаний, не умеющей общаться с рядовыми гражданами и боящейся их, элитой неинтеллектуальной, а порой, явно антиинтеллектуальной, умеющей лишь отдавать приказы и карать несогласных. Посттоталитарная элита является более открытой, она выше по своему интеллектуальному потенциалу (что, впрочем, относится больше к высшим эшелонам власти), выдвинута в значительной мере не «сверху», а «снизу», и уже потому умеет общаться с массами. Однако после того, как она пришла к власти, быстро обнаружилось, что качества, которые нужны правящей элите, сильно отличаются от качеств, необходимых оппозиционерам. Когда требуется не столько выступать с зажигательными речами на митин-

---

<sup>1</sup> Интересна в этом отношении монография: Lane D. and Ross C. *The Transition from Communism to Capitalism? Ruling Elites from Gorbachev to Yeltsin.*, N. Y., 1999.

гах, сколько управлять обществом, управлять повседневно и квалифицированно, выяснилось, что новая элита сплошь и рядом не готова к этой новой роли и что под ее прикрытием реально правит та же бюрократия, для которой рутинная работа привычна и удобна. Те качества элиты, которые необходимы на первом этапе преобразований, не всегда хороши на втором, когда главное — кропотливая организационная работа по возрождению экономики, решению социальных и культурных проблем.

Пока же новая элита, как это подтверждается опросами общественного мнения, вызывает разочарование в народе. Все чаще высказываются мнения, что она компрометирует в глазах народа демократические преобразования. И дело не только в том, что она оказалась профессионально слабо подготовленной к управленческой деятельности. Профессионализм, в конце концов, дело наживное. Тем более, что в составе этой элиты способные молодые экономисты, политологи и другие специалисты. Сложнее обстоит дело с ее моралью. Новая элита сплошь и рядом не выдерживает испытания властью.

Исследователи постсоветской элиты отмечают ее нравственное разложение, то, что страсть к накопительству вытесняет из их сознания идеалы демократии, что одной из причин неудач реформ в России является эгоистический и корыстный интерес этой новой элиты<sup>1</sup>. Элите бюрократии в принципе выгодно сохранить и законсервировать нынешнюю «полуразвороченную», как говорил Е. Гайдар, систему отношений собственности в России, ибо это помогает неономенклатуре нести ответственность за «ничью» собственность и распоряжаться ею, использовать ее как источник собственного

---

<sup>1</sup> Политико-административная элита и госслужба.— Вып.2.— Ростов-на Дону, 1996.— С. 16.

обогащения. В результате общество не стало демократическим, народ, как и прежде, отстранен от рычагов власти и управления, обновилась лишь элита, сменились формы ее господства (прежняя элита была однопартийной, моноидеологичной, нынешняя — плюралистической и многопартийной), формы ее эксплуатации народных масс. Вот как оценивает эту ситуацию Ю. Буртин: «Осталась система эксплуатации большинства населения» правящей бюрократической элитой, только к прежнему коллективному способу такой эксплуатации прибавились новые. Царят казнокрадство и коррупция, беспредельно царствует чиновник, а рядовой человек перед ним по-прежнему бесправен... Это ублюдочный псевдокапитализм, результат половинчатых реформ, проведенных за счет народа в пользу «обновленной» номенклатуры»<sup>1</sup>. А вот взгляд на эту же проблему со стороны. Американский публицист С. Эрлангер в газете *Интернешнл Геральд Трибюн* так характеризует постсоветскую элиту: «... вульгарные нувороши, этот новый класс, состоящий из преступников и вельможных воров, составляет основу феодального по своей сути производства». Произошла «замена коммунистической элиты сборищем теневых бизнесменов, коррумпированных чиновников и уголовников»<sup>2</sup>.

Новая элита, рвавшаяся к власти, раздавала щедрые обещания, формулировала привлекательные лозунги, которые на поверку оказались обманом. Так, новая элита, идя к власти, обличала «номенклатурную приватизацию», ту самую, которая в народе получила название «прихватизации», и которую было начала осуществлять в конце перестройки партократическая элита. Но что пришло ей на смену? Постперестройка не остановила процесс номенклатурной приватизации. Изменился

---

<sup>1</sup> Известия. — 1.06.1994.

<sup>2</sup> Известия. — 20.03.1997.

только ее субъект, и возросли ее темпы. На приватизации «греет руки» прежде всего элита бюрократии. И не нависает ли над народом невеселая перспектива превратиться из объекта эксплуатации партократической элиты в объект эксплуатации (вряд ли более гуманной) криминально-бюрократической буржуазии? В условиях постсоветской политической системы субъектом политических преобразований опять-таки оказывается прежде всего элита бюрократии, в каком бы облике — тоталитарном или демократическом — она ни выступала, а народ по-прежнему оказывается отчужденным от власти.

Новая элита шла к власти на гребне справедливой критики привилегий коррумпированной номенклатуры. Но, придя к власти, многие ее члены прежде всего стали усиленно заботиться о собственных привилегиях. Вопрос о привилегиях набил изрядную аскомину и покрыт изрядным налетом политической демагогии. Но он принципиально важен. Дело в том, что это явление на бытовом уровне выражает определенные сущностные процессы. Борьба с привилегиями элиты — одна из козырных карт в избирательных кампаниях Б. Ельцина в конце 80-х — начале 90-х годов. Он тщательно разыгрывал эту карту, «отказавшись» от кремлевской больницы и записавшись в обычную районную поликлинику или появляясь в городском транспорте и обычных магазинах. Однако вскоре выяснилось, что привилегии новой элиты были не только сохранены, но и возросли, они только изменили адресат.

Комиссия по привилегиям Верховного Совета, созданная в конце перестройки, всегда была «лишней» для этого органа, это — кость, которую он бросил массам, помнящим об обещаниях, данным им в процессе избирательных кампаний. Комиссия, хотя и просуществовала недолго, собрала богатый материал о безнравственности правящей элиты, не только старой, но и



новой. Но характерно, что прежний, советский парламент не решился ее распустить. Это сделал новый, «демократический» парламент.

Новая элита перенимает традиции стиля жизни старой элиты (вместе с квартирами и дачами, занятыми новой элитой, которые они поспешили приватизировать). Кстати, это явление стало одной из основ блока старой номенклатуры и номенклатуры новой, квазидемократической. Депутаты Государственной Думы, собравшись на заседание, сразу же стали обсуждать вопрос о повышении своей зарплаты до уровня зарплаты министров Правительства России, приняли решение о выплате депутатам Думы по 60 тысяч долларов на покупку квартир в Москве. И это в стране, где трудящиеся месяцами не получают зарплату, где десятки миллионов людей живут ниже уровня бедности! Жесткая экономическая политика, сопровождающаяся обнищанием народа, взяточничеством, казнокрадством, использованием служебного положения в корыстных целях компрометирует в глазах народа становящуюся демократию, толкает массы к оппозиции, к поддержке левых сил, что и было продемонстрировано на выборах в Госдуму 1993 и 1995 гг. В марте 2000 г. депутаты Госдумы, понимая, что на обычную пенсию прожить невозможно, решили обеспечить себя «спецпенсиями» — при средней пенсии менее тысячи рублей депутаты обеспечили себя пенсией по шесть тысяч. Теперь в России два стандарта пенсионного обеспечения: один для правящей элиты, другой — для всех остальных<sup>1</sup>.

Итак, новая элита должна быть элитой заслуг (меритократией), элитой ответственности, а не элитой привилегий. И тут возникает деликатный вопрос: а возможна ли вообще элита без институционных привилегий? И еще один, связанный с ним: если это и воз-

---

<sup>1</sup> Известия, — 05.10.2000.

можно, будет ли такая «дешевая» элита оптимальной? Ведь отсутствие всяких привилегий в условиях напряженной работы может помешать сформировать корпус политической элиты из действительно лучших, наиболее талантливых управленцев (иначе они уйдут в бизнес и другие структуры, как это и произошло в России в последние годы, когда многие наиболее квалифицированные чиновники министерств уходили в финансовые и промышленные частные компании). Высокие правительственные посты, не связанные ни с какими привилегиями, могут потерять для них привлекательность. Так не будет ли наивным рассчитывать на то, что элита будет состоять из подвижников, идеалистов, думающих только о том, чтобы бескорыстно и самоотверженно служить народу?

Отметим, что политологи, особенно западных демократий, давно обсуждают этот вопрос. И тут сталкиваются леворадикальная и консервативная позиции. Первая исходит из того, что если элита будет обладать институциональными привилегиями, то она будет думать не столько о защите интересов народа, особенно его беднейших слоев, сколько о защите этих самых привилегий, и поэтому с течением времени превратится в группу, противостоящую народным массам. Носители консервативных умонастроений возражают, они досадливо отмахиваются от «назойливых» требований эгалитаристов. Зачем говорить только о привилегиях элиты? Подумайте сначала о ее огромной ответственности. Ведь если ее представители будут вынуждены думать о хлебе насущном, они с необходимостью будут хуже управлять общественными делами. В результате общество в целом только проиграет.

Кто прав в этом споре? Многие политологи полагают, что решение данной дилеммы — нахождение оптимума, «золотой середины», а точнее, нахождение той грани, когда необходимые для выполнения политичес-

ких и иных функций права (пусть это будут по существу даже привилегии) не переходили в злоупотребления, чтобы элита не превращалась в группу, эксплуатирующую общество.

Однако вернемся к центральному вопросу: состоялась ли смена элит в нашей стране или же дело ограничилось трансформацией элиты? Здесь необходимо ввести различие этих понятий. Первое означает свержение прежней элиты и приход к власти контрэлиты, как правило, являющийся следствием революционных преобразований, перехода власти из рук одного класса в руки другого (или других). Второе — более широкое понятие, включающее в себя не обязательно смену элиты контрэлитой, но и радикальные преобразования внутри самой правящей элиты, возвышение, приход на лидирующие позиции новой группировки внутри правящей элиты или даже иного социального слоя. Причем в отличие от персональных изменений, которые всегда происходят внутри любой элиты, трансформация элит связана с крутым изменением ее политического курса, изменением соотношения различных групп и социальных слоев внутри правящей элиты, изменением методов рекрутирования элиты, иногда — допуском в элиту определенных представителей контрэлиты.

То, что в России начала 90-х годов произошла трансформация элиты, не подлежит сомнению. Но не всякая трансформация есть смена элит. В период перестройки сменилось свыше 80% членов и кандидатов в члены ЦК КПСС. Это была трансформация элит, но не смена элит.

Иначе говоря, смена элит — это коренное, качественное изменение элиты, тогда как трансформация элит может происходить в рамках старого качества, в пределах узловых точек меры, пользуясь гегелевским языком. Итак, в первом случае мы говорим об изменении социально-классовой базы элиты, во втором слу-

чае дело может ограничиться изменением соотношения сил различных группировок внутри элиты или сменой контроля над элитой той или иной социальной группы. Указанное различие тем более необходимо, что его не делает Парето и другие классики элитологии; в его работах не ясно, относится ли его понятие «циркуляции элит» к процессу динамики незлит в элиты или же к замене одной элиты другой»<sup>1</sup>.

Кризис советской социально-политической системы показал необходимость смены элит. Перестройка была попыткой радикального обновления элиты, хотя и непоследовательной. Она не привела к смене элит; это была имитация такой смены; это была лишь трансформация элит. Утверждение, что в начале 90-х годов произошла смена элит, представляется многим политологам спорной. Партократическая элита (во всяком случае, в ее советском варианте) сошла с исторической арены, но многие политологи убедительно показывают, что партноменклатура сменилась неономенклатурой. О радикальном изменении российских элит свидетельствуют хотя бы регулярно публикуемые в «Независимой Газете» и других органах печати персоналии политической элиты, из которых следует, что до 90% людей, оказывающих влияние на политический процесс в России, за 90-е годы сменился. О том, каков характер этих изменений, среди российских и зарубежных политологов идут острые дискуссии;

---

<sup>1</sup> Отмечая недостатки теории Парето, мы признаем, что в целом его концепция может оказаться эвристической для понимания политического процесса. Следует признать, что она работает при анализе политического процесса в России последнего десятилетия, когда господство партноменклатуры (элиты «львов») сменяется господством элиты «лис». Но смена элит - не детерминанта исторического процесса, а лишь необходимый момент перехода от одной социально-политической системе к другой; существенным моментом изменения социально-классовой структуры общества и является смена элит.

сталкиваются различные, порой противоположные точки зрения.

Первая, наиболее высказываемая точка зрения заключается в том, что переход от тоталитаризма к демократии сопровождается обязательной сменой элит — тоталитаристской на демократическую. Партийно-номенклатура КПСС, узурпировавшая власть в СССР, сметена с политической арены; против нее и был направлен основной удар демократических преобразований. Процесс этот сопровождался попытками реванша (путчи 1991 и 1993 годов), но в конечном счете демократическая линия победила. Какие возражения встречает это утверждение? Выше уже обсуждался вопрос о том, можно ли считать подлинными демократами тех, чья политика привела к падению жизненного уровня народа, к положению, когда миллионы людей месяцами не получают зарплаты, тогда как меньшинство — элита чиновников, «новые русские» — обогащаются. Главный интерес этой элиты — используя власть, получить собственность уже не в управление, а во владение, причем не тайком, а на законном основании (Ю. Афанасьев).

Сформировался новый истеблишмент, ориентированный на обслуживание интересов крупного российского капитала, складывающегося или уже сложившегося, в частности финансово-банковского и торгового капитала, а также энергетического, военно-промышленного, агропромышленного комплексов. Поэтому критики новой элиты говорят о демократах в кавычках («демократы» опозорились, «подставились», проворовались, утратили право апеллировать к властям от имени народа, они ничем не лучше партократов, даже хуже, ибо те никогда не воспринимались как «свои»).

Обратим внимание на вторую версию рассматриваемого явления, по которой смены элит вообще не произошло: прежняя, номенклатурная, в основном сохранилась де-факто, лишь перекрасив свой фасад —

с партokratического на псевдodemократический, возникла неоменклатура. Демократы, взяв на себя ответственность за проведение реформ, не добились перераспределения собственности и власти, стали лишь дымовой завесой, воспользовавшись которой, старая партийно-хозяйственная элита вновь заняла — вполне легально — лидирующие позиции (Л. Тимофеев). Многие социологи при этом ссылаются на то, что в ряде республик и областей резких изменений в составе элиты вообще не произошло, те же лица (в прошлом — партбоссы) просто пересели в новые кресла. В результате во многих регионах страны, во многих сферах социальной жизни дело обошлось в основном заменой кадров на самых верхних эшелонах власти, а то и просто ограничилось снятием наиболее одиозной фигуры. На средних и низших эшелонах власти сохранилась прежняя партийно-советская номенклатура. (Впрочем, можно привести и иные примеры, когда в политико-административной элите Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга произошли весьма существенные перемены). Вот точка зрения некоторых известных российских политиков: «...80 с лишним процентов партийных и хозяйственных номенклатурщиков остались в управленческих структурах начиная с района и кончая Кремлем» (Т. Гдиян). «Коммунистическая номенклатура осела во всех эшелонах власти. Она никуда не исчезла и не меняется» (К. Боровой). После августа 1991 года почти никто из упраздненной номенклатуры КПСС не обратился на биржу труда: бывшие номенклатурщики либо вошли в состав неоменклатуры, либо стали руководителями или влиятельными советниками коммерческих структур. Большая часть ельцинской элиты состоит из выходцев из элиты горбачевской. Но нужно ли бросать упреки нынешней власти за это? Что предлагают ее критики справа — запрет для бывших активистов КПСС на занятие управленческих должностей? Совмес-

тим ли такой «запрет на профессию» с демократией да и целесообразен ли он? Во всяком случае, можно сделать вывод, что тезис о том, элита в основном не изменилась, является достаточно односторонним, хотя и не лишенным некоторых оснований (особенно в некоторых регионах России).

Третья точка зрения близка ко второй, но она по-другому обосновывается. И раньше коммунистическая элита страной не управляла: призывы к светлому коммунистическому будущему были лишь идеологическим камуфляжем, прикрывающим вполне реальное господство бюрократической чиновничьей элиты. Та же бюрократия правит и теперь, прикрываясь, как фиговым листком, демократической фразеологией. Переход к новой политсистеме не означал отход ее от власти, а скорее уход ее первых лиц, наиболее скомпрометировавших себя; для среднего и низшего звена этой номенклатуры нашлось место в неономенклатуре (особенно это относится к региональной элите). КПСС была по сути, партией номенклатуры. Но в той же «партии власти» состоит и современная политико-административная элита, и вдохновляют ее не идеалы — коммунистические, антикоммунистические или какие либо еще, но интересы, которые она всеми силами защищает.

Часть партноменклатуры легко отказалась от идеологического коммунистического камуфляжа своего стремления к власти, часть, ненавидя демократические перемены в стране, стала опорой оппозиционных сил, как коммунистической, так и националистической направленности. Большая часть номенклатурной элиты сбросила ставшую ненужной коммунистическую оболочку, уже стеснявшую ее, сковывающую возможности обогащения, грозившую оттеснить ее на обочину пути трансформации «реального социализма» в «номенклатурный псевдокапитализм». Собственно, феномен перерождения политиков, дорвавшихся до власти — явле-

ние известное, достаточно древнее, многократно описанное в литературе: просто в России оно произошло особенно быстро и цинично.

Отчуждение власти от народа сохранилось, та же «партия начальства» опирается лишь на новые механизмы власти. Более того, переходный период, когда старые антирыночные законы отменены, а новые — рыночные еще не созданы или еще не работают — лучшее, сказочное время для бюрократической элиты, дающее ей такие права, о которых ранее она могла только мечтать. Именно она решает, разрешать или не разрешать преобразование тех или иных государственных предприятий в частные или акционерные, сдавать или не сдавать в аренду землю или городские помещения и кому именно. Отсюда — возможность получения громадных взяток, которые кладут начало созданию огромных состояний. Если прерогативой этой элиты ранее была власть, то теперь она дополнена собственностью, той самой приватизацией в интересах элиты, которую народ и окрестил «прихватизацией». Приходится признать, что в яростной схватке коммунистов с демократами победили чиновники.

Наконец, появился и четвертый вариант интерпретации проблемы смены элит. И коммунистическая, и демократическая элиты скомпрометировали себя в глазах народа (первая — страшными репрессиями по отношению к собственному народу, вторая — безжалостностью в проведении «шоковой терапии» и заискивания перед Западом), поэтому нужна еще более новая. «незапятнанная» элита. Один из тезисов избирательной кампании В. Жириновского звучал примерно так: я и мои соратники никогда не состояли в компартии и не замарали себя действиями «демократической» элиты по ограблению собственного народа, нам можно верить, дайте нам «порулить», дайте шанс «новым людям». С этой позиции Жириновского чуть не потеснил А. Ле-



бедь. Его «третий путь» выглядел альтернативой и коммунистической, и «демократической» номенклатуре: поскольку и те, и другие чужды народу и рассматривают его как «серую, управляемую массу», партия «третьего пути» должна заставить элиту подчиняться интересам общества и государства.

Какая же из предложенных версий истинная? Не будем предвосхищать ответ на этот вопрос. Наша задача — дать максимально объективный анализ ситуации, способствовать правильному решению этого вопроса, который каждый должен решить для себя сам. Заметим, однако: ныне обнаружилось, что различия между старой и новой элитами не столь велики, это отнюдь не полярные противоположности. Напротив, власть, осуществлявшаяся до недавнего времени партноменклатурой, а ныне новой элитой, унаследовала от старой элиты так много, что кажется порой ее зеркальным отражением<sup>1</sup>. Это в той же мере относится и к кандидатам в «самоновейшую элиту». Но, может быть, этому обстоятельству как раз и не стоит удивляться. До сих пор в структуре государственных институтов России не существовало легитимных традиций смены элит. И советская, и постсоветская элиты воспитывались в условиях тоталитарной политической системы и несут на себе груз его политической культуры. Все они, как русская литература XIX века вышла из «гоголевской шинели», вышли из тоталитарной политсистемы. Это говорит о том, что процесс смены элит, по-видимому, будет достаточно длительным.

<sup>1</sup> В этом отношении интересны данные (за 1995 г.), приводимые О. Крыштановской:

Рекрутация современной элиты из советской номенклатуры (в%)

Всего из советской номенклатуры	Окружение президента	Партийная элита	Региональная элита	Правительство	Бизнес-элита
	75,0	57,1	82,7	74,3	61,0

И большевистскую, и новую российскую элиты роднит утопическая уверенность в осуществимости глобальных, коренных социальных преобразований, игнорирующих социокультурные традиции, менталитет народа. В. Черномырдин во время своего визита в Бонн в 1997 г. говорил, что марксизм родился в Германии. Но только в России нашлись умники, готовые воплотить его теории в действительность. Но ведь почти то же самое он мог сказать о тех «российских умниках», которые попытались переносить на российскую действительность модели монетаристской экономики, разработанные Чикагской и Гарвардской школами... И в том, и в другом случае мы сталкиваемся с непониманием элитами того, что человеческий менталитет, социально-культурные традиции — это мощные инерционные системы. И убежденность в возможности построить рыночную экономику за 500 дней или за пять-шесть лет — это та же элитарная «куриная слепота», проявлением которой являются и попытки новой элиты вычеркнуть из российской истории семьдесят советских лет. Нравится это или не нравится, но российская и, в частности, советская история — это тот грунт, опираясь на который инновационные элиты только и могут дать толчок подлинным реформам, могущим ввести Россию в постиндустриальное, информационное общество. Для этого не нужно поступаться российскими традициями, российским своеобразием, а, напротив, опираться на те элементы ее культуры, которые «резонируют» с требованиями постиндустриального общества.

Новая элита сохранила худшие черты предшествовавшей элиты: коррупцию (которая сильно возросла), злоупотребления властью, некомпетентность. Новая элита, которая, идя к власти, ратовала за ликвидацию привилегий партocrats, сегодня сама заполучила роскошные квартиры, дачи, машины, живет явно не по средствам.

Номенклатурное прошлое и сегодня во многом определяет облик, черты поведения элиты, ее оторванность от масс.

## **Структура постсоветских элит**

Выше мы писали о полемике между советологами о том, являлись ли советские элиты монолитными или же в них были элементы плюралистичности. Ныне полемика прекратилась ввиду утраты предмета спора и очевидности плюрализма постсоветских элит.

Постсоветские элиты обладают сложной структурой — это, прежде всего, политическая, а также административная элиты, среди которой следует различать общероссийскую и региональную элиты, элиты силовых структур, бизнес-элиту, культурную элиту. И если можно сказать, что различия между отдельными специализированными элитами существовали и в советский период, то ныне мы являемся свидетелями появления новой элиты — бизнес элиты, что изменило структуру всех российских элит. В системе постсоветской экономической, финансовой, технократической элиты бизнес-элита имеет тенденцию играть ведущую роль. Отношения между постсоветскими элитами сложные и неоднозначные, они изменяются от консенсуса до конфликтов (и нам еще предстоит ответить на вопрос о том, что лучше для масс).

## **Политико-административная элита**

Разрушение партноменклатурной системы началось еще в конце 80-х годов — с ослаблением партийного контроля над экономикой, с ликвидацией отраслевых отделов ЦК КПСС; выборы в народные депутаты

СССР на альтернативной основе открыли новый канал рекрутирования политической элиты. Ослабление общесоюзной элиты и усиление республиканских и региональных элит привели к неспособности первой отстоять единство Советского Союза.

Разгром путча 1991 года, крах КПСС, лишение властных функций партноменклатуры привели к вакууму власти, к дефициту управленческих кадров, к усилению рекрутирования демократически ориентированной элиты, резкому обновлению состава политической элиты. Вместе с тем, распад КПСС не привел к тотальному изменению персонального состава политической элиты, как в 1917—1920 годах (это особенно справедливо для региональных элит).

И уже в период 1993—1995 гг. отмечается прогрессивное уменьшение мобильности в политическую элиту, эта тенденция продолжается и поныне. В этом отношении определенный интерес представляет исследование американского социолога Ш. Риверы, проанализировавшей изменения в списках ста ведущих политиков России, публиковавшихся в «Независимой газете» (с января 1993 по февраль 1995 гг.). Конечно, можно говорить о несовершенстве методики экспертной оценки рейтинга политических лидеров, к которой прибегает «Независимая газета». Но ее данные позволяют увидеть тенденцию уменьшения мобильности в элиту. В 1993 г. среднемесячная ротация среди этой группы составляла 12 человек, в 1994 г. — 9 человек. За полугодие с января по июль 1993 г. в этом списке оказалось 42 новых имени. Затем за три последующих полугодия количество вновь включенных в список сокращается соответственно до 27, 24 и 20 человек<sup>1</sup>. При этом индивидуальные позиции представителей политической

---

<sup>1</sup> Ш. Ривера. Тенденции формирования состава посткоммунистической элиты в России // Новая элита в России. — М., 1996. — С. 36—40. См. также: Полис, 1995. — № 6. — С. 63—65.

элиты остаются неустойчивыми, политики постоянно поднимаются или опускаются по этой шкале. Как можно оценить эту ситуацию? С одной стороны, сокращение резерва, из которого черпается высшая политическая элита, свидетельствует об уменьшении ее открытости, рядовые граждане России ощущают, что доступ в высшие эшелоны власти ограничен, что существует разрыв между элитой («они», власть имущие) и массой («мы»), усиливается отчуждение власти от народа. С другой стороны, уменьшение мобильности в элиту может свидетельствовать о стабилизации системы и соответственно, политической элиты. В действительности же это не так: неустойчивость индивидуальных позиций представителей элиты ведет к развитию у них чувства неуверенности в прочности их положения, способствует их коррумпированности, толкает их на то, чтобы поскорее обеспечить будущее свое и своих детей. Таким образом, ситуация явно не вызывает оптимизма: к минусам нестабильности элиты нужно прибавить минусы роста ее закрытости.

Интересен вопрос о численности российской политико-административной элиты. Западные политологи, оценивая количественные параметры политической элиты, говорят о нескольких тысячах людей в крупных странах (около 5 тыс. в США) или нескольких сотнях (в странах западной Европы). Нам представляется, что Россия укладывается в эти количественные параметры. Если говорить не только о политической элите в собственном смысле, а о более широкой категории политико-административной элиты России, многие социологи называют цифры от двух до пятнадцати тысяч. Косвенным указанием на численность политико-административной общероссийской элиты является количество государственных деятелей и высших чиновников, которых обслуживает Управление делами Президента РФ. По свидетельству его бывшего руководителя П. Бо-

родина, Управление обслуживает администрацию Президента, обе палаты парламента, высшие судебные инстанции, некоторые министерства и ведомства, в общей сложности 12 тысяч человек.

Структура политической элиты в постсоветской России связана со структурой власти в стране; она включает следующие компоненты: Президент РФ и президентские структуры — и по Конституции РФ и де-факто играют ведущую роль во властных структурах страны;

— Парламентский корпус — члены Федерального собрания — Государственной Думы (многие члены ее жалуются, и не без оснований на то, что обладают весьма ограниченными ресурсами власти, что законодательная власть явно уступает исполнительной), и Совета Федерации, представляющий прежде всего региональные интересы и региональные элиты (его влияние ослаблена указами Президента 2000 г. о назначении Полномочных представителей Президента в 7 округах, на которые разделена РФ и которые как бы стоят над губернаторами); — правительственная элита: премьер и его заместители, министры и их заместители; особую роль играют руководители силовых структур РФ, а также руководители российской дипломатии (министр иностранных дел и его заместители, члены Коллегии МИД, послы в крупнейшие страны мира);

— высшие представители судебной власти — Верховного суда РФ, Конституционного суда РФ (судебная власть в нашей стране много десятилетий была лишь послушным инструментом политической элиты, и ныне, декларируя свою политическую неангажированность, она так и не смогла выступить реальным противовесом в системе разделения властей, как это обычно имеет место в современной демократической системе);

— лидеры основных политических партий России, прежде всего, представленных в Государственной Думе;

— региональная элита — президенты республик — субъектов РФ, губернаторы, председатели областных законодательных собраний, лидеры региональных отделений партий.

Это, так сказать, формальная структура политической элиты. Но огромную роль в политическом процессе играет неформальная структура элит, прежде всего, группировки и кланы внутри элиты, ведущие открытую или, чаще подковсерную борьбу за власть и влияние, в том числе за влияние на Президента. Каждая элитная группировка возглавляется лидером, который обычно контролирует ту или иную государственную структуру или определенный регион. Между ним и членами группировки возникают клиентарные отношения. В современных условиях, считает исследователь клиентарных отношений в российской государственности М. Афанасьев, реальными структурными единицами властвующего слоя выступают клиентарные группировки<sup>1</sup> и дает идеально типическое определение властвующего слоя сегодняшнего российского социума как постноменклатурного патроната.

---

<sup>1</sup> См.: Афанасьев М. Н. Клиентализм и российская государственность. М., 1997. Наличие группировок и кланов в российской политической элите отмечают и зарубежные политологи и политические деятели, такие, как бывший посол США в России Пикеринг, который в 1995 году обличал наличие в российской правящей элите властолюбивых, эгоистичных и коррумпированных кланов (случай беспрецедентный в истории дипломатических отношений между США и Россией) (Известия, 29. XI, 1995). А известный германский парламентарий О. Ламбсдорф писал в журнале «Интернационале политик»: «В России возникла система олигархический кланов. Они конкурируют между собой за влияние и власть, а также за конкретные выгоды... для них важны собственные интересы, а не интересы общества. Их объединяет также тесное переплетение с политикой, т.е. с властями в Москве и регионах. Эти кланы уклоняются от любого демократического контроля и, наоборот, ставят палки в колеса демократического развития. Именно эти олигархические кланы фактически

Выше отмечалось, что процесс трансформации политической элиты России связан с ее поколенческим обновлением, с ее омоложением. Отметим, что в «команде Ельцина» в момент ее прихода к власти до половины ее состава составляли политики 1935—1944 года рождения. С 1992 года наблюдается дальнейшее омоложение политической элиты, где тон начинают задавать политики 1945—1955 года рождения. Процесс дальнейшего омоложения политической элиты продолжается при президентстве В. Путина. Под стать молодому президенту члены его Правительства, средний возраст которых — 49 лет (наши подсчеты).

Несомненно, что наиболее близко к политической элите стоит административно-чиновничья элита, важнейшая функция которой — обслуживание политической элиты, практическая реализация ее решений. Деятельность этих элит и их функции постоянно переплетаются, поэтому многие социологи используют понятие «политико-административная элита» (включая в нее наряду с государственными руководителями высших администраторов и чиновников) как синтез поли-

---

стоят у власти в Москве, а также в российских регионах» (Известия, 15. 06, 1997 г.). Об отношении американской элиты к российской можно судить по интервью, которое дал такой видный американский политолог, в прошлом сам входивший в состав политической элиты США, как З. Бжезинский, газете «Известия»: «...в России — это принципиально важно — глубочайшая пропасть между политической элитой и всем обществом. Та трансформация, которая произошла в самом обществе, показывает, что в конечном счете Россия пойдет по пути демократического европейского государства. И поэтому мы, американцы, должны оказывать помощь этому гражданскому обществу, неправительственным организациям, но ни в коем случае не подлизываться к элите» (Известия, 21.09.2000). Жаль только, что заслуженная критика российской элиты порой выливается в антироссийскую кампанию в целом, как это было, например, с истерией об отнывании российских криминальных денег через Bank of New York, оказавшейся по большей части пропагандистским вымыслом.



тической и административной элиты. В этом смысле употребляется и термин «управленческая элита». Это — социальный слой, который, пожалуй, более других выиграл от происшедших в стране социально-политических изменений последних лет. Ликвидация монополии компартии на власть имела следствием не столько укрепление демократических начал в государственном управлении, сколько фактическую бесконтрольность чиновничьей элиты. Чиновничья элита России обнаружила огромную живучесть и способность к расширенному воспроизводству — в полном соответствии с законом Паркинсона о самовозрастании бюрократии. Сегодня чиновников в России значительно больше, чем было во всем СССР, их доля в населении увеличилась более чем вдвое. Прогнозы специалистов в отношении чиновничьего корпуса неутешительны: в ближайшие годы страна будет страдать от проблем, связанных и с раздутостью, и с низкой эффективностью государственного аппарата. Новое правительство М. Касьянова обещает сокращение управленческого аппарата (впрочем, об этом многократно объявляли и его предшественники, но результатом неизменно был рост числа чиновников). На этапе борьбы за власть в 1989—1991 гг. те, кто объявлял себя демократами и противостоял коммунистической номенклатуре, обличали бюрократизированную, отчужденную от народа власть. Придя к власти, они создали систему бюрократического управления, намного превосходящую (хотя бы уже по количеству чиновников) советскую. Огромное количество зданий, принадлежавшее различным партийным комитетам — вплоть до ЦК КПСС, зданий, где размещался советский госаппарат — все ни заняты «новым старым» чиновничеством, для них построены новые здания, «демократы» примерили чиновничьи одежды, которые так не нравились им ранее. «Демократические» аппаратчики пересели в номенклатурные «членовозы», пере-

ехали в квартиры бывших «вождей» и их офисы, пользуются всеми привилегиями, которые дает власть, и быстро забыли о своих демократических обещаниях.

После шумной борьбы демократов против привилегий номенклатурной элиты нынешние российские высшие чиновники имеют разветвленную систему привилегий (всевозможные надбавки к должностному окладу — за выслугу и др., премии, удвоенное отпускное пособие с оплатой проезда до места отдыха и обратно, дотированные квартиры, дачи, столовые, больницы). Эти привилегии не поддаются учету, ибо соответствующие указы и инструкции регламентируют «спецкормушки» лишь в общих чертах, отдавая наиболее аппетитные детали на откуп самим чиновникам, т. е. это форма оплаты, размывающая грань между законным и незаконным. Разумеется, гораздо больше дает чиновной элите и всей чиновной рати торговля лицензиями, таможенными и налоговыми льготами и т. п., результаты «приватизации» ими государства.

Чиновничья элита управляет страной явно неквалифицированно, о чем свидетельствует стагнация российской промышленности и сельского хозяйства, невыплаты зарплат и пенсий и т. д. Но, работая хуже основной массы населения, она живет несравненно лучше последней, что аморально. Чиновники «приватизируют» сферы своей компетенции, что приносит им сказочное обогащение. Российская бюрократия — сплоченная сила, способная подчинить государство, направить его по латиноамериканскому пути развития.

В законе «Об основах государственной службы в России» от 1995 года говорится о «государственных деятелях», которые значатся в нем как категория А (это и есть политико-административная элита страны), и о чиновниках категории Б и В, задачи которых — «обеспечение исполнения полномочий лиц категории А». Заметим только, что в условиях общего ослабления рос-

сийской государственности ослабляется прежде всего авторитет высших чиновников, что автоматически усиливает позиции чиновников средних и младших. То есть с ослаблением российской государственности власть все более переходит с верхних этажей на средние и низшие. Чиновник среднего уровня, функции которого «обеспечение полномочий лиц категории А», в значительной мере выходят из под контроля последних, становятся все более автономными и ощущают свою силу и бесконтрольность. Да, их могут снять с работы, но что такое его зарплата по сравнению с полученными им взятками, которые на много порядков выше его зарплаты? А система кланов и клиентарные отношения, о которых мы говорили по отношению к группировкам в политической элите, в среде чиновничества еще более распространены.

«Правовой беспредел» в стране в 90-х годах, когда федеральные и региональные законы не исполнялись, в частности, закон о государственном бюджете, толкает чиновников на коррумпированность, это для них — лучшее время, они тут правят бал. Например, если военные заказы в соответствии с законом о государственном бюджете финансируются на 100%, это означает, что они финансируются автоматически, и чиновник лишь простой исполнитель. Но если заказ финансируется не полностью, то именно чиновник решает, кому дать и кому не давать ограниченные финансовые средства, тогда он бог и царь и в потенции — богач, ибо ему будут предлагать взятки — прямо или косвенно. При всех политических переменных последних лет российская бюрократия цепко держит власть в своих руках. Т. Гайдар в книге «Государство и эволюция» пишет: «Бюрократия легко отряхнула прах марксистской идеологии со своих ног... «Тело» и «мозг» этой системы остались неуязвимыми, сменилась лишь оболочка». Человеку противостоит по-прежнему огромная, жестокая и

коррупцированная бюрократическая система, подминающая под себя все социальные отношения в стране, в том числе и складывающийся рынок, делающая его криминально-бюрократическим.

## **ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭЛИТА**

До конца 80-х годов доминирование политической элиты было столь бесспорным, что многие политологи писали о ней как о единственной элите. За последние годы ситуация радикально изменилась. Впервые возникла бизнес-элита, которая стала не только определяющей силой в экономике, но и играет существенную роль в принятии политических решений. Бизнес-элита — важнейший структурный элемент экономической элиты России, которая включает в себя также директорский корпус государственных предприятий. Значительная часть нынешней экономической элиты России — выходцы из номенклатуры. Но нужно сказать при этом, что бизнес-элита — единственная элитная группа (кроме культурной элиты), где не преобладают бывшие номенклатурщики. Бизнес-элита формировалась на наших глазах, за последнее десятилетие. Впрочем, ее нельзя назвать и не номенклатурной: если к выходцам из партноменклатуры в ее среде добавить ставленников последней, ее уполномоченных, то ослиные уши номенклатуры проглядывают достаточно явно. Номенклатурные партчиновники, госчиновники и их родственники и доверенные лица в начале 90-х становятся бизнесменами, пускают в дело накопленный капитал.

Как возникла и как развивалась бизнес-элита? Каковы основные «этапы большого пути»? Исследователи российской бизнес элиты датируют начало ее формирования 1987—1988 гг. Это связано с упразднением отраслевых отделов ЦК КПСС, ослаблением его контро-

ля над экономикой, разрешением на создание кооперативных, негосударственных предприятий. Пионером тут выступила так называемая «комсомольская экономика». Центры научно-технического творчества молодежи, находившиеся, впрочем, под пристальным вниманием и опекой парторганов, обрели право заключать договоры с государственными предприятиями и получать с них наличные деньги (и, таким образом, «зарабатывали» на конвертации безналичных денег в наличные, получая при этом значительный «навар»). Некоторые из этих фирм заработали первые миллионы, используя право на покупку импортных товаров по официальному курсу (доллар = 63 копейкам) и получали прибыль в тысячу процентов, заодно подкармливая «присматривающее» за ним партийное начальство.

К 1988 г. относится начало так называемой «номенклатурной приватизации» (некоторые социологи и экономисты называют ее «приватизацией государства государством»), точнее, приватизации государственной собственности верхушкой номенклатурной бюрократии, технократии, чиновничества. Упраздняются ряд министерств и главков, то есть на деле они не ликвидировались, а переименовались в концерны, акционерные объединения (в частности, министерство нефтяной и газовой промышленности превратилось в концерн «Газпром» и другие объединения). Но это было не только переименованием, а превращением государственной собственности в акционерную или, чаще, государственно-акционерную собственность.

Распад СССР и гайдаровские реформы ускорили этот процесс. «Ваучерная приватизация», заявленная как «народная приватизация», оказалась для народа обманной: акции предприятий, подавляющее большинство которых были убыточными или бесприбыльными, в которые непосредственно или через чековые инвестиционные фонды вкладывались ваучеры, как и следова-

ло ожидать, оказались с мизерным или нулевым доходом. Зато она добавила «жирка» возникающей бизнес элите, которая вкладывала ваучеры, скупая их по дешевке у населения, в высокодоходные предприятия, доступ к покупке которых был ограничен, например, акции того же «Газпрома», которые можно было перепродать по высокой долларовой котировке, или акции газеты «Известия». Небольшая часть этих акций доставалась работникам этих предприятий, а львиная доля — дирекции (примерно 5% акций, что, как в том же случае с «Газпром», делала членов директората богатыми людьми), чиновникам и уже разбогатевшим бизнесменам. Изрядный куш получили представители теневой экономики, спекулянты, фарцовщики, кто уже поднакопил денежные средства и за бесценок мог скупить приватизируемые предприятия или солидные пакеты их акций.

Многие директора предприятий настояли именно на тех способах разгосударствления, которые, если и не дали им контрольные пакеты акций, то их значительную часть. Директора и другие руководители предприятий, имевшие право на 5% акций (что само по себе составляет круглые суммы, если иметь в виду огромные предприятия, особенно модернизированные), не удовлетворившись этим, скупают (обычно через подставные фирмы) акции у собственных рабочих и служащих, часто не получающих вовремя зарплату. В результате государственного протектирования (со стороны коррумпированной элиты) небольшие группы людей получили доступ к огромным богатствам.

Не удивительно, что подобная убудочная приватизация не привела к созданию сильного среднего класса, который мог бы стать опорой стабильной социально-политической системы, а привела лишь к обогащению «новых русских», многие из которых либо сами вышли из партийного и государственного чиновниче-

ства СССР, либо были близки к нему, пользовались его покровительством. «Новые русские» ошеломили не только соотечественников, но и европейцев размахом своих трат, стремлением к роскоши, вульгарностью своих вкусов. Это «яростное» потребление — реакция на нестабильность социально-экономического положения в России, опасность все потерять. Так, в 1995 г. Россия купила больше престижных моделей «Мерседесов», чем любая европейская страна. Характерно, что сам Е. Гайдар вынужден был согласиться с тем, что проведенная в стране приватизация — приватизация номенклатурная, заметив при этом, что иной и быть не могло: «везде и всегда перераспределение собственности протекало в интересах правящей элиты»<sup>1</sup>.

Директора получили значительную независимость от государственного контроля. Вступая в сделки с чиновниками, финансовыми структурами, они приватизируют предприятия, основные фонды которых продаются по «остаточной стоимости», во много раз меньшей, чем их реальная стоимость. Особую роль в экономической элите играет элита финансовая. В августе 1988 г. был зарегистрирован первый коммерческий банк. Большинство первых коммерческих банков было прямо или косвенно связано с партийными деньгами, а также комсомольско-молодежными. Президенты и директора банков превратились в крупных собственников (их обогащение легко был предвидеть — ведь от них зависело дать или не дать какой-то фирме кредит и на каких условиях).

Еще одна база рекрутирования бизнес-элиты — легитимизация существовавшей и ранее «теневой» экономики, представители которой создали фирмы, заполненные выходцами из криминальной или полукриминальной среды; бывшие «фарцовщики» и спекулянты

---

<sup>1</sup> Известия.— 10.01.1995.

стали «отмывать» свои капиталы, легализоваться. Переплетение интересов чиновников и бизнес-элиты, связанные с системой льгот, привилегий, лицензий, низкопроцентных кредитов — основа формирования класса криминально-бюрократической буржуазии.

В 1988—1990 годах в России появились долларовые миллионеры, очень скоро их становится несколько тысяч, появляются мультимиллионеры и, наконец, миллиардеры. Вот как кучка людей стали миллионерами и мультимиллионерами. В начале 90-х годов они покупали нефть, металл, сырье за 1% от мировой цены, а потом, действуя «в связке» с правительственными чиновниками, продавали это за рубежом по их полной стоимости. Были введены лицензии и квоты на экспорт, а, значит, создалось широкое поле для злоупотреблений (огромные взятки чиновникам, раздававшим эти квоты). По оценкам А. Ослунда, бывшего в 1991—1994 гг. советником правительства России, люди, торговавшие сырьем и нефтью, прикарманили в 1992 г. 24 млрд. долл<sup>1</sup>.

Во второй половине 90-х годов резко выросла финансовая мощь и влияние на политику олигархов Б. Березовский, Р. Вяхирев, Р. Абрамович, В. Аликперов, В. Потанин, В. Гусинский). Приход к власти В. Путина привел к резкому ограничению роли олигархов, их влияния на политику.

Современную российскую бизнес-элику и административную элику вряд ли можно описать вне связи с криминальной элитой, с которыми та тесно переплетена. Именно эти связи бизнес-элиты с чиновничеством и криминальным миром — одна из причин, по которой так мал уровень иностранных инвестиций в российскую экономику. Как признал Е. Гайдар (что

---

<sup>1</sup> Аргументы и факты. — № 9. — 2000. — С. 3.



соответствует социологическим опросам), лишь небольшая часть бизнес-элиты поддерживает радикальные рыночные реформы, большинство вписалось в криминально-бюрократический капитализм (так скорее всего можно назвать социально-экономическую систему современной России). Сращивание коррумпированного чиновничества с бизнес-элитой и мафией родило такого монстра, аналогов которого не было в истории России. Если искать в мире аналогии, то ближе всего к нам находятся социальные системы некоторых стран латинской Америки, такие как Колумбия. Причем то, что криминализация постсоветской России не является случайностью, подтверждается тем, что в еще большей мере, чем в России, криминализация имеет место в других странах бывшего СССР — в Таджикистане, в Грузии, в Азербайджане, в Казахстане, на Украине.).

Запутанность, нестабильность, а главное, противоречивость одних российских законодательных актов другим порой не оставляет предпринимателям никакого иного выхода, как преступать закон, поэтому в преступники можно записать при желании почти любого из них. Все это очень выгодно чиновникам, могущим брать взятки за свою снисходительность, юристам, обслуживающим фирмы и особенно криминалитету.

Сама российская преступность строится на принципах элитизма, ее возглавляет элита криминалитета — «воры в законе». В России отбывает наказание свыше миллиона человек. Но «воры в законе» как правило, за решетку не попадают... Стоит ли удивляться нулевому результату борьбы с преступностью, если она ведется (а порой и возглавляется) коррумпированными чиновниками. Для искоренения преступности нужно создание такого социально-доминантного слоя, который бы не только не допускал в свои ряды людей, нечис-

тых на руку, но и подвергал бы их остракизму. Нужно чиновничество, которое бы связало свою судьбу с карьерой на государственной службе, которая была бы высоко престижной и гарантирующей обеспеченное будущее, так что опасность быть выброшенным из этой структуры была бы несоизмерима с возможностью нечестного обогащения.

## ***Региональная элита***

Теперь нам пора ввести еще одно измерение структурных элементов элит, где ось вертикальных властных отношений преобладает (или должна преобладать) над горизонтальными, тогда как отношения между различными функциональными общероссийскими элитами должны строиться, по нашему мнению, преимущественно по горизонтали. Иначе говоря, мы переходим к анализу соотношения общероссийских и региональных элит.

Хорошо известно, что чем слабее власть центра, тем сильнее власть региональных элит. Именно этот процесс мы и наблюдали в России в 90-х годах, где власть явно смещалась от центра к периферии. Известно также, что преобладание центробежных сил, ослабление центральной власти опасно для целостности страны. Собственно, в опасности этого процесса мы убедились на примере распада Советского Союза. А не является ли этот распад моделью, показывающей возможную судьбу и Российской Федерации? Отвечая на этот вопрос, посмотрим на процесс распада СССР с точки зрения отношений между центральными и региональными элитами и их роли в этом процессе.

Начнем с вопроса о том, кто выиграл от распада СССР (мы не будем говорить о республиках Прибал-

тики, а только о республиках СНГ)? Народы всех этих республик пережили и переживают существенное падение своего жизненного уровня, возможностей для социальной защиты. Главная причина катастрофического падения производства в этих странах — разрыв хозяйственных, а также и культурных связей. Но есть по крайней мере одна социальная группа, которая оказалась в выигрыше, подняла свой статус, свое богатство. Это — элиты бывших союзных республик (а также бывших автономных республик и областей, региональные элиты). Именно республиканские элиты были основными двигателями распада СССР (в том числе и элита РСФСР, ибо провозглашение суверенитета РСФСР ускорило процесс дезинтеграции страны).

Недавний исторический опыт нашей страны говорит не только об опасности центробежных сил в России, но и об опасности силового давления центра, игнорирующего местные особенности, местные традиции. Опыту отношений центра с Чечней противостоит опыт отношений с Татарстаном. Дезинтеграция СССР — это предостережение для россиян, тот негативный опыт, который неумолимо маячит на российском горизонте в том случае, если общероссийские элиты будут проводить негибкую и недальновидную политику в отношении с регионами и региональными элитами. Эта политика должна быть не только гибкой, но в то же время и твердой, принципиальной. Дезинтеграционные процессы породили феномен регионализации как реакцию региональных элит на слабость центральных властей, их неспособность создать адекватную интересам народа концепцию государственного и социально-экономического строительства.

Ослабление центральной власти в 90-х годах привело к укреплению власти местных элит, к их стремлению воспользоваться слабостью общероссийских элит для укрепления собственных позиций, роста своей ав-

тономии от центра. Соотношение сил между центром и регионами радикально изменилось. В 90-х годах не только регионы ищут в Москве высоких покровителей, а московские кланы и элитные группировки ищут поддержки регионов в своей борьбе за власть. Роль центра неуклонно падала. Амбиции национальных и региональных элит — один из источников напряженности в нашем обществе. Именно они являются движущей силой движения за суверенизацию, в котором эти элиты стремятся упрочить свое положение, уменьшив зависимость от центра, порой обособляясь от него. И тут опять-таки следует помнить опыт, связанный с распадом СССР, когда разрыв традиционных экономических связей привел к росту разочарования, увеличил бедствия народа. Одной из составляющих процесса разрушения и расшатывания российской государственности является эгоизм и властолюбие политических элит некоторых титульных этногрупп, проводящих политику дискриминации лиц нетитульной национальности, прежде всего при рекрутировании элит национальных республик. И не случайно, что большинство россиян с одобрением встретила действия В. Путина по укреплению властной вертикали в России.

Постсоветская региональная политико-административная элита начинает формироваться в начале 90-х годов. В большинстве регионов на ключевых властных постах сохранились представители бывшей партийной и советской элиты. Причем там, где в начале 90-х годов губернаторов назначал Б. Ельцин, подходя к назначению, как правило, с политическими критериями (из политиков, которые в 1991 г. выступали против ГКЧП), обнаруживалось, что почти у всех них была ахиллессова пята — они пришли во власть, не имея своей команды; власть на местах, принадлежавшая бессменному чиновничеству, сформировавшемуся по

большей части в советские времена, не принял их (Ельцин был вынужден некоторых губернаторов, назначенных его указами, затем отстранять от должности другими указами). С ведением системы избрания губернаторов во многих областях были избраны губернаторы, находящиеся в оппозиции к центральной власти. К этому толкала ситуация в большинстве регионов России — невыплата в срок зарплаты, ухудшение социального обеспечения.

Стремительное повышение роли и статуса региональных (рес-публиканских) элит, которые в советское время были всего лишь послушными проводниками политики верхов, оказалось не подкрепленным организационно; российская провинция испытывает дефицит квалифицированных лидеров и элит, носителей свежих идей. В провинциях сформировались кланы (впрочем, многие из них сохранились со времен партноменклатуры). Региональная элита в ее современном виде сформировалась из выходцев из бывшей партноменклатуры, которую кое-где потеснили активисты демократических партий, а также из хозяйственных руководителей. Выше уже отмечалось, что в большинстве регионов России радикальной смены элит не произошло. Правда, есть и иные примеры. Политологи пишут о «муниципальной революции» начала 90-х годов в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и некоторых других городах. Но это, скорее, исключения, подтверждающие правило. У региональной элиты — свои «правила игры» — не через демократические институты, а через традиционные отношения номенклатурного и постноменклатурного патроната. Население почти всецело зависит от «начальства». В этих отношениях взятка играет еще большую роль, чем в центре (и она менее маскируется), эта элита более самоуверенна, ибо знает, что простому человеку с ней трудно бороться. Старые фигуры (старая элита) в но-

вых интерьерах — повсеместная картина в регионах. В телефонном справочнике административных и хозяйственных руководителей Воронежской области 1994 г. почти сплошь те же имена, что и в подобном справочнике 1990 г. В 39 районах области из 39 руководителей лишь 5 — новые<sup>1</sup>. Порой региональные руководители сидят в тех же кабинетах, в которых они сидели в советские времена, изменились лишь названия их должностей. Новая старая номенклатура осуществляет власть в Татарстане: в корпусе глав городских и районных администраций в 90-х годах из 57 человек 37 — бывшие партноменклатурщики. Быстрые переодевания в новые одежды не затронули номенклатурной системы, только ее носители сменили идеологические ориентиры. В провинции, увы, особенно справедлива фраза о том, что чем больше перемен, тем больше все остается по-старому.

Президент В. Путин начал свою деятельность с укрепления вертикали власти, с приведения законодательства всех субъектов РФ с федеральными законами, борясь с центробежными тенденциями, с теми региональными лидерами, которые чувствуют себя в своих регионах в роли феодальных баронов. Естественно, что такая политика вызвала противодействие со стороны ряда региональных лидеров, Проблему отношений центра и регионов нельзя считать решенной.

## ***Культурная элита***

В структуре российских элит культурную элиту мы поставили на последнее место по причине малого влияния ее на управленческие решения в стране, по ее малому престижу в современной России<sup>1</sup>. А в норматив-

---

<sup>1</sup> Известия. — 14.07. — 1994 г.

ном плане именно культурная элита должна занимать первое место среди социально-доминантных групп общества, среди других функциональных элит. Ибо подлинная элита человечества — это прежде всего духовная элита; она призвана генерировать новые идеи, ставить и решать смыслобытийные вопросы, освещать своему народу и всему человечеству пути в будущее. Под элитой интеллигенции мы имеем в виду не просто людей, профессии которых связаны с преимущественно умственным трудом (это — интеллектуалы), а людей с обостренным чувством справедливости, людей, ориентированных на гуманистические ценности. Это слой людей, традиционно критически относящийся к власти, обычно и не рвущийся к ней. Потому-то интеллигенция не избалована симпатиями властей, хотя последние почти всегда пытаются ее подкупить, поставить к себе на службу и, когда им это удастся, коррумпированные интеллектуалы перестают быть подлинной интеллигенцией.

Именно культурная элита более всего соответствует самой этимологии термина «элита» (или, по крайней мере, наиболее близка к нему), это именно лучшие, наиболее способные, творческие, могущие найти нетривиальные решения проблем, стоящих перед страной, человечеством, расширить его интеллектуальные горизонты, обнаруживающие узость рамок прежних подходов и выводов. Интеллигенция как элита — нравственный фермент общества, это те, кто принимает на себя ответственность за все, происходящее в мире — и

---

<sup>1</sup> Характерно, что социологический опрос культурной элиты Москвы, проведенный в ноябре—декабре 1999 г. показал, что половина опрошенных (44,9%) ответили, что у них нет ощущения своей принадлежности к элите (Элита Москвы.— М., 1999.— С. 51). Самооценка культурной элиты настолько низкая, что она граничит с явлением, которое психологи характеризуют как кризис идентичности.

за свою социальную группу, и за свой народ, и за весь мир (так понимал элиту, в частности, Х. Ортега-и-Гассет). Если принять в соответствии с В. Парето расчленение власти на ту, которая основана на силе и ту, которая основана на убеждении, то политическая элита является носителем первой, а культурная элита — второй. Именно элита интеллигенции — зачинатель и катализатор прогрессивных процессов, в том числе модернизации общества, движения его к индустриальному и далее — к постиндустриальному.

В отличие от коррумпированных интеллектуалов и увенчанных лаврами лизоблюдов власти интеллигенция не имеет привилегий, ее труд не оценивается высоко в материальном отношении. Принимая за элиту политическую элиту — социальную группу, выполняющую властные функции в обществе, мы неминуемо сталкиваемся с противоречием функционального и ценностного подходов к элите. Ибо элита, с одной стороны, — это функция (политическая элита выполняет функцию управления государством), с другой стороны — это качество (и, как видим, именно элитными качествами наша, да и не только наша политическая элита не обладает); именно нормативный, ценностный подход обнаруживает подлинную элиту человечества в культурной элите, творящей новые культурные образцы.

В доброе (или недоброе) старое время в нашей стране часто говорилось: «интеллигенция (писатели, художники и т. д.) в долгу перед народом». Если это суждение справедливо, оно, во всяком случае односторонне, ибо народ, по меньшей мере так же в долгу перед своей интеллигенцией, которую он в советское время не защитил от поругания начальства, от страшных репрессий, а ныне она брошена в стихию рынка, став одной из низкооплачиваемых страт населения. Россия претерпела много бед именно из-за уничтожения в XX



веке большой части элиты интеллигенции — ценнейшего генофонда нации, что привело к деградации или одностороннему развитию культуры в стране. Изгнание из страны и истребление части (причем лучшей части) интеллигенции в советское время, снижения ее статуса и жизненного уровня в постсоветское время может привести лишь к одичанию и деградации общества в целом.

В советский период после репрессий и высылки элиты интеллигенции и ухода во «внутреннюю эмиграцию» многих других значительная часть оставшихся была «приручена», интегрирована в советской социально-политической системе, индоктринизирована, была в определенной мере допущена в официальные структуры государственного аппарата, утратила важнейшую функцию культурной элиты — функцию критики власти. Известно, что внутри элиты существует естественная неоднородность; в культурную элиту входят те, кто внес наибольший вклад в генерирование нового знания (научная элита) или в создание новых форм эстетического освоения действительности, кто внес наибольший вклад в развитие культуры — русской и мировой. В советский же период оказалась полностью искаженной иерархизация внутри интеллигенции. Формальная и неформальная структура культурных элит разительно отличалась друг от друга. Стоявшие во главе Союза писателей Г. Марков или Союза художников Н. Пономарев отнюдь не были самыми выдающимися, талантливыми, уважаемыми, но — зато они были одобряемые политической элитой. Или сравним формальную и неформальную элиты советской философии 30-х — 70-х годов. Формальную представляли академики М. Б. Митин, П. Ф. Юдин, Ф. В. Константинов, Г. Ф. Александров, Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев. Ни один из них не был выдающимся философом. Это были партийные чиновники от филосо-

фии. А неформальная, подлинная элита этого периода — это совсем другие люди — это А. Ф. Лосев, В. Ф. Асмус, Э. В. Ильенков, М. К. Мамардашвили.

Интересны механизмы отбора в культурную элиту: тут возникает социальный фильтр, который либо способствует пропуску и отбору лучших, наиболее талантливых, либо препятствует подлинной, естественной иерархизации. Так, при советской власти обрушивались репрессии на «идеологически чуждых» писателей, художников, таких как М. Зощенко, А. Ахматова, Э. Неизвестный и, напротив, поддерживались дутые фигуры. Иначе говоря, официальная формальная иерархизация людей культуры бросала вызов подлинной дифференциации по критериям таланта, оригинальности, творческих вкладов в развитие культуры<sup>1</sup>. В перестроечный и постперестроечный период многие дутые и «от начальства поставленные», пользуясь словами М. Е. Салтыкова-Щедрина, были сброшены с пьедесталов. Увы, это не сделало постсоветскую культуру и ее элиту процветающей; культура деградирует уже по иной причине: она брошена в пучину рыночных отношений, где процветает массовая культура, обладающая массовым спросом, и опять-таки на поверхности — отнюдь не самые талантливые. Сохранение и развитие культурной элиты, во многом определяющей интеллектуальный потенциал страны, является важнейшей общенациональной задачей.

Культурную и прежде всего научную элиту можно дифференцировать на технократическую и гуманитарную. Первая выступает с программой рационализации социальной жизни, сделав ее функциональной требованиям индустриальной и постиндустриальной цивилизации. Не случайно, что в политической и научной

---

<sup>1</sup> См. подробнее: Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. — СПб. — 1993 г. — Ч. 1.

элите советского периода до конца 80-х годов преобладали люди с техническим образованием. Горбачевская программа «ускорения» также ложится в русло технократического мышления (недаром в ней говорилось о «человеческом факторе»: человеке как «факторе» производства). Напротив, в оппозиции конца 80-х — начала 90-х годов преобладала гуманитарно-ориентированная интеллигенция. Первая ориентация характерна для апологетов индустриального общества, вторая гуманистически трактует постиндустриальное общество. Важная функция интеллигенции — защита общества от политической элиты. Если же она питает власть, поставляя интеллектуалов, становящихся функционерами власти, она рискует потерять качество интеллигенции. Вспомним различие, введенное А. Солженициным — интеллигентов и «образованцев», из которых формируется номенклатура и неономенклатура.

Культурная элита видит свое призвание в том, чтобы поднять духовность россиян, сформулировать общенациональную идею, цели и пути развития страны. Эти цели, во-первых, экономические — подъем производства, достижение высокого уровня жизни. Но для российского менталитета, российской культуры приоритетными являются цели надэкономические, как более возвышенные, прежде всего, нравственные, и подлинная элита России — не элита потребления, а элита духовности.

Опасен разрыв между элитой (в том числе культурной) и массой. «Западнические» и «почвеннические» модели обустройства России, которые предлагает ряд представителей культурной элиты, разительно отличаются от массовых ожиданий. Замкнутость элиты на себе самой делает ее планы заведомо утопичными, заведомо провальными, как попытка перенести западные экономические модели на Россию, игнорируя ее культурные традиции, в условиях вакуума власти и от-

торжения конкурентной этики. Если элита будет отождествлять свои ценности с западными, в то время, как большинство народа находится в другом цивилизованном поле, это будет трагедией элиты и трагедией народа. Однако помимо западнического эпитонства и недоверия к российским культурным традициям, нашу элиту и наш народ ждет еще большая трагедия, если победит та часть культурной элиты, которая ориентирована на «почвенничество», на изоляционизм и ксенофобию. Да, мы решительно против массово-культурной экспансии против России, угрожающей ее культуре, но мы за самые широкие контакты на уровне высокой культуры. От нашей культурной элиты народ ждет принципиально новых, нетривиальных решений и подходов к судьбам нашей страны; выход — в такой модернизации общества, которая не будет означать отказа от его лучших культурных традиций, и вместе с тем не будет отказом от достижений современной цивилизации, но движением к постиндустриальному обществу с сохранением своей идентичности, своих особенностей, иначе говоря, к культурному синтезу.

### **Взаимоотношение элит: конфликт или консенсус?**

Если вопрос — произошла ли на рубеже 80-х и 90-х годов смена элит или дело ограничилось их трансформацией, до сих пор вызывает споры, то переход от единой властвующей элиты периода тоталитаризма к усложнению структуры элит и, более того, к элитному плюрализму — несомненен. Этот переход — составная часть движения общества от тоталитаризма к демократии.

Советская элита, если и не была монолитом (в ней

можно было различить функциональные элиты, например, технократическую, культурную, да и в самой политической элите имелись различные клиентарные группировки), то во всяком случае отличалась высоким уровнем сплоченности и единства, прежде всего идеологического, а также организационного (признание руководящей роли партии, лидирующей функции ЦК КПСС) и, соответственно, высокой дисциплиной, располагала высоким мобилизационным потенциалом. Постсоветская элита обладает значительно более сложной структурой, она плюралистична, интересы ее структурных элементов могут существенно различаться, порой центробежные силы внутри нее превосходят центростремительные, хотя общие интересы, связанные со стабилизацией социально-политической системы, ее объединяют. Структура постсоветских элит в этом плане более приближается к структуре элит развитых демократических стран, таких как США, включающих политическую элиту (правящую и оппозиционную), экономическую, культурную и т. д.

Действительно, в тоталитарной системе элита слитна, это общество не может терпеть плюрализм ни в чем (вспомним «бульдозеризацию» выставки живописи) и тем более элитного плюрализма. Напротив, в развитом гражданском обществе, где существуют группы с различными интересами и для нормального функционирования политической системы существенно важен учет интересов этих групп, естественен элитный плюрализм. Советская элита была единой. Разве Сталин потерпел бы раскол элит? Эту элиту объединял общий интерес — поддержание советской системы. В постсоветской России существует не только элитный плюрализм, но и разобщенность и борьба группировок внутри политической элиты; клановый и групповой эгоизм

внутри элиты ведет к междоусобным стычкам, к нестабильности<sup>1</sup>.

А что принес России переход от единой к плюралистичной элите? И — более широко — что лучше для народа вообще — единая элита, плюралистическая элита, но добившаяся консенсуса внутри себя по основным ценностям, или же элита, находящаяся в состоянии конкуренции между различными функциональными элитами или даже конфликта между различными группировками политической элиты? На первый взгляд, ответ элементарен: единая элита, действующая согласованно, предпочтительна конфликтующей элите. Но не будет ли такой ответ поверхностным и односторонним? Может быть и вариант монолитной элиты, и вариант элиты, раздираемой конфликтами — «оба хуже», оба противоречат интересам масс. Если элита монолитна, роль народных масс минимизируется, эта элита склонна к авторитарному правлению, часто не получая отпора. Но если идет война элит, страдает опять-таки народ. Р. Арон считал, что тут мы имеем дело с выбором между стабильностью и свободой. Конфликтующие элиты — угроза для стабильности политической системы. Но монолитные, бесконфликтные элиты — это угроза для свободы народа, превращение его в объект управления элиты<sup>2</sup>. Различие элит, разделение труда между ними, их взаимная конкуренция и критика делает народ посредником и верховным судьей в этом споре, элиты ищут поддержки у народа, они вынуждены выражать не свои узкогрупповые интересы, а интересы народа, ибо иначе победит конкурирующая элита. Ол-

---

<sup>1</sup> Приведем характерный для ситуации в современной России пример. Как показали результаты опроса российской элиты в 10 крупных городах России, проведенного исследовательским центром РОМИР, 53,5% политической элиты считают нереальным отказ от «черных» выборов технологий (газета «Время», 16.11.2000 г.).

<sup>2</sup> Арон Р. Демократия и тоталитаризм. — М., 1993 г.

нако от борьбы элит страдает стабильность политической системы, и когда борьба доходит до конфликта, до междоусобицы — опять-таки страдает народ. Постоянные перемещения и «разборки» в позднееельцинскую пору надоели обществу, и оно предпочло твердое руководство В. Путина. По-видимому, и монолитность, и конфликт элит — крайности, нужно искать оптимум в отношениях между элитами. В развитой демократии конкуренция элит — это «игра по правилам», а не битва на жизнь или на смерть, которая приводит к кровавым столкновениям. Народ, играя роль арбитра, выбирает одну из элит, оставляя для другой возможность победить в следующей избирательной кампании и не допуская установление диктатуры победившей элиты.

Но хотя мы констатировали, что структура новых российских элит все более приближается к структуре элит современных развитых стран, в том числе США, существует и значительное различие между этими структурами. В России абсолютное верховенство принадлежит политико-административной элите, ею охвачены решающие командные позиции. Еще сильны традиции не правового, а полицейского государства, традиции тоталитарного и авторитарного периодов российской истории, когда эта элита по существу бесконтрольно распорядилась страной, а отношения между различными функциональными элитами были строго иерархизированы, это были вертикальные властные отношения: все элиты были подконтрольны политической и не могли бросить ей вызов. Сохранились и традиции чрезмерной персонификации власти (царя-батюшки, генсека, президента). Политические элиты до сих пор считают себя вправе командовать прочими социально-доминантными группами, ориентируясь на вертикальные структуры власти. А в условиях гражданского общества должны преобладать как раз горизонтальные связи. Социально-доминантные группы действуют в

пределах своей компетенции, пусть даже политическая элита играет роль «стратегической элиты» (термин С. Келлер). Все элиты, обладая относительной самостоятельностью в демократическом обществе, стремятся усилить свое влияние на власть. Итак, монопольная власть политической элиты — наследие прошлого, которое должно быть полностью преодолено.

Таким образом, конфронтация элит опасна для стабильности социально-политической системы, она неминуемо ведет к ослаблению, а то и дискредитации власти. Но и другая крайность — единая, монолитная элита опасна для масс, минимизируя их роль в политическом процессе, который творится элитой за закрытыми дверями. Поэтому в политическом процессе важно найти *оптимум в отношении элита-масса*.

Пока же элитные группы российского общества — одни из наиболее конфликтных групп России. Социальные изменения последних лет привели к глубоким расколам и конфликтам внутри элиты. Конфликт элит или конфликт группировок внутри определенной элиты особенно опасен, когда он приобретает криминальный оттенок, что, увы, становится правилом российской жизни, с вываливанием «компромата» на политического противника и даже с убийством по политическим мотивам. Если конфликтная теория элит полагает, что существует единая правящая элита, предполагая совпадение господства, власти, собственности, то функционалистская теория исходит из плюрализма элит, из того, что распределение власти, богатства между социально-доминантными группами, занимающими различное положение в обществе, определяется их функциональной значимостью в системе власти (для политической элиты), в системе отношений собственности (для предпринимательской элиты), в системе науки, культуры (для интеллектуальных элит). Функционалистская концепция элит предполагает различие



между системами ценностей, которым отдается приоритет (власть — для политической элиты, финансовые ресурсы — для бизнес-элиты, культурные инновации и их социальное признание — для интеллектуальных элит). К заслугам функциональной теории элит относится выявление групп, оказывающих давление на элиты (прежде всего, политическую элиту), выявление элитных групп, опосредующих отношения между политическими и предпринимательскими элитами, определение механизма этого влияния (от лоббизма до воздействия на средства массовой информации, финансирования политических партий и избирательных кампаний). При таком подходе порой элитные группы отождествляются с группами давления, которые не имеют фиксированной социальной позиции в структуре общества. Идея плюрализма элит оборачивается отказом от фиксации социальной иерархии элит, их социального статуса, исходит из их динамизма.

Для стабильного государства важно поддержание динамического равновесия между различными группировками элит. Поскольку складывающийся российский истеблишмент заинтересован в социальной стабильности, доминирование одной элиты должно уступить место диалогу элит, учету интересов других социально-доминантных групп, горизонтальным связям между элитами. Плодотворны подходы к феномену власти, не отождествляющие ее с господством, делающие упор на достижение согласия и разделения функций и полномочий между различными социально-доминантными группами. Хотя ни бизнес, ни культура не отгорожены от связи с властными отношениями, функцию правящей элиты можно видеть не в господстве, а в достижении консенсуса социально-доминантных групп и, более широко, всех классов и социальных групп общества, учете их специфических интересов при принятии политических решений. Для демократической полити-

ческой системы должны существовать горизонтальные связи элит (а еще лучше, если они преобладают над вертикальными). Нам не следует сохранять жесткие вертикальные связи в отношениях социально-доминантных групп, являющихся референтными группами для населения; задача — наладить плодотворный диалог между ними, найти баланс сил между различными элитами, утилизировать потенции каждой из элит на благо общества (ухода от конфликтов, в которых победа любой из элит означает ущерб для общества).

Курс на российские реформы не может осуществиться без квали-фицированной политической элиты, без элиты предпринимателей, без научной элиты, разрабатывающей программу реформ. Важно найти механизмы, снимающие конфронтацию элит ради сохранения таких базовых ценностей, как целостность страны, благосостояние ее народа; отсюда — важность выработки механизмов нахождения компромиссов, партнерства внутри элит и между ними. Оптимальна такая система отношений между элитами, когда преобладает не тенденция конфронтации, но эффективного взаимодействия, понимание того, что функции различных социально-доминантных групп общества взаимодополнительны, и компромисс между элитами — в интересах их самих и общества в целом. Взаимодействие и сотрудничество элит — важное условие социального развития, основанного на партнерстве, важный элемент неконфронтационного развития.

В заключение сравним модели структуры политической власти в США и России с точки зрения монизма или плюрализма элит, рассмотренные нами в предыдущей и настоящей главах. Мы можем констатировать, что в большей части политической истории России эта модель приближалась к монистической элите. Тенденция к монизму и тенденция к плюрализму элит — это два полюса, которые причудливо взаимодействовали в

российской истории (это переходы от сильной, авторитарной монархической власти к ослаблению центра и усилению боярской автономии в «смутное время» конца XVI — начала XVII вв., или междоусобицы дворянских элит в послепетровский период XVIII века). Все же большая часть ее истории падает на сильную монистическую элиту. Отметим вместе с тем, что авторитарная власть, не допуская существования сильной, автономной, независимой от себя элиты, вела к застою общества. Одной из главных причин отсутствия в России демократической плюралистической модели элитного взаимодействия была слабость дореволюционной российской буржуазии, ее неспособность стать контрэлитой и руководителем процесса модернизации России, создания гражданского общества.

Пик элитного монизма падает, разумеется, на советский период, когда тоталитарная элита жестоко подавляла все отклонения от «генеральной линии» ЦК КПСС. Отход от этой монистической модели наметился в конце периода перестройки (1987—1991 гг.). И только постсоветский период истории России стал периодом движения ее к плюрализму элит.

Напротив, американская модель политической системы представляет собой в своей основе модель плюрализма элит. И уже поэтому постсоветский период с его ростом плюрализма элит можно считать приближением российской модели политической системы к американской. Но монизм и плюрализм элит — это два плюса, это идеальные модели структуры элит в веберовском смысле. И поэтому нельзя абсолютизировать и плюрализм американских элит (в предыдущей главе мы видели сильную тенденцию к единству американских элит, когда дело касалось ключевых вопросов американской социально-политической системы, американской системы ценностей).

## ЛИТЕРАТУРА:

*Афанасьев М. Н.* Правящие элиты и государственность посттоталитарной России.— М.— Воронеж, 1996.

*Афанасьев М. Н.* Клиентализм и российская государственность.— М., 1997.

*Ашин Г. К.* Современные теории элиты.— М., 1985.

*Ашин Г. К., Охотский Е. В.* Курс элитологии.— М., 1999.

*Ашин Г. К., Понеделков А. В., Игнатов В. Г., Старостин А. М.* Основы политической элитологии.— М., 1999.

*Гаман О. В.* Политические элиты России. Вехи исторической эволюции —. М., 1998.

*Черноус В. В.* Правящие элиты дореволюционной России. Ростов-на-Дону.— 1999.

*Панарин А. С.* Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века.— М., 1998.

*Понеделков А. В.* Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России.— Ростов-на-Дону, 1995.

## **Тема 10. Рекрутирование элит в России и США**

Важная задача политической науки ... определение возможностей и путей повышения качества элиты. Объективные критерии этого качества ... результаты ее управленческой деятельности, синтетическим показателем которых является состояние страны в целом, качество жизни ее населения ... процветает страна или находится в состоянии упадка, каков жизненный уровень населения, его культуры, насколько свободен народ, насколько реализуются его творческие потенции, насколько обеспечена его безопасность ... внешнеполитическая, экономическая, экологическая. Субъективные критерии оценки качества элиты ... ее интеллектуальный потенциал, ее нравственные устои, ее культурный и образовательный уровень.

Очевидно, что качество элиты во многом зависит от принципов ее рекрутирования. Известно, что политическое рекрутирование ... это вовлечение людей в активную политическую жизнь. И важнейшее место в нем занимает процесс рекрутирования политической элиты, посредством которого формируются законодательные и исполнительные органы государства, правительственный аппарат, руководящие кадры государственных учреждений. Исследовать процесс этого рекрутирования ... значит исследовать политический

процесс с точки зрения того, как люди вовлекаются в политику, выдвигаются на руководящие политические посты (в том числе становятся политическими лидерами), устанавливают политические контакты, как они делают политическую карьеру.

## **1. ТИПОЛОГИИ РЕКРУТИРОВАНИЯ ЭЛИТ**

В стабильных политических системах рекрутирование элиты институтизировано, то есть осуществляется в соответствии с тщательно разработанными процедурами (обычно освященными традициями), в результате чего персональный состав элиты с большей или меньшей периодичностью обновляется, а сама политическая структура остается в значительной степени неизменной. По-иному обстоит дело в условиях крутой ломки политической системы, в периоды политической нестабильности. Тогда происходит трансформация или смена элит; люди, занимавшие ключевые позиции в государственном управлении, лишаются своих постов; возникает много вакансий, которые заполняются с нарушением обычных рутинных норм. Недостатка в желающих занять элитные позиции общество никогда не испытывает, что стимулируется высоким статусом управленческой деятельности, престижем, возможностью получения ряда привилегий, в том числе материальных. Иное дело... насколько квалифицированными оказываются новобранцы на элитных позициях, каковы их моральные и деловые качества

Не вызывает сомнения, что проблема рекрутирования элиты тесно связана с вопросом о социальной стратификации и социальной мобильности. Как известно, социальная стратификация — это дифференциация общества, ранжирование его членов (а также социальных групп) на основе таких критериев, как соци-

альный статус и роль индивидов в социальной системе, это ранжирование социальных групп и индивидов по таким основаниям, как распределение материальных благ, социальный престиж, профессия, образование, участие во властных отношениях и т. д. Социальная стратификация не есть нечто неподвижное, постоянное. Изменение индивидом или социальной группой своего места в социальной структуре называется социальной мобильностью. Это понятие было введено в науку великим русским (затем американским) социологом П. А. Сорокиным и глубоко раскрыто в его классической работе «социальная мобильность», изданной в 1927 году. Главное внимание автор уделил исследованию переходов, перемещений из одних социальных слоев в другие. Естественно, что в проблеме социальной мобильности особое внимание исследователей привлекает восходящая мобильность в элитные слои. Собственно, проблема рекрутирования элиты может по праву считаться частью более широкой проблемы восходящей мобильности.

Власть элиты («аристократии» по Сорокину) стабильна, когда последняя состоит из мудрых, талантливых, решительных людей и потому не боится конкуренции со стороны выходцев из социальных низов. Когда же элита слаба, бесталанна, «головастики», родившиеся в более низких стратах социальной пирамиды (люди, обладающие умом, высокими способностями, в том числе способностями к лидерству), не допускаются к элитным позициям, социальный баланс в обществе нарушается, социально-политическая система общества становится неустойчивой. И тогда этой дряблой аристократии нужны барьеры против восходящей мобильности этих «головастиков». Но последние раньше или позже выходят из «социальных подвалов», и барьеры на пути этой восходящей мобильности выходцев из

низов разрушаются, и тогда заработают новые принципы рекрутирования элиты<sup>1</sup>.

Таким образом, системы рекрутирования элиты с течением времени изменяются. И можно согласиться с американским элитологом Р. Путнамом, что каждая социально-политическая система вырабатывает разветвленную технологию разделения людей, жаждущих власти, от тех людей, которые действительно занимают эти позиции. Выработанные правила селекции служат нормами, управляющими восходящей мобильностью и рутинизирующими процесс рекрутирования элиты<sup>2</sup>. Вряд ли стоит сомневаться в том, что по существу эти правила, эти стандарты стоят прежде всего на страже стабильности элит уже потому, что по большей части устанавливаются самими элитами.

Итак, стратификация выступает прежде всего как ранжирование. «Почему общество ранжируется? И нужно ли вообще это делать?» — задает вопрос американский элитолог Э. Карлтон. — И если все-таки нужно, то на какой основе должно происходить это ранжирование? На основе социального происхождения, богатства, или же на основе талантов и заслуг?<sup>3</sup>

При капитализме, по К. Марксу, основой классового расслоения является отношение к средствам производства, доступ к капиталу. М. Вебер подчеркивал роль социального статуса в системе социальной стратификации. Чем более сложным является общество, чем более развита в нем система разделения труда, тем более сложна, дифференцирована система статусных ролей, рангов. Американский элитолог Э. Карлтон различает

<sup>1</sup> Сорокин П. А. Человечество. Цивилизация. Общество. — М. — 1992. — С. 292.

<sup>2</sup> Putman R. The Comparative Study of Political Elites, N. J., 1976, p. 52.

<sup>3</sup> Carlton E. The Few and the Many. Typology of Elites. Scholar Press, 1996, p. 209.



элиты по рождению, богатству, по расовым и национальным признакам, по культуре. И ставит вопрос: «Соответствует ли ранг вклада, который вносит человек в социальный процесс, его заслугам», или же этот ранг базируется на «социальном происхождении, получает ли он от общества больше или меньше?» Идеалом, по Карлтону, является меритократия — элита заслуг (подробнее о меритократии речь пойдет ниже).

Собственно, подобную позицию разделяют многие, если не большинство современных социологов. А. Суонн, Дж. Мейнор, Э. Куинн, Э. Рейс пишут: «Элиты, по определению, контролируют большую часть материальных, символических и политических ресурсов. Они занимают высокие посты в иерархии статуса и власти, получив их по положению и заслугам»<sup>1</sup>. Так вот по положению или по заслугам — в этом и состоит, как нам думается, суть проблемы рекрутирования элиты. Как отмечают многие социологи, критерии более открытого или, напротив, закрытого характера рекрутирования элиты определяются тем, ориентированы ли те или иные социально-политические системы на критерии аскриптивности (предписанности) или ресептивности (достижений). Аскриптивный статус (*ascriptive status*) — это статус, связанный с унаследованными факторами, прежде всего, с социальным происхождением, тогда как ресептивный (*rescriptive*) статус основан на собственных достижениях

(употребляется также причастие *achieved*). Именно последний критерий является индикатором открытости элитного рекрутирования и одновременно указывает на его меритократический характер<sup>2</sup>. Ресептивность — термин, который показывает, что тот или иной человек

---

<sup>1</sup> Swann A., Manor J., Qyen E. *Elite Perception of the Poor*. *Current Sociology*, v. 48, Jan. 2000, p. 46.

<sup>2</sup> См.: Lerner R., Nagai A., Rothman S. *American Elites*. Yale Univ. New Haven, 1996.

попадает в элиту не благодаря предписанному, полученному по наследству статусу, богатству или связям, а собственным заслугам, способностям, трудолюбию. Таким образом, ресептивность указывает на результат собственных усилий человека, а не на наследственные привилегии (так, например, докторская степень не может быть унаследована от родителей).

Система рекрутирования элиты имеет исключительную важность для политической системы; она может либо обеспечить более или менее равные возможности доступа к власти всем гражданам, либо ограничить эти возможности, а то и вовсе лишить этих возможностей. Одна из характерных черт подлинно демократической политической системы ... создание возможностей для каждого гражданина достичь такого положения, которое дает ему право считаться членом политической элиты<sup>2</sup>.

В процессе рекрутирования политической элиты важнейшие моменты... широта ее социальной базы, круг лиц, осуществляющих отбор элиты (селекторат), наконец, процедура, механизм этого отбора. Опыт завершающегося тысячелетия свидетельствует о том, что закрытая элита, которая формируется из представителей узкого привилегированного слоя, воспроизводится на своей собственной ограниченной базе, неминуемо деградирует, загнивает, рано или поздно уступая место обществу с более открытой элитой, что ведет к изменению всей социально-политической структуры. И чем более закрытой является элита, чем уже ее социальная база, тем меньше у нее шансов продлить свое господство, выжить в соревновании с другими социально-политическими системами. Следует оговориться, что эта закономерность действует с наибольшей силой в тех

---

<sup>1</sup> Eulau H., Czudnowski M. (eds). *Elite Recruitment in Democratic Politics*, N. Y., 1996, p. 24.

общественных структурах, где оказывается более развитой система социальных коммуникаций, в том числе связей между странами, культурами, цивилизациями. При отсутствии или малой развитости таких связей общество с закрытой элитой может весьма долго сохранять свою устойчивость.

В целом можно сказать, что качество элиты зависит от способов ее рекрутирования, от того, насколько элита «прозрачна», открыта для наиболее активных, образованных, способных к инновациям людей из всех классов и слоев общества, а также от того, существуют ли заслоны на пути вертикальной социальной мобильности для людей случайных, нравственно нечистоплотных, т. е. действительно ли в элиту попадают наиболее достойные в нравственном и интеллектуальном отношении люди. Открытость элит... важный элемент «открытого общества» (термин К. Поппера), где высок уровень социальной мобильности. И, соответственно, закрытые, непрозрачные элиты... элемент «закрытого общества», где социальная мобильность низка или даже отсутствует. Закрытый тип рекрутирования элиты является исторически первым, тогда как второй является результатом развития политической системы, ибо требует для своего функционирования высокого уровня политической культуры. Первый тип характеризуется, прежде всего, узостью социальной базы этой элиты. Это... господствующий класс (слой, сословие), который и монополизировал политическую власть; все элитные позиции заняты его ставленниками. Закрытый тип рекрутирования элиты характерен для политической системы традиционного общества, а по отношению к современным политическим системам... для авторитарных и тоталитарных политических режимов. Поскольку данный тип рекрутирования элиты сужает социальную базу последней, препятствует занятию элитных позиций наиболее способными людьми из низших страт обще-

ства, инакомыслящими и т. д., он обрекает политическую систему на застой, последняя неминуемо вырождается, утрачивает способность к эффективному управлению, по существу провоцирует образование контрэлиты, превосходящей правящую элиту по своим интеллектуальным и пассионарным показателям, которая использует недовольство масс существующей социальной системой для ее свержения, для смены элиты.

Проблема рекрутирования элиты — предмет острых дискуссий, начиная с сочинений Конфуция и Платона. Отметим, что наиболее дальновидные идеологи традиционного общества, такие, как Конфуций, понимали недостатки закрытого типа рекрутирования элиты. Чтобы прорвать стену этой закрытости, Конфуций подчеркивал необходимость системы сдачи экзаменов на право занятия государственной должности. Плодотворные мысли о справедливом формировании правящего слоя высказал Платон. В связи с этим известный американский социолог Сьюзен Келер пишет, что основной идее Платона в этом вопросе — что элита должна обучаться и представлять собой меньшинство, основанное на компетентности и высокой морали — до сих пор никто не бросил серьезный вызов<sup>1</sup>. С этой фразой можно согласиться лишь отчасти, с оговоркой: то, что компетентным и высокоморальным может быть только меньшинство общества — до сих пор остается гипотезой, а не аксиомой.

Американский исследователь проблем рекрутирования элиты М. Чудновский предложил гипотезу, которая нам представляется обоснованной: в обществах, где социальная стратификация ригидна (жестка) и социальные изменения слабы, важнейшим критерием рекрутирования элиты является социальное происхождение

---

<sup>1</sup> Keller S. Beyond the Ruling Class. Strategic Elites in Modern Society. New Brunswick, 1991, p. XVI.

ние. В более открытых системах социальной стратификации выше уровень социальной мобильности, и, соответственно, социальное происхождение имеет меньшее значение. При этом в демократических политических системах особенно важен вопрос о репрезентативности элит.

Собственно, данные об образцах селекции и рекрутирования элиты и помогают определить степень ригидности элиты. Причем при анализе рекрутирования элиты важны данные не только о мобильности индивидов и их восхождении на элитные позиции, но также (и даже в особенности) подъемы и падения отдельных социальных групп, целых классов внутри элиты. С. Келлер не без оснований считает, что в монолитном обществе, в котором правящий класс имеет эффективный контроль над политическим процессом, элитные карьеры зависят прежде всего от принадлежности к этому классу. Напротив, в плюралистическом обществе в фокусе внимания оказываются карьерные пути индивидов в элиты, особенно стратегические элиты<sup>1</sup>.

Поскольку, продолжает Келлер, никто не смог опровергнуть тезис о том, что управлять обществом должны «самые лучшие», талантливые, «целью рекрутирования элиты и является определение этих лучших, талантливых, хотя определение «лучший» варьируется<sup>2</sup>. Ни один метод рекрутирования элиты не является раз и навсегда высшим или низшим, он должен быть функционален по отношению к социальным и культурным системам. Даже в демократических обществах нельзя пренебрегать важностью исследований социальных позиций претендентов на элитные позиции. Но именно селекция на базе заслуг стимулирует развитие творчества и инициативы, делает общество более динамичным.

---

<sup>1</sup> Keller S. Op.cit., p. XIX—XX.

<sup>2</sup> Ibid., p. 186.

Рекрутирование элиты всегда базируется на неформальных или формальных правилах. Как отмечают американские социологи Р. Лернер, А. Нагаи, С. Ротмен, «с течением времени критерии рекрутирования элиты изменяются, становятся более сложными и дифференцированными (поскольку само общество становится все более сложным). В прошлом они базировались на религии, классовой структуре, традиции, затем — на членстве в военной элите, позже — в административной бюрократии»<sup>1</sup>. Можно сказать, что если на ранних стадиях всемирной истории закрытое рекрутирование политико-административных элит было абсолютно преобладающим, то в XX веке можно говорить о преобладающей тенденции открытого рекрутирования элит. Тем не менее, мы подчеркиваем, что говорим о *тенденции, поскольку полностью открытой системы рекрутирования элиты*, основанной исключительно на ре-септивных качествах личности, до сих пор не существует, разве что в утопических сочинениях типа «Возвышения меритократии» М. Янга, да и это сочинение следует скорее отнести к жанру антиутопии.

## **2. ОСОБЕННОСТИ РЕКРУТИРОВАНИЯ АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЭЛИТ**

Один из ведущих элитологов США Т. Дай так формулирует проблему рекрутирования американских элит: «Кто эти люди наверху? Как они пробрались наверх? Наследуют ли они свои позиции или же зарабатывают их, пробираясь по ступенькам институциональной иерархии?.. Есть ли возможность пробраться наверх людям обоих полов, всех классов, рас, национальностей?

---

<sup>1</sup> Lerner R., Nagai A., Rothman S., Op. cit., p. 4.

Или же только белым, мужчинам, англо-саксам, выходцам из высшего и высшего среднего классов? Рекрутируются ли национальные элиты преимущественно из выпускников частных «именных» школ и университетов «Лиги Плюща»?<sup>1</sup>

Но Дай исследует современное рекрутирование элиты США. Мы же начнем с короткого исторического введения, памятуя, что институт рекрутирования элиты не является чем-то неизменным и постоянным, что он изменяется вместе с изменением социально-политической системы. Д. Балцелл, исследуя проблему рекрутирования американской элиты с самого начала колонизации Америки, пишет, что американская социально-политическая система двигалась от весьма недемократической к более демократической. Первоначально американской элитой выступала так называемая «естественная аристократия», которая становилась наследственным высшим классом. Причем Балцелл справедливо замечает, что «высший класс является социальной и исторической категорией», а отнюдь не «естественной аристократией», это была группа семей, чьи предки были членами элиты одно или несколько поколений<sup>2</sup>. Далее американская элита институтизируется, почти полностью сохраняя черты закрытой, привилегированной касты. Причем эта элита была заражена этническими предубеждениями (англо-саксизм), весьма консервативна. Не случайно, что в период «великой депрессии» 1929—1933 гг. правящий класс США был резко настроен против реформ Ф. Рузвельта и только с победой «нового курса» американская элита стала либерализоваться.

И все же развитие американского общества посте

---

<sup>1</sup> Dye T. Who's Running America? The Bush Era. The 5-th ed., N. J., 1990; The Clinton era, the 6-th ed. N. J., 2000, p. 13.

<sup>2</sup> Balzell D. The Protestant Establishment. Aristocracy and Caste in America. N. Y., 1966, p. 20.

ленно шло в направлении более открытой элиты. Война американских колонистов за независимость от Англии приняла характер революционной войны против феодальной колониальной системы. Восстание против английского владычества, победы повстанческой армии под командованием Дж. Вашингтона, принятие «Декларации Независимости», а затем и Конституции США, провозглашение американского народа верховным сувереном, положение о том, что власть правительства основывается на согласии управляемых, разделении властей — законодательной, исполнительной, судебной — все это качественно изменило политическую систему страны, демократизировав ее. Демократическая политическая система потребовала и демократизации системы рекрутирования элиты. Дальнейшие демократические преобразования в США — предоставление бывшим рабам гражданских прав, предоставление избирательных прав женщинам, отмена избирательного ценза и др. расширили социальную базу рекрутирования политико-административной элиты США.

Но провозглашенные и даже юридически оформленные политические права, в частности, право каждого гражданина войти в политическую элиту, могут оставаться чисто формальными. Как признают американские социологи Р. Лернер, А. Нагаи, С. Ротмен, нельзя игнорировать реальное неравенство попасть в элиту представителям различных социальных групп, нельзя игнорировать аскриптивные факторы, в силу которых членами элиты оказываются не столько в силу собственных заслуг и достижений, сколько в силу предписанного статуса<sup>13</sup>. Сын Г. Форда вступает в мир с ресурсами — материальными и социальными — несопоставимыми с сыном рабочего. Поэтому представляется более уместным исследовать вариации аскриптивности

---

<sup>13</sup> Lerner R. a. o. Op. cit., p. 19.



и ресептивности в процессе рекрутирования политической элиты США. Но, во всяком случае, американские социологи, как правило, согласны с тем, что общество, основанное на принципах ресептивности, то есть меритократии, является идеалом с точки зрения рекрутирования элиты. Р. Лернер и его соавторы пишут: «Мы (американцы, Г. А.) восхищаемся людьми, которые оказались наверху благодаря тяжкому труду и продемонстрировали успехи. Мы верим, что правительство должно обеспечить равенство возможностей». Соответствует ли это действительности? Или то, что каждый, начинающий свою карьеру продавцом газет, имеет шансы стать Президентом США — всего лишь пропагандистский массовокультурный миф? Ряд американских социологов считает, что США приближаются к меритократическому принципу рекрутирования элиты. Другие возражают, приводя довольно основательные доводы: «Если у нас действительно меритократическое общество... то половину элиты должны составлять женщины, 12% — негры и т. д... Мы признаем, что расизм, сексизм и другие формы дискриминации препятствуют этому»<sup>1</sup>.

С. Келлер в связи с рекрутированием элиты пишет о двух непримиримых тенденциях в социальной жизни, связанных с одной стороны, с нуждой в порядке и, с другой стороны, нуждой в переменах. «Если социальное лидерство становится таким консервативным, что оказывается иммунным по отношению к новым идеям... это ведет к закату лидерства, лидеры уходят в отставку или насильственно свергаются»<sup>2</sup>. С другой стороны, порядок и стабильность в обществе требует преемственности в политике, стабильного лидерства и стабильной элиты. Чтобы сбалансировать эти

---

<sup>1</sup> Ibid., p. 18.

<sup>2</sup> Keller S. Op. cit., p. 172.

две тенденции, в рекрутировании элиты должно быть оптимизировано соотношение аскриптивных факторов, которые обеспечивают преемственность, стабилизируют элиту, и ресептивных, которые способствуют инновациям в обществе.

Каково же соотношение этих тенденций в современном американском обществе? И в какой мере реализован идеал «равных возможностей», который прокламируется в американской идеологии и американской массовой культуре? Т. Дай пишет по этому поводу: «Американский идеал — не бесклассовое общество, а скорее общество, в котором индивиды свободны в своем движении вверх на основе таланта, тяжелой работы и счастливого случая. Вертикальная мобильность очень ценится в американской культуре»<sup>1</sup>. И действительно, существует значительная вертикальная мобильность в США. Остается выяснить, каков же уровень этой восходящей мобильности.

Проблема эта оказывается остро дискуссионной. В дискуссиях о том, является ли социальное происхождение важнейшим фактором достижения элитных позиций, об аскриптивных или ресептивных, меритократических принципах ее рекрутирования многие ее участники жалуются на то, что превратилось в расхожее клише суждение о том, что американская элита — это преимущественно белые, англо-саксы, протестанты, выходцы из богатых семей, которые смогли дать своим детям дорогостоящее частное образование, и что в результате элита США не представляет население страны по основаниям пола, расы, класса<sup>2</sup>. Не будем априори верить расхожим суждениям, но не будем их сходу отрицать как не соответствующих истине. А установить истину далеко не просто. Хотя бы пото-

---

<sup>1</sup> Dye T. Op. cit., p. 191.

<sup>2</sup> Lerner R. a. o., Op. cit., p. 21.

му, что, как пишет Т. Дай, в социологических опросах подавляющее большинство американцев склонны относить себя к среднему классу, в то время как члены элиты стремятся спрятать свою принадлежность к высшему классу.

Эту принадлежность к высшему классу Дай определяет по ряду оснований. Интересно, что при этом на первое место он выдвигает вопрос о том, посещал ли человек частную престижную школу, и только на второе — вопрос о том, занимают ли и занимали ли его родители высокое положение (в частности, были ли его родители владельцами, директорами, высшими менеджерами крупных корпораций, банков, правительственными чиновниками высокого ранга, владельцами юридических фирм, газет, президентами университетов или филантропических фондов). И это не случайно. Образование, полученное в престижных и дорогостоящих частных школах и университетах, — явная заявка на получение элитного статуса.

Свыше 90% американской элиты имеют высшее образование (по сравнению с 19% американского населения в целом; при этом особую важность имеет качество образования — элитная частная школа или бесплатная муниципальная, престижный частный университет или непрестижный). По мнению американского элитолога Р. Путмена, путь в элиту (политическую, экономическую и другие) складывается из двух основных составляющих: социальное происхождение и образование. Но тут особо важно соотношение того и другого.

«Когда достижение элитного статуса основывается на успехах в учебе и умении в большей мере, чем на наследственных прерогативах, доступ в элиту — меритократический. Если же хорошее образование — следствие элитного статуса родителей, это говорит о низкой социальной мобильности, большей закрытости

элит»<sup>1</sup>. Путмен рисует несколько типичных моделей рекрутирования элиты, в частности: образование + высокое социальное происхождение = элитный статус; высокое социальное происхождение + образование = элитный статус; высокий социальный статус — необходимое условие, а образование — просто продукт социального статуса.

Многочисленные эмпирические исследования проблемы элитного рекрутирования показывают, что большинство членов американской элиты — выходцы из богатых семей, из высшего и высшего среднего класса (прежде всего, высших беловоротничковых). По подсчетам Т. Дая, 30% американской элиты происходит из высшего класса, и около 70% — из среднего. Другие социологи, соглашаясь с первой цифрой, предлагают дифференцировать вторую, считая, что большая часть указанных Даем 70% — это выходцы из высшего среднего класса, и только меньшинство — из низшего среднего класса. Выходцы из рабочего класса в американской элите очень редки.

По вопросу рекрутирования элиты США (прежде всего, политико-административной) среди американских социологов можно выделить три основные точки зрения:

- Сторонники классового подхода (У. Домхофф, М. Паренти). Домхофф утверждает, что доминирующим классом в США являются корпоративные богачи, составляющие менее 1% населения (прежде всего, это — собственники и высшие менеджеры американских корпораций, банков), хотя это и не означает, что другие классы безвластны. «Корпоративные богачи — национальный высший класс... формирует властвующую элиту»<sup>2</sup> из самого

<sup>1</sup> Putman R. The Comparative Study of Political Elites, p. 28.

<sup>2</sup> Domhoff W. Who Rules America? Power and Politics in the Year 2000. L., Tor., 1998, p. 2.

себя и своих ставленников. М. Паренти считает, что в США «правлящий класс является по большей части саморекрутирующимся»<sup>1</sup>.

- Сторонники политического плюрализма (Р. Даль, С. Келлер, Р. Лернер). Различные элиты США (политическая, экономическая, культурная и другие) в большой мере независимы друг от друга, и рекрутирование каждой из них специфично. Американская политическая система представляет собой полиархию, в ней существует целый ряд центров власти. Впрочем, многие плюралисты готовы признать, что в американских элитах тон задают люди, рекрутируемые из мира корпораций, и их представительство в американских элитах непропорционально велико.
- «Неоэлитисты» (Т. Дай, Х. Зайглер). Дай считает, что люди, определяющие американскую политику (а также экономику и все другие важнейшие сферы социальной жизни), представляют собой не класс, а именно элиту (это социальная группа (порядка 5—6 тысяч человек, занимающие 8—9 тысяч элитных позиций в важнейших социально-политических институтах США). Хотя американская элита имеет сложную структуру (что подчеркивают и плюралисты), это единая социальная группа, разногласия внутри нее касаются второстепенных вопросов и которая сплачивается, как только возникает угроза социально-политической системе США, это группа, объединенная общностью интересов и фундаментальных ценностей.

Дай признает, что члены элиты США нетипичны для американского населения. «Они рекрутируются из людей хорошо образованных, обычно уже занимаю-

---

<sup>1</sup> Parenti M. *America Besieged*, San Francisco, 1993, p. 200.

щих престижные посты, они богаты, старше по возрасту, это городские жители, белые, преимущественно англо-саксы, мужчины из высшего и высшего среднего классов». Вот усередненный портрет представителя американской элиты. Средний возраст члена корпоративной элиты — 60 лет, элиты сферы образования и культуры — 62 года, правительственной элиты — 56 лет. Имеет высшее образование. Каждый четвертый имеет научную степень. 42% членов правительственной элиты выпускники 12 престижнейших университетов США.

В социологии существует множество типологий рекрутирования элиты. Нам представляется, что типология рекрутирования элит по основанию открытость — закрытость является наиболее правильной. Она, в частности, представляется нам предпочтительнее типологии рекрутирования элит по основанию демократизм-авторитаризм, как предлагают некоторые политологи. Выше уже отмечалось, что и в демократических системах элиты могут весьма различаться по степени открытости. В этой связи интересен подход американского политолога Б. Рокмэна, вычленяющего две тенденции отбора элит в современных демократических системах?.. гильдийную и антрепренерскую. Для системы гильдий характерна высокая степень институтизации в процессе отбора, важная роль образования, прежде всего, специального, медленный путь наверх, тенденция к воспроизведению характерных черт уже существующей элиты, небольшой, относительно закрытый селекторат. Антрепренерская система отбора исходит из того, что индивидам, стремящимся попасть в элиту, необходима поддержка не только внутри управленческой системы, в которой они и собираются делать карьеру, но и вне этой системы, и они находят эту поддержку (т. е. опираются на более широкий селекторат), и инерциальные силы организационных норм в меньшей степени тор-

мозят их продвижение в элиту<sup>1</sup>. По гильдийной модели обычно осуществляется селекция бюрократической элиты, а политическая элита рекрутируется преимущественно по антерпренерской модели. В системе гильдий кандидаты на продвижение должны обязательно угодить небольшой группе лиц наверху (которые и выполняют функции селектората). Бюрократическая элита заинтересована в организационной рутине, в привычных методах, в преемственности. Для антерпренерской системы, где селекторат более широкий, кандидату на элитные позиции нужно влиять не только на вышестоящих лиц, но и апеллировать к влиятельным людям вовне этой системы. Критерии селекции разнообразны и противоречивы, при продвижении вверх можно миновать карьерные ступеньки и рутинные процедуры. Только в этой системе, замечает Рокмен, «на высший пост США смог подняться бывший киноактер, вступивший в политику в 55 лет». Если спроецировать эту типологию на российскую историю последнего времени, можно сказать, что только по первой модели могли продвигаться наверх лидеры застоя, а по второй... Б. Ельцин или А. Лебедь.

Но вернемся к более широкой типологии рекрутирования элит... закрытой и открытой. Открытый тип рекрутирования элиты обычно основывается на отборе, имеющим вид «честного конкурса», при котором решающим являются личные качества человека, его способности, его образованность, нравственные характеристики, а не его (или его родителей) социальное положение, принадлежность к определенной социальной группе (привилегированному сословию, классу, национальности или группировке). Только при условии, что именно индивидуальные, а не надындивидуальные ха-

---

<sup>1</sup> Советское государство и право.— 1988 г.— № 5.— С. 111—112.

рактеристики должны быть критерием отбора, элита может быть ассамблеей лучших, достойнейших, то есть меритократией. Если же превалирует принцип выдвижения на элитные должности не самого умного, способного, честного, но зато «своего» человека, доказавшего преданность социальной группе, клану, лидеру... это означает закрытый тип селекции, ведущий к негативным последствиям для общества и, в конечном счете, к деградации элит.

Однако, как убедительно показал П. А. Сорокин, вряд ли когда-либо существовало и когда-либо сможет существовать общество абсолютно закрытое, где отсутствовала бы вертикальная мобильность, равно как и общество, в котором вертикальная мобильность была бы абсолютно свободно<sup>1</sup>; подобное общество было бы абсолютно бесструктурным. Таким образом, общество с абсолютно открытой или абсолютно закрытой элитами ... это «идеальные типы» (в веберовском смысле), реальные политсистемы лишь приближаются к одному или другому. Наиболее «чистой», приближающейся к модели полностью закрытой элиты является древнеиндийская кастовая система, в которой касты кшатриев и брахманов отделены практически непроницаемой перегородкой от низших каст; к этой модели близко большинство древневосточных деспотий. К противоположной модели... общества с открытой элитой в наибольшей степени приближаются современные демократии, однако и тут утверждения об «обществе равных возможностей»... скорее декларация о намерениях, чем констатация политической реальности. И в этой политической системе выходцы из высших страт общества, обладающие деньгами, социальными связями, возможностями для получения дорогостоящего образования

---

<sup>1</sup> См.: П.Сорокин. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество.— М.— 1992 г.— С. 295—424.



обладают лучшими стартовыми возможностями для элитной карьеры.

Один из крупнейших американских политологов Г. Лассуэлл справедливо отмечал, что нельзя абсолютизировать тезис о «равном доступе к власти» в западных демократиях, просто тут нет абсолютных барьеров на пути рекрутирования элит. Демократия отличается главным образом тем, что она стремится уменьшить эти барьеры. Ждать большего было бы, по мнению Лассуэлла, «нереалистично». Хотя бы потому, что социальный процесс требует определенного уровня социальной стабильности, а постоянная смена элит может расшатать политсистему. Политические исследования свидетельствуют о том, что большая часть политической элиты рекрутируется из высших социальных страт. Так, в ФРГ до половины элиты рекрутируется из высшего и высшего среднего классов, составляющих 5% населения<sup>1</sup>.

Закрытый тип рекрутирования элиты характерен для традиционного общества, а по отношению к современным политическим системам... для тоталитарных и авторитарных политических режимов. Поскольку этот тип сужает социальную базу рекрутирования элиты, он обрекает политсистему на застой, она утрачивает способность к эффективному управлению, снижает качество элиты и по существу провоцирует образование контрэлиты. Социальная база элиты в демократических странах более широкая, даже при существовании в них господствующего класса, который цепко держит в своих руках основные нити государственного управления, выходцы из низших страт оказываются более представленными в политической элите. Это не означает, что в классово-дифференцированном обществе элита превращается в бесклассовую группу. Как убедительно пока-

---

<sup>1</sup> H.Eulau. M. Czudnowski (eds.) *op.cit.*, p. 239.

зал Р. Михельс, избрание в парламент, назначение на значительную государственную должность выходца из низшей социальной страты обычно меняет его образ жизни: он перенимает стиль жизни и привычки представителей более высокой социальной страты, интегрируясь в существующую социально-политическую систему. Итак, существующие демократические политические системы явно не дотягивают до критериев открытой элиты, модель открытой элиты... скорее норматив, цель которой они явно не достигли. Большая часть административного аппарата состоит не из избираемых, а назначаемых чиновников, и тут селекторат достаточно узок. Но узость селектората не обязательно свидетельствует о недемократичности политсистемы. Тут важен критерий отбора, которым руководствуется селекторат... представляет ли он собой честный конкурс, конкуренцию на основе способностей и заслуг, или решающим оказываются богатство, знатность, связи.

### **3. РЕКРУТИРОВАНИЕ ЭЛИТ В РОССИИ**

А каковы традиции рекрутирования элиты в России? Если прав А. И. Пригожин, который относит Россию к типу обществ синкретических, где ценность человека определяется не столько его качествами, сколько принадлежностью к конкретному социальному целому — профессии, нации, классу, сословию, организации<sup>1</sup>, то вряд ли это способствует укреплению и совершенствованию ее политической системы.

Более чем тысячелетняя история России... это типичная история закрытой политической системы и со-

---

<sup>1</sup> См.: Пригожин А.И. Патология политического лидерства в России // Общественные науки и современность. — 1996 г. — № 3. — С. 23—24.

ответственно закрытого типа рекрутирования элиты с жесткой иерархизацией: Великий князь (царь)... удельные князья... боярство... дворянство. Определяющим принципом рекрутирования элиты было местничество, назначение на высшие должности (например, на воеводство) определялось не столько квалификацией и даже заслугами, сколько знатностью, родовитостью. Нужно сказать, что принцип местничества не устраивал и складывающееся самодержавие... и не только потому, что оно снижало качество элиты, сколько потому, что в интересах самодержавия было уменьшение автономии феодалов, усиление их зависимости от трона. Конфликт между царем и боярством достиг своего апогея при Иване IV, когда он вылился в создание параллельного механизма управления... опричнины, привел к ослаблению роли боярства, хотя Боярская Дума продолжала существовать как совещательный орган и при Михаиле, и при Алексее Романовых.

Реформы Петра I подорвали местничество (но отнюдь не уничтожили его). Боярская Дума была заменена Сенатом, назначаемыми государем чиновниками. Дворянство становится единым господствующим сословием, принцип местничества подрывался критерием квалификации и заслуг, что, впрочем, не перечеркивало сословность, а совмещалось с ней (преимущественное право на занятие высших государственных должностей имели дворяне).

Иерархизация чиновничества упорядочивалась введенным Петром I в 1722 году «Табелем о рангах», который во многом учитывал опыт западноевропейских стран по структурированию бюрократической системы. Это не означало, что правящий класс феодалов выпустил власть из своих рук или даже поделился ею с низшими сословиями; закрытая элита лишь слегка приоткрыла дверь для выходцев из более низких социальных слоев. Таким образом, ограниченное признание прин-

ципа квалификации и личных заслуг не подрывало словность, а лишь модернизировало ее. В конфликте принципов эффективности и наследственности господствующий класс не шел на серьезный компромисс, на ущемление своих привилегий, но лишь на некоторые уступки; это приводило к тому, что принцип эффективности обычно приносился в жертву принципу словности. Процесс ослабления наследственной закрытости элиты, однако, продолжался в XIX веке (реформы Александра I, особенно в ранний период его царствования и гораздо более последовательные либеральные преобразования Александра II). В политико-административную элиту России проникают выходцы из разночинцев, вводятся элементы местного самоуправления. Значительная демократизация государственного управления имела место в начале XX века под влиянием революции 1905—1907 годов (выборы в Государственную Думу и др.).

Но все это не решало радикально вопрос об отходе от закрытости элиты. Стабильная правящая элита должна включать в себя лучшие интеллектуальные силы общества, иначе она оттолкнет их в контрэлиту, и последняя возглавит массовое движение против правящей элиты. Крах самодержавной монархии был в значительной мере связан с крахом закрытой сословной элиты. Среди контрэлиты, возглавившей борьбу незлит, прежде всего, рабочего класса, крестьянства, победителями оказались левозэкстремистские силы во главе с большевиками.

Октябрьская революция, сметая старую политическую систему, не покончила с закрытым характером элиты. На смену сословно-монархической элите пришла советская, рекрутирование которой приняло характер номенклатурной системы. О последней сказано немало... в частности, таким известным ее критиком, автором нашумевшей в свое время книги «Номенклату-

ра», как М. Восленский. Поэтому остановимся лишь на некоторых ее чертах, имеющих непосредственное отношение к предмету нашего изучения. Большинство советологов называют эту систему закрытой, аргументируя это тем, что путь на высшие номенклатурные (т. е. элитные) должности возможен лишь для членов номенклатуры, занимавших более низкие позиции, то есть для тех, кто уже входил в эту систему. Если это и справедливо, то лишь отчасти. Во-первых, исследователей, называющих номенклатурное рекрутирование элиты полностью закрытым, можно упрекнуть в неисторичности. Они забывают, что социальная база советской политической элиты многократно расширилась по сравнению с прошлым. В нее хлынул поток новых людей из социальных низов, и послереволюционная система рекрутирования элиты была во всяком случае менее закрытая, чем дореволюционная. Возможность элитной карьеры открылась перед гораздо большей частью населения страны, чем до революции. И хотя вертикальная мобильность ограничивалась целым рядом параметров... социальное происхождение (путь в элиту был закрыт для выходцев из бывших «паразитических классов», репрессированных органами государственной безопасности), политико-идеологическая лояльность, в ряде случаев национальность, а монополия партии на власть препятствовала созданию конкурентных механизмов, способных обеспечить оптимальный отбор в элиту, все же новая система рекрутирования была менее закрытой, чем прошлая. Подобную систему рекрутирования элиты правильнее было бы назвать полузакрытой. Можно было бы даже утверждать, что в историческом плане это было шагом вперед. Этому мешает лишь одно обстоятельство: мы не можем не признать, что политика массовых репрессий, проводившаяся большевиками, в том числе против представителей прежней элиты, отрицательно сказалось на генофонде нации.

Американский советолог К. Фармер, исследуя рекрутирование элит, проводит различие между естественными (в нашей терминологии... «открытыми», и думается, что этот термин имеет преимущества, так как открытые элиты, как мы видели, не есть нечто «естественное», но результат исторической эволюции) элитами, которые «естественно возникают в условиях неконтролируемой конкуренции», а элитные позиции ...следствие обладания людьми определенными качествами, и «искусственными» элитами (близко к нашему термину «закрытые» элиты), члены которых занимают элитные позиции независимо от их качеств. Номенклатурные систему Фармер считает «безусловно искусственной»<sup>1</sup>. Мы уже отмечали, что основания для такого суждения имеются. Номенклатурная система сохранила высокую степень закрытости рекрутирования элиты. Достаточно сказать, что ни один высший политический руководитель страны не был избран в качестве такового легитимным путем всенародного свободного голосования.

В чем суть номенклатурной системы? Официальные советские источники определяли номенклатуру как «перечисление наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматриваются и утверждаются парткомами (райкомами, обкомами, ЦК)»<sup>2</sup>. Кстати, этой дефиницией пользуется и М. Восленский как рабочим определением, требующим конкретизации и выявления сущности номенклатуры, заключающейся, по его мнению, в том, что она являлась правящим классом в СССР<sup>3</sup>.

Понятие «номенклатура» оказывается ключевым для понимания административно-политической карьеры в

---

<sup>1</sup> Farmer K. The Soviet Administrative Elite. N. Y., 1994, p. 3.

<sup>2</sup> Партийное строительство. — М., 1981 г. — С. 300.

<sup>3</sup> Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. — М., 1991 г. — С. 149.

Советском Союзе, для рекрутирования элиты. Основные ступеньки номенклатурной карьеры: вступление кандидатом в члены КПСС, затем в члены КПСС; избрание на внештатный партийный пост (парторг, член партбюро и т. д.), что означает попадание в партактив; попадание в номенклатуру (в список должностей, назначение на которые... прерогатива парткомов), включение в номенклатуру определенного уровня, особенно высокого, (обычно этому предшествовало включение в «резерв на выдвижение»). Иерархия номенклатурных должностей включала: номенклатуру райкома (горкома) КПСС; обкома (крайкома, автономной республики); ЦК компартии союзной республики; Секретариата ЦК КПСС; Политбюро ЦК КПСС. Высшие ступеньки политической карьеры... кандидаты в члены ЦК КПСС, члены ЦК КПСС, секретари ЦК КПСС, члены Политбюро ЦК КПСС, генеральный секретарь ЦК КПСС.

М. Восленский считал, что численность номенклатуры составляла около 750 тыс. человек (с семьями ... более трех миллионов, т. е. менее полутора процентов населения). Он полагал, что советская элита ... это социальная база номенклатуры. Думается, однако, что соотношение элиты и номенклатуры скорее обратное: номенклатура... более широкое понятие, чем элита. Советская элита... это люди, занимавшие верхние ступеньки в номенклатурной иерархии. Поэтому и численность советской элиты... на несколько порядков ниже. Многие советологи относят к советской элите кандидатов в члены ЦК КПСС, членов Ревизионной комиссии КПСС, членов ЦК КПСС; наряду с политической элитой сюда входили и представители технократической, военной, официальной культурной элиты. Но и этот, в значительной мере, формальный подход нуждается в уточнении: в этот список могли не входить некоторые первые секретари обкомом, особенно вновь из-

бранных, заместители заведующих влиятельнейшими отделами ЦК КПСС, некоторые члены военной верхушки, министры. Вместе с тем, некоторые кандидаты в члены и члены ЦК КПСС... «номенклатурные» рабочие и колхозники, введенные в ЦК с целью «представительства трудящихся», но не обладавшие ресурсами власти, не входили в политическую элиту де-факто.

Система номенклатуры не была стабильным институтом. Период сталинизма был периодом быстрых карьерных взлетов, обеспечивавшихся массовыми репрессиями и постоянно возникающими в результате их номенклатурными вакансиями. С середины 50-х и особенно с 70-х до середины 80-х годов система номенклатурной селекции стабилизируется, рутинизируется. Возможности продвижения вверх в условиях застоя были ограничены низкой сменяемостью элит: высшие государственные должности занимались фактически пожизненно. Система отдавала предпочтение хорошо «обстружанным» партийным чиновникам, доказавшим свою лояльность правящей элите. И обрубались пути вверх личностям незаурядным, самобытным, нонконформистским. Таков был номенклатурный «истеблишмент». В этой связи уместно напомнить наблюдение Ф. Хайека о том, чем выше умственные способности и уровень образованности индивидуумов, тем резче разнятся их вкусы и взгляды, а «тот, кто ищет единство взглядов, должен опуститься в сферы, где доминирует более низкий моральный и интеллектуальный уровень»<sup>1</sup>.

В течение десятилетий система номенклатурного рекрутирования не удовлетворяла притязания людей с высокими интеллектуальными способностями, творческих, талантливых, потенциальную элиту общества,

---

<sup>1</sup> Хайек Ф. Дорога к рабству // Новый мир.— 1990 г.— № 8.— С. 189.



толкая их на диссидентство или внутреннюю эмиграцию, в контрэлите (ситуация, чем-то напоминающая российскую ситуацию начала XX века, приведшую к трем революциям). Политическая система не может считаться устойчивой, если ее элита не включает в себя людей с высоким интеллектуальным потенциалом, с высоким уровнем пассионарности; в этом случае последние образуют контрэлиту, которая будет выше по своему качеству, чем правящая элита.

Номенклатурные руководители опасались тех, кто может их обойти, «подсидеть», продвигая по службе тех, кто внушал доверие своей преданностью, т. е. фактически практиковали отрицательный отбор. Тем не менее, вывод, что каждое следующее поколение номенклатурной элиты ниже по своим интеллектуальным и профессиональным качествам, был бы не точным. В 50-х... 80-х годах росли формальные требования к людям, делавшим элитную карьеру (например, требование высшего образования — общего или полученного в высших партийных школах или Академии общественных наук при ЦК КПСС), но неизменно изгонялись те, кто не отвечал принятым стандартам. Все это закономерно приводило к деградации элиты, неспособной ответить на вызов постиндустриальной эпохи. Номенклатурная система была нацелена прежде всего на развитие в человеке исполнительских качеств. А в постиндустриальном обществе, которому придется решать проблемы, с которыми человечеству зачастую еще не приходилось сталкиваться, решать их нетрадиционно, новаторски, функционально необходимы механизмы отбора в элиту высокоодаренных людей, способных к инновациям, к синтезу возникающих в мире передовых технологий и социально-политических институтов и культурных традиций страны. В этих условиях номенклатурная элита, которая в период экстенсивного развития экономики могла мобили-

зовать массы (прежде всего, насильственными методами), на решение стоящих перед страной задач и добиваться при этом определенных успехов, в новых условиях не могла не быть препятствием социального прогресса.

Перестройка была попыткой обновить элиту, удалив из нее наиболее консервативные элементы с целью спасти политическую систему. Но система, основанная на монополии партии на власть, была принципиально не реформируема. И уже потому перестройка была обречена. Смена элит в СССР диктовалась и необходимостью смены поколений, стоящих у власти. Фактически несменяемость элиты в застойные годы вылилось в правление геронтократии, которая практически была неспособна управлять огромной страной, и поэтому власть полностью оказалась в руках партийно-государственной бюрократии. В период перестройки произошло значительное омоложение правящей элиты. По подсчетам О. Крыштановской, средний возраст «брежневской когорты» политической элиты... 61,8 лет, «горбачевской когорты... 54,0 года. Омоложение правящей элиты продолжается и в постсоветский период (средний возраст «ельцинской когорты»... 48,5 лет)<sup>1</sup>. И процесс омоложения элиты продолжится при президентстве В. В. Путина.

Социальная мобильность элиты, минимальная в годы застоя, многократно возросла в годы перестройки. На протяжении шести лет шли перманентные чистки и перемены в номенклатуре, особенно высшей; в состав государственно-административной и партийной элиты вошли люди, ранее не входившие в номенклатуру (таковых было более 25%). Но Горбачеву это не помогло: его предали его же «выдвиженцы». Социологически это

---

<sup>1</sup> Общественные науки и современность.— 1995 г.— № 1.— С. 61.

легко расшифровывается: их корпоративные интересы оказались выше личной лояльности, более приоритетными в ценностной шкале этого слоя. Курс на демократизацию и гласность, переход к рыночным отношениям несли угрозу номенклатурному истеблишменту, подрывали устои власти партийно-советской элиты. Задуманную Горбачевым «революцию сверху» должна была осуществлять та самая политическая элита, которая в душе боялась и ненавидела ее. Перестройка была периодом перетряхивания партийно-советской бюрократии, вместо того, чтобы быть временем ликвидации этого слоя.

Подытожив сказанное, нетрудно сделать вывод о том, что номенклатурная система рекрутирования элиты недемократична, несправедлива, неэффективна. Но хотелось бы предостеречь от односторонних оценок. Прежде всего, важно, с чем мы соотносим эту систему рекрутирования элиты. Если с демократическими нормативами... все отрицательные эпитеты будут уместны. Но поставим ее в исторический контекст, сравним с дореволюционной и постсоветской системами рекрутирования элиты... и наши критические стрелы несколько притупятся. Номенклатурный управленческий аппарат порой работал более четко и слаженно, чем постсоветский, выпускал гораздо меньше документов с грубыми «ляпами», которые становились причиной скандалов и которые приходилось дезавуировать. А кадры, производимые этой машиной, оказались весьма живучими и далеко не случайно заняли многие высшие должности в постсоветских странах (Б. Ельцин, Л. Кравчук, Н. Назарбаев, Э. Шеварнадзе, Г. Алиев, С. Ниязов, И. Каримов, А. Бразаускас, П. Лучинский и др.). Объясняется ли это тем, что эта система производила людей, ориентированных на власть любой ценой, а идеология (коммунистическая) была лишь обрамлением этой главной цели, или причина... в том, что эти люди об-

ладали наибольшим опытом управленческой работы, и с ними не смогли конкурировать митинговые демократические лидеры, не прошедшие эту школу... Это другой вопрос.

И второй вывод. Мы справедливо отвергаем номенклатурную систему. Но просто зачеркнуть ее опыт, начиная рекрутирования элит в постсоветской России с нуля, было бы неправильно.

Самое печальное... в том, что из номенклатурного опыта мы берем не отдельные немногие позитивные моменты (такие, например, как сочетание вертикальной и горизонтальной мобильности в карьерах членов политико-административной элиты), а как раз ее негативные черты, такие, как nepoтизм, протекционизм, клановость, отсутствие подлинной конкурсности, идеологическая ангажированность, пусть иными знаками, чем коммунистическая. Рекрутирование постсоветских элит во многих отношениях оказывается слепком с номенклатурного рекрутирования. Именно поэтому постсоветскую элиту часто не без оснований называют неономенклатурной.

Американский советолог Дж. Клюгмен, описывая факторы, способствующие попаданию в советскую элиту (речь идет о конце 80-х годов), пишет, что для элитной карьеры определяющими являются «вертикальные отношения между патроном и протеже. Более широкие социальные связи... вне команды... также важны: друзья, родственники, бывшие соученики, бывшие коллеги. Такие команды могут формировать нечто подобное мафиозным «семьям»<sup>1</sup>. Описание Клюгменом рекрутирования советской элиты периода перестройки сильно напоминает рекрутирование постсоветской элиты. К сходным выводам приходит исследователь клиентарных отношений в среде российского постсо-

---

<sup>1</sup> Klugman J. The New Soviet Elite. N. Y., 1989, p. 5.

ветского чиновничества М. Афанасьев. Приведем результаты проведенного им опроса слушателей Российской Академии государственной службы при Президенте РФ, проведенного в 1995 году. Слушатели считают, что карьеру чиновника определяют главным образом отношения личной преданности, а также поддержка какой-либо экономической или финансовой структуры; влияние этих факторов гораздо сильнее, чем профессиональные характеристики (исполнительность, квалификация, образование, интеллектуальная самостоятельность)<sup>1</sup>.

Однако не стоит гипертрофировать сходство в рекрутировании советских и постсоветских элит, оставляя в стороне существенные различия между ними. Уже первые относительно демократические выборы 1989 года означали появление принципиально нового, причем мощного канала рекрутирования элиты, где роль селектората выполняло не номенклатурное сито, а все население, точнее, электорат. Это был крутой поворот, несомненный прогресс для страны, в которой до 90-х годов ни один верховный политический лидер не был избран всенародно. Иное дело, что этот новый канал не привел к коренному улучшению качества элиты, что прежде всего связано с низкой политической культурой электората, с отсутствием в стране демократических традиций, потому что избиратели отдавали голоса то С. Мавроди, то А. Коржакову. Этот канал не поставил препятствий для рекрутирования в элиту не просто беспринципным карьеристам (которые были в избытке представлены в номенклатурной элите), но и тем «новым русским», которые сделали состояние на коррупции, а то и просто неопытным, неискушенным в политике людям.

---

<sup>1</sup> Мировая экономика и международные отношения.— 1996 г.— 4.— С. 32.

Номенклатурное рекрутирование опиралось на четкие «правила игры»; попавших в номенклатурные списки ждала, как правило, размеренная долгая карьера. Постсоветское рекрутирование элиты отличается, помимо гораздо меньшей регламентации, еще и многоканальностью. Плюрализм элит, сменивший единую номенклатурную элиту, означал и различие каналов и путей рекрутирования элит, различие правил и норм, складывающихся в продвижении вверх внутри различных элитных группировок и слоев. В целом можно сказать, что продвижение в элиту ускорилося, больше возможностей появилось у сравнительно молодых людей занять элитные позиции. Подавление путчей 1991 и 1993 гг. стало стимулом прихода в политическую элиту новых людей, частичной смены и обновления элит. Это было время быстрых, порой головокружительных карьер и не менее быстрых падений. Что касается падений, то они продолжались и в последующие годы. Однако следует заметить, что довольно скоро приток свежих людей в элиту уменьшается (1994—1999 гг.), идет процесс усиления исполнительных органов по сравнению с представительными, «назначенцев» на элитные должности по сравнению с избранными на элитные посты; доступ в элитные группы ограничивается в связи с их заполненностью.

Тенденция к дифференциации элит дополняется контртенденцией... то есть сращиванием элит... политико-административной, финансово-экономической и ...самое страшное для страны... мафиозной. Происходит криминализация значительной части политической и экономической элит; представители мафиозных кланов рвутся к власти. Как заявляла И. Хакамада, до трети парламентариев связаны с мафией и есть угроза того, что более половины политиков будут оплачиваться мафиозными структурами. А это значит, что существует опасность того, что рекрутирование элиты может кон-

тролироваться мафией. Больше того, в современной России уже есть регионы, где назначение на элитные посты невозможно без одобрения криминальными «авторитетами».

Демократические перемены в ранее тоталитарной или авторитарной политической системе должны принципиально изменить модели рекрутирования элиты, стиль поведения последней, образ жизни, чтобы она не уподоблялась старой номенклатуре, озабоченной главным образом институтизацией своих привилегий. Увы, этого не произошло, неономенклатура во многом оказывается зеркальным отражением прежней элиты. Новые элитные группировки России сплошь и рядом оказываются результатом разложения и распада номенклатуры.

Наиболее распространенным способом продвижения «наверх», дающим максимальные шансы на успех в нынешней России... это стать членом «команды», работающей на влиятельного лидера, обрести покровителя, то есть вступить в клиентарные отношения (плюс... покровительство финансового спонсора, часто мафиозного). Между этими командами и внутри них непрерывно ведется открытая, а чаще закулисная борьба, имеют место скандалы, «разборки», борьба «компроматов». Итак, решающую роль в деле продвижения в элиту по-прежнему играют не личные достоинства, а принадлежность к «команде», клану, социальной группе, что, разумеется, препятствует отбору в элиту действительно лучших, наиболее способных и, главное, высокоморальных людей.

Можно согласиться с утверждением А. Коржакова о том, что в политической элите России оказались люди, «все меньше и меньше склонные следовать государственным интересам. Они лоббировали интересы кого угодно: коммерческих структур, иностранных инвесто-

ров, бандитов, личные, наконец»<sup>1</sup>. Но тут только следует добавить, что эти слова в полной мере могут быть адресованы и самому автору книги, из которой взята эта цитата, и элитной группировке, в которую он входит и которая оказывала сильное влияние на Президента и правительство.

Разумеется, высокоморальную элиту может иметь только высоко-моральное общество. Связь тут двусторонняя, и именно на элите лежит особая ответственность. Ведь элита... это люди, в нормативе обладающие ценностями, на которые ориентируется население, их референтная группа. Она решающим образом влияет на формирование общественного мнения, которое играет важнейшую роль в сохранении общества от энтропии и стагнации. Аморальная элита... первый индикатор больного общества. Низкий уровень доверия населения России политической власти (10%) опасен для стабильности политической системы. Отметим, что критика властвующей элиты... имманентный признак демократической политической системы. Вместе с тем, следует признать, что постоянная дискредитация политической элиты, поддерживаемая средствами массовой информации, снижает эффективность политсистемы. Критикуя политико-административный аппарат, СМИ почти не пишут о позитивных моментах в его деятельности, не анализируют положительные примеры, а политологи явно недостаточно разрабатывают программу улучшения рекрутирования элиты.

Хотелось бы отметить элементы некоторой преемственности в сфере рекрутирования элит при всей контрастности политических режимов России в последние три столетия. Так, читая введенный в 1995 г. Закон «Об основах государственной службы Российской Федера-

---

<sup>1</sup> Коржаков А., Борис Ельцин: от рассвета до заката.— М.,



ции», невольно проводишь параллель с петровской «Табелью о рангах» и, в известной мере, с четко фиксированными регламентациями и привилегиями советской номенклатуры. Несомненно, позитивным моментом закона является то, что он предусматривает аттестацию государственных служащих. Регламентация карьеры чиновников ... дело, в общем, нужное, но ясно, что эта регламентация — лишь форма, и важно, каким содержанием эта форма наполняется. Попытки упорядочения системы рекрутирования элиты для повышения качества последней в авторитарных системах и в странах с неразвитой демократией часто носят паллиативный характер. Особую важность представляет вопрос о том, будет ли политико-административная элита рекрутироваться по открытой модели, или же ее основой будет узкогрупповой интерес или личные пристрастия политического лидера.

Центральный вопрос, стоящий перед исследователем проблемы рекрутирования элиты, ... вопрос о том, можно ли как-то усовершенствовать селекцию политико-административной элиты и обеспечить создание меритократии, то есть «власти достойных»? Можно ли предотвратить создание контрэлиты, которая рано или поздно поставит под угрозу социально-политическую систему. Обеспечить стабильность политической системы невозможно, не упорядочив формирование элиты.

Как показывает опыт ряда стран, существует несколько путей оптимизации ее рекрутирования. Это, во-первых, тестирование претендентов на государственные посты. Опыт тут накоплен немалый, начиная от экзаменов, которые должны были пройти поступающие на административные должности в императорском Китае и кончая самыми современными методами тестирования при приеме на работу в государственных и частных учреждениях США, Японии, ряда европейских стран. Кстати сказать, определенный опыт тестирова-

ния административно-политической элиты, пусть небольшой и не самый лучший, имеется и у нас: тесты были предложены кандидатам на министерские и другие руководящие посты в правительстве И. Силаева.

Это тернистый путь, ибо трудно представить себе, чтобы известные деятели, претендующие на руководящие посты, а тем более уже занимающие их, добровольно согласились на тестирование (включающее определение «коэффициента интеллекта»), не сулящее многим из них ничего хорошего. И тут важно заставить правящую элиту демократическими методами пойти по этому пути.

Еще один проверенный путь улучшения качества элит ... замещение элитных должностей ... по крайней мере, в значительной их части ... на конкурсной основе. При этом могут использоваться разные типы и формы конкурсов: закрытые и открытые, региональные и общероссийские и т. п.

Значительная роль в тестировании и конкурсном отборе должна принадлежать независимым экспертам (включающих психологов, социологов, специалистов по менеджменту), которые могли бы квалифицированно и беспристрастно оценить прошлую деятельность претендентов, степень их профессиональной подготовки, уровень культуры и интеллекта, нравственные и волевые качества.

Наряду с результатами тестирования следовало бы иметь официальное медицинское заключение о здоровье соискателя государственной должности. Ну а пока человечество еще не изобрело «пробы» на нравственность, то пропуском в элиту должна быть еще и безупречная репутация. Следует подчеркнуть, что предлагаемые меры могут дать должный эффект лишь в том случае, если будут применяться ко всем претендентам на все государственные посты, включая пост Президента России.

Однако все сказанное ... лишь заключительная фаза рекрутирования элиты, так сказать, верхушка айсберга. Известно, что коммуникационные и организаторские способности личности, необходимые лидеру, руководителю, начинают формироваться в раннем детстве. Поэтому общество должно быть заинтересовано в возможно более раннем выявлении талантов и способностей и их развитии. Поиск одаренных детей, создание атмосферы, благоприятствующей появлению талантов, поднятие престижа образования, тщательный конкурсный отбор в вузы, обеспечивающие элитное образование, должны стать частью государственной политики.

При этом очень важно, чтобы в такой огромной стране, как Россия, где центр всегда подпитывается провинцией, подготовка и рекрутирование элиты осуществлялась на возможно более широкой территориально-географической основе. Между тем сегодня наблюдается противоположная тенденция. Приток из провинции, особенно отдаленной, в элитные учебные заведения в последние годы сократился. У людей нет денег на дорогу, на проживание в столице. Говорят, талант, мол, все равно пробьется. Это опасное заблуждение. Кто-то, конечно, добьется успеха. Но многие могут потеряться в пути, если их вовремя не поддерживать. А внакладе останутся в конечном счете государство и общество.

Итак, изменилась ли кардинально в демократическом плане система рекрутирования российских элит? Обеспечивают ли существующие механизмы селекции, отбор в элиту наиболее достойных? Ответ может быть только отрицательным. Но было бы неправильным завершать рассмотрение этого вопроса на столь минорной ноте. Да, селекция элит в России не обеспечивает отбор лучших, достойнейших, подлинной меритократии. Но ведь важна не только моментальная фотография нынешнего состояния дел. Важна тенденция. В более

чем тысячелетней истории России просматривается движение от закрытой элиты к элите если еще не открытой, то гораздо менее закрытой. Однако тут не следует полагаться на стихийность, иначе переход от отрицательного к положительному отбору элиты, растягиваясь во времени, представляет угрозу самой российской государственности.

#### **4. СРАВНЕНИЕ РОССИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ МОДЕЛЕЙ РЕКРУТИРОВАНИЯ ЭЛИТ**

В заключение попробуем сравнить обе рассмотренные нами модели формирования политико-административных элит.

1. Выше мы попытались выделить «идеальные типы» (в вебсеровском смысле) рекрутирования элит — открытый и закрытый, отметив при этом, что не существует этих типов в чистом виде, т. е. полностью закрытых (может быть, исключение составляет лишь древнеиндийская кастовая система) и полностью открытых систем, а есть лишь приближающиеся как угодно близко к одной или другой из этих моделей, выяснили преимущества открытого типа рекрутирования элит перед закрытым, отметили общую тенденцию развития всемирной истории от закрытого к открытому типу формирования элит. Все эти моменты четко прослеживаются на истории рекрутирования американских и российских элит.

При сравнительном анализе рассматриваемых нами моделях формирования элит двух стран легче говорить прежде всего об их различиях. Однако не будем игнорировать некоторые общие тенденции, хотя бы ту, что на протяжении истории этих стран прослеживается тенденция движения от более закрытого типа к более открытому. Другое дело, что степень приближения к от-

крытой системе формирования элит России и США различны, что американская модель в исторической ретроспективе явно ближе к модели открытого рекрутирования (это определяется историческими особенностями развития каждой из рассматриваемых стран, одна из которых пережила столетия авторитаризма и деспотизма, что не могло не отразиться на государственном устройстве, политической культуре и, разумеется, специфике рекрутирования элит).

Было бы симплификацией утверждать, что американская система рекрутирования элиты открытая, а российская — закрытая. Мы видели, что начальный, колониальный период истории Северной Америки был периодом преимущественно закрытых элит. Но целый ряд объективных условий благоприятствовали движению к более открытому рекрутированию элит. Известно, что Соединенные Штаты миновали стадию феодализма (точнее, в них имелись лишь пережитки этой системы), подавляющая часть истории США — это развитие в условиях мира, отсутствия разрушительных войн. Соединенные Штаты полностью использовали преимущества своего географического положения.

Национально-освободительное движение американского народа в XVIII веке, принявшее в последней четверти века характер революции, принесшее стране независимость, Конституция, наиболее передовая для своего времени, а позже — победа северян в гражданской войне, демократические процессы XIX века — все это способствовало утверждению более прогрессивных принципов формирования элит, означавших приближение к системе открытого их рекрутирования.

Иная ситуация складывалась в России. Первым типом элиты зарождавшегося российского этноса была родоплеменная знать, старейшины, родоплеменные вожди, жрецы (волхвы). Современные данные подтверждают концепцию В. О. Ключевского о том, что мелкие

восточнославянские племена в VI веке начинали смыкаться в более крупные союзы, колена или племена<sup>1</sup>; в ситуациях столкновения племен их вожди выступали как военные предводители (князья); положение их подкреплялись традициями, сакральными представлениями. Дружинники князя — прежде всего старшие дружинники — выступали и как военная, и как политико-административная элита.

Боярство — фактически первая политико-административная элита — формировалась из старших дружинников князя, из младших княжичей, получая награду за службу (главным образом земельные угодья), а также доходные должности (кормление), рекрутирование элиты носило закрытый характер. Княжество по древнерусскому праву было предметом общего владения княжеского рода — право наследования переходило от отца к сыну и от брата к брату (отсюда и постоянная вражда за княжеский престол между детьми князя и их дядями). С созданием централизованного Великого княжества Московского боярство и князья, потерявшие свои уделы (часто уступавшие их Великому князю) превратились в служилый класс.

Характерно, что боярство всегда стремилось иметь независимый (от службы) источник дохода (им была земельная рента), оно являлось земельной аристократией, стремилось иметь возможность уйти с государственной службы. С течением времени боярство превращалось в паразитический класс получателей земельной ренты, а Великий князь все более опирался на служилое дворянство. Но с течением времени и дворянство претерпевало эволюцию, подобную эволюции боярства: служилое сословие, получая награды за службу главным образом в виде земельных наделов, стремилось иметь независимый от государя доход и по возможности уxo-

---

<sup>1</sup> Ключевский В. О. Соч. — Т. I. — С. 129.

диль с государственной службы, превращаясь в паразитический слой, живший за счет эксплуатации крепостных. А государство во все большей мере опиралось на бюрократическую элиту (впрочем, высшие слои бюрократии были теми же дворянами). Начиная с эпохи Петра I происходит усиленное внедрение бюрократических методов рекрутирования элиты.

Еще в условиях Киевской Руси сложилось основное противоречие рекрутирования политико-административной элиты (затем оно развивалось в условиях Московской Руси и Российской империи) — принципа рекрутирования в соответствии со знатностью рода, и принципа меритократического — получение чинов, наград и привилегий за службу, за успехи в своей деятельности.

Как известно, в любой социальной системе особое значение имеет проблема стимулирования людей, стратификация их в соответствии с исполняемыми функциями, что тесно связано с проблемой социального неравенства. Идеальной целью рекрутирования элиты является выдвижение на элитные позиции наиболее компетентных, достойных (меритократический принцип). Но целью социальной системы является также поддержание стабильности общества, одним из элементов которого является преемственность элит, чему тогда служил принцип формирования элиты по принципу родовитости, который вылился в местничество, в клановость. Преобладание этого принципа неизбежно приводило к ухудшению качества элиты, к ее деградации.

Указанное противоречие пронизывает историю рекрутирования российских элит от Киевской Руси к Московскому государству и далее к Российской империи. Причем принцип клановости элитообразования проявил свои отрицательные последствия и в период существования советской социально-политической систе-

мы, а также и в постсоветской, в которой имеет место феномен клиентелизма — зависимости, вытекающей из неравного распределения ресурсов власти. Патрон-клиентские отношения носят преимущественно личностный характер (личная преданность лидеру), клану, порой носят родственный характер<sup>1</sup>.

Тысячелетний путь развития феодализма, который прошла Россия и который требовал закрытых, сословных элит, причем в условиях постоянных войн, междоусобиц, почти трехвекового татаро-монгольского ига, наложил отпечаток на всю новую и новейшую историю России, отложившись в самом генотипе россиянина, что не могло не тормозить движение к открытой системе элитообразования. Огромным препятствием к открытой системе элитообразования был период монопольной власти КПСС и номенклатурного рекрутирования элит. Тем не менее, тенденция движения к более открытой системе элит явно проявилась в ходе исторического развития России, прежде всего, в постсоветский период. Это выразилось в рекрутировании элиты через систему демократических выборов, в формировании их через политические партии, наряду с рутинным карьерным продвижением по лестнице бюрократической иерархии. Как видим, меняются механизмы рекрутирования элиты, административные назначения дополняются выборностью на важнейшие элитные посты.

2. Различие типов рекрутирования элиты в значительной мере определяется тем, каков характер соответствующей социально-политической системы, является ли он инновационным или же мобилизационным<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> См.: Афанасьев М. Клиентелизм и российская государственность. М., 1997.

<sup>2</sup> Сравнительный анализ элит в инновационных и мобилизационных моделях развития общества осуществлен в монографии О. В. Гаман-Голутвиной «Политические элиты России. Вехи исторической эволюции». — М., 1998.



Американская социально-политическая система является примером преимущественно инновационного развития, тогда как российская примером по преимуществу мобилизационного типа развития.

Инновационный тип развития обеспечивает благоприятный фон для становления гражданского общества, а роль государства сводится прежде всего к обслуживанию интересов этого общества. Напротив, мобилизационный тип общества связан с доминирующей ролью государства, жестко контролирующего все социальные процессы. Мобилизационный тип развития характерен в условиях дефицита экономических, временных и иных ресурсов общества, в условиях «догоняющего развития». Для «броска вперед» оказывается необходимой ведущая роль государства, ограничение ряда гражданских свобод, порой режим чрезвычайного положения.

США почти на всем протяжении своей истории развивались как раз по модели инновационного общества, хотя и были периоды (достаточно короткие), когда по необходимости включались мобилизационные механизмы («новый курс» Рузвельта со значительным усилением государственного вмешательства в социальный процесс, периоды участия США в мировых войнах).

Напротив, Россия, особенно со времен Ивана Грозного, вынуждена была (в силу огромной территории, постоянных разорительных войн, необходимости преодоления отсталости от Запада) развиваться преимущественно по мобилизационному типу. И хотя были временные отрезки, в которых отчетливо проступали черты инновационного развития (60-е — 70-е годы XIX века, начало XX века, постперестроечное время), периоды мобилизационного развития абсолютно преобладали (в XX веке это периоды первой мировой войны, революций, гражданской войны, индустриализации, коллективизации, постоянного чрезвычайного положе-

ния в условиях «капиталистического окружения», второй мировой войны, восстановления народного хозяйства, изнурительной «холодной войны», стремления «догнать и перегнать» США). Постсоветский период можно рассматривать как тяжелый процесс (прежде всего в силу векового мобилизационного надрыва) перехода к инновационной модели развития.

3. Тип модели общественного развития — инновационный или мобилизационный — оказывает непосредственное, причем определяющее влияние на характер рекрутирования элиты. Поскольку в мобилизационной модели социального развития государство является определяющей, доминирующей силой, собирающей в кулак все наличные ресурсы общества (она, собственно, и возникает, как правило, на фоне острого дефицита этих ресурсов), постольку осуществляется и верховенство политической элиты над экономической и прочими элитами. В мобилизационном обществе, где экономическое развитие почти полностью контролируется государством, сама экономическая стратегия становится функцией политической элиты. Вертикаль власти выливается в вертикальную структуру внутриэлитных отношений. Поэтому советская элита выступала на поверхности как некий монолит, хотя и структурализованный внутри себя (партийно-бюрократическая элита, технократическая, культурная и др.). Поэтому многие элитологи в отношении мобилизационных обществ с полным основанием говорят о гегемонии в них политической элиты. Те же элиты, которые не принимают этого верховенства политической элиты, часто рассматриваются как дисфункциональные элиты, как контрэлиты, которые, по возможности, подавляются.

Напротив, в инновационной модели социального развития государство находится на службе общества, между элитами получают развитие горизонтальные связи, причем примат принадлежит, как правило, эконо-

мической элите. Возникают влиятельные группы интересов, воздействующих на политическую элиту. Преобладает консенсусная модель элитного рекрутирования, что, в общем, свидетельствует о более развитой политической культуре общества, способности его к компромиссам, к взаимному учету интересов различных социальных групп. Контролита получает шанс легитимного прихода к власти. Правящая элита и оппозиция, как это имеет место, в частности, в США, меняются местами.

Американский социолог М. Мерджер считает, что в США, как и в Западной Европе, управленческая властная вертикаль идет снизу, с низших страт общества, составляющих его большинство (тезис более чем спорный), а также что в иерархии американских элит на первом месте стоит экономическая элита, а не политико-административная (с чем можно согласиться). Впрочем, и он не может утверждать, что элита в этом обществе является широко открытой; напротив, достичь элитного статуса у представителя низкой социальной страты весьма мало шансов. Политической оппозицией в инновационной модели развития являются те группы интересов, которые не согласны с тем или иным политическим курсом государства; они составляют альтернативную элиту, и при победе на выборах превращаются в правящую элиту, меняющую приоритеты политического курса, но сохраняющую незыблемыми основные цивилизационные ценности, основные демократические «правила игры». Таким образом в подобной политической системе наблюдается элитный плюрализм.

Напротив, в мобилизационной модели мы обычно наблюдаем конфронтацию элит, конфликты и революционные взрывы, в которых порой побеждают наиболее экстремистские элитные группировки. Во второй половине XIX и начале XX века вместо того, чтобы ис-

пользовать английский или американский опыт компромисса элит, допуска нарождавшейся буржуазии к элитным постам, как это было в Англии еще в XVII-XVIII веках, достижения компромисса между элитными группами интересов, Россия следует по конфронтационному пути. Российская правящая элита оказалась неспособной решить проблему элитного компромисса, интегрировать в свои ряды элиту буржуазии, использовать ее потенциал как субъекта модернизации и подтолкнула страну к революции с ее трагическими последствиями. Огромный ущерб России был нанесен Октябрьской революцией, когда не только была истреблена или выброшена из страны «элита крови», а вместе с ней вся политико-административная элита, была уничтожена элита буржуазии а вместе с ней и дух предпринимательства. Но, пожалуй, самый тяжелый для России удар был нанесен разгромом, вынужденной эмиграцией элиты духа, знаменитой российской интеллигенции, а затем и ликвидацией элиты крестьянства (так называемых «кулаков»). Взамен большевики создают новый привилегированный класс — партийно-бюрократическую элиту, призванную осуществить план мобилизационной политики путем жестоких репрессий и подавления любых проявлений оппозиционности.

4. В мобилизационных типах социально-политической структуры рекрутирование элиты обычно жестко контролируется сверху, из-за чего это рекрутирование является более или менее закрытым. Политическая элита довлеет над обществом, и она не склонна лояльно относиться к контрэлите. Элита и контр-элита руководствуются скорее принципом конфронтации, а не компромисса; субъектом модернизации, субъектом изменений политического курса является не население, не группы интересов, а политическая элита. Именно такой была ситуация почти на всем протяжении развития российской социально-политической системы.

Напротив, в инновационном обществе мы наблюдаем более высокую степень открытости элит, преимущественно открытую конкуренцию за элитные позиции. Хотя американскую социально-политическую систему мы не можем назвать прозрачной, она является гораздо более открытой, чем в мобилизационных моделях общественного развития.

Поскольку постсоветский период является переходом от мобилизационной модели развития к модели инновационной, можно ожидать — и это подтверждается многочисленными социологическими исследованиями — что происходит определенный поворот к более открытой системе рекрутирования политико-административных элит, несмотря на то, что этой открытости мешают клановость, высокий уровень коррумпированности элиты и другие моменты, рассмотренные нами выше.

Известно, что важным каналом рекрутирования политико-административных элит являются политические партии, в рамках которых формируется большое количество руководящих политических кадров. И здесь политическая система Соединенных Штатов с ее развитой двухпартийной системой имеет определенную «фору». В России же многопартийная демократическая система находится еще в периоде своего становления.

В целом нетрудно сделать вывод о том, что существует прямая связь между степенью демократичности политической системы и уровнем открытости формирования элиты. И если США и, прежде всего, ее элита опирается на прочную базу более чем двухвековых традиций, вырабатывающих соответствующую политическую культуру, то Россия, напротив, страдает от отсутствия укорененности демократических традиций. По сути дела, Россия переживает начальный период становления демократической политической системы и, вместе с тем, формирования демократической элиты.

## ЛИТЕРАТУРА:

*Афанасьев М. Н.*, Клиентелизм и российская государственность.— М., 1997.

*Ашин Г. К.* Рекрутирование и смена элит.— М., 1998.

*Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза.— М., 1991.

*Гаман-Голутвина О. В.* Политическая элита России. Вехи исторической эволюции.— М., 1998.

*Ключевский В.* История сословий.— Пг, 1918.

*Козловский В. В., Уткина А. И., Федотова В. Г.* Модернизация: от равенства к свободе.— СПб, 1995.

*Михеев В., Джавланов О.* Номенклатура: эволюция отбора.— М., 1993.

## **Тема 11. Элитное образование в России и США**

Образовательный процесс занимает важнейшее место в рекрутировании элиты. Повышение качества элиты напрямую связано с качеством образования в той или иной стране и, непосредственно, с качеством образования, получаемого элитой. Особую роль образование играет в постиндустриальном, информационном обществе, в котором огромное значение имеют инновационные способности элиты, умение нестандартно мыслить, способности к оригинальному решению проблем, многие из которых принципиально новы для человечества. Вступая в XXI век, мы в полной мере можем осознать не только важность этой проблемы, но и ее масштабность, наметить подходы к ее решению, ее практической реализации.

Пожалуй, отчетливо эта проблема осознается в наиболее развитых, продвинутых странах. Там идет настоящая охота за талантами во всех важнейших областях человеческой деятельности — в политике, бизнесе, науке, искусстве (в том числе поиски их и за рубежом, инициируя «утечку мозгов» из менее развитых стран, еще более увеличивая свой научно-технический отрыв от них).

В информационном обществе, в котором главной ценностью становится информация и, соответствен-

но, «информационный человек», неизбежно возрастают требования в самой образовательной системе. Постиндустриальные структуры постоянно будут поэтому остро нуждаться в производстве высококвалифицированной элиты, меритократии, необходимость в которой будет увеличиваться по мере их общего развития.

Мировая философско-социологическая мысль все более приходит к выводу, который поверхностному взгляду может показаться недемократическим: научный и в целом культурный потенциал страны в современном информационном обществе определяется не столько средним уровнем участвующих в социально-экономическом процессе, сколько потенциалом ее культурной элиты. Именно поэтому особо важная задача системы образования видится в поиске и развитии потенциальных способностей и талантов, прежде всего, подрастающего поколения.

Войдет ли Россия в XXI век как великая держава или же окажется на периферии человеческой цивилизации? Наше будущее закладывается сегодня, оно в решающей степени будет определяться молодым поколением, которое начинает жить и творить в новом тысячелетии. В современном мире получает шанс стать процветающей страной такое государство, которое создает максимальный простор для реализации творческих потенций человека, для выявления талантов и способностей людей и сумеет поставить их на службу обществу. Поэтому общество должно искать, выявлять таланты и способности своих членов и, желательно, как можно раньше, с детского возраста, развивать и пестовать их. Известно, что коммуникационные способности, например, качества лидера, формируются уже в раннем возрасте. Для того, чтобы выявить и развить эти таланты, нужны определенные предпосылки и, среди них, создание равных стартовых возможностей для молодого поколения, возможности вступить в конкурентную борьбу за получение образования самого высокого уровня, которое явилось бы ключом к восходящей социальной мобильности. Именно при



этом условии к высшим, наиболее престижным позициям в обществе придут действительно наиболее талантливые, честные люди, могущие обеспечить оптимальное управление обществом,

Таким образом, любая социальная система, и особенно в условиях постиндустриального общества, нуждается в организации подготовки элиты, в системе элитного образования, желательно как можно более открытого. В современных условиях та система, которая закрывает путь наверх талантам (или хотя бы ставит препоны на их пути, недостаточно широко открывая двери социальной мобильности, неважно, по каким причинам — идеологическим, социально-классовым, национальным или иным), обречена.

Раньше чем перейти к проблемам элитного образования в России, обратимся к мировому опыту элитного образования, особенно в XX веке, прежде всего, опыту развитых стран Запада, в частности, Соединенных Штатов. Мы обращаемся к этому опыту отнюдь не для того, чтобы его копировать, переносить в неизменном виде на российскую почву, а для того, чтобы учесть все позитивные и негативные стороны этого опыта. Для этого мы попытаемся сделать обзор социологических исследований этого феномена в различных странах, в частности, в России и США.

## **1. ПОНЯТИЕ ЭЛИТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Термин «элитное образование» используется в литературе неоднозначно, порой в разных смыслах. Прежде всего, элитным называют образование высокого качества (в англоязычной литературе — *high quality education*). Однако это не единственное значение, которое вкладывается в это понятие. Этот термин используется помимо этого и в ином смысле. Под ним понимают также образование, нацеленное на подготовку элиты — политической, экономической, культурной. Во втором случае

главный вопрос: кого готовят к занятию элитных позиций? Выходцев из элитных семей, из богатых и знатных, подготовку замены родителей детьми, чтобы воспроизводить элиты таким «естественным» способом? Или же следует искать одаренных детей, талантливую молодежь во всех социальных стратах общества? Первый подход — назовем его «элитарным образованием» — означает систему закрытого образования, он обрекает на деградацию элитное образование, да и саму подобную элиту. Применительно к России это бы означало подготовку к элитным позициям детей высших государственных чиновников и «новых русских», имеющих возможность нанимать дорогостоящих репетиторов, причем из преподавателей элитных учебных заведений. И только второй подход отвечает задаче создания элиты высокого качества, действительно лучших, отборных — в интеллектуальном и этическом плане. Это должна быть открытая система элитного образования, и уже поэтому является более предпочтительной.

Порой под термином «элитное образование» имеется в виду образование для элиты, для выходцев из высших привилегированных классов и страт общества. Для того, чтобы не смешивать эти значения, мы вводим в этом случае термин «элитарное образование». Таким образом, элитарное образование — это образование для узкого круга, предназначенное для выходцев из знатных («элита крови») и наиболее состоятельных семей (элита богатства). В этом случае неизбежно возникает вопрос о степени открытости системы образования. Ясно, что элитарное образование означает закрытую систему образования. А термин «элитное образование» используется по отношению к такому типу высококачественного образования, которое носит открытый характер, то есть им охвачены дети, отличающиеся высокими интеллектуальными способностями, являющиеся выходцами из любых социальных слоев, классов,

групп, где критерием отбора являются не знатность, богатство или связи, но именно интеллектуальные и иные качества личности, ее таланты.

Отметим, что термин «элитное образование» порой используют и как родовое понятие, относящееся как к закрытому, так и открытому высококачественному образованию. Заметим также, что в процессе развития образовательных учреждений различаются (а затем, особенно в современных условиях) все более расходятся два типа элитного образования — естественно-научного и гуманитарного (Ч. Сноу писал по этому поводу о дивергенции двух этих типов культур). Соответственно, можно различать также социально-политическое и общекультурное элитное образование. Их различие связано прежде всего с тем, что первое ориентировано на подготовку политико-административной элиты, а второе — на подготовку культурной элиты, создателей духовных ценностей. Как мы увидим ниже, институт образования исторически возник как именно элитное образование, образование для выходцев из элитных семей (подавляющее большинство населения на начальных ступенях развития общества обходилось без специальных образовательных институтов, вернее, образование было имманентной функцией рода, племени, семьи). И лишь позднее, в ходе исторического развития институты образования становятся более широкими, более открытыми, включающими неэлитные страты общества и, наконец, институтами массовыми. Интересно, что в России при советской власти произошла инволюция этого процесса, когда после Октябрьской революции элитное образование было уничтожено или ушло в тень, и лишь через несколько десятилетий возникло движение по воссозданию элитных институтов образования (особенно это относится к среднему образованию).

Как мы увидим дальше, в XX веке, и особенно с наступлением XXI века можно зафиксировать общемировую тенденцию — движение к демократизации образования, которое включает в себя движение от элитарного образования, ставящего людей в неравные условия конкуренции за получение доступа к образованию высшего качества, то есть означающего дискриминацию людей по социальным, а также национальным и иным критериям, к элитному, где образование высокого уровня дополняется его большей открытостью. Вместе с тем, следует признать, что до сих пор открытость элитного образования никогда не была полной, это именно тенденция (причем, пока еще слабая). Это как бы один из векторов всемирного образовательного процесса. Нельзя не отметить также то обстоятельство, что ряд социологов выражают свои опасения по поводу опасности опошления самой идеи элитного образования, порождающего порой псевдоэлиту или квази-элиту.

## **2. ИЗ ИСТОРИИ ЭЛИТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

История элитного образования включает в себя историю развития элитных образовательных систем и институтов, а также историю элитопедагогики. Она особенно интересна с точки зрения впитывания современными образовательными институтами традиций, накопленных многовековым развитием элитного образования. Интересен и поучителен также опыт отказа от этих традиций (например, в России в послереволюционный период).

На заре человеческой истории на протяжении десятков тысяч лет образование было неотделимо от жизни рода, затем семьи: мать выступала в роли педагога по отношению к дочери, отец — по отношению к

сыну, им ассистировали бабушки, дедушки, соплеменники (то есть специального института образования не существовало, он зародился на позднейшей стадии развития первобытного общества, точнее, на стадии его разложения и складывания классово-дифференцированного общества). Со временем домашнего образования оказалось недостаточно, прежде всего тем, кто готовил себя (или кого готовили) на роль вождя племени, шамана или жреца. А в условиях растущего разделения труда, когда человеку потребовался значительно больший объем информации, стали создаваться специализированные образовательные институты; в это время возникает и профессия педагога. Одновременно обнаружилось, что система разделения труда требует различного уровня подготовки, соответствующего квалификации того или иного рода деятельности.

Как уже отмечалось выше, первые образовательные институты возникли как институты элитные. Само получение образования означало выделение индивида, приобретшего определенные знания, из числа прочих членов племени, возвышение над ними. Получение образования было и ценностью в себе, выступало как элитизация личности, и, вместе с тем, было средством для занятия высокого положения в общине. Сами образовательные институты носили практически полностью элитный характер, и лишь много позже расширили круг принимаемых учащихся (это относится прежде всего к древней Греции).

С тех пор человечество накопило огромный опыт элитного образования, опыт многих веков и даже тысячелетий, начиная от домашней подготовки фараонов, царей, королей. Вспомним, что наставником Александра Македонского был Аристотель, наставником Нерона — Сенека (впрочем, Сенеке не удалось укротить неистовый характер Нерона, превратившегося в жестокого тирана, по приказу которого сам его учитель должен

был кончить жизнь самоубийством), воспитателем наследника российского престола — видный юрист и государственный деятель К. Победоносцев, вспомним также о знаменитых элитных учебных заведениях — от Академии Платона, Ликеея Аристотеля до Оксфорда, Кембриджа, Сорбонны, Гарварда, Принстона.

К периоду, который знаменитый немецкий философ К. Ясперс назвал «осевым временем» истории (IV—VI вв. до н. э.), относятся и первые классические образцы рефлексии по поводу сущности элитного образования, его содержания (возникает элитопедагогика) и его предназначения.

Одна из первых целостных систем элитного образования была разработана Конфуцием. Эта система влияла на культуру Китая и всей восточной и юго-восточной Азии на протяжении двух с половиной тысячелетий и продолжает влиять на нее. Это была не только система получения знаний, но прежде всего духовного, нравственного самосовершенствования. Проблемой для Конфуция была не только подготовка к государственному управлению «сына правителя» и администраторов-чиновников, но, более широко, воспитание «благородного мужа», каковым он считал не просто выходца из высших слоев общества, но человека, получившего широкое и глубокое образование и только в силу этого приобретшего право на занятие высокого (элитного) государственного поста. Это право проверяется системой строгих экзаменов, и только по их результатам человек может быть допущен к занятию административной должности. Его идеалом было воспитание совершенного (элитного) человека, стремящегося к добродетели, к знанию, осознающего свою ответственность. Итак, «благородный муж», то есть человек элиты, является таковым в силу воспитания в себе высоких моральных качеств, благодаря образованию. И перед человеком незнатного происхождения может

открыться возможность войти в элиту общества, если он обнаружит высокие способности, будет усердно трудиться, проявит себя как добродетельный человек. Строгий отбор, экзамены на административные должности Конфуций считал важнейшим средством повышения уровня государственного управления. Это была первая образовательная система, которая включала в себя элементы того, что в будущем будет сформулировано как принцип равных возможностей в области образования.

Великие античные философы были, как правило, основателями собственных школ, проявили себя как выдающиеся педагоги (Фалес, Пифагор, Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур)<sup>1</sup>. Во многом благодаря их деятельности Древняя Греция явилась колыбелью европейской цивилизации.

Часто первые образовательные учреждения носили эзотерический характер, создавались для узкого круга избранных. Так, школа Пифагора имела вид тайного союза, с жесткой системой индивидуального отбора кандидатов и посвящения «избранных» в тайны учения: высшей целью обучения было достижение совершенства личности. Учение пифагорейцев воспринималась как тайна, знать которую дозволялось только адептам, которые рассматривали себя как элиту общества.

Неформальной элитной школой был знаменитый кружок Сократа. Ученики Сократа прославили его методы элитопедагогики — обогащение человека знанием, умение мыслить диалектически; он выделял людей, быстро усваивающих науку, умеющих, как писал его ученик Ксенофонт, использовать знание для руководства людьми, чтобы сделать их счастливыми.

Целостная система элитного образования была раз

---

<sup>1</sup> См. подробнее: Ашин Г. К., Бережнова Л. Н., Карабушенко П. Л., Резаков Р. Г. Теоретические основы элитологии образования. — М., 1998.

работана Платоном. Как большинство выдающихся философов античности, в том числе его ученик Аристотель, он считал, что разрабатываемая им философия — не для толпы, но для избранных, и потому не подлежит массовому тиражированию, она предназначена для подготовки элиты — элиты стражей, офицерства и сверхэлиты — аристократии духа. Платон воспроизводит древний восточный миф о том, что при сотворении людей бог примешал к каждому человеку определенный металл: людям, достойным стать правителями, — золото, к стражам — серебро, ремесленникам и земледельцам — медь и железо. И хотя Платон не был свободен от консервативной установки о том, что представители различных классов, слоев общества «большей частью» рождают себе подобных, он не абсолютизировал этот тезис, признавая, что «все же бывает, что от золота рождается серебряное потомство, а от серебра — золотое; то же — и в остальных случаях»<sup>1</sup>. Так что классовый признак не является строго наследуемым, и поэтому необходимо более способных из низших слоев переводить в высшие а менее способных детей из высших слоев — в низшие.

Выявление способностей ребенка и молодого человека происходит, по Платону, в процессе воспитания и образования. И особую роль для общества имеет воспитание и образование будущих правителей. Как видим, взгляды Платона откровенно аристократичны. Но при этом важно отметить, что критерий аристократизма для Платона — не родовитость, не богатство, а высокие интеллектуальные и моральные качества. Это люди долга и чести, призванные взять на себя ответственность за судьбы страны. И при выборе достойнейших для занятия элитных позиций селекторат должен пренебречь родственными или дружескими связями, что совер-

---

<sup>1</sup> Платон. Государство. — М., 1994. 415 а-б. — Соч. — Т. 3.



ленно необходимо для поддержания статуса элиты, для легитимизации ее позиций. От селектората (которым являются философы-правители), требуется высокая принципиальность, и «если ребенок рождается с примесью меди или железа, они никоим образом не должны иметь к нему жалости, но поступать так, как того заслуживают его природные задатки, то есть включать его в число ремесленников или земледельцев: а если у последних родится кто-нибудь с примесью золота или серебра, это надо ценить и с почетом переводить его в стражи». Готовность отрешиться от родственных чувств и личных симпатий — тот оселок, на котором можно проверить нравственные качества лиц, осуществляющих селекцию; только на этой основе можно преодолеть протекционизм, nepотизм и тем предотвратить вырождение элиты. По Платону, для того, чтобы стать правителями, мало природных задатков, надо их выявлять и развивать в процессе воспитания, совершенствоваться в процессе зрелого опыта. Наставники, предлагая детям различные упражнения, причем сложные, должны изучать наклонности и способности каждого ученика, и особое внимание уделять тем, в которых они разглядели потенциальных правителей. Созданная Платоном Академия просуществовала почти тысячелетие.

Другой классик элитопедагогики — Аристотель, создавший в Афинах элитное учебное заведение — Ликей, соединявший функцию учебного заведения с разработкой философских и научных знаний. Он также ставил задачей воспитание духовной аристократии, как бы мы сказали, элитизацию личности, причем полагал, что глубины философии доступны лишь избранным. Кстати, его знаменитый ученик Александр Македонский упрекал своего учителя в том, что он обнародовал свое учение, предназначенное только для узкого круга, считая, что этим он подрывает авторитет правителя. «Чем

же будем мы отличаться от остальных людей, если те же самые учения, на которых мы были воспитаны, сделаются общим достоянием? Я хотел бы превосходить других не столько могуществом, сколько знаниями о высших предметах»<sup>1</sup>. Собственно, его учитель и считал знание о первопричинах мира, о сущем высшим качеством человека, свидетельством его элитности. Мы можем только сказать об определенной размытости понимания и Платоном, и Аристотелем статусной элиты и элиты меритократической. Древнегреческие учебные заведения можно различать по степени их открытости (от закрытой школы Пифагора до несколько более открытых школ Платона и Аристотеля).

В Древнем Риме образование в большей мере носило аристократический, статусный характер, и было более прагматическим, практически ориентированным. Молодой аристократ воспитывался сначала в семье, тут же часто и получал начальное образование. Следующей ступенью была грамматическая школа, где преподавались греческий и латинский языки и литература, затем шла риторическая школа, имевшая главной целью развитие ораторского искусства.

В раннем средневековье образование будущей политической элиты носило по преимуществу домашний характер. Средневековое мировоззрение определялось прежде всего учением о небесной и земной иерархии; средневековая система образования отражала эту иерархию, носила сословный характер. Господство «элиты крови» предопределяло закрытость аристократического обучения, которое первоначально имело преимущественно придворный характер. Но монополия придворного образования закончилась в связи с созданием школ при монастырях, некоторые из них

---

<sup>1</sup> Плутарх. Избранные жизнеописания. — М., 1990. — Т. 2. — С. 22–23.

отличались высоким уровнем учености. Но главный вызов домашнему и придворному обучению был связан с интереснейшим феноменом средневековья — возникновением первых университетов (XII—XIII века). Первоначально университеты были полностью ориентированы на обслуживание интересов церкви, готовя теологов, специалистов по церковному праву. Затем обучение в них стало носить более светский характер. В университетах изучалась аристотелевская логика, физика, латынь, греческий, метафизика, математика и другие дисциплины. Прилежно обучаясь, студент получал степень бакалавра и, продолжая образование, магистра. Позже в качестве высшей ученой степени вводится степень доктора. Интересно, что университеты носили в значительной степени интернациональный характер, студенты могли переходить из одного европейского университета в другой, из университета французского — в немецкий или итальянский; такие переходы облегчались обязательным знанием латыни, на которой и читались лекции. Несмотря на засилье религиозной догматики, университеты способствовали развитию наук. Регулярные дискуссии, проводившиеся в этих университетах, развивали мышление, дисциплинировали его. В университетах формировались определенные традиции, которые развивались в эпоху Возрождения (особую роль в XV веке сыграла Флорентийская академия) и в новое время, когда именно с университетами, такими, как Оксфорд, Кембридж связано быстрое развитие наук, во многом предопределившее начало первой промышленной революции.

Обобщая опыт развития мирового института образования, выдающийся испанский философ и культуролог Х. Ортега-и-Гассет писал в книге «Миссия университета» о том, что именно университеты являются центрами воспитания интеллектуальной элиты, потому что в них заложена идея элитаризации субъекта образования.

Миссию университета Ортега видит в воспитании «аристократии талантов», которые являются ферментами в развитии мировой культуры.

Идея университета родилась прежде всего как идея элитного университета. Гарвард, Принстон, Йель, Оксфорд, Кембридж, Сорбонна, Московский, Токийский и другие ведущие университеты мира играют фундаментальную, ведущую роль в формировании элит постиндустриального общества. Американский исследователь элитного образования Верспур пишет, что подобные университеты «очень сходны в своих функциях: они репродуцируют процесс селекции элит»<sup>1</sup>. Ведущие университеты США являются элитными учебными заведениями; их выпускники имеют наибольшие шансы достичь элитных позиций. Еще в большей мере это относится к английским университетам — Оксфорду и Кембриджу. Английский социолог Х. Томас подчеркивал, что почти все члены Верховного Суда Великобритании, епископы, консервативные члены парламента и многие лейбористские парламентарии — выходцы из элитных частных школ и элитных университетов. При этом шансы на получение элитного образования уменьшаются по мере движения вниз по социальной лестнице. Причем селекция элит в странах Запада отнюдь не обязательно связана с частными элитными университетами. Во Франции, где государственная служба традиционно считается одной из наиболее престижных, элитные вузы, готовящие государственных чиновников, почти полностью интегрированы в систему *Grandes Ecoles*.

Элитные университеты в наибольшей мере ориентированы на производство интеллектуальной элиты. Это относится как к западным, так и российским универ-

---

<sup>1</sup> Revitalizing Higher Education. Ed. by Salmi J. and Versphoor A., Wash., 1994, p. 26.

ситетам, таким, как Московский, Петербургский, Уральский, Ростовский.

Рассматривая современное состояние элитного образования, мы обратимся прежде всего к опыту элитного образования в наиболее развитых странах мира, сделав ударение на сравнении элитного образования в России и США.

### **3. ОПЫТ ЭЛИТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ**

Создание элитных образовательных институтов в России началось в XVII — XVIII веках. Первым высшим образовательным учебным заведением в России была Славяно-греко-латинская академия, основанная в 1687 г. по инициативе известного просветителя Симеона Полоцкого. Веком российского Просвещения был XVIII век. Петр I провел реформы, направленные на ускоренное промышленно-техническое, экономическое, военное и культурное развитие страны. В России стали открываться школы — инженерные, навигацкие, медицинские, землеустроительные. Петр I настойчиво прививал российскому дворянству мысли о необходимости образования, порой превращая это в обязанность, как одну из служебных повинностей дворянства. И идея необходимости образования для дворян получает признание, возникают образовательные институты, системе воспитания молодого дворянства уделяется пристальное внимание, а работа на ниве просвещения начинает считаться престижной. В XVIII веке возникает ряд закрытых учебных заведений — дворянских корпусов, где молодежь не только готовилась к государственной службе, но и получала более широкое образование в области истории, искусства, математики, естественных наук. В 1701 г. по указу Петра I была основана Школа математических и навигацких наук —

одно из первых светских учебных заведений России. Одним из лучших дворянских учебных заведений считался Сухопутный шляхетский корпус, весьма престижными учебными заведениями были Пажеский корпус, Инженерный корпус.

Выдающуюся роль в развитии российской науки, а также элитного образования сыграла основанная Петром I в 1724 году Академия наук, ставшая питомником научных школ по основным направлениям естественных, технических и общественных наук, выпестовавшим крупнейших ученых мирового значения. Важнейшими центрами элитного образования стали основанный в 1726 году Петербургский и в 1755 году — Московский университет.

Видное место в развитии элитного образования в России и ее культуры в целом занимал Царскосельский Лицей, где на одном курсе учились А. С. Пушкин и будущий канцлер России А. М. Горчаков, а также И. И. Пущин, А. А. Дельвиг. Лицей воспитал целую когорту видных государственных и культурных деятелей страны.

XIX век был веком расцвета российской культуры, ее золотым веком. Возникает одна из величайших в мире литератур, когда творили А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь и И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский. Это была главным образом дворянская культура, а также культура разночинцев. Творят великие музыканты — М. И. Глинка, П. И. Чайковский, М. П. Мусоргский, «Могучая кучка» объединяет выдающихся музыкантов, разворачивает просветительную деятельность. Создаются Московская и Петербургская консерватории, Академия художеств.

Замечательными достижениями в духовной культуре отмечен Серебряный век российской культуры — литературы (И. А. Бунин, А. А. Блок), живописи («мир искусства», русский авангард), музыки (С. В. Рахманинов, А. Н. Скрябин), знаменитая философская школа —

В. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев, Н. А. Бердяев, великий социолог П. А. Сорокин. Эти деятели культуры были тесно связаны с элитными учебными заведениями России, начиная с гимназий и кончая Московским и Петербургским университетами, Московской и Петербургской консерваториями, Академией художеств.

Важнейшей особенностью культурной жизни России явилось формирование в XIX веке нового для всего мира явления — интеллигенции<sup>1</sup>, которая оказала большое благотворное влияние не только на духовную, но и, более широко, на социальную жизнь страны. Значительная и, как правило, лучшая часть интеллигенции была так или иначе связана с элитными учебными заведениями страны (была либо их выпускниками, либо сотрудниками).

Опыт элитного образования в России нас будет интересовать не только в плане сохранения традиций институтов элитного образования и их лучших образцов в России, но еще в том отношении, что в советский период истории России был взрыв элитофобии, который в полной мере коснулся элитного образования. Это касается прежде всего системы среднего образования, когда ее развитая система классических гимназий и реальных училищ была разрушена и заменена системой «единой трудовой школы». Были также подорваны структуры высшего образования и его элитной основы, подверглись гонениям и были частично уничтожены многие научные школы, ранее занимавшие ведущее место в мировой науке. Подлинная элита российской интеллигенции была в значительной мере отлучена от высших учебных заведений (как чуждые в классовом отношении элементы). А оставшиеся были поставлены в убийственные для творческого духа цензурные рамки.

---

<sup>1</sup> Как признает К. Маннгейм, именно в России было впервые осмыслено понятие «интеллигенция» (См.: Маннхейм К. Диагноз нашего времени. — М., 1994. — С. 400).

Это относится главным образом к гуманитарным наукам. Что касается естественных и особенно технических наук, их большевики частично оставили в покое, а порой даже поощряли, если представлялась возможность использовать их потенциал для повышения военной мощи страны. Страшный удар был нанесен по российской гуманитарной науке, когда были высланы многие выдающиеся деятели российской и мировой культуры (печально знаменитые «философские пароходы»), а на оставшихся были обрушены чудовищные репрессии.

Октябрьская революция стала трагедией не только для российской политико-административной и экономической элиты, но и ее интеллектуальной элиты. Она по существу загубила многие элитные учебные заведения, нанесла удар по интеллигенции в целом.

Преобразования в области образования прошли под флагом эгалитаризма и массовизации, имела место дискриминация при приеме в университеты и другие вузы страны, когда в них не принимали наиболее подготовленных абитуриентов из так называемых враждебных классов и интеллигенции, при этом создавались рабфаки для скороспелой подготовки в вузы представителей рабочей и крестьянской молодежи. Крупнейшие специалисты в области общественных наук заменялись менее квалифицированными, но зато присягнувшими на верность марксизму-ленинизму. Чтобы восполнить пробел в преподавательских кадрах, был создан Институт красной профессуры с многочисленными филиалами; по окончании учебы в этом институте (если студентам посчастливилось уберечься от репрессий в годы сталинщины) его выпускники становились «красными профессорами». Кстати, нечто подобное затем повторилось на Кубе, когда левые профессора эмигрировали от диктатуры Батисты, а потом правые профессора — от диктатуры Ф. Кастро. И когда выяснилось, что некому



читать студентам лекции по общественным дисциплинам, студенты старших курсов Гаванского и других университетов страны стали преподавать студентам младших курсов.

Но прежде чем вести речь о ситуации в высшей школе, необходимо коротко остановиться на положении в среднем образовании. Нам важно не только обобщить опыт привилегированных учебных заведений царской России, выявить его позитивные, а также негативные моменты. Необходим также анализ позитивного и негативного опыта советской средней школы. Известно, что после Октябрьской революции в Советском Союзе безраздельно господствовала теория и практика единой школы. На определенном этапе она сыграла частично позитивную роль, во всяком случае, когда было необходимо экстенсивное развитие школьного образования, ликвидация обширных зон неграмотности. Позитивными моментами образовательного процесса в советский период истории было, во-первых, провозглашение права всего населения на всеобщее бесплатное образование и, во-вторых, определенные и крупные шаги в реализации этого права, прежде всего в среднем образовании (которое со временем стало обязательным), а также в огромном расширении масштабов высшего образования. К негативным моментам этого периода относится то, что единая школа, ставшая единообразной, порой просто серой, стандартизирует обучение, как правило, игнорирует индивидуальные особенности учащихся. При очень высокой наполняемости школьных классов учитель просто вынужден «стричь всех под одну гребенку». К тому же советская школа в течение десятилетий еще и осуществляла идеологическое оболванивание учащихся, их индоктринизацию. Но при всем этом было бы грубой ошибкой игнорировать крупные достижения советской средней школы, появление многих ярких педагогов-новаторов,

внедрявших новые, прогрессивные методики в преподавание различных школьных дисциплин. Во всяком случае, по качеству образования в 50-е-80-е годы советское среднее образование стояло, по данным ЮНЕСКО, в первой десятке всех стран мира. Особенно отмечались успехи в преподавании математики и естественно-научных дисциплин. И не случайно, что на всемирных конкурсах, проводимых ЮНЕСКО и другими международными организациями среди детей и юношества советские школьники часто оказывались победителями и, во всяком случае, были в числе призеров. Все это говорит не только об обилии талантов в нашей стране, но и о качестве педагогов.

Но век НТР застал нашу школьную систему неготовой к новой ситуации; началось наше постепенное отставание в области образования, от передового уровня в мире. Наша образовательная система дала трещину, и в настоящее время переживает кризис, во многом отражающий системный кризис нашего, уже постсоветского общества.

Советская концепция образования базировалась на положении о необходимости формирования ученика, его образа мыслей, ориентируясь на господствующую в обществе идеологию. Но это — типично тоталитарный подход, несовместимый с демократией. В обществе, переходящем от тоталитаризма к демократии, необходим переход к развивающему образованию, в котором ученик развивает *свои* взгляды, свой образ мыслей, развивается как личность, причем самостоятельная, автономная личность. Именно такой подход отвечает современным представлениям о демократии, о правах человека.

Но вернемся к проблеме единообразия, одинаковости средних школ советского периода. Уже тогда передовая педагогическая общественность страны ставила вопрос о том, как уйти от этого единообразия. Опреде-

ленным ориентиром в этом отношении стало создание специальных математических школ, таких, например, как математическая школа при МГУ, в которую принимались талантливые дети со всей страны и где преподавали даже ведущие профессора МГУ, или балетных школ типа школы при Большом театре, художественных школ, куда также отбирались талантливые дети, проходившие конкурс, музыкальные школы, наконец, спецшколы с углубленным изучением иностранных языков. Но все это было частичным решением указанной проблемы. Важным путем общего ее решения является дифференциация школьного обучения и, прежде всего, создание элитных школ. Но в полный рост эта проблема встала уже в постсоветский период. Но тут возникает вопрос, весьма болезненный для российского менталитета: совместимо ли создание элитных школ с социальной справедливостью?

#### **4. ЭЛИТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ**

Вопрос о дифференциации образования, о справедливости или несправедливости существования элитных школ довольно продолжительное время обсуждается в мировой литературе по социологии образования. В ней выявились два альтернативных подхода. Эгалитаристские критики элитного образования используют следующие аргументы: наличие элитных школ — это вызов демократии, это пережиток аристократических времен, это социальный атавизм; элитные школы вредны, потому что они ставят детей в неравные условия, потому что они воспроизводят и поддерживают, закрепляют систему социально классового неравенства. Собственно, аргументы критиков элитного образования нам

хорошо известны, поскольку это прежде всего марксистские критики. Их аргументы не лишены оснований. Но известно также, что эгалитаристские теории в советской педагогике нанесли значительный ущерб качеству образования в нашей стране; они делали среднее образование действительно «средним» в смысле его посредственности, единообразия, униформизма, игнорирования вундеркиндов, которые «ломают строй», и требований к педагогам обращать свое основное внимание и свое время «подтягиванию» отстающих, которые во что бы то ни стало должны получить среднее образование (так, собственно и было в советское время, когда педагоги обязаны были обеспечить получение всеми их учениками среднего образования, что было важнейшим критерием оценки вышестоящими чиновниками их работы).

Теперь выслушаем и другую сторону — сторонников элитного образования, среди которых преобладают специалисты по социологии образования, придерживающиеся консервативной ориентации. Их аргументы также звучат весьма весомо. Единая (и единообразная) система обучения не учитывает разнообразия личностных ориентаций, глушит индивидуальность, нивелирует личности обучающихся, не стимулирует развитие их талантов, уникальных способностей. В демократическом обществе наряду с государственной должна существовать и независимая от него система образования, в том числе альтернативного образования, и пусть родители и дети выбирают ту систему, которая им больше подходит. А если одаренные дети из малообеспеченных семей не могут позволить себе оплачивать обучение в дорогостоящих частных школах, то они имеют право на дотацию со стороны государства, благотворительных фондов, на стипендии для талантливых детей из бедных слоев общества которые имеются во многих элитных школах (увы, это не относится к российским элит-

ным школам). Эгалитаристским критикам консерваторы отвечают, что элитные школы — это маяки образования, своего рода поле для экспериментов; эти же школы часто являются спонсорами одаренных детей безотносительно к их статусу — их элитные школы готовы обучать бесплатно и даже платить им стипендии, потому что наличие одаренных детей в привилегированных частных школах способствует подъему уровня обучения в самих этих школах, а воспитание ярких талантов выгодно для всего общества и, прежде всего и непосредственно — для спонсоров этих школ, особенно если ими являются крупные корпорации или государство, потому что выпускники этих школ являются базой для пополнения сотрудников этих корпораций, научных и просветительных учреждений, наконец, служат улучшению имиджа соответствующей корпорации и т. д.

Многие американские и английские специалисты по социологии образования подчеркивают, что Итон, Харроу (элитные школы) Оксфорд, Кембридж (элитные университеты) в Англии; Гротон и Сент-Поль (элитные средние учебные заведения), университеты «Лиги плюща», такие как Гарвард, Йель, Принстон, Колумбия в США, должны не замыкаться в себе, но, напротив, выступать моделью, к которой должна приближаться вся система соответственно Великобритании и Соединенных Штатов.

Можно заметить, что картина, рисуемая сторонниками элитного образования, пожалуй, слишком розовая, это скорее норматив, идеальная модель, расходящаяся с действительностью (особенно российской), но зато служащий определенным ориентиром для образовательной системы. Можно и нужно выявлять недостатки системы элитного образования в разных странах (в том числе в дореволюционной и в современной России). Вопрос заключается лишь в следующем: эти недостатки следует выявлять для того, чтобы постараться их

устранять, чтобы скорректировать эту систему образования с современными потребностями общества, или же для того, чтобы его отвергнуть в целом в пользу эгалитарного, усредненного образования, которое, как мы видели, было столь характерно для СССР.

В стране, движущейся к рыночному хозяйству, люди все более четко начинают сознавать, что социальная справедливость — это не равенство всех в нищете, а равенство возможностей, которое неминуемо сопровождается неравенством в результатах деятельности отдельных личностей. Следует развести понятия: «справедливость» и «равенство», так как равенство может быть глубоко несправедливым. Это в полной мере относится к системе образования. Ведь если, к примеру, в начальной школе для всех — и для тех, в ком дремлет гений Моцарта, и для тех, кому «медведь на ухо наступил», — существует единая норма — 45 минут в неделю — урока музыки, то это, разумеется, равенство, но равенство вульгарное. Это отнюдь не справедливость — ни по отношению к личности (не дает ей возможности развивать свои способности), ни по отношению к обществу (лишает его талантов и успехов, которые могли бы быть достигнуты этими талантами). Это псевдоравенство. Реформируя нашу систему образования, безусловно, следует изучить и использовать богатый опыт элитного образования США, Англии, Германии, Франции и, конечно же, опыт дореволюционной России. Но, повторяем, слепо копировать этот опыт нам не следует.

Но пока мы еще не ответили на поставленный нами вопрос: справедливо ли элитное образование? Для его решения прежде всего и предлагается различение элитного (открытого) и элитарного (закрытого) образования. Элитарное образование — образование детей узкого круга, в который входят люди по критериям знатности, богатства, связям. Социологи обычно различают «элиту крови» (критерий знатности, господствующий в

традиционном обществе), элиту богатства (критерий, основной для индустриального общества) и элиту знаний (становящийся приоритетным в информационном обществе). Поскольку элитное образование — образование для выходцев из узкого круга, оно, на наш взгляд, несправедливо, оно расточительно для общества: ведь в этом случае теряются таланты детей, семьи которых не входят в элиту общества или не могут себе позволить дать детям дорогостоящее частное образование.

Напротив, элитное образование, помимо того, что это образование самого высокого уровня, характеризуется тем, что главным его критерием являются способности, таланты детей; оно не должно зависеть от происхождения и богатства родителей. Для усвоения знаний и ценностей, предлагаемой этой системой образования, необходим высокий уровень интеллектуальных способностей.

Различие между элитарными и элитными школами видно хотя бы из того, что отпрыски богатых семей, поступив в элитную школу, просто не смогут в ней учиться, если не обладают достаточными интеллектуальными способностями. Из такой школы они просто вынуждены будут уйти, поскольку в ней они «не потянут», даже если их родители и заплатили немалые деньги за их обучение. Можно видеть, что элитарное образование сопряжено с системой закрытого рекрутирования элит, в то время как элитное образование — с системой открытого ее рекрутирования.

Дискуссионным является и другой вопрос: правильно ли считать, что дифференциация образования и создание элитных школ служит укреплению и закреплению существующей социальной стратификации общества и уже поэтому не отвечает принципам и нормам социальной справедливости. Или же, напротив, более корректным является утверждение, что хорошее образование — один из важнейших каналов усиления соци-

альной мобильности в обществе, служит как своеобразный социальный лифт, поднимающий людей снизу в более высокие страты общества (большая часть современных социологов придерживается последней точки зрения).

Не предвосхищая ответ на этот вопрос, обратимся к выяснению соотношения двух рассматриваемых нами видов образования — элитного и элитарного. Можно показать, что они соотносятся как два пересекающихся круга, у которых часть площади — общая. Элитарное образование может быть одновременно и элитарным и наоборот. Собственно, элитарное образование в определенной мере почти всегда является элитным (хотя бы с точки зрения его качества). Более того, можно утверждать (и мы это уже видели выше), что элитное образование исторически возникло и развивалось в рамках элитарного (иначе и быть не может в условиях социально дифференцированного общества). И если попытаться выявить историческую тенденцию, можно отметить, что постепенно круг детей, получающих элитное образование, расширялся и изменялся структурно: все большую роль при этом играли способности, и все меньшую — знатность, богатство, связи родителей. Можно сказать, что дифференциация обучения вообще и элитное образование как ее момент соответствуют важнейшей тенденции современной цивилизации — процессу индивидуализации.

Однако наряду с общими элементами между элитарным и элитным образованием существуют различия, перерастающие в противоположность, и это позволяет нам классифицировать первое как несправедливое, а второе — как соответствующее современным представлениям о социальной справедливости.

Таким образом, мы выяснили, в чем главный недостаток и, более того, порок элитарного образования. И нам следует принять меры против существования этого



явления, тем более, что оно дает о себе знать в нашей стране, как в условия былой советской системы, так и продолжает существовать в постсоветской системе. Мы имеем в виду престижные полужакрытые школы, в которые детей зачисляюа «по блаау» или за взятку, престижные вузы, где несравненно большие шансы поступить в них имеют дети, родители которых могут нанимать дорогостоящих репетиторов (преимущественно из числа преподавателей именно этих вузов), одним словом, при приеме в которые имеет место скорее «конкурс родителей», чем детей. Ныне положение изменилось лишь в том смысле, что место старой партократической элиты заняла элита «демократических» чиновников и бизнес-элита. Иаа, нам необходимо расширение элитного образования при отсечении элитарного — во имя развития творческих способностей личности, во имя принципов демократии и социальной справедливости.

Нужно отметить в этой связи, что именно на движение к большей социальной справедливости направлено решение Министерства образования Российской Федерации о постепенном введении с 2001 года единого государственного экзамена для выпускников школ, по результату которого без приемных экзаменов их будут зачислять в вузы. Несправедливо, когда немногие выпускники школ имеют возможность заниматься с репетиторами, которые не столько даюа знания, сколько «натаскиваюа» к экзаменам в конкретный вуз. Новые правила направлены на выравнивание возможностей выпускников провинциальных школ для поступления в столичные вузы, в том числе элитные.

Совершенно очевидно, что ныне и в обозримом будущем общество не сможет функционировать без элиты. Значит, квалифицированную элиту, ориентированную на высокие гуманистические ценности, нужно готовить, причем готовить загодя, по возможности плано-

мерно. Именно в этом плане важна проблема элитного образования, которое может оптимизировать процесс рекрутирования и смены элит в обществе.

## **5. СОЦИОЛОГИЯ ЭЛИТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Проблема элитного образования и социальной справедливости — одна из важных проблем социологии образования, предмет которой — система образования как социальный институт, ее взаимоотношение с другими структурными элементами общества, с обществом в целом (то есть образование является подсистемой целостной системы — общества). Образование можно определить как получение знаний и ценностей индивидом, то есть в широком смысле, его социализация.

Основателем социологии образования является Э. Дюркгейм, который сформулировал задачи этой дисциплины следующим образом:

- зависимость образования от других сфер общественной жизни и общественного разделения труда;
- роль образования в общественном воспроизводстве и социальной мобильности населения;
- равенство в школе разновидность социального равенства;
- структурная перестройка системы образования в процессе исторической эволюции общественных отношений;
- проблема социальных функций (социального назначения) образования и воспитания<sup>1</sup>. Как видим, все эти проблемы тесно связаны с вопросами элитного образования, а вторая и третья проблемы связаны с ними самым непосредственным образом.

---

<sup>1</sup> См: Дюркгейм Э. Социология образования. — М., 1996.

Особенно велика роль образования для социальной мобильности и репродукции общества. Концепции социальной стратификации обращаются к классовой и статусной иерархии общества и неравномерности образовательных возможностей между людьми, принадлежащими к различным классам или имеющим различный статус. В исследованиях социальной мобильности ударение обычно делается на межпоколенческую мобильность, которая означает изменение класса и статуса от родителей к детям.

Пример межгенерационной мобильности — когда сын или дочь рабочего становится менеджером. Напротив, если они остаются рабочими — это пример социальной репродукции. Системы социальной стратификации, которые подчеркивают аскриптивный (предписанный) характер классовой и статусной позиции, определяются как закрытые: они ведут к наследованию статуса, к воспроизводству класса. Те системы социальной стратификации, которые подчеркивают личные достижения, определяются как открытые, ведущие к социальной мобильности.

Как эти проблемы решаются в современной социологии образования? Большинство исследователей отмечает, что в западной социологии образования сложились следующие основные направления:

1. *Функциональная концепция.* Отмечая важную роль образования в социальной мобильности, функционалисты утверждают, что различные социальные роли, в особенности элитные, требуют различных способностей. Если общество функционирует эффективно, они должны быть заполнены людьми с соответствующими способностями. С тем, чтобы привлечь наиболее квалифицированных людей на элитные позиции, эти позиции должны сопровождаться более высокими социальными и экономическими наградами. Образование и

призвано развивать способности индивидов и используется как средство социальной селекции, причем оно обеспечивает селекцию, базирующуюся в большей мере на перцептивных (основанных на личных достижениях), чем аскриптивных (основанных на приписанном статусе). Функционалисты подчеркивают роль образования для удовлетворения нужд в социальном порядке, связанном с рациональностью, меритократией и демократией; система образования призвана обеспечить обществу эффективную и справедливую селекцию способностей и талантов, так что именно наиболее способные достигают самых ответственных, то есть элитных позиций.

*Неомарксистское* направление в социологии образования — своего рода вызов функционализму. Оно подчеркивает, что организация образования во многом отражает диктат корпоративно-капиталистической экономики (S. Dowless, Y. Gintis), что школа выполняет заказ капитализма — служит корпоративной иерархии, передает привилегии от поколения к поколению; характер образовательной системы определяет господствующий класс, капиталистическая элита. Впрочем, некоторые представители этой школы (P. Willis) считают, что школы — не только агенты социальной репродукции, но и центры сопротивления капиталистическим порядкам, то есть центры формирования контрэлиты. Положение массовых школ относительно элитных ухудшается, в частности, потому, что элитные школы переманивают к себе с помощью стипендий детей из низших социальных страт. «Никто не возражает против того, чтобы сделать образовательные стандарты высокими, — пишет Дж. Мэтьюз в книге «Классовая борьба: что неправильно и что правильно в лучших американских элитных школах». Но элитные школы существуют не только для высоких достижений, но и из желания по-

ставить себя выше других»<sup>1</sup>, усиливая классовую сегрегацию в обществе.

К этому направлению близка *конфликтная* теория или, как ее часто называют, концепция статусного конфликта. Сторонники этого направления начинают обычно с утверждений о том, что общество состоит из различных групп с разными, конфликтующими интересами, что сущность стратификации — стремление групп, захвативших власть, богатство и престиж (элитных групп), поддержать свою позицию за счет непривилегированных групп. Школы помогают репродуцировать и легитимизировать систему стратификации, объявляя, что она основывается на индивидуальных достижениях, тогда как на деле она отбирает на элитные позиции индивидов на основе предписанного статуса. Возникнув на базе веберовской традиции, сторонники этого направления подчеркивают попытки различных групп (этнических, профессиональных, классов) использовать сферу образования как механизм получения привилегий; статусные группы пытаются увеличить свою восходящую социальную мобильность вплоть до уровня элитной группы. Эти социологи ссылаются, в частности, на то, что школьники и студенты из высших страт общества достигают более высоких результатов (у них больше амбиций, они имеют больше поощрений от родителей и т. д.).

В американской и западноевропейской социологии образования стала популярной концепция «человеческого капитала», согласно которой образование, как и в целом усвоение культуры, есть процесс накопления «человеческого капитала». Этим термином обозначают улучшение производительной способности человека благодаря произведенных им расходов на образова-

---

<sup>1</sup> Mathews J. Class Struggle. What is Wrong (and Right) with American Best Public High Schools. N. Y., 1988, p. 4.

ние, что ведет к повышению его общественного положения (статуса, заработной платы, престижа). Расходы на образование рассматриваются как «жертва», принесенная индивидом (а равно и обществом в целом) во имя будущих выгод. Обучение, с этой точки зрения, есть процесс превращения экономического капитала в личностный, процесс реконверсии экономического капитала в культурный. Причем именно инвестиции в «человеческий капитал» являются наиболее перспективными<sup>1</sup>.

Интересно, что группа американских ученых (С. Фэн, Дж. Оверленд, М. Спэгет) попытались с позиций концепции «человеческого капитала» проанализировать перспективы развития современной России и роль ее системы образования в этом развитии. К сожалению, пишут авторы, обстановка в России не способствует тому, чтобы молодежь инвестировала время и средства в образование, хотя бы потому, что заработная плата большинства выпускников российских вузов ниже доходов уличных торговцев, не говоря уже о мафиози. Сегодняшнему молодому поколению в России нехватает экономической заинтересованности инвестировать средства в человеческий капитал. И если молодежь будет стремиться в первую очередь к быстрым деньгам, следующее поколение россиян будет менее образованным, чем их родители, а значит и менее производительным. Авторы книги советуют сделать систему образования России эффективным инструментом для инвестирования человеческого капитала, поощрять молодежь к инвестированию в образование, и критикуют правительство России за недостаточность усилий в этом направлении. Но эта критика — с дружественных позиций, Авторы книги утверждают, что великая рос-

---

<sup>1</sup> См.: Ашин Г. К., Бережнова Л. Н., Карабущенко П. Л., Резаков Р. Г. Цит. соч. — С.228—237.

сийская интеллектуальная традиция, соединенная с широкой грамотностью, технической подготовкой, обеспечивает мощную основу процветания России как в непосредственном будущем, так и в далекой перспективе<sup>1</sup>.

Интересный синтез конфликтной концепции и теории «человеческого капитала» в социологии образования представляют работы видного французского социолога П. Бурдьё. В книге «Государственный нобилитет. Элитные школы в поле власти» Бурдьё показывает тесную связь и взаимный обмен в области власти и в области образования, который имеет особое значение для истеблишмента. Поддержка стабильности элиты во многом обеспечивается системой контролируемых ею учебных заведений. Этот синтез создает «элиту элиты». Знатный титул сам по себе не обеспечивает еще подлинную элитность. Не обеспечивает его и богатство само по себе. Элита не любит парвеню, с их быстрым успехом и дурными манерами. Элитное образование, академические звания сами по себе также совершенно недостаточны. Принадлежность к истеблишменту — символический капитал, имеющий свои собственные законы накопления, отличные от экономического капитала. «Элита элиты» соединяет в себе целый комплекс черт, которые дополняют друг друга. Это такие черты, как аристократизм рождения, личное богатство, меритократизм академических успехов. Эти черты комбинируются, «воспитывая в новых лидерах абсолютную уверенность в своей легитимности»<sup>1</sup>.

В другой книге, написанной П. Бурдьё в соавторстве с Ж.-К. Пассероном «Репродукция в образовании. Общество и культура» показывается, что школьная систе-

---

<sup>1</sup> Fan S., Overland J., Spagat V. Human Capital, Growth and Inequality in Russia, Denver, 1997.

<sup>2</sup> Bourdieu P. The State Nobility. The Schools in the Field of Power, Oxford, 1996, p. 335.

ма вносит свой вклад в воспроизводство структуры распределения культурного капитала и через него — социальной структуры, системы позиционных дифференциаций и дистанций. «Прогресс ведет нас от коллективного и наследственного статуса нобилитета прошлого к сегодняшнему образовательному нобилитету», хотя все же элитные позиции продолжают находиться в очень тесной связи с социальным происхождением, то есть с приписанным статусом. «Несомненна связь между элитными школами и тем, что мы определяем расхожим термином «правлящий класс»<sup>1</sup>. Интересно, что, сравнивая образовательную систему США с французской и английской, Бурдьё признает, что в Соединенных Штатах она более меритократична, и там талантливый выходец из социальных низов имеет больше шансов пробиться наверх.

## **6. ГОСУДАРСТВО И ЭЛИТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ**

Прежде, чем обратиться непосредственно к элитному образованию, нельзя не отметить некоторые общие сдвиги в развитии современных образовательных систем. Пожалуй, раньше всего следует отметить рост финансовых вложений в образование в мире в целом и особенно в наиболее динамично развивающихся странах. Причем, рост отмечается не только в абсолютных цифрах, но и в процентах к ВВП. Американские президенты Дж. Буш, а затем и У. Клинтон заявляли, что Соединенные Штаты гордятся тем, что расходы на образование в них превышают расходы на оборону. Собственно, развитие науки и образования ныне являются важными показателями влияния и мощи страны (если

---

<sup>1</sup> Bourdieu P. and Passeron J.-C. *Reproduction in Education. Society and Culture*. L., 1996, p. X.



смотреть на эту мощь в динамике). Причем нетрудно обнаружить прямую зависимость между размерами финансирования образования теми или иными странами и темпами их социально-экономического развития; то есть вложение в образование оказываются наиболее эффективными с точки зрения социально-экономического прогресса. И, соответственно, действует и обратная зависимость. Стоило, например, Бразилии на некоторое время уменьшить бюджетные ассигнования на образование, как это сказалось на замедлении темпов ее экономического развития. И потребовало коррекции национальной стратегии. Увеличение расходов на образование касается и ряда развивающихся стран, берущих пример в этом отношении с «азиатских тигров».

К сожалению, с этой общемировой тенденцией контрастирует политика в области образования в России, резко снизившей свои ассигнования в этой области. В результате нас быстро обгоняет в сфере образования все большее число стран. Так, по количеству студентов к общей численности населения Россия занимала одно из лидирующих позиций в мире в 60-х—70-х годах. Ныне же по этому показателю Россию обогнали не только США и большинство стран Западной Европы, Япония, но и такие восточноазиатские страны, как Южная Корея, Тайвань. Ссылки на экономические трудности не могут оправдать подобную недалекновидную политику в области образования, которые снижают шансы России на подъем, на возрождение в XXI веке.

Хотелось бы вспомнить в этой связи послевоенную Японию. После 1945 года страна лежала в руинах. Но экономическая разруха не привела к ослаблению внимания к образованию, а скорее обострила внимание к нему. И образование подрастающего поколения оказа-

лось одной из точек опоры, позволившей Японии совершить в 70-х—80-х годах прыжок в постиндустриальный мир.

Потребности информационного общества определяют необходимость существенных сдвигов, структурных изменений, смены приоритетов в социальной системе. Крен в сторону технократизма, характерный для большинства стран, находившихся на стадии индустриального общества, постепенно преодолевается. Эта тенденция обозначилась в образовательных системах Северной Америки и Западной Европы. Но, пожалуй, особенно интересен процесс развития в той же Японии и, более широко, в странах конфуцианской и буддийской культуры. Важнейшим элементом всякого, и в особенности элитного образования в этих странах является воспитание в молодых людях высоких нравственных качеств. Этическое и эстетическое воспитание занимает важное место в школьных программах, образовательный процесс ориентируется на воспитание таких нравственных ценностей, как чувство долга, трудолюбие, самосовершенствование личности, уважение к другим людям, особенно к старшим, к культурным традициям. В рамках этой традиции поощряется воспитание предприимчивости, но оно выступает прежде всего как средство самореализации личности (богатство как таковое занимает в системе этих ценностей более низкое место). Мощным технологическим рывком в 60-е — 80-е годы Япония в немалой степени обязана вниманию проблемам образования, прежде всего, элитного (отметим тут роль Токийского университета). Повторим, что в тяжелейший для Японии период после поражения во второй мировой войне в ее системе образования много часов отводилось нравственному и эстетическому воспитанию. Не с этих ли уроков начиналось «японское чудо»?

Потребности информационного общества требуют гармонически развитого человека, развитого не только интеллектуально и физически, но и нравственно, это общество нуждается в людях, получивших широкое гуманитарное образование, в гуманитарной элите. Не случайно, и в США с их прагматической ориентацией в последние десятилетия в учебных планах школ, колледжей, университетов гуманитарные дисциплины занимают все более важные позиции.

Следует отметить, что эта — мировая — тенденция гуманитаризации образования проявляет себя и в России: направление развития ее системы высшего образования — сокращение технических вузов сопровождается увеличением гуманитарных специальностей, особенно юридических, экономических. Хуже обстоит дело с другими показателями российской образовательной системы. Сокращение ассигнований на образование сопровождается «утечкой мозгов», невысоким качеством массового (неэлитного) образования, застоєм в таком важном показателе развития образования, как число студентов на тысячу человек населения. В настоящее время в Соединенных Штатах свыше пятнадцати миллионов студентов обучаются в более чем 3700 вузах; если прибавить сюда разветвленную систему образования для взрослых, то более половины американцев охвачено разными формами образования<sup>1</sup>. В России же сейчас — 4,2 миллиона студентов. Посмотрим на данные об образовании в России и США в динамике. В 1950 г. СССР тратил на образование 10% национального дохода против 4% в США. В 1988 г мы видим уже обратную ситуацию: 7% в СССР и 12% в США. А уже в 1992 г. эта цифра опустилась ниже 4%. В середине 90-х годов на нужды науки тратилось в России — 0,52% от

---

<sup>1</sup> Statistical Abstract of The United States, Wash., 1999, p. 194, 209.

ВВП, тогда как в Израиле — 3,5%, в Японии — 3,05%, в США — 2,75%<sup>1</sup>. Эти драматические изменения в положении образования и науки в России нанесли удар не только по российскому массовому образованию, но и образованию элитному.

Известно, что ассигнования на образование — это вложение в будущее страны, а уменьшение этих ассигнований — мина замедленного действия под будущее той или иной страны. Возрождение России как великой страны возможно лишь в том случае, если образование станет одним из важнейших приоритетов в ее социальном развитии. Ибо она может возродиться не за счет продажи своего газа, нефти и других сырьевых ресурсов (что означает ограбление наших внуков и правнуков и прямую дорогу в страну «третьего мира»), а только развивая те традиции великой культуры, благодаря которым она внесла неопенимый вклад в развитие мировой цивилизации.

## **7. ЭЛИТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В США**

Теперь — коротко об особенностях элитного образования в Соединенных Штатах. Первые элитные школы стали возникать в английских колониях на восточном побережье Северной Америки, главным образом, в Новой Англии, в XVII веке. Естественно, в качестве образца рассматривались знаменитые английские элитные школы — Итон, Хэрроу, Винчестер. Возникают и первые университеты, такие, как Гарвард (основан в 1636 г. как колледж, реорганизован в университет в начале XIX века; это, безусловно, самый знаменитый из американских университетов, который подготовил бо-

---

<sup>1</sup> Карабущенко П. Л. Политическое образование для становления элит // Полис — 2000. — № 4. — 2000. — С. 178—179.

лее 2,5 тысяч признанных национальных лидеров). Возникают Йельский, Колумбийский, Принстонский и другие университеты. Образцом, моделью служили знаменитые английские университеты — Оксфорд, Кембридж. Все эти университеты, а также такие средние учебные заведения, как Сент-Марк, Сент-Поль, Гротон, Сент-Джордж, носили элитный характер: учащиеся и студенты были выходцами из аристократических семей американских колонистов Новой Англии, а затем и других районов восточного побережья Северной Америки. С обретением независимости США число учебных заведений быстро увеличивалось.

Американские *public schools* принципиально отличаются от школ с аналогичным названием в Англии, где, собственно, и возник этот термин, где он означает привилегированную полузакрытую школу интернатского типа, обычно с высокой платой за обучение. В США этот термин имеет иное значение, соответствующее его этимологии: *public* — общественный; под ним имеется в виду бесплатная школа, спонсируемая государством, штатом, местными органами власти. Такие школы зародились в Соединенных Штатах в первые десятилетия XIX века. Их организаторы вдохновлялись идеей общей школы, обслуживающей плюралистическое общество<sup>1</sup>.

Но в условиях глубокой классовой дифференциации общества, наличия классов и социальных групп с разными ценностными ориентациями а, главное, разными финансовыми возможностями, идея общей школы выглядела достаточно утопичной и сменилась концепциями, в большей мере отражающими реальную ситуацию в американской образовательной системе. Появился термин *parentocracy* (власть родителей), который оз-

---

<sup>1</sup> См.: *Equality and Inequality in Educational policy*. Ed. by Dawtrey L., Clivtland, 1995.

начает зависимость того, в какую школу поступит ребенок — в элитную или массовую — от социального положения родителей, от их финансовой состоятельности, а также влияния социальной позиции родителей на дальнейшую карьеру их отпрысков.

Основное деление американских школ проходит по основанию: государственная (точнее, спонсируемая государством, штатом, местными органами) и частными. У частных школ много преимуществ — они лучше оснащены в техническом отношении, у них меньшие по численности классы, а это значит, что преподаватели могут индивидуально подходить к каждому учащемуся, учитывать его психологические особенности (способности, скорость усвоения учебного материала, темперамент и т. д.); частные школы обладают более квалифицированным составом преподавателей (хотя бы потому, что в них выше зарплата учителям), лучшими библиотеками, там лучше условия для занятия спортом (бассейны, футбольные и баскетбольные площадки и т. д.).

Впрочем, деление школ по качеству на государственные и частные в значительной мере условно. Было бы неправильным считать, что все частные школы лучше государственных. Бывают и исключения. Некоторые «публик скулз» по качеству обучения превосходят многие государственные — прежде всего благодаря своему расположению в наиболее престижных районах (вообще местожительство в определенном районе оказывается ключевым понятием, дающим представление и о качестве жизни в целом, и о качестве образования. Община в престижном районе достаточно богата для того, чтобы поддерживать в порядке свою территорию и свои учебные заведения).

Специалисты по социологии образования отмечают, что частные школы не всегда дают лучшее образование; приводятся примеры, когда элитные частные школы

отбирают при поступлении тех учеников, которые с большей вероятностью будут преуспевать в учении, и отсекают других, менее способных; бывают случаи, когда элитные частные школы, конкурируя за лучших учеников, переманивают наиболее талантливых учеников из других школ, предлагая стипендии для таких учеников из малообеспеченных семей. Это объяснимо: школа заинтересована в способных и хорошо мотивированных учащихся, которые помогают поднять общий уровень обучения в школе. Но тем самым ослабляется потенциал массовой школы, ухудшается ее положение по сравнению с элитными частными школами.

Из частных школ только незначительное их количество является подлинно элитными. Это наиболее престижные дорогостоящие школы для выходцев из высших страт общества. Их называют также «подготовительными» школами (prep. schools), некоторые из них — именные школы (named schools), названные обычно по имени их основателя. Высокая плата и замаскированная дискриминация в практике приема позволяет не пропускать туда детей из менее престижных семей. Здесь преподают высококлассные педагоги, в старших классов порой — профессора, в классе всего несколько учеников, преподаватели их хорошо знают, подход к ученику — строго индивидуальный, учитываются его интересы, запросы; тут не только обеспечивается обучение по лучшим академическим программам, тут обучают хорошим манерам, в этих школах завязываются светские знакомства, полезные в дальнейшей жизни. Ученикам стараются дать всестороннее развитие, и интеллектуальное, и физическое (в школе есть роскошные бассейны, поля для гольфа, теннисные корты). Подавляющее большинство выпускников «подготовительных школ» поступают в элитные университеты. Именно эти «socially elite» (в нашей терминологии

элитарные) школы вызывают наибольший интерес социологов образования<sup>1</sup>.

К самым престижным элитным университетам относятся университеты «Лиги плюща» — Гарвард, Йель, Принстон, Колумбия, Пенн (Пенсильванский ун-т), Дартмут, Корнелль, Браун. Степень, полученная в них, производит впечатление на потенциального работодателя и обеспечивает допуск к «сильным мира сего». В целом те, кто окончил частные университеты, имеют более престижную и высокооплачиваемую работу, чем те, кто посещал государственные университеты.

Но это еще не все. Как писал еще Р. Миллс в своей известной книге «Властвующая элита», для искателя элитной позиции, для стремящегося быть «подлинным аристократом», недостаточно просто окончить Гарвард или Йель. Важно, какой Гарвард или Йель ты закончил. Под «настоящим» Гарвардом имеется в виду тот или иной аристократический клуб при этом университете — «Порселайн» или «Флай», под «настоящим» Йелсом — «Фэнс» и т. д. В элитных учебных заведениях складывается специфическая элитарная субкультура, поддерживаемая семейными связями, закрытыми школами, клубами.

\*\*\*

Как мы видели выше, элитное образование — часть общей системы образования, зависящая от него. Поэтому для элитного образования небезразлична позиция общества, государства по отношению к образованию в целом, общая политика государства в области образования в целом и элитного образования в частности.

Опыт развития мировой системы образования в последние десятилетия показывает, что в этой области должна проводиться гибкая система управления этим

---

<sup>1</sup> The International Encyclopedia of Education. V. 8, Pergamon, 1994, p. 4827.



процессом (часто не прямая, а косвенная — в виде влияния), где отсутствует жесткая централизация, где нужно добиваться баланса правительственных программ образования и региональных, местных программ. Особенно деликатным должно быть отношение государства к элитным учебным заведениям: учет их специфики, помощь им, в том числе финансовая, при их максимальной автономии.

В пользу этого говорят результаты международного исследования национальных систем контроля за поднятием уровня высшего образования в ряде развитых стран Запада, получившие отражение в книге «Меняющееся отношение между высшим образованием и государством»<sup>1</sup>. Национальные программы развития образования включают в себя контроль за академическим уровнем образования, за уровнем менеджмента в образовании, педагогический контроль, сфокусированный на искусстве обучения, профессиональный контроль — анализ выпускников вузов с точки зрения учета требований «потребителей», поощрение разнообразия форм и методов обучения. Общая задача политики в области образования должна быть нацелена на вклад ее в социальное и экономическое процветание общества.

Отметим в этой связи, что американское правительство, особенно в последнее десятилетие, держит проблемы образования в фокусе своего внимания. В 1991 г. Дж. Буш, выступая с речью об общей политике в области образования, подчеркнул, что родители должны быть свободны в выборе того, какого рода школы они предпочитают для своих детей. В инаугурационной речи 1993 г. У. Клинтон говорил как о важной национальной задаче, чтобы каждый американец имел возможность получить образование вплоть до высшего, что суще-

---

<sup>1</sup> Changing Relationships between Higher Education and the State. Ed. by Henkel M. and Little B., L., 1999.

ственно важно в условиях информационного общества. В инаугурационной речи 1997 г. он развил и конкретизировал это положение.

Вопросам образования уделили большое место в своих программах основные претенденты на президентский пост в 2000 г. Дж. Буш мл. поставил проблему образования на первое место. Помимо ассигнования 5 млрд. долл. на повышение грамотности, он предложил увеличить выделение грантов на высшее образование еще на 8 млрд. долл., выступил за систему финансовых поощрений и штрафов штатов в зависимости от успехов местных школьников на общенациональных единых выпускных экзаменах (тестах). А в программе А. Гора также стоял пункт об увеличении числа учителей и снижении численности классов в муниципальных школах. В инаугурационной речи в январе 2001 г. Буш важное место уделил именно образовательным программам.

Следует отметить, что в Конгрессе США постоянно и систематически обсуждаются проблемы образования в стране, в том числе элитного образования. Приведем несколько примеров. На слушаниях в Сенатском комитете по вопросам здравоохранения, образования, трудовых отношений и пенсий 10 июня 1999 г. сенатор Ч. Крэсли (от штата Айова) внес законопроект об увеличении поддержки одаренных учащихся и студентов. (Заметим в скобках, что подобный законопроект неплохо было бы выдвинуть в Государственной Думе). Причем он справедливо отметил, что оказание такой помощи талантам отнюдь не является элитаризмом. Это, напротив, нечто противоположное элитаризму. Задача видится в том, чтобы все учащиеся, студенты, могли получать образование, соответствующее их талантам, независимо от их имущественного положения. В законопроекте мы читаем: «Сенат предоставляет гранты одаренным и талантливым... которые смогут использовать

эти средства на обучение по специальным программам, включая дистанционное обучение (что особенно важно для сельских районов)... Талант — это проблема для общества. Одаренные и талантливые ученики и студенты обладают огромным потенциалом стать либо лидерами, либо бременем для общества, поскольку могут использовать свой талант для деструктивных целей». На заседании этого же комитета 7 июля 1999г. сенатор Э. Кеннеди отметил: «Образование является нашим национальным приоритетом». На заседании этого же комитета 14 сентября 1999 г общественный деятель Б. Коэн сказал: «Соревнование (за мировое лидерство) перешло с полей сражений в классные комнаты... школы нуждаются в модернизации... эти деньги можно взять из ассигнований Пентагону»<sup>1</sup>.

## **8. НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ**

В заключение, опираясь на опыт мирового элитного образования и, прежде всего, исходя из потребностей социально-экономического и политического развития России, попытаемся поставить вопрос о том, какова должна быть государственная политика России в области элитного образования. Прежде всего, необходим курс на постоянное увеличение инвестиций в область народного образования в целом, это — магистральный путь возрождения России с ее великими культурными, научными традициями. Необходимо также усиление поддержки государством элитных научных и учебных заведений, являющихся флагманами и маяками развития науки и системы образования. Нужна «точечная» поддержка талантливой и способной молодежи, кото-

---

<sup>1</sup> Hearing of the Committee on Health, Education, Labor and Pensions US Senate. June 10, 1999, Wash., 1999, p. 1—3; Ibid., July, 7, 1999, Wash. 1999, p. 10; Ibid., Sept. 14, 1999, Wash., 1999, p. 4—5.

рая бы включала в себя поиск и отбор одаренных детей, талантливых юношей и девушек, главным образом уже опробованном нами путем проведения конкурсов — региональных и общероссийских, олимпиад, присуждение грантов их победителям и призерам, чтобы они могли подготовиться для поступления в элитные вузы страны (особенно это касается помощи одаренным детям, талантливой молодежи, живущей в провинции, в городах и селах, далеких от культурных центров). Это должно быть важным элементом государственной политики в области образования.

Завершая тему, сравним образовательные системы России и США, прежде всего, с точки зрения развития в них элитного образования. Мы видели глубокие различия этих систем, связанные с различием исторических традиций, менталитета, экономической и политической структуры этих стран, наконец, мобилизационным или инновационным типами развития.

Несомненно, что в наибольшей степени эти образовательные системы различались в период, когда в нашей стране была установлена советская власть. Американская система образования всегда строилась по типу плюралистического развития, в котором конкурировали разные образовательные модели, где важную роль, наряду с государственными образовательными программами играли программы, разработанные общественными организациями, причем федеральные носили скорее советательный, чем директивный характер (что естественно при существовании частных образовательных институтов), где большое влияние на образование оказывали штатные и местные органы. Иначе говоря, это система с высокой степенью децентрализации.

Противоположную модель образовательной системы представляла собой советская система образования — это был государственный диктат, унификация, идео-

логизация учебного процесса, господствовал эгалитаристский подход к организации системы образования.

В постсоветский период образовательная система России быстро движется в направлении ее деидеологизации, перестал существовать тотальный государственный контроль, идет процесс диверсификации образовательных программ и образовательных институтов, большего учета групповых и индивидуальных запросов населения. Иначе говоря, это явное движение к плюралистической модели образования. Таким образом, мы можем констатировать определенную конвергенцию образовательных систем России и США в рамках парадигмы плюралистической образовательной системы.

И, в сущности, это только частный случай подобных конвергентных тенденций. Выше мы видели движение России от этатизма, от политического монизма к плюрализму политической системы, что, несомненно, сближает ее с политической системой Соединенных Штатов. Мы также видели выше движение российских моделей рекрутирования элиты — от номенклатурной к плюралистической, к разноканальности рекрутирования элит, одним словом, к более открытой системе рекрутирования элит, что также сближает ее с системой рекрутирования американских элит. Итак, мы можем констатировать общее движение социально-политических структур обеих стран к плюралистическим моделям, причем моделям открытым, в большей мере отражающим демократические процессы в современном мире, в том числе феномен возрастания роли индивидуума как субъекта социального процесса, в чем отражается гуманизация и демократизация мирового социально-политического развития.

## ЛИТЕРАТУРА:

*Ашин Г. К., Бережнова Л. Н., Карабущенко П. Л., Резаков Р. Г.* Теоретические основы элитологии образования.— М., 1998.

*Дюркгейм Э.* Социология образования.— М., 1996.

*Карабущенко П. Л.* Политическое образование для становления элит //Полис.— 2000 — № 4.— С.178—179.

*Косолапов С. М.* Социология образования.— М., 1993.

*Платон.* Государство, книга третья, Собр. соч.— М., 1994.— С.170-186.

## ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

### **Тема 12. Сознание и ментальность, их влияние на политику и общественную жизнь**

В завершающем разделе нам не обойтись хотя бы без краткого рассмотрения типов сознания, их влияния на характер образа жизни россиян и американцев. В самом деле, насколько индивидуальное и коллективное сознание способны влиять на выбор общественных идеалов и какую роль им отводят политики в России и Америке? Насколько природа и специфика национального характера и ментальности сказываются на векторе развития общества? Как национальный характер взаимодействует с общественным сознанием? Какие существуют механизмы влияния национального характера и общественного сознания на общественно-политические отношения, систему власти, особенности политических институтов общества?

От ответов на эти вопросы можно будет понять, как сознание можно превратить в фактор активной политики для благополучия человека, реализации его прав и свобод.

## **1. КАКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ У РОССИЯН И АМЕРИКАНЦЕВ: ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ СОЗНАНИЯ**

Всем культурам свойственен в той или иной мере нарциссизм, который формирует потенциально конфликтные отношения «Мы» в противоположность «Они». Нарциссизм есть и в российской и американской культурах. Американцы неустанно повторяют: их страна — God's country, — страна от Бога. Россияне только-только стали отходить от лозунга «Мы впереди планеты всей». Американцы буквально охвачены сакральной миссией спасти мир от тирании и зла. Мы тоже долгое время пытались утвердить наше видение социальной справедливости, всеобщего равенства на всей планете.

Следует принять во внимание и сложность, несовершенство человеческой природы. Нельзя ни абсолютизировать рационально-социальную сущность человека, ни игнорировать глубинные бессознательные корни, не надо ни идеализировать особенности национального характера, национальной ментальности, ни тем более их умалчивать. Человеческая деструктивность, иррациональные страсти — влечение к власти над другими людьми, тяга к разрушению жизни, зависть, месть (которые могут быть осознанными, но в большинстве случаев они несознанны) — стали темой специального исследования известного социолога и психолога Э. Фромма.

Ученый, в частности, указывает на характерные примеры деструктивности в современном мире — лозунги «Порядок и закон» (вместо «Жизнь и система»), призывы к применению более строгих мер наказания за преступления, равно как и одержимость некоторых «революционеров» жадой власти и разрушения<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М.: ООО, «Издательство АСТ-ЛПД», 1998.



Деструктивность есть в любом обществе. Утопично даже мечтать об обществе, в котором живут исключительно рационально мыслящие индивиды, совершающие только целерациональные действия. Тем не менее вполне реально существование общества с такой степенью толерантности, которое позволяет подавляющему большинству людей быть самими собой, не подавлять свою природу, любить жизнь.

Предлагасмый нами методологический подход осмысления толерантности, исходит из того, что указанный феномен обладает *двойной фактичностью*. С одной стороны, есть экономические, социально-политические реалии, которые в зависимости от своего характера, несомненно, влияют на степень толерантности общества. Есть институты, функциональность, нефункциональность или дисфункциональность которых также влияет на степень толерантности общественного сознания и поведения людей. Институты через производство и распределение ценностей, как правило, утверждают, упорядочивают и поддерживают структурированное ролевое поведение индивидов, делая его предсказуемым. Анализ роли институтов в сохранении и поддержании общепринятых образцов поведения, создающих определенный потенциал общественной толерантности, предполагает использование прежде всего структурно-функционалистского подхода, который получил теоретическое обоснование в работах Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Р. Мертон. Последний, в частности, разработал функционалистскую теорию аномии, позволяющую исследовать типичные отклонения от ценностей и норм общества, которые при определенных масштабах приводят к понижению толерантности сознания значительного числа людей, вызывая болезнь общества<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Мертон Р. Социальная структура и аномия.— Социс.— 1992.— № 2—5.

С другой стороны, есть «жизненные миры» конкретных социальных групп и индивидов, которые предстают в виде субъективных значений, коллективных представлений, смысловых систем, знаний, которые определяют толерантность мышления и поведения людей. Знания людей утверждают и поддерживают структурированное видение мира, конструируют определенные социальные отношения с определенной степенью толерантности. Для их осмысления потребуются феноменологический инструментарий, получивший обоснование в работах А. Шютца, П. Бергера, Т. Лукмана.

Наконец, еще один важный фактор. Это — микросоциальные практики, включающие в себя коллективное бессознательное, особенности национального характера, ментальность людей. Важно учесть способность этих практик взаимодействовать с институциональными структурами на макроуровне. Если микросоциальные практики, используя терминологию П. Штомпки, входят в интерфейс с макроструктурами общества, то общество обретает высокую степень толерантности общественного сознания и устойчивое социальное равновесие<sup>1</sup>. А если, как, например, в России, микросоциальные практики, будучи в основе патерналистского толка, не могут быстро адаптироваться к нововведенным, уникальным для россиян демократическим и рыночным институтам, требующим самоидентификаций индивидов, радикально отличных от прежнего традиционного общества, то возникает расколотость сознания и поведения людей. 70—80% населения — за рыночные отношения, но из-за отсутствия интернализации демократических и рыночных норм, лишь для минимального процента россиян новые институты действи-

---

<sup>1</sup> Штомпка П. Социология социальных изменений. — М.: Аспект Пресс, 1996.

тельно функциональны, что, разумеется, сказывается на потенциале движения страны к обществу с высокой степенью толерантности общественного сознания. Для интерпретации проблем софункционирования институтов и индивидов в современном плюралистическом обществе (или страны, движущейся в направлении к такому обществу) весьма эффективно использовать положения интегральной теории Э. Гидденса<sup>1</sup>, а также некоторые методологические подходы Дж. Александера, содержащиеся в его новой книге «Неофункционализм и после него»<sup>2</sup>.

Итак, что мы имеем в плане объективных реалий американского общества, их влияния на толерантность общественного сознания. Наблюдателю со стороны может показаться, что ситуация отнюдь не лучше, а в ряде случаев еще сложнее российской. Подчеркнем, речь идет об объективных реалиях. Вот некоторые данные.

- увеличивается социальная поляризация населения, включая неравенство доходов, неравный доступ к отдыху, особенно качественному отдыху. За последние 30 лет более чем вдвое уменьшилось число тех американцев, которые могут приобрести дом в частное пользование;
- в сравнении с белым населением для большинства черных условия жизни ухудшились, они оказались внизу социальной структуры;
- усложняется демографическая ситуация, выразившаяся, в частности, в росте разводов до 4,3 на 1000 населения в год, сокращении брачности<sup>3</sup>;

---

<sup>1</sup> Giddens A. The Consequences of Modernity.— Stanford University Press, 1990; Modernity and Self-Identity.— Stanford University Press, 1991.

<sup>2</sup> Alexander J. C. Neofunctionalism and After. Blackwell Publishers, 1998.

<sup>3</sup> Statistical Abstract of the United States. 119 ed.. Washington, 1999, p. 75.

Имеет место давление иммигрантов на сложившиеся социокультурные реалии. По данным 1997 года 798400 человек, примерно треть из них из Азии, самый большой пласт — из Латинской Америки, из России 16,6 тысяч, из Украины 15,7<sup>1</sup>. Все эти люди прибывают в США, разумеется, со своими микросоциальными практиками, своими габитусами, которые отнюдь не приспособлены для вхождения в интерфейс с институтами плюралистического американского общества.

Весьма сложная проблема, которую отмечают сами американские социологи, в частности, Дж. Холл и С. Линдхолм в книге «Америка раскалывается?»<sup>2</sup>, Т. Форд в книге «Становление многокультурности»<sup>3</sup> и др., состоит в том, что американский идеал «Melting Pot» — переплавки различных культур в единую американскую культуру — не выдержал испытание временем. Реально Америка стала поликультурной страной. Как считают О. Ньюман и Р. Зойза в книге «Американская мечта в информационную эру», ныне в стране существуют пять антагонистических, расовых культур. Это культуры белых, черных, испанцев, азиатов и американских индейцев. Социологи добавляют при этом: «Процесс многокультурности, мы полагаем, пошел по неудачному пути... Он больше разделяет, чем объединяет... Исторический идеал одной нации, включающий свободных индивидов, которые могут делать свои собственные выборы оказался опрокинутым»<sup>4</sup>. К этому следует добавить опасения этих и других социологов относительно процесса, который они называют «бразили-

---

<sup>1</sup> Statistical Abstract of the United States. 119 ed., Washington, 1999, p. 11.

<sup>2</sup> Hall J.A., Lindholm C. Is America Breaking Apart? Prenceton University Press, 1999.

<sup>3</sup> Ford T. Becoming Multicultural: Personal and Social Construction through Critical Teaching. N-Y: Falmer Press, 1999.

<sup>4</sup> Newman O., Zoysa R. The American Dream in the Information Age. N-Y: St. Martin's Press, 1999, p. 47, 49.

зацией» американского общества. А еще к этому следует приплюсовать фактор множества религиозных конфессий с чрезвычайно дифференцированными верованиями.

Особое влияние на жизнь американцев оказывает «макдонализация», под которой профессор Г. Ритцер, один из руководителей Американской социологической ассоциации, понимает «процесс, посредством которого принципы ресторана быстрого обслуживания начинают доминировать все больше и больше в других секторах американского общества», включая образование, сферу занятости, здравоохранения, туризма, политики, семейные и другие отношения<sup>1</sup>. В качестве отрицательной стороны этого широкомасштабного процесса социолог отмечает «иррациональность рациональности», выражающейся в иррациональных последствиях для различных аспектов жизни американского народа, в частности, в увеличении латентных рисков для собственно человеческого смысла жизни<sup>2</sup>.

Казалось бы, эти и другие объективные реалии, согласно постулатам структурного функционализма и марксистской парадигмы, должны были бы воспроизводить исключительно конфликтное сознание, порождающее мощные протестные движения. Однако этого в действительности не происходит. Американское общество в целом остается весьма толерантным. В чем же тут дело?

Очевидно, субъективная социальная реальность имеет относительную самостоятельность от реальности объективной. Нет прямолинейной зависимости сознания от бытия. Коллективные представления и смысловые системы американского общества, однажды возникнув, содержат в себе значительные потенции вос-

---

<sup>1</sup> Ritzer G. The McDonaldization of Society. Pine Forge Press, 1996, p. 1.

производства и поддержания толерантного сознания. Они оказались способны интегрировать *различные жизненные миры* разных социальных групп — не за счет уничтожения «неправильных, чуждых», а добившись их сосуществования.

Такое стало возможным, представляется, за счет того, что в обществе, действительно исповедующем идеалы открытого рынка, коллективные представления и смысловые системы не могли не развиваться в направлении согласия относительно универсальных норм и универсальных функций, направленных на инструментально рациональные цели, что ныне позволяет сосуществовать и софункционировать людям с различными жизненными ориентациями.

Среди этих универсальных норм и функции, обеспечивающие в конечном счете доминирование толерантного сознания, представляется, на первом месте находится *презумпция доверия человеку*. Этический кодекс любого университета или фирмы начинается с положения о приверженности «высшим стандартам ценностей». Это не пустые слова. Демократический контроль средств массовой информации за всем, что публично говорится и исповедуется, помогает предотвращать ложь и лицемерие, как в бизнесе, так и в политике. Американцы больше всего боятся потерять кредит доверия. Исключения лишь подтверждают то общее правило, что посредством социализации и прямого внушения идей честности обеспечивается то, что большинство американцев действует сообразно господствующей норме доверия человеку.

Среди других универсальных норм — признание *естественности культурного, расового, религиозного, этнического плюрализма вплоть до плюрализма сексуальной ориентации*.

Подлинно универсальной формулой жизненного стиля является искренняя вера американцев в *восходя-*

щую социальную мобильность. Поэтому, какие бы тяжелые объективные условия не сложились, вплоть до обретения статуса безработного, американцы источник беды, как правило, усматривают не в ухудшающихся реалиях, не в несовершенстве экономических и социальных структур, а в недостаточной своей социальной активности и обычно проявляют реальную социальную мобильность, как в плане физического перемены места жительства, так и особенно в плане образования. По данным на 1995 г., системой взрослого образования были охвачено 189.543.000 американцев при населении чуть больше 270 млн., а в сфере высшего образования задействовано более 15 млн. учащихся, которые учатся в более чем 3700 высших учебных заведениях<sup>1</sup>. Образование создает предпосылки для восходящей социальной мобильности. При этом вера в нее вместе с тем основывается на рациональных ограничениях типа того, что есть сферы не для меня, что проявляется и в малом и в большом. Например, пожарная служба — та сфера деятельности, которая традиционно закреплена за ирландцами. Есть районы, в которых живут богатые, независимо от расовой или этнической принадлежности. Но есть районы проживания практически только белых богатых (респектабельные кварталы г. Бостона).

Особая роль в поддержании толерантной субъективной реальности принадлежит системам смысла, относящимся к *корпоративной практике и этике*. Так, высоко ценится участие студентов в командных видах спорта, что осуществляется в целях поддержания престижа «университетского духа». Фотографии спортивных команд, начиная с 30-х годов, висят на видных местах. Это имеет и сугубо прагматический смысл — выпускники университетов направляют зачастую весь-

---

<sup>1</sup> Statistical Abstract of the United States. 119 ed., Washington, 1999, p. 209, 94—195.

ма большие пожертвования, как на университет в целом, так и целевым назначением на развитие тех видов спорта, которыми они занимались. Широко распространена практика командно-групповой подготовки студентов к практическим занятиям. Во всех библиотеках элитных университетов есть специально отведенные места для таких занятий — дискуссий, деловых игр, которые, кстати, как правило, проводятся под патронажем преподавателей, осуществляющих реальную консультативную работу во внеаудиторное время. Такие занятия, с одной стороны, позволяют проявить индивидуальные способности каждого, а с другой — формируют на микроуровне объединяющие коллективные цели, практики, которые предполагают и развитие индивидуального ценностно-ориентированного образа деятельности через соревнование, и солидарные действия, и совместную ответственность, что, конечно же, прямо работает на формирование толерантного сознания, столь необходимого для будущей профессиональной деятельности. Только посредством толерантности индивиды могут ее успешно выполнять в контексте культурного и ценностного плюрализма. Кстати, Дж. Александер в упоминавшейся книге «Неофункционализм и после него» прямо замечает, что соревнование, предполагающее рациональный выбор (это делает его принципиально отличным от соревнования советского типа) способствует социальному равновесию, которое может быть достигнуто несмотря на неравенство власти<sup>1</sup>.

В последние годы в США были проведены исследования, в которых прямо ставилась задача изучения солидарности и толерантности в контексте *ряда независимых переменных*. К весьма любопытным результатам

---

<sup>1</sup> Alexander J. C. Neofunctionalism and After. Blackwell Publishers, 1998, p. 221.



пришли профессора Дж. Холл и С. Линдхолм в книге «Америка раскалывается?». Отметим некоторые из них, на наш взгляд, наиболее интересные.

Во-первых, солидарность наиболее сильно проявляется у американцев в возрасте между 30 и 49 годами и резко снижается, как у более молодых людей, так и у людей старше 50 лет.

Во-вторых, выявлена прямая зависимость между образованием и солидарностью: чем выше образование, тем больше солидарность.

В-третьих, не подтвердилась гипотеза о том, что в социальной группе, подвергающейся дискриминации, солидарность увеличивается по мере нарастания того или иного дискриминационного давления.

Еще один любопытный вывод: по результатам социологических исследований, американцы, на вопрос: как Вы лично относитесь к лицам другой расы, религии, этничности, сексуальной ориентации — выявили более высокую степень толерантности, чем при ответе на вопрос: как, согласно Вашим предположениям, к этим же лицам относятся Ваши коллеги и друзья — полагая, что последние менее толерантны, чем они сами<sup>1</sup>. То есть опрошенные выявили высокую степень собственной толерантности при сомнении в таковой со стороны представителей их социальной группы. Эти данные свидетельствуют, что американцы испытывают личную озабоченность относительно этой характеристики своего общества.

Есть ли возможность целенаправленно влиять на характер толерантного сознания общества? Предпринимаются ли конкретные действия в этом направлении? Американский опыт свидетельствует, что да.

Выше было сказано, что одним из значимых факто-

---

<sup>1</sup> Hall J. A., Lindholm C. Is America Breaking Apart? Prenceton University Press, 1999, p. 117—118.

ров солидарности и толерантности является образование. Приведем конкретные данные по высшему образованию. Белых студентов во всех высших учебных заведениях обучается 12 442 000, а белых жителей Америки 223 001 000 (1998 г.). То есть 5,57% белого населения учатся в вузах. Афроамериканцев в США — 34 431 000, а афроамериканских студентов — 1 903 000, что составляет 5,52% черного населения<sup>1</sup>. Разница, как видно, составляет всего 0,05% в пользу белого населения. Это результат целенаправленной политики дискриминации наоборот. Представители самых элитных вузов и не скрывают, что они создают необыкновенные привилегии для социальных групп, прежде подвергавшихся дискриминации. Американские индейцы принимаются в университеты практически по формальным показателям, и все они учатся бесплатно. Негры и испаноговорящие также имеют неопрдинарные преимущества, многие из них проходят по квоте спортсмены, которая составляет по неофициальным данным 20—25%. Влияет ли эта политика на качество образования? Да, влияет, и американские профессора университетов прямо говорят, что ряд выпускников плохо подготовлены к деятельности по профессии. Однако подобная политика, несомненно, способствует формированию субъективной реальности с высокой степенью толерантности общественного сознания. На это же работает практика школьных автобусов, предполагающая перевозку афроамериканских детей для обучения в школах, расположенных в районах проживания белого населения. Аналогично белые дети перевозятся для совместного обучения с афроамериканскими детьми. Можно привести и другие факты подобного толка. И за все это, разумеется, надо платить. Так что целенаправленное поддержание толерантности американцам стоит дорого.

---

<sup>1</sup> Statistical Abstract of the United States. 119 ed., Washington, 1999, p. 194.

В заключение сделаем некоторые выводы, которые сформулируем в виде гипотез, имея в виду, что они не претендуют на завершённые соображения.

Во-первых, не просматривается рельефно выраженная тенденция, согласно которой конкретной культуре или культурам свойственна высокая степень толерантного сознания, а другим нет. Поэтому прямое заимствование тех или иных конкретных ценностей из американского общества не может способствовать утверждению толерантности в российской ментальности.

Во-вторых, при всем том, что на формирование и поддержание толерантности влияют несколько независимых переменных, доминирующим объективным фактором, по нашему мнению, является способность общества предоставлять своим членам *функциональные альтернативы*, то есть предоставлять выбор из целого ряда совокупностей социальных возможностей, включая функциональные альтернативы в сфере труда, стиля жизни, отдыха, организации семейной жизни. Есть функциональные альтернативы и в плане религиозной принадлежности. Причем, принадлежность индивида к конкретной церкви важна для него не только в плане собственно веры, но и в плане обретения функциональных альтернатив общения и особенно альтернатив, связанных с карьерным ростом.

В-третьих, в разных социокультурных системах функциональные альтернативы могут быть весьма различны для мужского и женского населения. Этот вывод, на наш взгляд, позволяет объяснить тот факт, почему из российских иммигрантов в США женщины лучше адаптируются, успешнее делают карьеру в сравнении с мужчинами. Существующая практика дискриминации наоборот предоставляет женщинам изначально несколько больше функциональных альтернатив. Кроме

того, у них, как правило, более толерантный габитус, они готовы понижать планку требований при устройстве на работу, более предрасположены к командной работе без завышенных претензий на лидерство, что еще увеличивает количество потенциальных функциональных альтернатив.

Среди российских иммигрантов мужчин, конечно, есть, по выражению П. Бергера, «виртуозы плюрализма», которые добиваются успеха. Но таких мало. Кроме того, отсутствие высоких стандартов честности, стремление получить блага как можно быстрее и любой ценой весьма часто приводит либо к краху их начинаний, либо к ограничению деятельности среди русскоязычного населения. Отсюда распространение турфирм исключительно для российских иммигрантов, страховых агентств с декларированием более выгодных условий по сравнению с американскими стандартами, но при этом увеличивается риск получения страховки вообще. Распространены курсы английского языка для русскоговорящих, на которых-де используются «новейшие методики» и задействованы «квалифицированные преподаватели» из лучших университетов, но на самом деле занятия там зачастую ведут случайные люди. Такой бизнес по ряду причин, разумеется, имеет ограниченную функциональность. Во многих же случаях мужчины вовсе не могут как-либо адаптироваться. Мешает габитус со значительными компонентами партикулярной функциональности, жестких жизненных ориентаций, унаследованных от традиционного общества, габитус не ориентированный на социальную мобильность и универсальную функциональность. Начинается зависть к успехам собственной жены, зачастую следует развод.

В-четвертых, функциональные альтернативы являются необходимым, но недостаточным условием ут-

верждения высокой степени толерантности. Для того, чтобы толерантность стала характерной чертой ментальности населения, нужна адекватная субъективная реальность из коллективных представлений и смысловых систем. И в американском обществе они есть. В частности, это проявляется в обращении по имени между богатыми и бедными, практически на «ты». Это и хорошо структурированная система смысла, суть которой состоит в том, что политически корректно быть богатым и властным, но не проявлять при этом претензий, что ты «лучше», что ты «иной» по отношению к другим людям. Крайне редко можно услышать восторги по поводу собственной персоны, эмоционально-преувеличенные восхищения своими детьми. В отличие от россиян, американцы, как правило, не дают волю самолюбанию успехами в науке или бизнесе. Микросоциальные практики американцев содержат огромный потенциал требований не только равных возможностей, но и равного общественного признания при неприятии снобизма и высокомерия. Повсеместно распространены речевые обороты доброжелательных приветствий, лично-интимных пожеланий воспользоваться возможностями и прелестями жизни (типа «Enjoy yourself», «Have some fun»). Они произносятся практически механически, неосознанно, но являются важной составляющей арки толерантности. В конечном счете, подобные смысловые системы создают коллективный толерантный габитус.

Таким образом, высокая степень толерантности общественного сознания становится возможной, когда объективные функциональные альтернативы входят во взаимодействие с субъективной социальной реальностью, содержащей смысловые системы, предрасполагающие индивидов к высокой социальной мобильности с акцентом на солидарное, партнерское взаимодействие.

## **2. СОЦИАЛЬНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕРЫ: ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВЕКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫБОРА?**

Под понятием социальный характер Э. Фромм подразумевает *то общее для большинства представителей одной и той же культуры, что образует относительно стабильную систему неинстинктивных стремлений, ориентаций, установок, которая функционирует так, как того требуют общественные структуры в данный исторический момент.*

Напомним, что концепция социального характера Фромма опирается на фрейдовскую характерологию в следующих пунктах: черты характера конституируют силы, которые личность может не осознавать; признается, что сущность характера строится не на единичном его свойстве, а является целостной структурой, из которой вытекает некое множество единичных свойств. Однако Фромм отверг представление, будто сексуальное влечение является источником энергии характера и полагал, что его основу составляют процессы взаимоотношения людей друг с другом и их отношением к вещам. Характер — это продукт межличностного общения, он также детерминирован социоэкономической структурой общества.

Назначение социального характера состоит в организации энергии членов общества таким образом, чтобы их поведение определялось не сознательным решением следовать социально заданному образцу, а *желанием поступить так, как они должны, испытывая при этом удовлетворение от действий, соответствующих требованиям культуры.* Формируя и направляя человеческую энергию, социальный характер обеспечивает непрерывную деятельность конкретного общества. Так, например, социальный характер современного общества направляет энергию людей на весьма организован-

ный труд, который предполагает дисциплинированность, пунктуальность и т. д. Если бы каждый человек, занятый трудовой деятельностью, ежедневно *сознательно принимал решения*, что он хочет работать, исполнять все предписанные при этом требования, то подобное *сознательное* обдумывание деятельности привело бы к значительному числу исключений, чем это допустимо для функционирования предприятия и общества в целом. Для большинства представителей современной культуры необходимость быть на уровне требований высоко организованного труда превращена во *внутреннее, неосознанное стремление* к такому поведению.

Социальный характер как ядро индивидуальных характеров множества индивидов формируется в процессе приобщения индивидов к материальным и духовным ценностям. На него оказывают влияние особенности производственной деятельности, религиозные и политические идеи. Через социальный характер новому поколению от предыдущего передаются разум и любовь, равно как враждебность и беспокойство. Пока объективные условия образа жизни и жизненная практика остаются относительно неизменными, социальный характер играет главным образом стабилизирующую роль в обществе. Однако, как подчеркивает Фромм, если изменяются внешние экономические или политические условия, если они перестают соответствовать традиционному социальному характеру, то он превращается в дезинтегрирующий общество элемент.

Говоря о современном американском обществе, Фромм отмечает, что на его социальный характер особое влияние оказывает рынок как основа структуры человеческих отношений. Рынок внес такие положительные ориентации в социальный характер, как практичность, бережливость, старательность, сдержанность, осмотрительность, упорство, хладнокровие, привер-

женность порядку и др. Вместе с тем, с точки зрения социолога, рыночные отношения внесли и значительный негатив в социальный характер, что выражается прежде всего в закреплении установок и норм латентной несвободы индивида. Современный рынок не предполагает наличие *внешней силы*, заставляющей людей заключать те или иные контракты. Однако большинство людей вынуждено соглашаться на условия рынка, иначе они не могут существовать. Поэтому свобода индивида в значительной степени ограничена. В целом социолог отмечает следующие отрицательные стороны социального характера, имея в виду его «идеальный тип»: отсутствие воображения, скупость, подозрительность, холодность, обеспокоенность, упрямство, лень, одержимость, собственничество.

Особо Фромм рассматривает установку в социальном характере на *эксплуатацию, на использование человека человеком*. Базисное понятие «использование» выражает то «фундаментальное обстоятельство, что один человек служит другому не ради собственных целей, а ради целей работодателя... человек, живое человеческое существо, перестает быть целью сам по себе и становится средством для обеспечения экономической выгоды другого или своей собственной, или безликого гиганта — экономического механизма». Из этой установки вытекает ориентация на то, что вещи ценятся выше человека. В этой связи Фромм полемизирует с Марксом: «Противоречие между капиталом и трудом — нечто гораздо большее, чем противоречие между двумя классами, чем их борьба за большую долю в общественном продукте. Это конфликт двух ценностных принципов: *между миром вещей и их накоплением, с одной стороны, и миром жизни и ее продуктивностью — с другой*»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Э. Фромм. Здоровое общество. — В кн.: Психоанализ и культура. — М: Юристъ, 1995. — С. 351—352.



Противоборство этих ценностных ориентаций привело, как считает Фромм, к весьма существенным переменам в западном, особенно американском обществе, что сказалось и на его социальном характере и, соответственно, на социальном поведении индивидов. Практически исчезла экономическая эксплуатация масс. С ликвидацией экономических тягот коренным образом изменилось человеческое и политическое положение трудящихся, которые становятся социальными партнерами администраторов и представителей власти. Произошла сексуальная революция, в ходе которой рухнула прежде существовавшая система запретов и вытеснения сексуальных влечений, что раскрепостило социальную энергию индивидов, предоставило дополнительные возможности для личной и общественной жизни.

Вместе с тем, несмотря на материальное процветание, политическую и сексуальную свободу, у многих индивидов появились невиданные ранее проблемы. Социальный характер американского общества обрел следующие качества: «Вместо соперничества мы находим усиливающуюся тенденцию к совместной работе; вместо стремления к непрерывному росту прибыли — желание иметь постоянный и надежный доход; вместо эксплуатации — тенденцию поделить богатством с другими и манипулировать ими и самим собой; вместо рациональной или иррациональной, но *явной* власти мы обнаруживаем власть *анонимную* — власть общественного мнения и рынка; вместо собственной совести — потребность приспособливаться и получать одобрение со стороны; вместо чувства собственного достоинства и чувства хозяина — постоянно усиливающееся, хотя большей частью неосознаваемое, чувство бессилия»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Э. Фромм. Здоровое общество. — В кн.: Психоанализ и культура. — М.: Юрист, 1995. — С. 351—352.

Главная тенденция изменений в социальном характере — это, по мнению Фромма, *отчуждение*, которое может приобретать весьма специфические формы. Под отчуждением социолог понимает такой способ восприятия мира, при котором человек становится как бы отстраненным от самого себя. Он не ощущает себя двигателем своих собственных действий: хотя индивид питает иллюзию, будто делает то, что он хочет, в действительности им движут иррациональные силы, отделенные от его сознательного «Я».

Отчужденный человек, находящийся во власти иррациональных сил, создает себе идолов в виде власти, денег, вещей и т. д., почитая которые он надеется вновь обрести свои силы. Но на самом деле он утрачивает самость, ибо созданные им идолы возвышаются и главенствуют над ним. Фромм, в частности, отмечал: «Человек, движимый главным образом жаждой власти, уже не воспринимает себя во всем богатстве и во всей безграничности человеческого существования; он становится рабом своего частичного, проецируемого на внешние цели стремления, которым он «одержим». Человек, предающийся исключительно страсти к деньгам, охвачен этим своим стремлением; деньги — идол, которому он поклоняется».

Отчуждение в сфере потребления означает, что акт потребления перестает быть конкретным человеческим актом, в котором участвуют физические потребности и эстетический вкус. Акт потребления должен быть значимым, творческим человеческим переживанием. В социальном характере американского общества это присутствует в малой степени. Потребление превращается в удовлетворение искусственно подогреваемой игры воображения. Люди, замечает Фромм, «пьют» ярлыки, рекламное изображение напитков; аналогично потребляют «здоровое» мыло или «здоровую» зубную пасту.

Помыслы и действия отчужденного человека на-

правлены на то, чтобы выгодно продать себя на рынке. «Его самооценка зависит от того, насколько он преуспевает: может ли он удачно продать себя, может ли он получить за себя больше того, с чего он начинал, удачлив ли он. Его тело, ум и душа составляют его капитал, а его жизненная задача — выгодно поместить этот капитал, извлечь выгоду из самого себя. Человеческие качества, такие, как дружелюбие, обходительность, доброта, превращаются в товары, в ценные атрибуты «личностного набора», способствующие получению более высокой цены на рынке личностей. Если человеку не удастся выгодно «инвестировать» себя, он испытывает такое чувство, словно *он* — сама неудача; если он в этом преуспевает, то *он* — сам успех»<sup>1</sup>.

В социальный характер ныне вошло истолкование *всей* жизни как коммерческого предприятия. По мнению Фромма, эта черта ныне становится дополнительной причиной самоубийств, на которую не обратил внимание Э. Дюркгейм. Отчужденный человек с «балансовым» подходом оценивает свою жизнь, по существу, проводя аналогии с коммерческим предприятием, деятельность которого может закончиться крахом. Причиной многих случаев самоубийств в Америке является, как считает социолог, осознание того, что «жизнь не удалась», что не получилось выгодно «инвестировать» себя, и теперь жизнь «не стоит того, чтобы жить дальше». Человек совершает самоубийство подобно тому, как бизнесмен объявляет себя банкротом, когда убытки превышают доходы.

Опираясь на проделанный анализ, Фромм предлагает разграничивать социальные характеры **плодотворной** и **неплодотворной** ориентации. Разумеется, ведя речь об их «идеальных типах» — характер конкретной личности может сочетать несколько ориентаций при доминиро-

---

<sup>1</sup> Указ. соч. — С. 389.

вании одной из них. Под характером плодотворной ориентации социолог имеет в виду способность человека использовать свои силы и реализовать заложенные в нем возможности, подразумевая, что человек должен быть свободен и независим от кого-то, кто контролирует его силы. Говоря о характере неплодотворной ориентации, Фромм выделяет следующие его подвиды: рецептивная ориентация (люди надеются на помощь других в решении своих проблем); эксплуататорская ориентация (стремление получить желаемое силой или хитростью); стяжательская ориентация (как можно больше принести в дом и как можно меньше из него отдать); рыночная ориентация, ныне доминирующая. «Цель рыночного характера — полнейшая адаптация, чтобы быть нужным, сохранить спрос на себя при всех условиях, складывающихся на рынке личностей». Люди с рыночным характером не умеют ни любить, ни ненавидеть, они не испытывают глубокой привязанности ни к себе, ни к другим, у них нет «самых близких», они не дорожат даже собой.

Фроммовская методология концепции социального характера может быть использована и для анализа процессов, происходящих и в современном российском обществе. Наш традиционный социальный характер, в котором, несомненно, весьма сильные позиции имела плодотворная ориентация, ныне подвергается серьезным испытаниям и, конечно же, существенно меняется, нравится нам это или нет. Можно спорить по частностям, но общий вектор перемен очевиден — синдром отчуждения становится доминирующим, что предопределяет движение в сторону рыночной ориентации. Ощущается явный недостаток творческих индивидуальностей, предлагающих решения проблем на основе разума, использование творческого потенциала свободных индивидов, но зато в избытке претенденты на роль «вождей», новых идолов, которые, манипулируя пат-

риотическими лозунгами, обещают быстрые и легкие решения самых сложных вопросов. Напомним, Фромм различает разум (стремление распознать сущность действительности) и рассудок (мышление, служащее для биологического выживания, позволяющее манипулировать людьми и вещами). Факты свидетельствуют, что в нашем социальном характере начинает умалаться роль разума и возвеличивается роль рассудка. Чеченская кампания, приватизация, фермиризация и др. обнаружили поразительное отсутствие реализма. Телевидение и пресса подают информацию в расчете на рассудочное восприятие толпы — трудно понять смысл реформы армии или властных отношений по линии центр — регионы, тех или иных событий в экономической и политической жизни. Разумеется, в России есть люди выдающегося разума, но их творческий потенциал оказывается не востребованным в условиях распространяющегося влияния деструктивности. «Если деструктивные силы и иррациональные страсти получают превосходство в нашем характере, — писал Фромм, — то это вредно отразится и на разуме, и на совести, и они не смогут должным образом выполнять свои функции».

Традиционно была сильна для россиян такая черта как совестливость. Совесть, считает Фромм, по самой природе имеет нонконформистский, плодотворный характер. Но совесть может существовать лишь тогда, когда человек ощущает себя личностью с правами и свободами, а не вещью. Ныне совесть все более оттесняется соображениями прагматической и собственно коммерческой целесообразности. С телеэкранов не сходят фильмы, разжигающие иррациональные страсти, только потому, что они являются весьма доходным товаром. Не удивительно, что социологические исследования констатируют падение нравственных идеалов, особенно среди молодых людей. Вместо совести, сохранения общественной морали утверждается конфор-

мизм, пассивность, духовная пустота, безразличие. Человек без совести не ценит собственную жизнь дороже вещей, не корит себя за то, что сам не стал творцом, нет у него и сожаления о загубленных жизнях других людей.

Исходя из уже проделанных российскими социологами теоретических и эмпирических исследований, стало очевидным масштабное распространение отчуждения, которое на бессознательном уровне побуждает людей к идолопоклонству и деструктивным действиям. Все это предопределяет тенденцию усиления роли неплодотворных ориентаций, увеличивает долю иррациональности в нашем социальном характере.

Социальный характер в конкретном географическом пространстве может приобретать весьма своеобразное содержание, позволяющее говорить об иной социальной реальности. В этом случае речь идет о **национальном характере**, который корнями уходит в историю, язык и культуру, моральные и психологические особенности народа.

Н. О. Лосский, исследователь национального характера россиян, отмечает следующие его свойства, прямо влияющие на выбор образа жизни, средств для достижения целей: «Экстремизм, максимализм, требование всего или ничего, невыработанность характера, отсутствие дисциплины, дерзкое испытание ценностей, анархизм, чрезмерность критики могут вести к изумительным, а иногда и опасным расстройствам частной и общественной жизни, к преступлениям, бунтам, к нигилизму, к терроризму. Большевицкая революция есть яркое подтверждение того, до каких крайностей могут пойти русские люди в своем искании новых форм жизни и безжалостном истреблении ценностей прошлого»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Лосский Н. Характер русского народа. Книга первая.— М., 1990.— С.86.

Н. Бердяев особо отмечает двойственность, внутреннюю противоречивость русского национального характера. «Русский народ, — пишет он, — самый аполитический народ, никогда не умевший устраивать свою землю». И тут же: «Россия — самая государственная и самая бюрократическая страна в мире, все в России превращается в орудие политики»<sup>1</sup>.

Разумеется, национальный характер непосредственно сказывается на содержании процесса нынешних реформ. Это прежде всего бесконечные шараханья от одного политического вектора к другому. Это и политизация всего и вся, вплоть до системы управления. Не столь важна ее эффективность, сколько то, кто является ее автором. Это и отношение к труду. Для россиянина важны испытания трудностями, жертвенность, а не конкретные результаты работы.

Очевидно, пора осознать качественные различия российского и американского национального характера. Россияне враз не могут начать жить по-американски. Исторически на национальный характер американцев большое влияние оказала протестантская этика, которая была трудовой по сути. В России же всегда негативно относились к тому, кто пытался улучшить свое благосостояние за счет самоотверженного ежедневного труда.

Одно из методологических требований социологии — «value free» — свобода от оценочных суждений. Дело не в том, чтобы констатировать, какой национальный характер «плохой», а какой — «хороший». Проблема в другом — важно учесть особенности национальной ментальности при выработке той или иной политики. Это тем более справедливо, если речь идет об определении политического вектора развития страны.

---

<sup>1</sup> Бердяев Н. Душа России. — М., 1990. — С. 5.

## ЛИТЕРАТУРА:

*Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности.— М., 1995.

*Бергер П. Л.* Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива.— М., 1996.

*Бердяев Н.* Душа России.— М., 1990.

*Грушин Б. А.* Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования.— М., 1987.

*Здравомыслов А. Г.* Социология конфликта.— М., 1996, гл.5, раздел 4.— Возможности психоанализа для понимания иррационального в конфликтах.

*Здравомыслов А. Г.* Социология российского кризиса.— М., 1999.

*Качанов Ю. Л., Сатаров Г. А.* Метаморфозы политического сознания.— Российский монитор. Архив современной политики. Вып. 3.— М., 1993.

*Лебон Г.* Психология народов и масс.— С-Петербург, 1995.

*Лекторский В. А.* О толерантности, плюрализме и критичизме // Вопросы философии.— 1997.— № 11.

*Лосский Н.* Характер русского народа. Книга первая.— М., 1990.

*Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России).— М., 1997.*

*Мертон Р.* Социальная структура и аномия // Социс.— 1992.— № 2-5.

*Мнацаканян М. О.* Нации: психология, самосознание, национализм (интегральная теория).— М., 1999.

*Нозль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания.— М., 1996.



Осипов Г. В. Россия: национальная идея. Специальные интересы и приоритеты.— М., 1997.

Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания.— М.: МГУ, 1997.

Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем.— Самара, 1994.

Судьбы реформ в России.— М., 1997.

Тощенко Ж. Т. Элита? Клань? Касты? Клики? Как называть тех, кто правит нами? // Социс.— 1999.— № 11.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998.

Фромм Э. Здоровое общество.— В кн.: Психоанализ и культура. Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма.— М., 1995

Фромм Э. Человек для себя. Иметь или быть? — Минск, 1997.

Штомпка П. Социология социальных изменений.— М.: Аспект Пресс, 1996.

Шютц А. Возвращающийся домой // Социс.— 1995.— № 2.

Яновский Р. Г. Глобальные изменения и социальная безопасность.— М., 1999.

Alexander J. C. Neofunctionalism and After. Blackwell Publishers, 1998.

Ford T. Becoming Multicultural: Personal and Social Construction through Critical Teaching. N Y: Falmer Press, 1999.

Giddens A. The Consequences of Modernity.— Stanford University Press, 1990; Modernity and Self-Identity.— Stanford University Press, 1991.

*Hall J. A., Lindholm C.* Is America Breaking Apart? Prenceton Unicersity Press, 1999.

*Luckmann T.* Remarks on the Description and Interpretation of Dialogue.— International Sociology, Vol. 14, №4, 1999.

*Luckmann T.* Some Problems of Pluralistic Modern Societies.— лекция, прочитанная в МГИМО 28 сентября 1999 года.

*Luckmann T.* The Moral Order of Modern Societies, Moral Communication and Indirect Moralizing. In: Konfigurationen Lebensweltlicher Strukturphanomene. Leske + Budrich, Oplanden 1997.

*Newman O., Zoysa R.* The American Dream in the Information Age. N-Y: St. Martin's Press, 1999.

*Ritzer G.* The McDonaldization of Society. Pine Forge Press, 1996.

Statistical Abstract of the United States. 119 ed., Washington, 1999.

### **Тема 13. Россия и США на пороге третьего тысячелетия: преодоление прежних стереотипов**

*.... Вы русские, и мы, американцы, такие далекие и такие несхожие с первого взгляда... И все-таки в некоторых чертах, в самых главных, наши страны так схожи.*

Уолт Уитмен

Американо-российские отношения в начале двадцать первого века переживают не самые лучшие времена. Если обратиться к истории, то мы сможем проследить чередующиеся взлеты и падения, совместное участие в борьбе с общими врагами и глобальную конфронтацию, грозящую перерасти в ядерный конфликт и полное взаимоуничтожение.

Тем не менее, в обеих странах и во все времена находились люди, в том числе и на государственном уровне, которых многие считали наивными мечтателями, полагающие, что сближение России и США это вполне реальный и разумный процесс, заслуживающий серьезного рассмотрения, отвечающий как интересам обеих великих держав, так и интересам прогресса всего человечества. Перечислим несколько наиболее ярких

исторических моментов, дающих некоторый повод к оптимизму.

Во время борьбы американских колоний за независимость Екатерина Великая четыре раза отказывала британскому королю Георгу, просящему ее послать двадцать тысяч казаков для подавления американской революции. Георг предлагал Екатерине огромные по тем временам деньги, но царица ответила, что не гоже подавлять рождение новой нации, не по-христиански это...

Во время гражданской войны Севера и Юга Александр Второй послал две эскадры к берегам Нью-Йорка и Калифорнии, которые не позволили высадиться противникам северян и тем самым сыграли важную роль в победе просвещенного Севера против рабовладельческого Юга.

Во время второй мировой войны США и Россия были союзниками в борьбе с гитлеровской Германией и Японией и, действуя сообща, нанесли своим врагам сокрушительное поражение.

К сожалению, из-за идеологического противостояния и политики коммунистической экспансии не только была упущена историческая возможность сохранения этого союза, но, в результате последующей холодной войны, две страны превратились во врагов, каждый из которых был способен уничтожить друг друга.

К счастью, военного конфликта не произошло и конец двадцатого века, завершившийся крушением коммунизма, как главного фактора противостояния России и США, породил романтические иллюзии о возможности скорой интеграции России с Западным миром и даже своего рода их стратегического партнерства. Однако, к сожалению, обе стороны допустили большое количество серьезных ошибок и просчетов, в

результате которых эти иллюзии и явно завышенные ожидания вскоре сменились горечью и разочарованием. Америка и ее европейские союзники, а также определенная часть российского общества наивно полагали, что свободная от коммунизма Россия сможет совершить быстрый переход к рыночной экономике и демократическому государственному устройству, с последующей экономической и политической интеграцией со странами Запада, подобно тому, как это в действительности произошло с некоторыми странами Восточной Европы, прежде всего с Польшей, Чехословакией и Венгрией. Переходные экономические модели, неплохо сработавшие в этих странах, были практически навязаны и России руководством Международного Валютного Фонда, администрацией президента США Билла Клинтона и целой армией самоуверенных советников, высокомерно полагающих, что они «знают как надо». Не понадобилось много времени, чтобы понять, что эти модели оказались неприемлемыми для России по целому ряду объективных причин, среди которых не последнюю роль играли традиции и ментальность российского общества. Отметим все же что, по крайней мере, с академической точки зрения, возможность быстрого и эффективного перехода России к западной общественной модели реально существовала в начале девяностых годов.

Историки и политологи еще долго будут анализировать, почему американская администрация не применила в России успешный опыт государственной программы Плана Маршалла, в результате которого побежденная во второй мировой войне Германия получила значительные капиталовложения на реконструкцию экономики и создание демократических институтов, позволившие ей в весьма короткий срок восстановить разрушенную страну и превратить ее в наиболее

преуспевающего союзника США в Европе. Можно только сокрушаться недалекостью политиков, но при этом не следует прекращать поиск новых идей сближения Америки и России, так как разумных альтернатив такому сближению нет. Политика геополитического соперничества и конфронтации наших стран не принесет дивидендов ни той, ни другой стороне. Вместе с тем, сотрудничество и партнерство России и США необходимо для решения таких важнейших задач, как охрана окружающей среды, освоение космического пространства, борьба с распространением оружия массового поражения и международным терроризмом и другими проблемами. Только теперь следует осознать, что такую задачу невозможно решить с ходу, с налету, или обращаясь к российской истории — по-большевистски. Предстоит сложная и длительная работа, требующая огромных усилий как со стороны государственных и неправительственных организаций, так и от отдельных личностей, которые решат внести свой вклад в развитие американо — российских отношений.

Для успешной работы в этом направлении, прежде всего, следует хорошо изучить друг друга и для начала попытаться ответить на принципиальный вопрос: можно ли рассматривать, хотя бы в перспективе, взаимоотношения России и США как действительно взаимовыгодное дружественное сотрудничество, как «улицу с двусторонним движением»?

России есть чему поучиться у Соединенных Штатов, прежде всего, в сфере экономики — изучить методы стимулирования интенсивности труда и производственной дисциплины, высокоэффективной технологии, налаженной кооперации всех отраслей производства. Впечатляют успехи США в области информатизации и компьютеризации практически во всех отраслях науки,

техники, производства, транспорта, быта. Выдающихся достижений добилась американская наука, система высшего и профессионального образования. Социально-генетическая предрасположенность американского общества к демократии находит свое отражение, в частности, в четком разделении функций законодательной, исполнительной и судебной властей, в независимости средств массовой информации, в массовой правовой культуре и законопослушности граждан. Примером может служить и продуманная в деталях система социальной защиты населения, особенно детей, стариков, инвалидов, безработных. Нельзя не отметить и стабильно высокий уровень жизни американцев, принадлежащих к так называемому «среднему классу» американского общества.

Но при всей значимости экономических факторов, всесторонний прогресс любой страны зависит и от факторов духовных, культурных, нравственных, от тех жизненных идеалов, которые определяют ценностные ориентиры и жизненные приоритеты каждого человека и общества в целом.

При всех неоспоримых преимуществах американизма как носителя идеи свободного демократического общества, признающего в качестве высших приоритетов интересы и права личности, при всей привлекательности экономических, технологических и информационно-коммуникативных достижений американского общества, пока еще нет достаточных оснований для эйфорического восприятия американского образа жизни в качестве абсолютного и безупречного идеала общественного устройства, некой нормативной модели для всего остального мира.

Кризисные явления в духовной сфере современных Соединенных Штатов Америки и, прежде всего, в сфере морали, нравственности, культуры, общего образо-

вания, национальных отношений, долговременной внутренней и внешней политики, хорошо известны. Поэтому любые проблемы международных отношений, в том числе, и проблемы взаимоотношений США с Россией, нельзя рассматривать как «улицу с односторонним движением», а ставший уже банальным вопрос «Как Америка может помочь России?» может и должен быть дополнен несколько неожиданным и парадоксальным для нынешних российских и американских реалий, но все же прогностически вполне возможным вопросом «Как Россия может помочь Америке?».

Наивны и бесперспективны попытки судить об американской помощи России лишь по размерам прямых материальных затрат и валютных инъекций, способных якобы запустить рыночный механизм российской экономики, реанимировать и обновить российскую науку и образование, сохранить самобытную российскую культуру. Не менее иллюзорны и попытки прямого идеологического штурма бастионов российской ментальности, механического переноса идей американизма в принципиально иные условия современной России.

Непосредственная трансплантация инородных для данного общественного организма идей чревата их отторжением. И оно, это отторжение, как и в медицине, рано или поздно становится неизбежным, если «иммунная система» общества не сможет преодолеть несовместимость «трансплантата» и «организма»... Конечно, прямые медицинские аналогии весьма рискованны, но они помогают уяснить главное: необходимо искать пути преодоления несовместимости идей, необходима эволюционная, ненасильственная конвергенция и постепенная интеграция этических и ментальных приоритетов.



Но нуждается ли нынешняя Америка в духовном взаимодействии с Россией? И о какой России идет речь? Сегодняшней, постперестроечной, мучительно ищущей выход из всестороннего глубочайшего кризиса? Советской, социалистической, познавшей все «прелести» тоталитаризма в его различных модификациях, но, тем не менее, добившейся впечатляющих успехов в школьном всеобуче, развитии многонациональной культуры, создании мощнейшего военно-промышленного и космического комплексов? Или, быть может, России дореволюционной, царской, с ее, казалось бы, устойчивыми православными традициями и веками складывающимся патриархальным бытом, допустившей, однако, по Ленину, «победу социализма в одной отдельно взятой стране» как наиболее слабом звене капиталистического мира?

Собственно говоря, едва ли не в течение всего XX века Россия фактически «помогала» всему миру, являя собой убедительный, хотя и негативный, пример того, как жить нельзя. Но можно ли считать нормальным и естественным столь обескураживающий факт мировой истории? Достаточны ли поверхностные, примитивные сопоставления России и США по сугубо внешним признакам, призванным лишь оттенить, сделать более рельефными социально-экономические достижения американизма на вряд ли привлекательном фоне некоего мирового экспериментального полигона, именуемого «Россия»?

Разве многовековая история России, аккумулировавшая уникальный опыт мучительного поиска путей решения всечеловеческой проблемы «Народ и власть», не достойна пристального внимания, добросовестного изучения, а главное, мужественного и самокритичного сопоставления с собственным, американским историческим опытом, как и с опытом других стран, других

социумов? Так ли уж безоблачны и гармоничны взаимоотношения власти с народом даже в сегодняшних Соединенных Штатах, претендующих на то, что они достигли полного понимания сущности основополагающих понятий «свобода», «демократия», «права человека», «гражданское общество», «правовое государство»? Не примитивизируется ли сама сущность демократии, когда по сугубо формальным основаниям на вершину власти то и дело попадают люди, не способные к серьезной, мудрой, нравственно состоятельной государственной деятельности? Не возводятся ли в некий абстрактный абсолют «права человека», нередко подрывающие «права общества»? Конечно, все относительно и все познается в сравнении. Есть опыт и опыт... Опыт российского тоталитаризма, утопического, уравнительного социализма, декларативного и популистского реформизма может и должен быть отвергнут, что называется, с порога. Но сама по себе идея разумной централизации власти, идея соборности, апеллирующая не к безликой толпе, а к наиболее мудрым и дальновидным представителям общества, выражающим его жизненные приоритеты и идеалы, может послужить основой для серьезных раздумий.

По знаменитому выражению премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля, демократия как власть народа и способ организации социума не идеальна, но никто не придумал ничего лучшего... Так надо думать! И надо думать сообща! Недопустимо более, в условиях повышенной взрывоопасности, когда один неверный шаг, сделанный на вершинах власти, может привести к тотальной гибели человечества, сохранять механизм возведения на эти вершины людей безнравственных, малообразованных, амбициозных, наглых, агрессивных, но зато прикрывающихся порой ничтожными процентными показателями якобы избравшего их на-

рода и действующих только и исключительно от его имени.

Нынешняя Россия готова во многом перенять и культивировать на своей весьма и весьма специфической почве опыт демократии США. Но ведь действительно демократические силы, умные, талантливые, честные и принципиальные люди, не обладающие, однако, должным потенциалом демагогии и популизма, при этом фактически оказываются не у дел.

В таком ли прямом и одностороннем переносе идей в разные по своей ментальности социумы состоит истинный смысл духовной конвергенции и интеграции?

В то же время, так ли уж неприемлема и противостественна для американской мечты и, тем более, для американского социума, все более ориентирующегося на создание и неумеренное потребление материальных жизненных благ, аскетическая направленность русской православной религии? Конечно, речь идет не о полном пренебрежении материальными составляющими жизненного успеха, не о монашеской «внематериальности», а лишь о рациональном чувстве меры, гармонии материального и духовного, когда высшая ценность человеческого существования усматривается отнюдь не в бессмысленном, в конце концов, стремлении к материальному накопительству и прагматично понимаемому жизненному успеху. Не опасно ли социально-генетическое закрепление в грядущих поколениях американцев нынешних идеалов потребительства и кажущейся гарантированности некоего, достойного в глазах молодежи стандартного уровня жизни? Не приведет ли это к пассивной удовлетворенности достигнутым, снижению общественной энергетики, столь необходимой для непрерывного возвышения жизненного стандарта, не только потребления, но и произ-

водства материальных ценностей, не говоря уже о формировании ценностей духовных?

Уравнительная бессмысленность принципов реального социализма, распределительная психология на практике породила иллюзию «социальной справедливости» — «всеобщего (относительного, конечно) равенства», оставляя, правда, в тени другую часть этой «справедливой» формулы: «... во всеобщей бедности». Но так или иначе свой гарантированный (даже без особых трудовых усилий) уровень жизни, уровень физического выживания и даже видимости социальных благ (отсутствие явной безработицы, бесплатное образование, здравоохранение и т. п.), свою «пайку» каждый гражданин общества «развитого социализма» имел и при наличии непроницаемого «железного занавеса» был удовлетворен этим. Теперь, когда в результате так неожиданно наступившей свободы оказалось, что гарантий больше нет, и жизненный успех зависит прежде всего, если не исключительно, от собственных усилий, таланта, способностей, здоровья, подлинной образованности, предприимчивости и энергии, обнаружилось, что у многих россиян просто атрофированы энергетические центры собственного жизнеустройства и жизнетворчества.

Конечно, многочисленный американский средний класс, не в пример подавляющему большинству населения постсоветской России, обладает куда более высоким абсолютным уровнем благосостояния и, как правило, удовлетворен этим. Можно поздравить «среднеклассовых» американцев с этим социальным завоеванием. Обратим, однако, внимание на уже встречавшееся слово «удовлетворенность». Не заложена ли именно в этом слове и, конечно же, в явлении, им отражаемом, опасность потери жизненной энергии, динамичного стремления к прогрессу? Не закрепятся ли эти качества

«удовлетворенности» в новых поколениях американцев? И пусть эти размышления — только не очень привлекательная гипотеза. Но правдоподобная составляющая, почерпнутая из опыта России, согласимся, в ней все же есть. Закономерность та же. Материальные критерии жизненного успеха, «не отягощенные» духовными ценностями и устремлениями, чреватые серьезными разочарованиями...

Можно ли оставить без современной интерпретации пусть весьма специфическую, противоречивую и, казалось бы, сугубо национальную, но великую в своей духовной устремленности «русскую идею», воплощающую мечты и надежды выдающихся русских философов и мыслителей, среди которых мы видим имена не только таких убежденных националистов-славянофилов, как И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, А. С. Хомяков, Н. Я. Данилевский, Н. А. Бердяев, К. Н. Леонтьев, И. А. Ильин, но и ничуть не менее авторитетные имена интернационалистов-западников — П. Я. Чаадаева, В. С. Соловьева, А. И. Герцена, С. Л. Франка, П. А. Сорокина, В. В. Леонтовича и многих, многих других истинных и глубоких патриотов России, которые заложили основы духовного величия уже наших современников — А. Д. Сахарова, А. И. Солженицына, Д. С. Лихачева?

В соответствии с «русской идеей» высшие приоритеты социума состоят не только в создании условий для существования многообразия национально-этнических, религиозных, сословных, профессиональных общественных групп, но и в служении, разумном, осознанном и свободном подчинении этого многообразия идеалу единства. Не в этом ли состоит всечеловеческая ценность и по-доброму понимаемая миссионерская значимость «русской идеи», апеллирующей (в основе своей) не к узконациональным, по существу, националистическим претензиям, а прежде всего, к граждан-

ственности, к интегрально понимаемой российской мечте как воплощению чаяний и надежд всего многонационального народа России?

Конечно, путь от далеко не однозначно понимаемой русской идеи — к российской мечте не прост. На этом пути придется преодолеть немало шовинистических как по форме, так и по содержанию препятствий. Но остановить вовсе этот закономерный процесс человеческого единения не удастся, даже в условиях резкого обострения общественных и межличностных отношений в современной России.

«Корневая система» российской духовности воплощена в материальных носителях широко понимаемой российской культуры. Эта система требует поистине археологической точности и скрупулезности в обнаружении нетленных основ народного бытия, очищения их от скверны преходящих политических и идеологических наслоений и интеграции России в мировой цивилизации. Разумеется, с учетом того вклада, который внесли и вносят в российскую культуру и российскую духовность сменяющие друг друга поколения россиян.

Культура народа — явление емкое и многогранное. При всей специфике аспектных проявлений сверхзадача культуры — возможно более глубокая интерпретация содержания и различий Добра и Зла, утверждение нравственных ценностей Добра, мобилизация человека и общества на борьбу со Злом. Высший уровень подобной интерпретации достигается в классических формах культуры — классическом искусстве, классической литературе, классических формах живописи, классической музыке. Тяготение к классике — традиционная особенность российской культуры. Неувядающими символами культурного классицизма являются шедевры музеев Московского Кремля и Санкт-Петербургского

Эрмитажа, классический репертуар Большого театра, полотна Репина, Сурикова, Левитана, Айвазовского, музыкальное творчество Чайковского, Рахманинова, Глинки, Скрябина, Прокофьева, Шостаковича, Шнитке, исполнительское мастерство Улановой, Рихтера, Плисецкой, Ростроповича, Вишневской, литературное наследие Достоевского, Толстого, Пушкина, Чехова, Гоголя, Блока, Бунина, Булгакова, Пастернака, Ахматовой, Бродского...

Классика культуры, ее бережное сохранение и обогащение позволяют противостоять бурному натиску масс-культуры, являющейся изобретением отнюдь не российским... Формы искусства, формы отражения культуры народа, конечно, подвижны, но беда, если в поисках новых форм выхолащиваются гуманистическое начало, нравственное содержание, духовный потенциал культуры. Разве американцам не приходится сталкиваться с этим все более расширяющимся и губительным для культуры явлением? Разве опыт бережного отношения к классическим формам культуры в России не заслуживает тщательного изучения и, возможно, перенесения в культуру американскую? На самом деле, это уже происходит естественным образом. Достаточно посмотреть программы наиболее известных концертных залов Америки. Значительную их часть составляют произведения русских композиторов, либо русские исполнители, либо и то и другое. Более того, российская эмиграция в Америке внесла такой выдающийся вклад в американскую культуру и литературу, что по общепринятому мнению, современные американские композиторы так или иначе обязаны Стравинскому, без Баланчина не было бы американского балета, современные писатели постмодернисты числят своим отцом Набокова и т. д. Таким образом, можно уже сейчас говорить о рождении великой российско-американской

культуры, которая не вмещается целиком ни в американскую, ни в российскую традицию, а принадлежит каким-то культурам будущего, вроде той Амероссии, которая изображается в романе Набокова «Ада».

А российская наука и образование? Разве не доказали они, при всей трагичности последствий тоталитарного насилия и последующего жестокого кризиса, главное — надежду на возрождение? Традиции великих ученых России — Ломоносова и Менделеева, Попова и Павлова, Капицы и Сахарова, Королева и Зельдовича и многих, многих других живы, как живы и непреходящие по своей значимости идеи выдающихся российских педагогов и психологов — Ушинского и Пирогова, Зеньковского и Розанова, Каптерева и Блонского, Шацкого и Макаренко, Выготского и Лурия, Рубинштейна, Эльконина и Давыдова, Гессена и Вентцеля, Скаткина и Лернера...

Сфера образования определяет будущее страны. Образование в одинаковой мере ценно и для личности, и для общества в целом. Поэтому представляется чрезвычайно важным российско-американское сотрудничество в таких глобальных вопросах, как философия, политика и стратегия в области образования, образовательная прогностика, практическая педагогическая инноватика.

Общеизвестны успехи массового естественно-научного образования в школах России. Пример, достойный изучения американскими педагогами. Вот уже более десяти лет наиболее талантливые американские школьники используют в качестве учебного материала российский журнал «Квант», который переводится на английский язык и издается в Вашингтоне. По мнению Национальной Академии наук и Национальной Академии инженерии качество этого журнала настолько велико, что необходимо приложить все усилия к его бо-



лее массовому распространению в США. Не менее важны разрабатываемые в России идеи философии образования, образовательно-педагогической аксиологии, целостности и преемственности всех звеньев непрерывного образования детей, молодежи и взрослых, концепция триединства воспитания, обучения и развития учащихся, продуктивный поиск технологических оснований взаимодействия педагогической практики с междисциплинарными теориями образования.

Наконец, было бы крайне полезно совместно обсудить проблемы рационального сочетания централизации и децентрализации в сфере образования. Россия на протяжении десятилетий придерживалась концепции жесткой централизации в определении государственной политики и стратегии в образовании. США, напротив, отдает предпочтение децентрализации и вариатизации образовательной деятельности, предоставляя максимум самостоятельности штатам и учебным заведениям не только в вопросах финансирования, но и в определении всех остальных целевых, содержательных и технологических компонентов образовательной деятельности. Конечно, неумеренная унификация и стандартизация, не говоря уже о рутинной бюрократизации в такой творческой сфере, как образование, вредны. Но так ли уж безупречна безграничная дифференциация и вариатизация образовательных стратегий, не говоря уже о философских и политических образовательных доктринах? Не опасно ли это для единства и целостности американского социума? Как найти гармонию, рациональное согласование действительно необходимой свободы образовательного творчества с прогностически доказательными, инвариантными ценностями образования и общества?

Приведенные примеры позволяют лишь обозначить некоторый круг проблем, представляющих не-

сомненный интерес не только для России, но и для США.

Поиск все новых и новых аспектов конкретного взаимовыгодного сотрудничества России и США, конечно же, целесообразен и необходим. Но не менее важно обратиться к углубленному анализу наиболее фундаментальных идей такого сотрудничества, составляющих философско-методологические основания взаимоотношений России и США.

Опыт России может и, по-видимому, должен стать объектом не только обычной любознательности или сухого академического интереса американцев, но и предметом целенаправленного поиска работоспособной «технологии» постепенной интеграции российского и американского социумов. Точно так же, Россию могут и должны интересовать, в первую очередь, не материальное вспомоществование, а уникальный экономический, социальный и духовный опыт США со всеми его впечатляюще сильными и, пусть не столь привлекательными, но весьма поучительными, слабыми и уязвимыми для критики сторонами.

Чрезвычайно важно обратить внимание на то, что и российское, и американское общество находятся в непрерывной динамике, в развитии, обусловленными естественной для каждого живого и думающего организма неудовлетворенностью достигнутым состоянием, отторжением архаичных догм, поиском новых возможностей в собственном жизнетворчестве. Разве не свидетельствует об этом то, на первый взгляд, парадоксальное обстоятельство, что некоторые вполне социалистические идеи нашли свое наиболее удачное воплощение при капитализме, существующем в США, а вовсе не в, казалось бы, ортодоксальной социалистической системе, установленной в СССР? Например, идея социального равенства. Опошленная и дискредитированная в

обществе «развитого социализма» с его сугубо формальной «уравниловкой», подавляющей какую бы то ни было личную инициативу, эта идея находит свое вполне разумное воплощение и в эффективной системе дифференцированного налогообложения, и в четко функционирующей структуре социальной защиты всех нуждающихся в такой защите слоев населения, и в безусловной гарантии равных политических прав и свобод с обязательным соблюдением законов каждым гражданином США, независимо от его имущественного или политического статуса. Столь разительны результаты воплощения одной и той же социальной идеи вполне объяснимы: идея не работает сама по себе, нужны конкретные социальные технологии реализации даже самой прогрессивной идеи. Именно такое, прагматично-технологическое отношение к идеям и демонстрирует американское общество.

Осознание несовершенства системы всестороннего жизнеобеспечения собственного социума, прагматичное стремление к практическому преодолению идеологических и политических шаблонов — верный признак здорового общества.

В этом смысле и современная Россия, при всех трудностях переходного периода, связанного с радикальным отходом от изживших себя политических догматов, тоже, в конечном счете, движется к собственному ментальному оздоровлению, к открытости, к восприятию и адаптации разумных и работоспособных мировых ценностей, доказавших свою жизненность и природосообразность в историческом опыте США и других развитых стран мира.

Взаимоотношения России и США при всех обстоятельствах могут и должны быть равноправными. Россия — не только большая, но и духовно великая страна. А великая — значит, прежде всего, — гордая...

Социумы России и США — едва ли не идеальные объекты с точки зрения не только создания столь необходимого экспериментального полигона для подобных глобальных, цивилизационных акций, но и непосредственного, практического воплощения идей интеграции и целостности в повседневную жизнь человечества.

Познание и знание общественных закономерностей, в том числе, геополитического, планетарного масштаба, существенно облегчают понимание сущности и особенностей протекания интеграционных процессов. Но сама по себе индивидуальная или коллективная субъективизация этих объективных закономерностей, строго говоря, не является обязательной. Можно лишь ускорить или замедлить (в случае объяснимой на данном этапе нежелательности или опасности тех или иных интеграционных процессов) движение к интеграции, но отменить его вовсе нельзя.

На чем основана эта уверенность? Ведь исторически доказательных фактов целесообразности широкой и, тем более, глубокой интеграции общественных систем не существует. Напротив, история, и особенно, история новейшая, полна примерами разобщения, дифференциации и дезинтеграции человеческих сообществ. Это и глобальная деколонизация, крах некогда могущественных империй, и исторически мгновенный распад, казалось бы, навечно «единого и нерушимого» Советского Союза, и долгожданное размежевание народов и стран так называемого «содружества» государств «социалистического лагеря»... Эти процессы вполне естественны и объяснимы. Интеграция на сугубо политической, поверхностно-декларативной и, тем более, силовой основе — иллюзорна и непрочна. Удержать рано или поздно наступающий распад подобных искусственно организованных «союзов», «содружеств» или «блоков», создающих лишь видимость интеграции, невоз-

можно. Не та основа. И тем не менее, все эти (и многие другие) примеры дезинтеграционных процессов в историческом плане — всего лишь естественные «зигзаги дифференциации». Это лишь эпизоды в генеральном процессе интеграции. Эпизоды, по-своему необходимые, «очищающие» целостность от противоестественных связей, способствующие переводу локализирующихся частей системы на новый цивилизационный уровень развития, но, в конечном счете, подготавливающие их к интеграции на более глубокой, сущностной, естественной, природосообразной основе. Все дело именно в этом. В основе. В тех, образно говоря, «китах», на которых держится интегрированная (а по ходу создания — интегрируемая) целостность.

Объективные причины и детерминанты постепенной интеграции социумов России и США налицо. Они связаны не только с подражанием уже совершающимся процессам сближения и интеграции стран Европы и создания единого Европейского Дома. Или, пусть не столь активным и продвинутом, но идущим процессам интеграции стран Азии, Африки и Латинской Америки. Они не могут не отражать глобальные идеи евразийского единения, как и локальные, главным образом, примиренческие акции, совершаемые некогда враждующими из-за религиозных, национальных, этнических, политических и экономических различий странами и народами.

Оптимистичная гипотеза позволяет предположить, что основа для постепенной, взаимовыгодной многоаспектной интеграции социумов России и США в пока трудно прогнозируемую общность неформально-сущностного характера объективно имеется. Эта естественная основа интеграции в своих наиболее существенных чертах сводится к следующему.

Именно Россия и США представляют собой страны

с многонациональным, поликультурным и этнически многообразным населением, соизмеримыми по масштабу территориями (кстати, не столь уж отдаленными друг от друга, если смотреть со стороны Дальнего Востока России и Дальнего Запада США). Наши страны сходны в своей географически-климатической неоднородности. Они обладают значительными природными ресурсами, огромным экономическим и научным потенциалом, хотя и реализованным пока на существенно разных уровнях. Нельзя не учитывать и фактически не имеющий аналогов в мире и, несмотря на принимаемые ограничительные меры, все еще исключительно высокий военный потенциал обеих стран. При неблагоприятных условиях, фатальном стечении даже случайных обстоятельств наличных военных ресурсов и России, и США вполне достаточно, чтобы уничтожить все живое на планете буквально в считанные минуты... Можно ли при этом довериться лишь элементарному инстинкту самосохранения? Не следует ли всерьез задуматься о глубинных основаниях безусловного и гарантированного предотвращения вполне возможного планетарного апокалипсиса?

Указанные выше объективные факторы, обогащенные неизбежными субъективными, эмоционально окрашенными переживаниями и размышлениями, сами по себе, однако, не «срабатывают» автоматически. Они лишь создают фоновые предпосылки для целенаправленной, достаточно масштабной, настойчивой реализации идей взаимопонимания, взаимообогащения, и в конечном счете, духовной, ментальной интеграции социумов России и США.

Уже сам по себе факт многонациональной и поликультурной структуры общества в обеих странах дает основания для взаимного изучения, сравнения и обнаружения единства в большей мере, чем, скажем, при

сравнении поликультурных и многоукладных социумов России и США с преимущественно мононациональными социумами Англии, Германии, Китая, Японии и многих других стран.

В сущности, и Россия, и США, как это ни парадоксально звучит, несут в себе сходные черты, свойственные евразийским народам. Россия — формально в большей степени, поскольку и географически, и этнически принадлежит к континентам Европы и Азии. США — в меньшей степени, поскольку их квазиевразийство определяется не буквально понимаемым географическим положением, а фактическим составом населения, эмигрировавшего в свое время из стран Европы и Азии в США, но все еще в той или иной мере сохраняющего социально-генетические корни соответствующей ментальности. Конечно, «евразийство» США во многом «разбавлено» спецификой собственно североамериканского континента, а также определенным (хотя и не столь существенным и, во всяком случае, не решающим) влиянием выходцев из стран Африки и Латинской Америки. Но сам по себе факт многонациональности и поликультурности социумов и России, и США, доказанная исторически возможность не только «общения» и терпимости, но и полноценного взаимодействия и сотрудничества людей, исповедующих существенно различные духовные и жизненные ценности, объективно сближают наши страны и народы. В определенном смысле, многонациональные социумы России и США представляют собой своеобразные модели — прообразы будущей единой человеческой цивилизации. И хотя эти модели пока отнюдь не идеальны, они, тем не менее, позволяют с обоснованным оптимизмом воспринимать идеи духовной интеграции существенно различных социумов.

Не следует забывать также о традиционных притяза-

ниях и России, и США на миссионерскую роль в мире. Конечно, эти амбиции имеют существенно разные основания. Можно оспаривать и саму правомерность и нравственность таких притязаний. Можно говорить, и это будет вполне логично и обоснованно, об архаичности какого бы то ни было выпячивания собственной исключительности, об очевидной опасности таких действий. Тем не менее, исторически так сложилось, и практически весь XX век был свидетелем тому, что формальное и неформальное лидерство в мировой политике принадлежало России и США. Переход от непримиримого противостояния к намечающемуся партнерству, разумеется, исторически крайне важен. Но в социальной памяти, в ментальности народов этих двух стран миссионерские настроения, «синдромы лидерства» еще достаточно сильны. С ними нельзя не считаться и в процессе постепенной трансформации, переключения общественного сознания и ментальности социумов России и США в направлении от «лидерства в соперничестве» к «лидерству в сотрудничестве», в духовной интеграции и единении.

Сказанное, однако, вовсе не означает отрицания роли интеграции сообществ самого разного типа, как не означает и проведения в жизнь некой геонационалистической концепции панамериканизма, панруссизма или их симбиоза. Для мультинациональных сообществ, какими являются и Россия, и США, опасность агрессивного национализма, в принципе, является не столь явной, она во многом нейтрализуется самим фактом многонациональности населения, не допускающей, по крайней мере, на официальном государственном уровне, выпячивания сугубо национальных, расовых или этнических факторов в общественном развитии.

Конечно, социумы России и США различаются по многим параметрам. Это, прежде всего, различия в со-



циальном возрасте тех общественно и государственно упорядоченных сообществ, которые прошли разный и по протяженности, и по содержанию путь своего исторического развития. Эти различия определяют существенно разные энергетические потенции и устремления социумов России и США. При всей относительности и условности категории «общественно-генетическая усталость», она, тем не менее, достаточно явственно дает о себе знать. Особенно при глобальном сравнении общественной энергетики монументально «взрослой» России, вздрагивающей всякий раз от вулcanoобразных, трудно предсказуемых выбросов энергии от уставшего от привычного застоя и созерцательной апатии народа, с общественной энергетикой социума США, с динамичным, без видимых потрясений, естественным для относительно молодого общества движением к простому и понятному идеалу, той самой американской мечте о широко понимаемом жизненном успехе, которая, трансформируясь в повседневность бытия, предопределяет всю палитру реалий, воплощенном в емком понятии «американский образ жизни». Понятно, что подмеченные различия в общественной энергетике, динамизме жизни, конкретике жизнедеятельности и жизнетворчества лишь прерванная сегодняшним видением ситуации тенденция, допускающая частные девиации, множество случаев и примеров, казалось бы, опровергающих сказанное. Но возможные исключения, как известно, только подтверждают правила, а вполне объяснимая спорность отмеченных выше наблюдений лишь подчеркивает необходимость перехода от интуитивных умозаключений к аргументированным научным изысканиям.

Подлинная интеграция социумов не может сводиться лишь к подражанию и слепому заимствованию даже самых привлекательных образцов чужого образа жизни.

Да и сами критерии «привлекательности» историчны, многоаспектны и неоднозначны в оценках. Можно ли, в частности, считать жизненный успех, сводящийся к высокому по материальным меркам уровню жизни, прагматичную индивидуальную настойчивость и направленность жизненных устремлений на конечный результат — материальное благополучие — идеалом жизнотворчества человека и общества? Достойны ли именно эти цели реализации энергетических потенций человека и человечества? Так ли уж безупречны жизненные ценности, лишённые одухотворенной мечты о творческой самореализации личности, ее духовной гармонии, нравственном совершенстве? Что именно порождает и определяет индивидуальную и общественную энергетику, стиль и, в конечном счете, уровень духовной и материальной жизни людей, их активную устремленность к лучшему будущему? И что значит «лучшему»?

Ответы на эти вопросы непросты. Они не могут быть получены путем абстрактного теоретизирования, оторванного от реалий жизни, общественной практики во всей ее противоречивости, многообразии и исторически обусловленной специфике. Необходимо исследовать реальные движущие силы развития различных общественных систем, попытаться найти те ключевые человеческие качества, которые, синтезируя потребности и возможности личности, ее мировоззренческие установки, ценностные ориентиры, оценочные и самооценочные характеристики, выводили бы человека на тот или иной путь жизнедеятельности и жизнотворчества. Что же касается общественной, коллективной жизнедеятельности, то она, будучи результатом синтеза, своеобразного «сложения векторов» индивидуальных жизненных предпочтений и траекторий, по существу, имеет ту же природу, основана на тех же качественных призна-

ках, которые детерминируют жизнедеятельность отдельных людей.

Объективная необходимость духовной интеграции человеческих сообществ, конечно же, требует должной «технологической оснастки» реализации интеграционных процессов, и, прежде всего, обоснования подхода к исследованию возможных путей взаимопонимания и взаимообогащения социумов, приводящих, в конечном итоге, к их все более глубокой и всесторонней духовной конвергенции и интеграции.